К54 2/3

РОДЪ

ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помяни́те днѝ вѣ́чныя, разумѣ́йте лѣ́та ро́да родо́въ: вопросѝ о҃ц҃а твоего̀, и̂ возвѣ́ститъ тебѣ́, ста́рцы твои̂, и̂ реку́тъ тебѣ́.

Второзак. гл: з҃.

Александра Барсукова

КНИГА СЕДЬМАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1899

2828

БИБЛІОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 38
2 " 7 1934 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

СТРАН.

ГЛАВА I. Толки и пересуды Малороссіянъ по поводу Андрусовскаго мирнаго договора.—Трудное положеніе Кіевскаго воеводы боярина Петра Васильевича Большого Шереметева.—Малочисленность состоявшихъ при немъ ратныхъ людей и крайняя нужда во всемъ.—Доставка хлѣбныхъ запасовъ въ Кіевъ.—Радость въ Москвѣ по случаю перемирія съ Польшей.—Обрѣтеніе мощей Преподобнаго Нила Столобенскаго. — Новый патріархъ Всероссійскій Іоасафъ II-й.—Начало раскола въ Россіи.—Князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій.—Его кончина.—Его духовное завѣщаніе.—Перечисленіе его вотчинъ.—Почти всѣ онѣ впослѣдствіи перешли къ Шереметевымъ . . . . . 1—19

ГЛАВА II. Малороссійская Смута.—Сравненіе ея съ Смутнымъ временемъ Московскаго государства.—Попытки запутать Кіевскаго воеводу Петра Васильевича Шереметева въ мѣстныя козни.—Въ чемъ проявлялась главнымъ образомъ дѣятельность Шереметева, какъ Кіевскаго воеводы.—Петръ Дорофеевичь Дорошенко.—Его завѣтная политическая мечта.—Соперничество Брюховецкаго. — Политика Дорошенка относительно Москвы.—Его переговоры съ Шереметевымъ.—Вѣроломство Дорошенка.—Подсылаетъ Татаръ къ Кіеву.—Шереметевъ отбиваетъ Татаръ.—Укорительное посланіе Дорошенку Печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля . . . . . 20—34

СТРАН.

ГЛАВА III. Царь Алексѣй Михайловичь отпускаетъ изъ плѣна брата Дорошенка, Григорья.—Благодарственное письмо Дорошенка царю.—Петръ Васильевичь Шереметевъ уговариваетъ Дорошенка отстать отъ Татаръ.—Почетный пріемъ въ Чигиринѣ посланцу Шереметева.—Криводушное письмо Дорошенка къ Шереметеву.—Обояніе Дорошенка въ народѣ.—Въ Москвѣ считались съ этимъ.—Прибытіе въ Малороссію царскаго посланца стряпчаго Тяпкина. — Вѣсть о предположеніи царя Алексѣя Михайловича пріѣхать въ Малороссію.—Молебны за государское многолѣтнее здоровье.—И Дорошенко, въ письмо къ Шереметеву, высказываетъ радость о царскомъ пришествіи.—Тяпкинъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Переяславъ.—Значеніе этого города.—Тамошній воевода стольникъ Алексѣй Пантелеевичь Чириковъ и его дочь, Евдокія Алексѣевна, впослѣдствіи супруга Бориса Петровича Шереметева.—Разочарованіе Тяпкина относительно Переяслава. — Его характеристика Переяславцевъ.—Свиданіе Тяпкина съ Григорьемъ Дорошенкомъ.—Алексѣй Михайловичь отлагаетъ намѣреніе ѣхать въ Малороссію . . 35—52

ГЛАВА IV. Бѣдственный для Малороссіи 1668-й годъ.—Свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ представителей Рода Шереметевыхъ, пребывавшихъ въ то время въ Москвѣ. . 53—73

ГЛАВА V. Семья Кіевскаго воеводы Петра Васильевича Большого Шереметева.—Рожденіе сына Владиміра.—Трудности служебнаго положенія Шереметева.—Выдержки изъ его отписокъ о бѣдствіяхъ ввѣренныхъ ему ратныхъ людей.—Прибытіе хлѣбныхъ запасовъ въ Кіевъ составляло событіе, вызывавшее всеобщія ликованія.—Добрыя отношенія Шереметева къ Кіевскимъ духовнымъ властямъ, нерѣдко выручали его изъ бѣды въ дѣлѣ продовольствія государевыхъ ратныхъ людей.—Церковная Смута въ Украйнѣ.—Временный блюститель Кіевской митрополіи епископъ Лазарь Барановичь.—Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичь, переименованный въ Меѳодія, хиротонисанъ въ Москвѣ, во епископа и назначенъ мѣстоблюстителемъ Кіевской митрополіи. — Отношенія къ нему Кіевскаго монашествующаго духовенства.—Прок-

стран.

лятъ Константинопольскимъ патріархомъ.—Поссорился съ Брюховецкимъ.—Уѣзжаетъ въ Москву.—Шереметевъ высказывается противъ Мееодія. . . . . 74—94

ГЛАВА VI. Епископъ Мееодій возвращается въ Украйну, обиженный перемѣнившимися отношеніями къ нему Московскаго Правительства.—Мирится съ Брюховецкимъ.—Распускаетъ ложные слухи о намѣреніяхъ Московскаго Правительства относительно Малороссіи.—Для увѣщанія Мееодія, Шереметевъ посылаетъ къ нему, въ Нѣжинъ, стрѣлецкаго голову Лопатина.—Письмо Мееодія къ Брюховецкому.—Чигиринская рада.—Презрительное отношеніе Дорошенка къ Брюховецкому.—Вѣроломное избіеніе государевыхъ ратныхъ людей въ Гадячѣ и другихъ Малороссійскихъ городахъ.—Подметныя письма о Шереметевѣ.—Вѣстовое дѣло доведено у Шереметева до совершенства.—Брюховецкій чествуетъ Татаръ.—Походъ Брюховецкаго противъ князя Ромодановскаго.—Дорошенко идетъ на перерѣзъ пути Брюховецкаго.—Убіеніе Брюховецкаго . . . . . 95—118

ГЛАВА VII. Двоедушіе епископа Мееодія.—Москва продолжаетъ сноситься съ нимъ.—Представленія Шереметева о неблагонадежности Мееодія.—Какъ смотрѣли сами Малороссіяне на Мееодія.—Дальнозоркость Московскихъ дипломатовъ.—Недомысліе Дорошенка.—Похожденія епископа Мееодія до заключенія въ Уманьскомъ монастырѣ.—Бѣгство изъ монастыря.—Пріемъ, сдѣланный ему въ Кіевѣ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ.—Допросъ.—Заключенъ подъ стражу.—Извѣтъ, поданный Мееодіемъ Шереметеву на настоятелей Кіевскихъ монастырей.—Сказка игумена Выдубицкаго монастыря Ѳеодосія Углецкаго.—Царская грамота настоятелямъ Кіевскихъ монастырей.—Мееодій отправленъ въ Москву.—Дальнѣйшая судьба его. 119—137

ГЛАВА VIII. Отношенія Петра Васильевича Шереметева къ Дорошенку.—Новое дѣйствующее лицо Смуты—Петръ Суховей.—Три искателя гетманской булавы.—Происки Демьяна Многогрѣшнаго.—Затруднительное положеніе Дорошенка.—Король Польскій Янъ-Казиміръ слагаетъ съ себя корону.—Переговоры Доро-

*

СТРАН.

шенка съ Шереметевымъ.—Другъ Дорошенковъ, митрополитъ Іосифъ Тукальскій.—Его письмо къ Иннокентію Гизелю, съ угрозою Петру Васильевичу Шереметеву и съ указаніемъ на участь Василья Борисовича Шереметева.—Отвѣтъ боярина Петра Васильевича Шереметева. . . . . 138—157

ГЛАВА IX. Продолженіе повѣствованія о «полонномъ терпѣніи» боярина Василья Борисовича Шереметева.—Соображенія, по которымъ ханъ Аадиль-Гирей былъ заинтересованъ въ скорѣйшемъ выкупѣ его изъ плѣна.—Задержки въ пути Крымскихъ гонцовъ.—Шереметевъ перемѣщенъ на нѣкоторое время изъ Жидовскаго городка въ слободу Маріамполь.—Новые плѣнники въ Крыму изъ «необышныхъ»: Князь Андрей Григорьевичъ Ромодановскій и другіе.—Грамота царя Алексѣя Михайловича Крымскому хану объ отпускѣ Шереметева на размѣну.—Легкіе поминки.—Шереметевъ водворенъ на время въ Козловѣ (Евпаторія).—Челобитная Шереметева, отправленная къ государю съ жильцомъ Коржавинымъ.—Несвоевременный пріѣздъ въ Москву ханскаго посла Шахтемира. . . . . 158—176

ГЛАВА X. Демьянъ Многогрѣшный добивается гетманской булавы.—Отправляетъ посланцевъ въ Москву.—Выборъ мѣста для рады.—Обнищаніе Малороссіи.—Поборы Многогрѣшнаго.—Письмо Дорошенка къ Петру Васильевичу Шереметеву о Многогрѣшномъ.—Отвѣтъ Шереметева.—Недоумѣніе Малороссіянъ и отчаяніе патріотовъ.—Отношеніе Москвы къ Дорошенку.—Глуховская рада.—Письмо архіепископа Лазаря Барановича по случаю избранія Демьяна Многогрѣшнаго въ гетманы.—Послы Турецкаго султана въ Чигиринѣ, у Дорошенка.—Письмо къ царю архимандрита Иннокентія Гизеля.—Корсунская рада.—Договоръ Дорошенка съ Турками.—Въ церквахъ Чигиринскихъ, по особой «титлѣ» молились за султана.—Полученныя Шереметевымъ вѣсти о приготовленіяхъ Турокъ и Татаръ къ осадѣ Кіева.—Поляки разсчитываютъ, на основаніи Андрусовскаго договора, занять Кіевъ.—Шереметевъ отказывается впустить Поляковъ въ Кіевъ.—Неистовства Татаръ. . . . . 177—196

стран.

ГЛАВА XI. Поляки настаиваютъ на исполненіи статьи Андрусовскаго договора относительно передачи имъ Кіева.—Письмо Петру Васильевичу Шереметева отъ короннаго гетмана Яна Собѣскаго.—Главный коммиссаръ для пріема Кіева полковникъ Моховскій.—Льстивыя письма къ Шереметеву отъ него и отъ полковника Пива-Запольскаго.—Отвѣтъ Шереметева.—Князь Козловскій смѣняетъ Шереметева.—Высылка грамоты Шереметеву о прибытіи въ Москву, замедлилась по случаю кончины царицы Маріи Ильинишны.—Шереметевъ сдаетъ Кіевъ князю Козловскому.—Выступаетъ изъ Кіева.—Походъ Шереметева до Москвы, полный всевозможныхъ лишеній.—Съ нимъ слѣдовала и вся семья его.—Жалобы князя Козловскаго на Шереметева.—Прибытіе Шереметева въ Москву.—Царь награждаетъ за Кіевскую службу его самаго и сыновей его.—Кончина царевича Симеона Алексѣевича.—Кто изъ Шереметевыхъ дневалъ и ночевалъ у гроба почившаго царевича.—Царь Алексѣй Михайловичь отъѣзжаетъ въ село Преображенское . . . . . 197—219

ГЛАВА XII. Челобитная Петра Васильевича Шереметева объ отпускѣ.—Сватовство его сына, Бориса Петровича за Евдокію Алексѣевну Чирикову.—Кончина стольника Алексѣя Пантелеевича Чирикова.—Хлопоты Петра Васильевича Шереметева по устройству дѣлъ его вдовы.—Заявленіе Печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля.—Серебро Чириковское.—Клевета Демьяна Многогрѣшнаго на Шереметева. Она разоблачена документально.—Рядная запись вдовы Алексѣя Пантелеевича Чирикова, Ѳедосьи Павловны, при выдачи своей дочери за Бориса Петровича Шереметева. . . 220—238

ГЛАВА XIII. Свѣдѣнія о дворянахъ Чириковыхъ, предкахъ жены Бориса Петровича Шереметева, Евдокіи Алексѣевны, съ отцовской стороны . . . . . 239—262

ГЛАВА XIV. Свѣдѣнія о дворянахъ Сомовыхъ, предкахъ Евдокіи Алексѣевны Шереметевой, съ материнской стороны.—Женитьба троюроднаго брата Бориса Петровича Шереметева, стольника Петра Васильевича Меньшого Шереметева, на Матюшкиной.—Выборъ царской невѣсты.—Кончина царевича Алексѣя Але-

СТРАН.

ксѣевича.—Дневанья Шереметевыхъ у гроба почившаго царевича.—Круговое родство четырехъ фамилій: Ртищевыхъ, князей Одоевскихъ, Шереметевыхъ и князей Пронскихъ.—Правдивость Ртищева и довѣріе къ нему Малороссіянъ.—Настойчивость Иннокентія Гизеля относительно выкупа Чириковскаго серебра, заложеннаго въ Кіево-Печерской Лаврѣ.—Построеніе новой, каменной церкви въ селѣ Марковѣ.—Челобитная владѣльца, князя Я. Н. Одоевскаго.—Патріаршая храмозданная грамота.—Значеніе Шереметевской вотчины села Маркова. . . . . 263—279

ГЛАВА XV. Пребываніе посла Крымскаго хана Шахтемиръ-аталыка въ Москвѣ.—Задержка его отозвалась на участи Крымскаго плѣнника боярина Василья Борисовича Шереметева.—Его опять водворили въ Жидовскомъ городкѣ.—Свиданіе Василья Борисовича Шереметева съ ханскимъ ближнимъ человѣкомъ Кадыскеръ-агой.—Отписка Шереметева къ царю Алексѣю Михайловичу.—Новый ханскій гонецъ въ Москву, Маметъ-имельдешъ.—Царскіе посланники къ хану Василій Елчинъ и Яковъ Черцовъ.—Объявляютъ, что весь условленный окупъ за Шереметева «готовъ сполна».—Елчинъ вручилъ Шереметеву царскую грамоту не лично, какъ это было принято, а черезъ толмача.—Посланники добиваются перемѣщенія Шереметева въ Армянскую слободу.—Съѣзды посланниковъ Елчина и Черцова съ ханскими ближними людьми.—Споры о титлахъ и государскомъ именованьѣ.—Участіе Шереметева въ разрѣшеніи этихъ споровъ.—Татары обращаются къ Шереметеву съ своими жалобами и просьбами.—Совѣщанія объ окупѣ Шереметева. 280—297

ГЛАВА XVI. Посланникъ Елчинъ отказывается отъ поруки за Василья Борисовича Шереметева.—Его недоброжелательство къ Шереметеву.—Отписка по этому поводу самого Шереметева.—Присяга хана Аадиль-Гирея и врученіе нашимъ посланникамъ шертной грамоты.—Василій Борисовичъ Шереметевъ, по волѣ хана, присутствовалъ при этой церемоніи.—Слова хана, обращенныя къ Шереметеву.—Донесеніе Елчина государю объ исполненіи возложеннаго на него поруче-

СТРАН.

нія.—Великодушіе Шереметева и посильная помощь всѣмъ обращавшимся къ нему.—Ханскій подарокъ государю.—Татары въ Украинскихъ степяхъ.—Темные слухи, волновавшіе Малороссіянъ.—Стенька Разинъ въ Поволжскомъ краѣ.—Свидѣтельство о немъ современника-очевидца.—Случай въ Веневѣ. . . . . 298—314

ГЛАВА XVII. Возмущеніе Стеньки Разина распространилось по всему юго-востоку государства.—Побѣда одержанная княземъ Ю. Н. Борятинскимъ подъ Симбирскомъ.—Государственное значеніе этой побѣды.—Бѣгство Стеньки Разина.—Выданъ правительству.—Слѣдственнаго дѣла о Разинѣ не сохранилось.—Показаніе императрицы Екатерины.—Пособники Разина: Васька Усъ и Ѳедька Шелудякъ.—Стратегическое значеніе города Симбирска и Симбирской Черты.—Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ назначенъ въ Симбирскъ.—Причина поздняго прибытія Шереметева въ Симбирскъ.—Царская свадьба.—Важнѣйшія свадебныя должности занимали родственники Шереметевыхъ.—Петръ Васильевичъ Шереметевъ осажденъ въ Симбирскѣ скопищемъ Васьки Шелудяка.—Мятежники разбиты и отброшены отъ Симбирска.—Донесеніе Шереметева.—Письма воровскихъ казаковъ къ Шереметеву и отвѣты послѣдняго.—Неудовольствіе государя.—Стольникъ князь Ѳедоръ Львовичъ Волконскій въ Симбирскѣ.—Шереметевъ и его ратные люди дали обѣтъ построить церковь въ Симбирскѣ . . . . . 315—337

ГЛАВА XVIII. Новое порученіе, возложенное на Петра Васильевича Большого Шереметева въ Симбирскомъ краѣ.—Кончина Старѣйшей представительницы Рода Шереметевыхъ, княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской, дочери боярина Ѳедора Ивановича Шереметева.—Ея духовное завѣщаніе.—Пріѣздъ въ Москву пословъ новаго Польскаго короля Михаила Вишневецкаго.—Роль Никиты Ивановича Шереметева въ придворныхъ церемоніяхъ, по случаю прибытія Польскихъ пословъ . . . . . 338—357

ГЛАВА XIX. Доставленіе въ Москву шертной грамоты хана Крымскаго Аадиль-Гирея.—Въ ней говорится и объ окупѣ Василья Борисовича.—Въ Москвѣ отвер-

СТРАН.

гаютъ предложеніе Крымцевъ быть размѣнѣ на Донцѣ, а не на Валуйкахъ.—Отпускъ окупныхъ денегъ за Шереметева.—Царскія грамоты къ хану и къ Шереметеву.—Переговоры Василья Борисовича Шереметева съ ханскимъ ближнимъ человѣкомъ Батырь-агой.—Челобитная Шереметева по поводу урѣзки изъ назначенныхъ за него окупныхъ денегъ пяти тысячь золотыхъ.—Недосланныя деньги предоставлено Шереметеву заплатить изъ своихъ средствъ.—Сборъ пожертвованій на сей предметъ въ Московскомъ домѣ жены Василья Борисовича, Прасковьи Васильевны.—ханъ Аадиль-Гирей соглашается отпустить Шереметева на размѣнное мѣсто.—Шереметевъ у хана на отпускѣ.—Ханскіе подарки Шереметеву.—Шереметевъ выѣзжаетъ изъ Крыма.—Роковая вѣсть о сверженіи хана Аадиль-Гирея и о назначеніи новаго хана, Селимъ-Гирея.—Шереметевъ заключенъ въ Перекопѣ . 358—374

ГЛАВА XX. Давнее знакомство Василья Борисовича Шереметева съ новымъ Крымскимъ ханомъ Селимъ-Гиреемъ.—Шереметевъ имѣлъ основаніе трепетать за свою дальнѣйшую судьбу.—Новые калга и нурадинъ.—Шереметева привозятъ въ Бахчисарай и заковываютъ въ кандалы.—Прибытіе въ Бахчисарай хана Селимъ-Гирея.—Онъ приказываетъ снять кандалы съ Шереметева, но отъ свиданія съ нимъ видимо уклоняется.—Переговоры Шереметева съ новымъ ближнимъ человѣкомъ Субханъ-Гази-агой. Стойкость юнаго князя Ромодановскаго—Крымскаго плѣнника.—Гонецъ въ Москву Караджанъ-ага.—Отписка государю Василья Борисовича Шереметева.—Любительная грамота хана Селимъ-Гирея царю Алексѣю Михайловичу.—Біографическія свѣдѣнія о ханѣ Селимъ-Гиреѣ.—Переговоры Крымскаго гонца Караджанъ-ага съ боярами въ Посольскомъ приказѣ.—Отправленіе въ Крымъ царскаго посланника Шишкина . . . . 375—394

ГЛАВА XXI. Прибытіе царскаго посланника Шишкина на Валуйки.—Дальнѣйшій путь.—Ханъ Селимъ-Гирей стоитъ обозомъ на Тонкихъ-Водахъ.—Шишкинъ въ ханскомъ обозѣ.—Свиданіе съ ближнимъ человѣкомъ Субханъ-Гази-агой.—Ханъ тѣшился въ то

СТРАН.

время псовою охотою. — Шишкинъ представляется хану. — Рѣчь Шишкина и отвѣтъ хана — Твердость нашего посланника. — Посольскій станъ на Альмѣ. — Шишкинъ посѣщаетъ Василья Борисовича Шереметева, въ Жидовскомъ городкѣ. — Государево жалованье Шереметеву. — Отписка Шереметева. — Его отношенія къ приближеннымъ новаго хана. — Татарская рада, постановившая не выпускать Шереметева изъ плѣна. — Рожденіе въ Москвѣ царевича Петра Алексѣевича. — Оно было предречено Московскими звѣздочетами . . . . . 395—407

Родословіе Шереметевыхъ . . . . . 409—434

Списокъ фамилій, породнившихся съ Шереметевыми путемъ брака . . . . . 435—444

Указатель . . . . . 445—470

Списокъ приложеній 471

Замѣченныя погрѣшности 473

ГЛАВА I.

Мы оставили боярина Петра Васильевича Большого Шереметева на воеводствѣ въ Кіевѣ въ то трудное время, когда весь Малороссійскій край глухо волновался толками и пересудами, предметомъ коихъ былъ, подписанный 30 января 1667 года, Андрусовскій мирный договоръ. Малороссія, врученная Хмельницкимъ Московскому царю единою-нераздѣльною, теперь разрывалась на двѣ части: правый берегъ Днѣпра, по договору, отходилъ къ Польшѣ, лѣвый—оставляли намъ. Самый Кіевъ, со всѣми его древними православными святынями, мы обязались черезъ два года отдать Полякамъ! Народъ Малороссійскій,—по выраженію Дорошенки, «увольненный отъ Польской рàботы, чрезъ мужество и кровь свободившійся

и волею Москвѣ поклонившійся»,—дрогнулъ отъ одной мысли, что его отдаютъ опять Полякамъ. Смущеніе увеличилось извѣстіемъ, что въ Украйну на зимовку придетъ десятитысячное войско Великороссійское. «Знатно, —говорили казаки,—войско оное для отдачи Ляхамъ Украйны прійдетъ»[1]. Разнесся даже слухъ, что царь Московскій съ королемъ Польскимъ «на томъ приговорили и тайными статьями закрѣпили, чтобъ съ обѣихъ рукъ Украйну раззорить»[2]. Брюховецкій, въ отвѣтъ на донесеніе государю объ этомъ слухѣ о тайныхъ статьяхъ, получилъ приказаніе, «сослаться вскорѣ съ бояриномъ и воеводою съ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, чѣмъ бы, по своему разсужденію, тамошнихъ легкомышленныхъ людей сдержати, а вѣрныхъ и домовыхъ людей оборонныхъ учинить»[3]. Между тѣмъ, положеніе самого Шереметева было таково, что нужно только удивляться, какъ онъ еще могъ держаться въ Кіевѣ, имѣя при себѣ съ небольшимъ три ты-

---

[1] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 267 и 268.

[2] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 203. столб. 1.

[3] Тамъ-же, стр. 206. столб. 1 и 2.

сячи ратныхъ людей, но и тѣ, по словамъ Шереметева, были «всѣ скудны» и «отъ голоду бредутъ врознь»[4]. Стрѣльцы, солдаты и пушкари «безпрестанно били челомъ великому государю съ великимъ плачемъ, что они отъ голоду помираютъ и бѣгутъ, а иные перепухли»[5]. Нужно сказать, что въ пору пріѣзда боярина Петра Васильевича Шереметева въ Кіевъ (въ декабрѣ 1665 года), когда численность состоявшихъ при немъ ратныхъ людей опредѣлялась въ 4519 человѣкъ, изъ хлѣбныхъ запасовъ, необходимыхъ для ихъ прокормленія, оставалось на лицо всего 4466 четвертей. А полагалось выдавать государева хлѣбнаго жалованья стрѣльцамъ, солдатамъ и пушкарямъ каждому въ мѣсяцъ: по три четверика ржи или муки и сухарей[6] да на десять человѣкъ по полуосминѣ крупъ или толокна, а всего, по этому расчету, должно было быть выдаваемо въ мѣсяцъ по 1807 четвертей съ осминою и четверикомъ. Ясно, что при такой дачѣ, хлѣбныхъ запасовъ не хва-

---

[4] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 175.

[5] Тамъ-же, стр. 89.

[6] Четверть заключала въ себѣ: муки—пять пудовъ десять гривенокъ, а въ сухаряхъ—два пуда двадцать гривенокъ.

тило бы и на три мѣсяца. Для такой «хлѣбной скудости», Шереметевъ вынужденъ былъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ государева хлѣбнаго жалованья «съ большою убавкою». Такъ, на январь и февраль мѣсяцы 1666 года выдано было каждому по получетверику ржи и получетверику сухарей въ мѣсяцъ, а на мартъ—по четверику сухарей человѣку да самымъ бѣднымъ людямъ, стрѣлецкимъ женамъ, выдано 129 четвертей всякихъ запасовъ. Всего вышло въ расходъ по 30-е марта 1666 года, 2389 четвертей. Числилось же недоданныхъ, то есть, должныхъ ратнымъ людямъ, 3279 четвертей. А откуда было ихъ взять, когда оставалось на лицо всего 1077 четвертей[7]! То же самое было и съ государевымъ денежнымъ жалованьемъ... Мудрено ли, что ратные люди, одни помирали, другіе перепухали, третьи бѣжали отъ голода! Петръ Васильевичь Шереметевъ неоднократно и настойчиво писалъ въ Москву: «Только государева денежнаго жалованья ратнымъ людямъ не будетъ и имъ впредь хлѣбнаго жалованья противъ прежняго, какъ давано при прежнихъ воеводахъ, не давать,—

[7] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 88 и 89.

и то никоими мѣрами невозможно, потому что мѣра малая, а работа городовая и караулы безпрестанные». Шереметевъ предупреждалъ, что «съ его пріѣзду, осыпалось городовой стѣны вновь 26 сажень, а къ тому безпрестанно осыпается». Кромѣ того, онъ объяснялъ, что если давать стрѣльцамъ, солдатамъ и пушкарямъ даже только по полуосминѣ ржи и сухарей человѣку, то и тогда надобно отпускать по 1093 четверти въ мѣсяцъ, а на годъ 13.116 четвертей. Если же давать по положенію, какъ давано при прежнихъ воеводахъ, то надобно имѣть въ годъ хлѣбныхъ запасовъ 20.986 четвертей безъ полуосмины [8].

Но въ Москвѣ вообще не любили такихъ настойчивыхъ требованій, такихъ точныхъ вычисленій. Хлѣбные запасы доставлялись въ Кіевъ изъ Сѣвска и Брянска, а потомъ и изъ Малороссійскихъ городовъ. Не говоря уже о крайней трудности и сложности самого сбора хлѣбныхъ запасовъ, невозможномъ состояніи путей сообщенія, сколько уходило времени на безконечную переписку о взысканіяхъ за недоимку и о доставленіи на мѣсто собранныхъ уже запасовъ! Къ тому же, тру-

[8] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 89.

дно допустить, чтобъ въ то время въ Москвѣ могли всецѣло сосредоточиться на дѣлахъ Малороссіи и въ частности — на нуждахъ ратныхъ людей Кіевскаго воеводы. Тамъ совсѣмъ иначе относились и къ самому перемирію съ Польшей. О немъ объявлено было по всему государству, какъ «о всемирной радости», и предписывалось всякихъ чиновъ людямъ собираться въ приходскихъ церквахъ и пѣть молебное пѣніе со звономъ «о многолѣтномъ царскомъ здравіи, и о мирѣ, и о тишинѣ, и о покоѣ, и о благоденствіи»[9]. Не взирая на всю невыгоду для насъ нѣкоторыхъ статей Андрусовскаго договора, въ общемъ ему были рады, по пословицѣ—худой миръ, лучше доброй ссоры. А ссора съ Поляками дѣйствительно дорого стоила намъ.

Вслѣдъ за перемиріемъ съ Поляками, благочестивые люди были утѣшены радостнымъ событіемъ обрѣтенія, 27 мая того же 1667 года, въ Тверскихъ предѣлахъ, мощей Преподобнаго Нила Столобе́нскаго, на мѣстѣ его подвиговъ, островѣ Столобно́мъ (на озерѣ Селигерѣ), въ семи верстахъ отъ Осташкова. Другою духовною радостію, почти

[9] Акты Археографической Экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. № 153.

одновременною съ подписаніемъ Андрусовскаго мирнаго договора, было избраніе новаго патріарха, на мѣсто низложеннаго Никона. На патріаршій престолъ, остававшійся, къ великому соблазну многихъ, такъ долго незанятымъ, по избранію освященнаго собора, съ благословенія пребывавшаго въ Москвѣ, по дѣлу Никона, патріарха Макарія Александрійскаго и государскимъ изволеніемъ, былъ возведенъ престарѣлый архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря Іоасафъ. Объ избраніи его объявлено было въ такой странной цвѣтистой формѣ: «По плачевномъ дѣйствіи низложенія Никона, благоволи Богъ, Церкви, вдовствующей плачевно, лучи веселія возсіявати и жениха Промысломъ своимъ Божественнымъ обмышляти же и даяти» [10].

Патріаршество Іоасафа (II-го) ознаменовалось большимъ и прямо бѣдственнымъ событіемъ въ Отечественной Церкви. Вскорѣ послѣ поставленія Іоасафа, возобновились засѣданія большого Московскаго собора восточныхъ и Русскихъ пастырей, который въ

[10] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 399. стр. 669.

концѣ концевъ, осудивъ патріарха Никона за нѣкоторыя самочинныя распоряженія и дѣянія, изнесъ анаѳему на тѣхъ, кои не хотѣли принимать исправленныхъ при немъ богослужебныхъ книгъ и дерзавшихъ хулить изъ-за нихъ Святую Церковь. Этимъ положено было начало раскола въ Россіи, какъ «особаго общества вѣрующихъ, именующихъ себя старообрядцами, совершенно отдѣльнаго отъ Православной Церкви и враждебнаго ей» [11].

Патріархъ Іоасафъ, не взирая на свои преклонные годы, почти непрестанно отправлялъ патріаршее богослуженіе въ Московскихъ монастыряхъ и даже въ приходскихъ церквахъ. На это указываютъ многочисленныя записи въ сохранившейся книгѣ Выходовъ Патріаршихъ. Въ этой книгѣ мы находимъ, между прочимъ, нѣкоторыя подробности относительно погребенія лица, которое дѣйствительно заслуживаетъ быть упомянутымъ въ Исторіи Рода Шереметевыхъ. Мы говоримъ о скончавшемся, въ началѣ іюля 1667 года, боярынѣ князѣ Яковѣ Куденето-

[11] Митрополитъ Макарій. Исторія Русской Церкви. Т. XII. Спб. 1883. стр. 778.

вичѣ Черкасскомъ, родномъ прадѣдѣ графини Варвары Алексѣевны Шереметевой.

Бояринъ князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ полковыхъ воеводъ царствованія Алексѣя Михайловича. Не менѣе того, онъ былъ извѣстенъ и по своей частной жизни. Онъ слылъ «прещедрымъ и во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ преуспѣвшимъ мужемъ, любителемъ церковнаго строенія и благолѣпія»[12]. Цесарскій посолъ Мейербергъ, бывшій въ Москвѣ въ 1661 году, не имѣя конечно возможности узнать князя Якова Куденетовича именно съ этихъ сторонъ, отзывается о немъ въ своихъ Запискахъ, только лишь какъ о «человѣкѣ весьма старомъ, не отличавшемся краснорѣчіемъ». Дядя князя Якова Куденетовича, князь Борисъ Камбулатовичь Черкасскій былъ женатъ на родной сестрѣ патріарха Филарета Никитича, на Марѳѣ Никитишнѣ Романовой, а двоюродная сестра, княжна Ирина Борисовна, была за бояриномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. Самъ онъ

[12] Архимандритъ Іакинѳъ Карпинскій. Краткое историческое описаніе Московскаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря. М. 1802. стр. 16.

былъ женатъ на княжнѣ Евдокіѣ Семеновнѣ Прозоровской и имѣлъ единственнаго сына, князя Михайла Яковлевича Черкасскаго, да дочь, княжну Анну Яковлевну. Князь Яковъ Куденетовичь особенно усердствовалъ къ усыпальницѣ князей Черкасскихъ,—Московскому Новоспасскому монастырю. Еще въ 1652 году, онъ построилъ тамъ для братіи двѣ большія каменныя больничныя келліи, между ними сѣни, подъ ними каменные погреба. Надъ больничными келліями соорудилъ каменную церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, а при ней каменную же трапезу [13].

Съ какимъ почетомъ относилось духовенство къ усопшему благотворителю, князю Якову Куденетовичу Черкасскому, можно судить по нижеслѣдующимъ записямъ въ книгѣ Выходовъ Патріаршихъ, за 1667 годъ:

«Мѣсяца іюля въ 5 день, въ пятокъ, пѣли вселенскіе патріархи [14] понахиду по боярынѣ князѣ Яковѣ Куденетовичѣ, у себя у церкви, что въ Чудовѣ монастырѣ на вратѣхъ; у по-

---

[13] Архимандритъ Іакинѳъ Карпинскій. Описаніе состоящаго въ Московскомъ ставропигіальномъ Новоспасскомъ монастырѣ храма Знаменія Пресвятыя Богородицы. М. 1803. стр. 16.

[14] Александрійскій Паисій и Антіохійскій Макарій.

нахиды стоялъ сынъ его, князь Михайло Яковлевичь, подносилъ имъ золотые да ефимки. А святѣйшій Іоасафъ, патріархъ Московскій и всея Россіи, пѣлъ понахиду у Всемилостиваго Спаса въ монастырѣ на Новомъ; у понахиды стоялъ бояринъ князь Иванъ Семеновичь Прозоровской, подносилъ онъ святѣйшему патріарху золотые да ефимки. И прочимъ всѣмъ архіереемъ и властемъ были деньги и причетникамъ патріарховымъ и властелинскимъ. А наутрее, въ субботу, служили божественную литургію вси тріе святѣйшіе патріарси въ монастырѣ у Всемилостиваго Спаса на Новомъ и, послѣ обѣдни, розблочась, пѣли понахиду на гробѣ князя Якова Куденетовича. Пѣвчіе дьяки патріарховы обѣдали на дворѣ боярина князя Якова Куденетовича, у сына его князя Михайла Яковлевича» [15].

Сохранилось духовное завѣщаніе князя Якова Куденетовича Черкасскаго, [16] составленное 2 іюля 1666 года и подписанное самимъ княземъ и его душеприкащиками: отцомъ духовнымъ, протопопомъ собора Спаса Не-

[15] Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. V. Спб. 1853. стр. 109.

[16] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 170.

рукотвореннаго на Сѣняхъ, Александромъ, бояриномъ княземъ Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ, окольничимъ и оружейничимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово и думнымъ дворяниномъ Замятней Ѳедоровичемъ Леонтьевымъ. Оказывается, что у князя Якова Куденетовича были вотчины въ семнадцати уѣздахъ: Арзамасскомъ, Вяземскомъ, Дмитровскомъ, Епифанскомъ, Кашинскомъ, Клинскомъ, Козельскомъ, Коломенскомъ, Луховскомъ, Московскомъ, Муромскомъ, Нижегородскомъ, Переяславль-Залѣсскомъ, Рязанскомъ, Суздальскомъ, Юрьево-Польскомъ и Ярославскомъ.

Всѣхъ вотчинъ было тридцать восемь, изъ нихъ одну, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, доставшуюся князю Якову Куденетовичу по духовной двоюроднаго брата, князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго, село Гульнево, съ деревнями, пустошьми и съ большимъ коннымъ заводомъ, онъ оставилъ племяннику своему, князю Григорью Сунчалѣевичу Черкасскому[17]; семь вотчинъ, въ томъ

[17] Сынъ его, князь Данило Григорьевичь Черкасскій, былъ женатъ на Маріѣ Петровнѣ Шереметевой, дочери боярина Петра Васильевича Большого Шереметева.

числѣ находящіяся въ Клинскомъ уѣздѣ, село Новое, на рѣкѣ Волгѣ, погостъ Воскресенскій, на рѣкѣ Шошѣ, и деревню Волково, на рѣкѣ Волгѣ,—своей дочери княжнѣ Аннѣ Яковлевнѣ Черкасской; остальныя тридцать вотчинъ, князь Яковъ Куденетовичь завѣщалъ своему единственному сыну, князю Михайлу Яковлевичу Черкасскому. Почти всѣ вотчины князя Михайла Яковлевича впослѣдствіи перешли къ Шереметевымъ, какъ приданое его внучки, княжны Варвары Алексѣевны, вышедшей за графа Петра Борисовича Шереметева, а потому находимъ нужнымъ теперь же перечислить ихъ въ алфавитномъ порядкѣ уѣздовъ, въ которыхъ онѣ показаны:

1) Въ Арзамасскомъ уѣздѣ, двѣ вотчины, одна куплена княземъ Яковомъ Куденетовичемъ изъ Помѣстнаго приказа, именно пустошь, что̀ была деревня, Новое-Мересово да пустошь, что̀ была деревня, Старое-Мересово (потомъ село Знаменское); другая вотчина, жеребій въ селѣ Владыкинѣ, Смирново тожъ, вымѣненная имъ у Григорья Никитича Мотовилова на пустошь Мануильцы, въ Кашинскомъ уѣздѣ, достав-

шуюся по духовной отъ князя Дмитрія Мамстрюковича.

2) Въ Дмитровскомъ уѣздѣ, двѣ вотчины, одна досталась по духовной отъ князя Дмитрія Мамстрюковича, именно треть села Семеновскаго, а другая—пустошь Ларево.

3) Въ Епифанскомъ уѣздѣ, купленная княземъ Яковомъ Куденетовичемъ вотчина село Судоково, съ деревнями и пустошами.

4) Въ Коломенскомъ уѣздѣ, купленная княземъ Яковомъ Куденетовичемъ вотчина сельцо, что̀ была пустошь, Ивань, съ пустошами.

5) Въ Луховскомъ уѣздѣ, вымѣненная княземъ Яковомъ Куденетовичемъ вотчина въ Рулевѣ слободѣ, въ усадищѣ, что̀ была пустошь, Высокое, съ пустошами.

6) Въ Московскомъ уѣздѣ, одиннадцать вотчинъ—а) село Никольское, на рѣчкѣ Хинкѣ, съ пустошами, получено по духовной князя Дмитрія Мамстрюковича, который вымѣнялъ это село у стольника Никиты Алексѣевича Зюзина; б) село Осташково, Останкино тожъ, да слобода Марьино, съ пустошами,—жалованіе царя Михаила Ѳедоровича князю Ивану Борисовичу Черкасскому; в)

пустошь, что́ была деревня, Копытово, была прежде за княземъ Даниломъ Ивановичемъ Мезецкимъ, а потомъ за княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ; г) село Осташково, съ деревнями и пустошами, куплено княземъ Яковомъ Куденетовичемъ въ Помѣстномъ приказѣ, изъ помѣстья въ вотчину; д) пустошь Куровка, бывшая слобода Куровская, Малая тожъ, да пустошь Куровка Большая, куплены княземъ Яковомъ Куденетовичемъ въ Помѣстномъ приказѣ, изъ порозжихъ земель; е) пустошь Гнѣздиловка да пустошь Подрѣзово, куплены княземъ Яковомъ Куденетовичемъ въ Приказѣ Большаго Дворца, изъ обводныхъ и порозжихъ земель; ж) пустошь Мальцова, Кузнецова тожъ, куплена имъ же въ Помѣстномъ приказѣ; з) купленная имъ же деревня, что́ была пустошь, Кашинцово; и) купленная же половина пустоши, что̀ была деревня, Обакшино, и к) села Покровское и Никольское, съ деревнями и пустошами, которыя князь Яковъ Куденетовичь вымѣнялъ у князя Ивана Юсупова.

7) Въ Муромскомъ уѣздѣ, села Панфилово и Карачарово, съ деревнями и пу-

стошами, которыя были пожалованы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ князю Якову Куденетовичу, вмѣсто взятой у него родовой вотчины села Лежнева, съ деревнями и пустошами, Суздальскаго уѣзда.

8) Въ Нижегородскомъ уѣздѣ, три вотчины—а) село Павловъ-Острогъ, съ деревнями и пустошами, которое было пожаловано царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ князю Ивану Борисовичу Черкасскому, «за многія службы и терпѣніе отца его князя Бориса Камбулатовича Черкасскаго и матери его Маріы Никитишны и за его, князя Ивана, раззоренье и терпѣніе». Къ селу Павлову деревня Тунботино, на берегу Глубокаго озера, что̀ вымѣнялъ князь Иванъ Борисовичь Черкасскій у иноземца Якова Беза, на свою Арзамасскую деревню Кичанзино, за Окою; б) село Ворсма, съ деревнями и пустошами, пожалованное царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ князю Ивану Борисовичу Черкасскому, «за службу въ королевичевъ приходъ» и в) село Панино, съ приселками и деревнями, куплено княземъ Яковомъ Куденетовичемъ у двоюроднаго брата своего князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго, у ко-

тораго оно значилось въ числѣ выслуженныхъ имъ вотчинъ.

9) Въ Переяславль-Залѣсскомъ уѣздѣ, двѣ вотчины—а) село Богородцкое и Опарино, съ деревнями и пустошами, за которыя, по духовной князя Юрья Еншеевича Сулешева, взято съ князя Якова Куденетовича въ Помѣстный приказъ тысяча рублей и б) половина пустоши Нездриной, купленной княземъ Яковомъ Куденетовичемъ у Сергѣя Никифоровича Ефимьева.

10) Въ Рязанскомъ уѣздѣ, купленное село Шумаши, съ деревнями и пустошами.

11) Въ Суздальскомъ уѣздѣ, двѣ вотчины—а) Кохомская волость, съ селомъ Ивановымъ и деревнями, которая, по духовной князя Ивана Ивановича Шуйскаго, выкуплена княземъ Яковомъ Куденетовичемъ у архіепископа Суздальскаго Серапіона и б) село Васильевское, съ деревнями, пожалованное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ князю Якову Куденетовичу Черкасскому, по духовной князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго.

и 12) Въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ, четыре вотчины—а) купленное село Семьин-

ское; б) пустошь Рудаково да полупустошь Поддубная, вымѣненныя княземъ Яковомъ Куденетовичемъ у юрьевченина Андрея Александровича Павлова; в) купленное село Парша, съ деревнями и пустошами, и г) купленная же пустошь Ивашково.

Кромѣ перечисленныхъ вотчинъ, князь Михаилъ Яковлевичь Черкасскій получилъ по духовной отца: 1) дворъ въ Московскомъ Кремлѣ, между подворьями Крутицкаго митрополита и Кириллова монастыря, съ одной стороны, и дворомъ боярина Ивана Васильевича Морозова, съ другой стороны; дворъ этотъ принадлежалъ князю Ивану Борисовичу Черкасскому, а въ 1643 году, пожалованъ князю Якову Куденетовичу; 2) дворъ въ Бѣломъ городѣ, за Неглинною, въ приходѣ церкви Николы Чудотворца на Старомъ Ваганьковѣ, противъ Стрѣлецкой слободы; дворъ этотъ, въ 1639 году, былъ проданъ князю Ивану Борисовичу Черкасскому бояриномъ Никитой Ивановичемъ Романовымъ; 3) огородъ за Срѣтенскими воротами, за Земляным городомъ, пожалованный царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ князю Якову Куденетовичу, послѣ смерти князя Ивана Бори-

совича Черкасскаго, и 4) вымѣненные и купленные огороды за Срѣтенскими же воротами, въ Земляномъ городѣ.

Князь Яковъ Куденетовичь оставилъ сыну и все платье свое, суды серебряные, служилую рухлядь и лошадей, даже большое низаное ожерелье своей жены, но съ тѣмъ, чтобы онъ вынулъ изъ него яхонты и отдалъ ихъ сестрѣ.

На милостыню нищимъ и на поминокъ своей души князь Яковъ Куденетовичь оставилъ четыре тысячи рублей, а на окупъ полоняниковъ всего пятьсотъ рублей. Изъ этого прямо можно заключить, что у почившаго князя, во всякомъ случаѣ, не было дружественныхъ отношеній къ своему свойственнику, злополучному боярину Василью Борисовичу Шереметеву, продолжавшему томиться въ Крымской неволѣ, именно по невозможности внести всей суммы требуемаго съ него окупа.

ГЛАВА II.

Возвращаясь въ Кіевъ, къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, слѣдуетъ вспомнить справедливое замѣчаніе Соловьева, что для Малороссіи, «почти вся вторая половина XVII вѣка представляетъ Смутное время, подобное Смутному времени Московскаго государства въ началѣ вѣка: та же шатость, та же темнота, отсутствіе ясно опредѣленныхъ цѣлей и отношеній, то же перелетство»[18]. Но вполнѣ вѣрно и то, что, при этомъ кажущемся сходствѣ, была и великая разница. У насъ шатались между своими искателями власти, при чемъ, однако, постоянно выставлялось все то же отечественное знамя; а затѣмъ, какъ только обнаружились чужіе искатели, все воспрянуло, все сло-

[18] Исторія Россіи. Изд. 2 (Спб. 1896). Кн. III. столб. 189.

тилось во-едино, и Смута сейчасъ же затихла. Совсѣмъ иное представляетъ Смута несчастной Малороссіи, по крайней мѣрѣ, въ описываемое время воеводства въ Кіевѣ боярина Петра Васильевича Большого Шереметева. Мы уже видѣли, что Малороссіяне почти одновременно бросались въ объятія и Поляковъ, и Турокъ, и Крымцевъ. А Москва была рѣшительно завалена ихъ доносами другъ на друга въ измѣнѣ,—доносами, нерѣдко завѣдомо ложными. Разобраться во всей этой путаницѣ могъ только такой искусный дипломатъ, каковымъ безспорно былъ Петръ Васильевичь Шереметевъ. Даже Костомаровъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Великороссійскимъ дѣятелямъ въ Малороссіи, выражалъ удивленіе, какъ «замѣчательно ловко уклонялся и отвертывался Шереметевъ, когда пытались запутать его въ мѣстныя козни»[19].

Разумѣется, здѣсь было бы неумѣстно подробно объяснять всѣ перепетіи Малороссійской Смуты. Объ этомъ предметѣ достаточно сказано въ предыдущей книгѣ. Дальнѣйшія объясненія слишкомъ удалили бы насъ отъ

[19] Руина. Историческая монографія. Спб. 1882. стр. 121.

главнаго предмета повѣствованія. Да кромѣ того, оставаясь въ Кіевѣ, при Петрѣ Васильевичѣ Шереметевѣ, мы и безъ того увидимъ все, что̀ совершалось въ это печальное время въ Малороссіи. Обстоятельства сложились такъ, что Шереметеву, сидѣвшему въ Кіевѣ безъ денегъ, безъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, съ горстью ратныхъ людей, изможденныхъ голодомъ, болѣзнями и тяжелою караульною службою, оставалось проявлять свою дѣятельность главнымъ образомъ собираніемъ вѣстей о положеніи дѣлъ, для сообщеній ихъ въ Москву, да писаніемъ воззваній къ жителямъ Малороссійскихъ городовъ, чтобъ они жили бережно, осторожливо и, памятуя Бога и къ великому государю свое обѣщаніе, оставались подъ великаго государя высокою рукою по-прежнему и служили ему со всякимъ радѣніемъ. Въ Кіевъ отовсюду стекались вѣсти, письменныя увѣренія въ преданности государю и тому подобное. Но все это писалось, или по-Польски, или по-Латыни, или, наконецъ, такимъ испорченнымъ, такъ называемымъ, Бѣлорусскимъ письмомъ, что зачастую невозможно было добраться до смысла. «Пишутъ къ намъ—

доносилъ Шереметевъ государю—изъ Бѣлой Церкви комендантъ и изъ иныхъ мѣстъ полковники и всякихъ чиновъ люди о разныхъ дѣлахъ Польскимъ и Латинскимъ письмомъ; также и гетманъ Иванъ Мартыновичь Брюховецкой и полковники къ намъ въ листахъ своихъ пишутъ многія слова Латинскія; а у насъ переводчика нѣтъ. И мы къ Бѣлоцерковскому коменданту и къ инымъ полковникамъ противъ Латинскихъ словъ отвѣта не пишемъ; а чужеземцомъ переводить, для всякой мѣры, давать нелзѣ. И о переводчикѣ, государь, вели намъ указъ учинить, чтобъ въ твоихъ, великаго государя, дѣлахъ какой порухи не учинилось, а намъ бы въ томъ отъ тебя въ опалѣ не быть» [20].

Переводчикъ, конечно, былъ присланъ и это значительно облегчило способы сношеній Кіевскаго воеводы, какъ съ представителями Польскаго правительства, такъ и съ дѣйствующими лицами Малороссійской Смуты. Изъ послѣднихъ, главнѣйшимъ и опаснѣйшимъ былъ извѣстный Дорошенко.

Нужно напомнить, что еще до Андрусовскаго перемирья, послѣ того, какъ тогобоч-

[20] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 208.

ный гетманъ Тетеря, устрашенный всеобщимъ раздраженіемъ противъ него, бѣжалъ въ Польшу, на его мѣсто, старшины и казаки избрали полковника Петра Дорофеевича Дорошенко. Уже самый выборъ этотъ показывалъ, каково настроеніе было у той старшины и казаковъ. Всѣмъ извѣстна была завѣтная мечта Дорошенки, отдѣлить Малороссію, какъ отъ Польши, такъ и отъ Москвы, и, при помощи Турецкаго султана и Крымскаго хана, образовать изъ нея особое владѣніе, подъ его, Дорошенковымъ, единоличнымъ управленіемъ. Прежде всего, Дорошенкѣ необходимо было расправиться съ Брюховецкимъ, неудержимо стремившимся овладѣть всею Малороссіею, и по эту, и по ту сторону Днѣпра, и онъ, немедленно по избраніи своемъ въ наказные гетманы тогобочной Украйны, принялся за это дѣло со всѣмъ пыломъ своей честолюбивой души. Между прочимъ, онъ непрестанно призывалъ жителей лѣвобережной Украйны соединиться подъ его властью и вслѣдствіе того уже имѣлъ нѣсколько столкновеній съ Великороссійскими ратными людьми. А на Польшу Дорошенко накликалъ Татарскія орды, набѣгъ коихъ въ

земли Рѣчи Посполитой былъ ужасенъ своими невѣроятными жестокостями. Дальнѣйшія дѣянія Дорошенки были разомъ остановлены состоявшимся Андрусовскимъ перемиріемъ между Польскимъ королемъ и Московскимъ царемъ, которые, по договору, меджду прочимъ, обязались помогать другъ другу въ случаѣ нападенія Крымскихъ Татаръ, быть всегда готовыми къ отпору Орды, какъ общаго непріятеля. Дорошенко увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко и что послѣ всего случившагося, ему было уже невозможно возвратиться къ Польскому королю, чтобы не подвергнуться страшной мести. Не было возможности и разрывать дружбы съ Крымскими Татарами. Дорошенко быстро сообразилъ, что Московское правительство не было связано никакимъ трактатомъ съ Турціей и если бы послѣдней, въ предстоявшей борьбѣ, удалось осилить Польшу, Московскій царь легко могъ бы опять соединить всю Малороссію подъ своимъ единоличнымъ покровительствомъ. И вотъ, въ предвидѣніи такого исхода борьбы Турціи съ Рѣчью Посполитою, Дорошенко начинаетъ яко бы склоняться

на сторону Москвы, которая, въ сущности, для него была столь же ненавистна, какъ и Польша.

Въ августѣ 1667 года, прибыли въ Кіевъ посланцы Дорошенки, сотники Иванъ Дубяга да Астафій Андреевъ, для пріема слѣдовавшихъ въ Крымъ толмача Посольскаго приказа Андрея Путицына и Крымскихъ гонцовъ, Телешь-аги съ товарищами (четыре человѣка), чтобъ они были доставлены на мѣсто «съ береженьемъ и со всякимъ опасеньемъ отъ воровскихъ людей убойства, въ цѣлости» [21]. Исполнивъ свое порученіе, Дубяга и Андреевъ начали говорить Петру Васильевичу Шереметеву, что Дорошенко призвалъ Татаръ собственно на Поляковъ, что онъ желалъ бы поступить подъ высокую руку великаго государя и что онъ ожидаетъ о всемъ указа великаго государя съ братомъ своимъ Гришкой, находящимся въ Москвѣ.

Петръ Васильевичь сказалъ въ отвѣтъ, что «у великаго государя съ королевскимъ величествомъ, по договору, учинилось мирное поставленье на немалые годы и въ тѣ пере-

[21] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: дѣла Малороссійскаго приказа. № 5875.

мирные годы будетъ и вѣчный миръ; и чтобъ гетманъ Дорошенко обратился къ Христіанству и служилъ обоимъ великимъ государямъ вопче, и оба великіе государи будутъ его, Дорошенку, и полку его казаковъ подъ своими высокодержавными руками держать во всякихъ государскихъ милостяхъ и ратными своими людьми отъ непріятелей оборонять; а братъ Дорошенки, Грицко, по милости государской, съ Москвы отпущенъ къ нему будетъ, а нынѣ на Москвѣ онъ во всякой государской милости».

Съ этими словами Петръ Васильевичь Шереметевъ отпустилъ посланцевъ Дорошенки, приказавъ поставить ихъ на дворѣ и быть у нихъ головѣ пушкарскому Алексѣю Трубченинову.

На другой день, Трубчениновъ извѣстилъ Шереметева: «Дорошенковы присланные говорили ему, вѣдомо де имъ нынѣ отъ Поляковъ чинится, что великій государь изволилъ королевскому величеству Кіевъ отдать, и имъ лучше помереть, нежели быть подъ королевскаго величества рукою; положено де у нихъ до смерти живота, что отнюдь королевскаго величества подъ рукою не быть, а служить

великому государю. Видятъ де они и сами, что отъ Татаръ имъ раззоренье великое и впредь де добра чаять нечего, а къ кому пристать, гетманъ Дорошенко и они не знаютъ. Только де надежда на великаго государя; а къ королевскому величеству имъ развѣ на погибель поддаться. И будетъ подлинно великій государь изволитъ Кіевъ королевскому величеству отдать, и они де, покиня домы свои, пойдутъ въ разные государства для того, что Кіевъ—городъ стольной: за кѣмъ онъ будетъ, за тѣмъ и вся Малая Россія. А какъ де за королевскимъ величествомъ будетъ Кіевъ и вся Малая Россія, то господа Поляки во всѣхъ Малороссійскихъ городѣхъ церкви въ унѣю обратятъ и имъ всякое насиліе и раззореніе учнутъ чинить.—Витепскъ да Полоцкъ изволилъ великій государь королю Польскому отдать, и нынѣ де ни одной церкви христіанской нѣтъ, всѣ въ уніѣ. Браславль—городъ былъ великой, и отъ налогъ де и раззоренія Поляковъ жители вышли въ Крымъ; и ханъ де Крымской велѣлъ имъ жить особнымъ селомъ и церковь христіанскую въ томъ селѣ поставить. А имъ де, въ то число какъ Кіевъ отданъ будетъ королев-

скому величеству, отъ раззоренья Поляковъ того жъ смотрѣть. А за великимъ де государемъ, какъ людемъ не жить! Ко всякому человѣку безпрестанно его государская милость и жалованье. И будетъ де великій государь изволитъ отпустить съ Москвы Дорошенкова брата Грицка, и они де, увѣдавъ государскую милость, будетъ ихъ изволитъ принять подъ свою государскую руку, конечно, съ желаніемъ подъ его высокодержавною рукою быть хотятъ»[22].

Такія трогательныя изъясненія происходили 9 и 10 августа, а черезъ три дня, 13 августа, къ Кіеву подошли «Татаровя, многіе люди»... Положимъ, нельзя сказать, чтобъ это было неожиданностію для Петра Васильевича Шереметева. Еще 25 іюля, къ нему писали изъ Канева полковники: Стродубскій, Леонтій Остеринъ и Каневскій, Яковъ Лизогубъ, что по полученнымъ ими свѣдѣніямъ, изъ Крыма вышелъ съ Татарами самъ калга-салтанъ, то-есть, наслѣдникъ ханскій, и стоитъ близъ Чигирина, поджидая изъ Крыма другихъ салтановъ, и что калга

[22] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: дѣла Малороссійскаго приказа. № 5875.

«хочетъ приходить въ скорыхъ дняхъ подъ Кіевъ». А четыре дня спустя, 29 іюля, писалъ къ Петру же Васильевичу ректоръ Кіевскаго Братскаго монастыря Варлаамъ Ясинскій (будущій митрополитъ Кіевскій), изъ монастырской вотчины, изъ мѣстечка Новоселокъ, что 26 числа, подъ означенное мѣстечко «приходили Татаровя, многіе люди, и на полѣ взяли въ полонъ Новосельскаго попа съ жителями мужеска и женска пола, больше ста человѣкъ». Въ тотъ же день, въ полдень, уже подъ мѣстечко Васильковъ, всего въ 25 верстахъ отъ Кіева, приходили «Татаровя жъ многіе люди, а съ ними полковникъ Дорошенкова полка Левко съ казаками», при чемъ, подъ самымъ мѣстечкомъ, «на полѣ, въ жатвенное время, взяли въ полонъ 30 человѣкъ, многихъ другихъ побили и перераниле»; а затѣмъ Татары помчались къ Бѣлой Церкви, куда ожидали на помощь, «въ скорыхъ дняхъ», Дорошенку съ полками и съ пушками.

Шереметевъ, не далѣе какъ 7 августа, донося обо всемъ этомъ государю, присовокуплялъ: «Опасно Татарскаго и Дорошенкова приходу къ Кіеву. И будетъ ихъ непріятель-

скій приходъ къ Кіеву будетъ, и въ Кіевѣ великаго государя ратныхъ людей малолюдство. А хлѣбныхъ запасовъ изъ Малороссійскихъ городовъ въ Кіевъ въ привозѣ мало и того хлѣба будетъ не надолго, потому хлѣбъ дается и рейтарамъ, видя ихъ великую скудость; а государева денежнаго жалованья имъ не дано другой годъ. А въ Кіевѣ рейтарамъ государева жалованья дать нечего; денежной казны нѣтъ, а которая денежная казна прислана изъ Малороссійскихъ городовъ, и та казна роздана ратнымъ людемъ, полковникамъ и ихъ полковъ начальнымъ людемъ и рейтарамъ и солдатамъ и стрѣльцамъ»[23].

И такъ, Петръ Васильевичь Шереметевъ не могъ не ожидать нападенія Татаръ на Кіевъ, но тѣмъ ужаснѣе для него было сознаніе полной невозможности дать отпоръ хищникамъ. Впрочемъ, 13 августа, дѣло обошлось лишь тѣмъ, что «Татары отогнали конскія и скотскія стада отъ Кіева. Шереметевъ доносилъ государю, что «изъ Кіева, за ними, Татарами, видя ихъ великое многолюдство, госу-

[23] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: дѣла Малороссійскаго приказа. № 5875.

даревыхъ ратныхъ послать опасались, потому что въ Кіевѣ ратныхъ людей мало да и тѣ многіе пѣши». За то, на другой день, 14 августа, въ 5-мъ часу, Татары подошли уже къ самому Кіеву, къ городовой стѣнѣ и опять отогнали выпущенныя сюда, за городъ къ самой стѣнѣ, конскія и скотскія стада. Тогда,—доносилъ Шереметевъ,—«мы, прося у Спаса милости, съ рейтары, небольшими людьми, у которыхъ лошади есть, и съ солдатскими полки и съ стрѣлецкими приказы, за городъ противъ Татаръ выходили, и Татаровя съ нами учинили бой. И Божіею помощію и великаго государя счастіемъ, государевы ратные люди на томъ бою непріятельскихъ многихъ людей побили и переранили и въ языцѣхъ взяли Крымскаго Татарина, подзнаменщика калги-салтана. Великаго государя ратныхъ людей на томъ бою побитыхъ нѣтъ, только ранены».

Захваченный Татаринъ былъ «пытанъ на-крѣпко» и съ пытки показалъ, что «калга-салтанъ стоитъ подъ Бѣлою Церковью; съ нимъ девять салтановъ, а мурзъ и Татаръ вельми много, сколько числомъ, того не вѣдаетъ. Да съ ними жъ, салтанами: Дорошенко

съ казаками, Татарове Ногайскіе и горскіе Черкасы; а Волоховъ и Мутьянъ ожидаютъ къ себѣ, къ Бѣлой Церкви, вскорѣ».

Изъ дальнѣйшихъ показаній Татарина выяснилось, что какъ только бывшіе въ Кіевѣ Дорошенковы посланцы, сотники Дубяга и Андреевъ, отпущенные съ толмачемъ Путицынымъ и Крымскими гонцами, прибыли къ Бѣлой Церкви, тотчасъ же калга-салтанъ послалъ Татаръ подъ Кіевъ и что съ ними были также упомянутый толмачъ и Крымскіе гонцы. Салтаны и Дорошенко, по объясненію Татарина, будутъ стоять подъ Бѣлой Церковью до тѣхъ мѣстъ, пока не возьмутъ этого города у Поляковъ. «А какъ де Бѣлую Церковь возьмутъ или городъ сдастся имъ, то пойдутъ всѣми силами подъ Кіевъ, промыслъ надъ Кіевомъ чинить». Въ заключеніе Татаринъ сказалъ, что онъ слышалъ отъ самого калги-салтана, что «они, салтаны, хотѣли послать въ Кіевъ, къ боярину Шереметеву, посланника для миру, а на чемъ миръ учинить, того не вѣдаетъ» [24].

Кіево-Печерскій архимандритъ Иннокен-

[24] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: дѣло Малороссійскаго приказа. № 5875.

тій Гизель поспѣшилъ отправить укорительное посланіе Дорошенкѣ, за союзъ съ Татарами, о коемъ де союзѣ «всѣ ревнители благочестія не по-малу удивляючись, зѣло болятъ». Посланіе заключено такъ: «Умильно просимъ, дабы есте тую себѣ и намъ, паче же вѣрѣ и Церкви Божіей губильную зѣло бисурманскую оборону отъ себя отложивъ, съ бисурманами не соединялся, а подъ монархою, православнымъ царемъ пребывалъ, умноженія ради хвалы Божіей и народу христіанскаго въ ближнихъ своихъ; за что и отъ небеснаго Царя, за предстательствомъ сильнымъ Пресвятыя Богородицы и преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, временная и вѣчная благая одержите»[25].

Но Дорошенко, отуманенный честолюбивыми замыслами, былъ глухъ къ увѣщаніямъ и мольбамъ богомудраго «благодѣтеля и попечителя» Кіевскихъ Школъ.

---

[25] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 68.

ГЛАВА III.

Среди приготовленій гетмана Петра Дорофеевича Дорошенки къ «учиненію промысла» надъ Кіевомъ, онъ получилъ извѣстіе, что великій государь отпустилъ его брата, Григорья, находившагося въ числѣ плѣнныхъ въ Москвѣ. Дорошенко благодарилъ царя Алексѣя Михайловича въ такихъ выраженіяхъ: «Проповѣдуя милость, хваля незлобіе, исповѣдуя неизреченное вашего царского пресвѣтлого величества праведного государя, истинно царя христіянского, благодѣяніе, яко вся земля тѣхъ исполнися, до лица земли кланяяся со всякимъ смиреніемъ, за отпускъ брата моего Григорія, вашему царскому пресвѣтлому величеству благодареніе воздаю, съ нимъ же вся достодолжная и

доброхотная почитанія, къ сему же всякое радѣніе обѣщая»[26].

Петръ Васильевичь Шереметевъ, съ своей стороны, отправилъ въ Чигиринъ, къ Дорошенкѣ, дворянина Василья Ѳедоровича Дубенскаго съ порученіемъ сказать гетману, «чтобъ онъ, видя великого государя нашего, его царского пресвѣтлого величества къ себѣ и къ брату своему милость, отъ погибельной душамъ Агарянской прелести, отъ Татаръ, отсталъ, и обратился ко Христіянству, и служилъ обоимъ великимъ государемъ»[27].

Дорошенко принялъ Шереметевскаго посланца съ почетомъ. Угостилъ его обѣдомъ, при чемъ, поднявъ заздравную чашу, сказалъ: «Я готовъ за православного христіанского великого государя, его царское пресвѣтлое величество, кровь свою пролить и голову положить. Дай, Господь Богъ, чтобъ мнѣ за него, великого монарха, кровь свою пролить и голову положить»! Съ этими словами, по данному знаку, раздался залпъ «изъ мелкаго

---

[26] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 232. столб. 2.

[27] Тамъ-же, стр. 234. столб. 1.

ружья» и началась пальба «по городу, изо всѣхъ пушекъ»[28].

Въ заключеніе, самъ Дорошенко, братъ его Григорій, митрополитъ Іосифъ Тукальскій и бывшій гетманъ Юрій Хмельницкій (тогда инокъ Гедеонъ), «тайно» сказали Дубенскому слѣдующее: «Конечно, мы съ бояриномъ и воеводою Кіевскимъ и намѣстникомъ Смоленскимъ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ въ совѣтѣ и въ любви жить желаемъ. И за такую его любовь, что посланнымъ нашимъ честь велію воздаетъ, поитъ и кормитъ и подарками великими меня, гетмана, и посланныхъ моихъ даритъ,—о всякихъ тайныхъ вѣстяхъ вѣдомо чинить будемъ неотмѣнно, за такую его любовь и ласку въ нашихъ краехъ»[29].

Въ бытность Дубенскаго въ Чигиринѣ, тамъ же находились и Польскіе послы, Мандревскій и Пивницкій, пріѣзжавшіе отъ короннаго гетмана Яна Собѣскаго, звать Дорошенка на сеймъ. Они, предъ самымъ выѣз-

---

[28] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 236. столб. 1.

[29] Тамъ-же, стр. 237. столб. 1.

домъ изъ Чигирина, прислали къ Дубенскому, на постоялый дворъ, войсковаго товарища Полховскаго, «отдать ему поклонъ свой». Полховскій тоже тайно и, конечно, по наказу пословъ, сообщилъ Дубенскому новости по занимавшему тогда всѣхъ вопросу о преемникѣ Польскаго короля Яна-Казиміра. Извѣстно, что вслѣдъ за кончиною королевы Польской Маріи Гонзаго, послѣдовавшею 30 апрѣля 1667 года, супругъ ея, король Янъ-Казиміръ рѣшительно объявилъ о своемъ намѣреніи отречься отъ престола. По словамъ Дубенскаго, посланецъ Польскихъ пословъ сказалъ ему по секрету, «Цесарь христьянской съ королемъ Шведскимъ да съ королемъ Яномъ-Казиміромъ учинили присягу межъ себя будто бы на томъ, что Кондоуса (герцогъ Конде), королевы Польской брата, на королевство Польское не пустить; а хочетъ де король Польскій, чтобъ на королевствѣ его быть великого государя, его царского пресвѣтлого величества, сыну его, государеву, царевичю; и цесарь де христьянской и король Шведскій позволяютъ, чтобъ быть на королевствѣ сыну его царскаго пресвѣтлаго величества, царевичу, чтобъ на бо-

сурманы ходить за-одно»[30]. Конечно, Полякамъ хотѣлось только сказать любезность посланцу Кіевскаго воеводы; имъ хорошо было извѣстно, что, напротивъ того, Янъ-Казиміръ настойчиво проводилъ на Польскій престолъ брата покойной жены герцога Конде, и что на сеймѣ было постановлено не избирать никого до смерти короля.

Возвратившись въ Кіевъ, Дубенскій представилъ Петру Васильевичу Шереметеву слѣдующее письмо Петра Дороѳеевича Дорошенка, нѣсколько странное и по формѣ, и по содержанію:

«Великій боярине и воевода Кіевской Петръ Васильевичь Шереметевъ! Благого дѣла мнѣ, Петру Дороѳеевичу, войска его королевского величества Запорожского гетману, желаешь, егда совѣтуешь отступити отъ дружбы Агарянъ Татаръ, и со Христіяны въ совѣтѣ жительствовать. Тако отвѣщаю на таковое желаніе: понеже не самъ собою, но отъ королевского величества, подъ которого нынѣ властію живемъ, сіе дѣло имѣемъ, яко король, государь нашъ милости-

[30] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 233.

вый, съ ханомъ побратался и самъ со всею палатою поприсяглъ съ Татары совершенную дружбу держати и никогда не быти разорванной по истиннѣ обѣщался»...

На этомъ мѣстѣ нѣсколько пріостановимъ чтеніе письма Дорошенки, для необходимаго объясненія. Не только современнаго читателя, но вѣроятно и самого Шереметева, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, должно было удивить: когда же это Польскій король успѣлъ побрататься съ Крымскимъ ханомъ? Трудно повѣрить, а это дѣйствительно такъ: Дорошенко, въ своихъ лукавыхъ изворотахъ, дошелъ до того, что не постѣснился въ данномъ случаѣ сослаться на заключенный еще Выговскимъ Гадячскій договоръ, въ которомъ точно говорится о такомъ побратимствѣ короля съ ханомъ.

«Тако же и намъ, слугамъ королевского величества,—читаемъ далѣе въ письмѣ Дорошенки,—невозможно того братства разоряти, и начальника намъ зрѣти подобаетъ. А къ тому и прежде насъ бывшіе гетманы войска Запорожского въ томъ же обрѣтались дѣлѣ; въ сицевыхъ вещахъ да будетъ намъ вѣра дана... И тако, нѣсть рабъ болій господа

своего. Государю своему королю повинующіися, не можемъ отъ дружбы Татарскіе отбыти. А что боярину и воеводѣ Петру Васильевичу извѣстно чинитца, что великого государя, его царского пресвѣтлого величества, въ Заднѣпрскіе Малороссійскіе городы Татаровя хотятъ приходить войною, о томъ я не вѣдаю, и вины къ войнѣ не вижу, кромѣ того развѣ, съ гнѣву на Запорожцовъ, которые его царского величества имянуючися людми, убытки въ государствѣ Крымскомъ починили; хотятъ на Заднѣпрскихъ людехъ, убытковъ своихъ доходить Татаровя; а опрочѣ того, никаковые вины до войны не познаваю. Кровопролитія христіянского и азъ не желаю; наипаче молю Господа Бога о умиреніи государей земныхъ. А что ратные люди его царского пресвѣтлого величества суть готовыми на отпоръ войскамъ, какимъ ни есть наступающимъ, тому я, давъ вѣру, надѣюся, что до насъ неимѣющее никого дѣла; не похотятъ наступати на городы и нашу страну ратные его царского пресвѣтлого величества люди. Исполняя желаніе боярина и воеводы Петра Васильевича Шереметева, отвѣщаю всякою дружбою и пещися о

томъ хощу, чтобы въ Малороссійскіе городы его царского пресвѣтлого величества Татаровя войною не ходили, народу нашего не убивали, и церквей Божіихъ не разоряли. Того всего христіянскимъ сердцемъ, яко сынъ православные церкви, исполнити попекуся. Отъ Татарского же соединенія, мнѣ отлученну быти невозможно»[31].

Очевидно, въ этихъ объясненіяхъ Дорошенки не было ни малѣйшей искренности. Всюду грозилъ онъ громить вмѣстѣ съ Татарами Польскаго короля; а тутъ союзъ свой съ Татарами, вдругъ, начинаетъ оправдывать волею того же короля[32]. Дорошенко какъ будто бы забылъ, что еще такъ недавно поручалъ своимъ посланцамъ въ Кіевъ увѣрить Шереметева, что онъ «призвалъ Татаръ собственно на Поляковъ». А между тѣмъ, дѣятельно собиралъ Татаръ и устраивалъ ихъ для нападенія на Кіевъ и прочіе государевы города лѣвобережной Украйны; въ разговорѣ же съ Дубенскимъ, вопіялъ: «Разлейся моя гетманская кровь, если я желаю христіян-

[31] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 237. столб. 2—стр. 238. столб. 2; т. VII. Спб. 1872. стр. 171.

[32] Костомаровъ. Руина. Спб. 1882. стр. 180.

ского кровопролитія или пошлю войною Татаръ на православныхъ Христіянъ»[33]!

При всемъ томъ Дорошенко пользовался такимъ обаяніемъ въ народѣ, что по-неволѣ приходилось считаться съ нимъ. Не Шереметевъ только, но и самъ Ординъ-Нащокинъ, состоявшій въ то время начальникомъ Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ, зорко слѣдилъ изъ Москвы за каждымъ шагомъ талантливаго и рѣшительнаго гетмана тогобочной Украйны. Дорошенко самъ виноватъ, что производимое имъ обаяніе постепенно слабѣло, благодаря именно связямъ его съ мусульманами, связямъ, имѣвшимъ для него такія печальныя послѣдствія.

Въ декабрѣ 1667 года, въ Малороссію прибылъ изъ Москвы стряпчій Василій Михайловичь Тяпкинъ съ неожиданнымъ и радостнымъ для многихъ извѣстіемъ, что царь Алексѣй Михайловичь, «самъ, особою своею, съ Москвы подвигнутись желаетъ, въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ помолиться и поклонитися чюдотворному образу святой Владычицы нашея Богородицы, и видѣть многочю-

[33] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 235. столб. 1.

десныя мощи преподобныхъ отцовъ Печерскихъ хощетъ».

Петръ Васильевичь Шереметевъ немедленно сообщилъ объ этомъ гетману Дорошенкѣ и оповѣстилъ по всѣмъ государевымъ Малороссійскимъ городамъ. Вездѣ, въ соборныхъ церквахъ, былъ пѣтъ молебенъ «за государское многолѣтное здоровье и о пришествіи его царского пресвѣтлого величества въ Кіево-Печерскій монастырь, Печерскимъ чудотворцамъ помолитися»[34].

Дорошенко, отъ 20 декабря, отвѣтилъ Шереметеву: «Ясневельможный, милостивой господине боярине и воевода его царского пресвѣтлого величества Кіевской, мой любимый друже и пріятелю!.. Пришествіе въ Кіевъ великого государя, его царского пресвѣтлого величества, благопріятно ми есть: понеже приходъ его царского величества, въ Кіевѣ и во всѣхъ Малороссійскихъ городѣхъ людей увеселитъ и къ радости приведетъ. Мнѣ же о таковомъ благополучномъ извѣщеніи радоватися подобаетъ, и сердцемъ и усты всесил-

---

[34] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 219. столб. 2.

ному Богу за вся благая благодареніе воздаю; а твоей милости за такія вѣсти челомъ бью»[35].

Самого Тяпкина со всѣхъ сторонъ осаждали вопросами о царскомъ величествѣ: скоро ли въ Кіевъ будетъ, по нынѣшнему ли зимнему пути или весною? Спрашивали и о Кіевѣ: впрямь ли утвердился, отдадутъ ли его Ляхамъ? Тяпкинъ всѣмъ говорилъ, что, разумѣется, градъ Кіевъ «вѣчными часы» будетъ принадлежать великому государю[36].

Московскій посланецъ остановился не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ. Казалось бы, что Тяпкинъ, имѣвшій порученіе, между прочимъ, развѣдать о дѣйствительномъ настроеніи умовъ въ краѣ, не могъ выбрать лучшаго мѣста для своихъ наблюденій. Въ Переяславлѣ, какъ ближайшемъ къ тогобочной Украйнѣ городѣ, ежедневно собиралось множество людей съ того берега Днѣпра и, наоборотъ, Переяславскіе жители, казаки и мѣщане постоянно ходили туда, по дѣламъ торговымъ или просто въ гости. Такимъ образомъ, Пе-

---

[35] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 239. столб. 1.

[36] Тамъ-же, стр. 245. столб. 2.

реяславль представлялъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ обмѣна мыслей, вѣстей и слуховъ у Малороссіянъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Московской и Польской.

Въ Переяславлѣ сидѣлъ Московскій воевода, стольникъ Алексѣй Пантелеевичь Чириковъ, тотъ самый, который такъ жестоко былъ наказанъ за то, что умышленно или неумышленно опоздалъ на службу въ Кіевъ, къ предмѣстнику Петра Васильевича Шереметева, князю Львову[37]. По свидѣтельству Тяпкина, Чириковъ былъ «зѣло болѣнъ и безъ памяти»[38]. Съ горстью ратныхъ людей, человѣкъ въ триста, притомъ «нагихъ, босыхъ и голодныхъ», сидѣлъ онъ, запершись, въ «маломъ замочкѣ», въ непрестанномъ тревожномъ ожиданіи нападенія пребывавшихъ въ Переяславлѣ многихъ казаковъ и черни, сильно тянувшихъ къ Дорошенкѣ и крайне возбужденныхъ положеніемъ вещей, созданнымъ Андрусовскимъ договоромъ. Въ Переяславскомъ замочкѣ, при воеводѣ Чириковѣ, находилась и дочь его, Евдокія Алексѣевна, кото-

---

[37] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. Спб. 1892. стр. 348.

[38] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 246. столб. 1.

рой въ весьма недалекомъ будущемъ предстояло вступить въ бракъ съ старшимъ сыномъ Кіевскаго воеводы боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, Борисомъ Петровичемъ.

Стряпчему Тяпкину, на первыхъ же порахъ, пришлось, однако, горько раскаиваться, что поселился въ Переяславлѣ. «Здѣсь—писалъ онъ въ Москву—отнюдь нѣтъ вѣрнаго и добраго человѣка, ни изъ какихъ чиновъ: всѣ бунтовщики и лазутчики великіе, и ни въ одномъ словѣ вѣрить никому нелзѣ... Послѣднее бы съ себя отдарилъ, да лихи лгать: гдѣ божится, присягаетъ, тамъ и не слыша, всѣ лгутъ... Изо всѣхъ городовъ, такова шаткова мѣста нѣтъ. Добро бъ навернуть ихъ на истину большими ратными людми! Тысячи бъ три или мало что двѣ пристойны быть въ Переяславлѣ, то они будутъ страшны и вѣрны!.. И буде ратныхъ людей въ Переяславлѣ не прибавятъ, а старыхъ не накормятъ и не одѣнутъ, ей, некому и нечимъ содержать такого многолюднаго и зѣло мятежнаго города во всей Малороссійской странѣ. Вся злоба и бунты родятся отъ Переяславскихъ обывателей. У казаковъ и у мѣщанъ

Переяславскихъ безпрестанныя тайныя ссылки съ Дорошенкомъ» [39].

Прежде всего Тяпкинъ отправилъ въ Чигиринъ поручика рейтарскаго строя Кручину Лазарева Тютюрева, для доставленія недавнему Московскому плѣннику Григорью Дорошенкѣ письма Ордина-Нащокина о томъ, чтобы онъ склонялъ своего брата, гетмана Петра Дорошенка, отстать отъ Татаръ и быть подъ рукою великаго государя. Но Григорій Дорошенко письма не принялъ и отослалъ его съ поручикомъ Кручиною къ брату-гетману. Тотъ собралъ раду изъ полковниковъ и знатныхъ казаковъ, а писарю велѣлъ вычесть письмо въ-слухъ всѣмъ. По выслушаніи письма, гетманъ Дорошенко сказалъ Кручинѣ: «Мы ради быть подъ высокодержавною рукою великого государя, его царского пресвѣтлого величества, только де боимся гнѣву на себя отъ Польского короля; а больше того боимся Крымского хана: какъ онъ увѣдаетъ, что царского величества люди ко мнѣ пріѣзжаютъ для умирительныхъ дѣлъ, и ханъ тотчасъ пришлетъ орду и велитъ наши городы и мѣсты запустошить и попалить». А въ

[39] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 246.

послѣднемъ словѣ, вся старшина единогласно объявила Кручинѣ, что «имъ никоими мѣрами нельзѣ отъ бусурманъ отлучнымъ быть»[40].

Кручина разсказывалъ, что гетманъ Дорошенко водилъ его съ собою въ церковь, обѣдню слушать: «Служилъ де въ тѣ поры обѣдню митрополитъ Іосифъ Тукальскій и монахъ Гедеонъ Хмельницкій. На всѣхъ де ектеньяхъ молили Бога за Польского короля; во приношеніи святыхъ даровъ митрополитъ поминалъ святѣйшихъ патріарховъ вселенскихъ; а Хмельницкій де поминалъ великого государя нашего»[41].

Гетманъ Дорошенко дозволилъ своему брату, Григорью, съѣхаться съ Тяпкинымъ, для переговоровъ, но съ тѣмъ, во-1-хъ, чтобъ свиданіе ихъ происходило не въ Переяславлѣ, а на ихъ берегу Днѣпра, въ Черкасахъ; если же Тяпкинъ побоится туда ѣхать, то въ Богушовѣ слободкѣ, между Черкасами и Золотоношей; во-2-хъ, чтобы стороны обмѣнялись аманатами, знатными и честными людь-

---

[40] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 243. столб. 1 и 2.

[41] Тамъ-же, стр. 244. столб. 1.

ми, и въ-3-хъ, чтобы ни та, ни другая сторона не брали съ собою много людей, а сколько будетъ пригоже.

Свиданіе состоялось въ Черкасахъ. Съ Григорьемъ Дорошенкой пріѣхалъ войсковой писарь Лукашъ Бускевичь, а съ Тяпкинымъ—Переяславскій полковой писарь, знакомый намъ, Василій Ѳедоровичь Дубенскій. Всѣхъ разговоровъ ихъ передавать не будемъ. Григорій Дорошенко и писарь Лукашъ, разумѣется, говорили по наказу гетмана Петра Дороѳеевича. Замѣтно было, что гетманъ Дорошенко хорошо понялъ, что Московское правительство считается съ нимъ, какъ бы ухаживаетъ за нимъ. Его повѣренные дозволили себѣ даже нѣкоторую дерзость, заявляя, будто бы «народи ихъ зѣло страшны и опасны о пришествіи царского величества въ Кіевъ, не довѣряючи тому, что царское величество молиться идетъ: только того начаются, чтобъ посполу съ Поляки не подвигнулись царского величества рати на ихъ страну»...[42]. Григорій Дорошенко и писарь Лукашъ, въ разговорахъ своихъ, имѣв-

[42] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 253. столб. 1.

шихъ по своей обстановкѣ какъ бы оффиціальный характеръ, осмѣлились дѣлать упреки Московскому правительству... Но потомъ, вдругъ, сробѣли и кончили все просьбою, къ которой присоединились всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ «многіе знатные люди Заднѣпрскія стороны». Достойно примѣчанія, что просьба эта была заявлена не въ-слухъ, а «втайнѣ», то-есть, по секрету. «Подъ высокодержавною рукою его царского величества—говорили Малороссійскіе дипломаты—быти хощемъ и вѣрно служить, по первому подданству и по присягамъ, обѣщаемся, только бы у насъ въ городѣхъ и мѣстечкахъ воеводъ и залоги и всякихъ чиновъ начальниковъ Московскихъ не было, и вольности казацкія и права были не нарушены, и гетманомъ бы надъ всею Малою Россіею, обопольныхъ народовъ Днѣпра, быть Петру Дорошенку, и поборовъ и всякихъ податей съ мѣщанъ и со всякихъ тяглыхъ людей никакихъ не имать. А гетману Брюховецкому, по милости великого государя, его царского величества, мочно прожить и о себѣ, потому что пожалованъ самою совершенною превысокою честью и многими маетностями, и гет-

манство ему, Брюховецкому, уступить Дорошенку мочно»[43].

Такіе разговоры, конечно, не могли улучшить мнѣнія Тяпкина о Малороссіянахъ, которое у него составилось по личнымъ наблюденіямъ надъ Переяславцами. Во всякомъ случаѣ, онъ возвратился въ Москву съ убѣжденіемъ, что народъ Малороссійскій «не благожелательствуетъ безусловно Московской власти»[44].

Къ великому прискорбію, царь Алексѣй Михайловичь отложилъ благое намѣреніе ѣхать въ Кіевъ, поклониться его святынямъ. Можетъ быть, такое рѣшеніе было слѣдствіемъ донесеній стряпчаго Тяпкина. Могли быть и другія причины: на дальнемъ сѣверѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, вспыхнулъ мятежъ, какъ отраженіе только что состоявшагося рѣшенія по дѣлу патріарха Никона; а съ береговъ Волги, съ-Низу, все громче и громче, подобно раскатамъ грома, долетали до Москвы грозныя вѣсти о Стенькѣ Разинѣ...

---

[43] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 253. столб. 2.

[44] Костомаровъ. Руина. Спб. 1882. стр. 185.

ГЛАВА IV.

Наступилъ 1668-й годъ, показанный въ Вѣчномъ Календарѣ високоснымъ. Какъ бы въ оправданіе народной примѣты, годъ этотъ былъ дѣйствительно тяжелымъ для Малороссіи, особенно же для находившихся тамъ Московскихъ воеводъ и государевыхъ ратныхъ людей. Украинскій бытописатель XVII вѣка, Самойло Величко, приступая въ своей хроникѣ къ описанію событій 1668 года, замѣчаетъ: «Того року было Благовѣщеніе Пресвятой Богородици по Свѣтломъ Воскресеніи Господнемъ, въ середу Свѣтлую, ея же нощи снѣгъ изобилній випалъ, и чрезъ чтирѣ неделѣ лежалъ по Воскресеніи Господнемъ, и такъ было холодно, же птахи и скоти мерзли» [45].

---

[45] Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 161.

Прежде описанія бѣдствій, постигшихъ, въ 1668 году, Малороссію, прослѣдуемъ на нѣкоторое время въ Москву, чтобъ взглянуть на житье-бытье пребывавшихъ тамъ представителей Рода Шереметевыхъ.

Начнемъ съ старѣйшаго члена семьи, дочери Ѳедора Ивановича Шереметева,—княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской,—жены боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго. Она доживала свой вѣкъ въ большомъ почетѣ, какъ пріѣзжая боярыня царицы Маріи Ильинишны[46], окруженная внуками и внучками отъ трехъ сыновей своихъ, изъ которыхъ въ живыхъ оставался тогда только князь Яковъ Никитичь. Онъ былъ уже бояриномъ. Мужъ его дочери, Маріы Яковлевны, князь Михайло Яковлевичь Черкасскій, какъ сказано выше, получилъ весьма значительное наслѣдство отъ своего отца боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго. Другая дочь князя Якова Никитича была за княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ (извѣстный впослѣдствіи верхòвникъ).

Княгиня Евдокія Ѳедоровна Одоевская,

---

[46] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 350.

ревнуя о памяти своего отца, боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, продолжала усердствовать вкладами въ мѣсто его вѣчнаго упокоенія, въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ тамошнемъ Успенскомъ соборѣ, подъ сводами древней паперти коего погребенъ Ѳедоръ Ивановичь (во иноцѣхъ Ѳеодосій), у лѣваго клироса, была поставлена хоругвь, пожертвованная княгиней Евдокіей Ѳедоровной, въ 1666 году[47].

Мужъ княгини Евдокіи Ѳедоровны, ближній бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, въ 1668 году, тоже былъ уже въ преклонныхъ годахъ. Подобно тестю своему, боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву, онъ занималъ должность начальника Аптекарскаго приказа. Нѣсколько позже, одинъ изъ придворныхъ докторовъ-иноземцевъ, именно Лаврентій Рингуберъ, въ своемъ Описаніи путешествія въ Московію[48], посвящаетъ слѣдующія строки князю Никитѣ Ивановичу: «Болѣе всего достоенъ наивысшаго почтенія первый сановникъ и старшій между всѣми дворянами бояринъ князь Никита Ивано-

[47] Чтенія. 1859. кн. III. изслѣдов. стр. 23.

[48] Relation du voyage en Russie, fait en 1684. Berlin. 1883.

вичь Одоевскій. Этому мудрому мужу, говорятъ, 83 года. Князь страдаетъ отекомъ, опухолью ногъ съ цынгою, и такъ какъ онъ состоитъ начальникомъ Аптекарскаго приказа, то у него весьма часто собираются доктора. Когда мы рѣшили лѣчить его лѣкарствами, не только наружными, но и внутренними, слабительными и размягчающими,—которыя, дѣйствуя на корень болѣзни, останавливаютъ ея развитіе,—то онъ отказался отъ этого, сказавъ: Прошу васъ, вылѣчите мнѣ ногу, а остальное мое тѣло здорово. Какое отношеніе могутъ имѣть къ ногѣ ваши слабительныя или внутреннія лѣкарства»! Современникъ-полякъ, извѣстный Павелъ Потоцкій, проживавшій въ Москвѣ и лично знавшій всѣхъ лицъ, составлявшихъ Московскій дворъ, похваляетъ благоразуміе и благородство чувствъ князя Никиты Ивановича Одоевскаго. Онъ свидѣтельствуетъ, что князь Никита Ивановичъ, между прочимъ, занимался усердно Славянской Литературой и имѣлъ нѣкоторыя познанія въ Исторіи Польской. О сынѣ князя Никиты Ивановича, князѣ Яковѣ Никитичѣ Одоевскомъ, Потоцкій отзывается тоже, какъ о человѣкѣ образо-

ванномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и надменномъ [49].

Теперь слѣдуетъ внукъ Петра Никитича Шереметева, ближній или комнатный стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы его оставили [50], онъ продолжалъ нести исключительно придворную службу, участвуя въ разныхъ торжественныхъ церемоніяхъ, въ пріемахъ чужеземныхъ пословъ и тому подобномъ. Въ 1668 году, въ его служебномъ положеніи совершилась весьма существенная перемѣна. Съ этого года мы его видимъ начальникомъ Владимірскаго Суднаго приказа,—мѣсто, на которомъ, въ сороковыхъ годахъ, сидѣлъ его отецъ, бояринъ Иванъ Петровичь Шереметевъ, а послѣ и Василій Борисовичь Шереметевъ. Товарищемъ у Никиты Ивановича былъ Василій Дмитріевичь Овцынъ, а въ дьякахъ—Андрей Галкинъ да Тимоѳей Безсоновъ; но въ томъ же году, Галкина взяли въ Казенный приказъ, а Безсоновъ «посланъ

---

[49] Potocki. Paulus Comes. Opera omnia. Varsaviae. 1748. стр. 192 и 193.

[50] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. стр. 522—526.

на службу». Мѣста ихъ заняли дьяки: Семенъ Звягинъ да Тимоѳей Кузьминъ[51].

Постараемся точнѣе опредѣлить, въ чемъ именно заключалась новая служба стольника Никиты Ивановича Шереметева, каковъ былъ кругъ вѣдомства порученнаго ему приказа.

У насъ, въ XVII столѣтіи, кромѣ общихъ приказовъ, были еще особенные приказы, завѣдывавшіе разными дѣлами управленія въ извѣстныхъ частяхъ государства, и между ними приказы по управленію дѣлами суда. Сколько извѣстно, такихъ судныхъ приказовъ было всего четыре: Московскій, Владимірскій, Дмитровскій и Рязанскій. Послѣдніе два приказа упоминаются только въ актахъ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка и первой четверти XVII-го. Послѣ того о нихъ ничего не говорится, ни въ узаконеніяхъ царя Алексѣя Михайловича, ни въ позднѣйшихъ. И у Котошихина имѣются свѣдѣнія только о двухъ судныхъ приказахъ: Московскомъ и Владимірскомъ. Какъ въ Московскомъ Судномъ приказѣ вѣдались исковыя дѣла, поступавшія въ него отъ жителей

[51] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 838.

Москвы, ея уѣзда, а также другихъ городовъ и уѣздовъ, приписанныхъ къ ней,—точно также и въ Владимірскомъ Судномъ приказѣ вѣдались исковыя дѣла, поступавшія въ него отъ жителей города Владиміра, его уѣзда и другихъ приписанныхъ къ нему городовъ и уѣздовъ[52]. Къ числу дѣлъ обоихъ судныхъ приказовъ, въ подвѣдомыхъ имъ мѣстностяхъ и относительно подчиненныхъ имъ сословій, принадлежали именно: жалобы на судебныхъ чиновъ, сыски бѣглыхъ крестьянъ, пристанодержательство, дѣла гражданско-судебныя, а изъ уголовныхъ—дѣла о татьбахъ и разбояхъ безъ поличнаго и насильственныя завладѣнія вотчинами и помѣстьями[53].

Въ то время, какъ стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ сидѣлъ во Владимірскомъ Судномъ приказѣ, начальникомъ Московскаго Суднаго приказа былъ стольникъ же князь Андрей Михайловичь Сонцовъ-Засѣкинъ.

---

[52] Неволинъ. Полное собраніе сочиненій. Т. VI. Спб. 1859. стр. 180.

[53] Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Кн. I. Спб. 1869. стр. XIX. столб. 1.

Кромѣ текущихъ дѣлъ по челобитьямъ, поступавшимъ прямо въ судные приказы, туда нерѣдко передавали для перевершенія подлежащія дѣла и изъ другихъ приказовъ. Такъ было, напримѣръ, въ описываемомъ 1668 году, съ рѣшеннымъ въ Помѣстномъ приказѣ дѣломъ по тяжбѣ родного прадѣда князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго, Московскаго дворянина Силы Семеновича Потемкина съ Казанцами Лаврентьемъ и Тимоѳеемъ Одинцовыми да съ Михайломъ Львовичемъ Плещеевымъ, главнымъ образомъ съ послѣднимъ изъ нихъ, о насильственномъ завладѣніи имъ вотчиною его, Потемкина, въ Веневскомъ уѣздѣ, деревнею Макаровою и пустошью Крутовѣцкою. Сила Семеновичь Потемкинъ жаловался государю, что дѣло то рѣшено неправильно, при чемъ обзывалъ Плещеева «злымъ разорителемъ, подговорщикомъ и составщикомъ», надѣющимся «на свое богатство и на дружбу» съ начальникомъ Помѣстнаго приказа думнымъ дьякомъ Григорьемъ Карауловымъ. Послѣдняго онъ прямо называлъ «неправеднымъ судьей» и говорилъ, что онъ Михайлу Плещееву «во всемъ

дружитъ и норовитъ». Государь приказалъ перенести дѣло въ Владимірскій Судный приказъ. По приговору начальника сего приказа, Никиты Ивановича Шереметева, Потемкина «оправили», то-есть, дѣло было перерѣшено въ его пользу[54].

Независимо отъ оказаннаго Никитѣ Ивановичу Шереметеву довѣрія, выразившагося въ порученіи ему довольно труднаго приказа, въ томъ же 1668 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, ему было пожаловано «за службы» въ вотчину изъ помѣстнаго его оклада, въ 1000 четвертей, съ каждой сотни по 20 четвертей, всего 200 четвертей. Вновь пожалованная Никитѣ Ивановичу вотчина находилась въ двухъ уѣздахъ: 1) въ Костромскомъ уѣздѣ, въ Корзлинѣ станѣ, сельцо Терптюгово, Тектюгово тожъ, на рѣчкѣ Черницѣ; деревни—Воробьево; Глятково, Глатково тожъ; Тесы, на рѣчкѣ Тесовкѣ; Малиновцы, Малиновки тожъ; Матвѣйцево; Меленки, на рѣчкѣ Черницѣ; починокъ, что̀ была пустошь, Сосновка, Сосенка тожъ; пустошь, что̀ была починокъ, Колесниковъ; пустошь Бровкино; въ Минскомъ станѣ, деревня Ножниково, Ножевни-

[54] Чтенія. 1886. кн. I. Смѣсь. стр. 1—5.

ково тожъ. 2) Въ Муромскомъ уѣздѣ, въ Дубровскомъ станѣ, деревня Кожино, на рѣчкѣ Великушѣ; половина пустоши, что̀ тогда была деревня, Дуловское, Турлобово тожъ; два жеребья Душишной Поляны; пустошь, что̀ была деревня, Малахово, на рѣчкѣ Леднѣ. Далѣе, мы вступаемъ въ область знаменитыхъ Муромскихъ лѣсовъ и боровъ, какъ это видно изъ самыхъ названій мѣстностей, входившихъ въ составъ описываемой вотчины Никиты Ивановича Шереметева: половина пустоши, что̀ былъ полъ-починокъ, Семеновское-Залѣсье, на большомъ бору; Мышлетскій раменскій лѣсъ; да въ раменскомъ же лѣсу, урочище Красная Гора, на рѣчкѣ Улдугарѣ[55]. Припомнимъ, что еще отецъ Никиты Ивановича, бояринъ Иванъ Петровичь Шереметевъ владѣлъ въ Дубровскомъ же станѣ, Муромскаго уѣзда, селомъ Пертово, а въ самомъ Муромѣ у него былъ дворъ[56].

Въ боярской книгѣ 1668 года, въ статьѣ

---

[55] Дѣла бывшей Печатной Конторы, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи: Записная книга 5-я жалованнымъ граматамъ. л. 22.

[56] Родъ Шереметевыхъ. Кн. II. стр. 370 и 371; кн. III. стр. 360 и примѣч. 411.

о Никитѣ Ивановичѣ Шереметевѣ, отмѣчено: «окладъ ему (съ 1658 года) съ придачами помѣстной 1000 чети, денегъ 75 рублевъ; ему же для объявленія благовѣрнаго государя царевича[57], 176 году, придачи денегъ 15 рублевъ, да за помѣстную за 130 чети, шесть рублевъ съ полтиною»[58].

О женѣ Никиты Ивановича Шереметева, Евдокіѣ Ѳедоровнѣ[59], можемъ сказать только то, что она, не взирая на стольничій чинъ своего мужа, точно также, какъ и жена стольника князя Юрья Ивановича Ромодановскаго, показывалась въ спискахъ пріѣзжей боярыней царицы Марьи Ильинишны[60].

Изъ Шереметевыхъ, кромѣ Евдокіи Ѳедоровны, при дворѣ находились еще: мачиха Василья Борисовича Шереметева, Ульяна

---

[57] Алексѣя Алексѣевича, который, 1 сентября 1667 года, «всему міру впервые объявленъ», то-есть, провозглашенъ наслѣдникомъ престола (Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. V. Спб. 1853. стр. 112. столб. 1).

[58] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Списки боярскіе. Кн. 6. л. 48 на об.

[59] У Долгорукова, въ Россійской Родословной Книгѣ (ч. IV. Спб. 1857. стр. 449. № 20), жена Никиты Ивановича Шереметева, по ошибкѣ, названа Евдокіей Григорьевной.

[60] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 345 и 351.

Петровна, рожденная княжна Пронская, и Настасья Ѳедоровна, вдова Матвѣя Васильевича Шереметева. Первая состояла мамой царевны Маріы Алексѣевны, а вторая—мамой царевны Екатерины Алексѣевны. Въ сентябрѣ 1668 года, Ульяна Петровна и Настасья Ѳедоровна Шереметевы, назначены были слѣдовать съ царицей Марьей Ильинишной и царевнами въ богомольный походъ въ Троице-Сергіевъ монастырь[61].

Единственный сынъ старшаго внука боярина Петра Никитича Шереметева, Василья Ивановича (скончавшагося еще въ 1652 году), Петръ Васильевичь Шереметевъ, приходился своему тезкѣ, Кіевскому воеводѣ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, двоюроднымъ племянникомъ, и въ отличіе отъ него, именовался въ актахъ Петромъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ. Въ 1668 году, ему шелъ 18-й годъ и въ боярскомъ спискѣ того года онъ показанъ стольникомъ, безъ всякаго оклада[62]. Онъ уже началъ при-

[61] Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1847—48 г. Кн. 5. Смѣсь. стр. 53.

[62] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Списки боярскіе. Кн. 6. л. 63 на об.

дворную службу. Такъ, въ іюнѣ 1668 года, Петръ Васильевичь, вмѣстѣ съ другими стольниками, участвовалъ въ проводахъ патріарха Макарія Антіохійскаго, пріѣзжавшаго въ Москву для суда надъ патріархомъ Никономъ. Теперь патріархъ Макарій возвращался на свой престолъ, въ далекій Дамаскъ. Путешествіе положено было совершить водою, въ стругѣ или суднѣ: на Коломну, Рязань, Нижній, Казань, Симбирскъ, Астрахань, Терки; далѣе, «въ Грузи», изъ «Грузей» въ Дамаскъ.

5 іюня 1668 года, патріархъ Божія града Антіохіи и всего Востока былъ у государя, въ Верху, въ Грановитой палатѣ, «благословеніе подати и прощеніе сотворити, отходя на путь». Онъ пріѣхалъ въ каретѣ, вмѣстѣ съ Чудовскимъ архимандритомъ Іоакимомъ (впослѣдствіи патріархъ Московскій), предшествуемый государевыми пѣвчими дьяками, которые всю дорогу пѣли. При вступленіи патріарха Макарія въ Грановитую палату, пѣвчіе запѣли прокименъ: «Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, ты еси Богъ творяй чудеса»! Тогда царь Алексѣй Михайловичь, одѣтый въ нарядъ царскій, употреблявшійся только

въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, съ крестомъ на персяхъ и діадимою, имѣя на главѣ золотую съ драгоцѣнными каменіями царскую шапку перваго наряда и съ скипетромъ въ рукѣ, сошелъ съ своего мѣста на встрѣчу патріарха. Не дошедъ столпа, онъ снялъ съ себя царскую шапку. Приступивъ къ патріарху и получивъ отъ него благословеніе, царь повелъ его за руку къ своему государеву мѣсту и посадилъ въ кресло рядомъ съ собою, по лѣвую сторону. Когда всѣ обряды отпуска окончились, царь Алексѣй Михайловичь проводилъ патріарха Макарія опять до столпа. Тутъ снова принялъ отъ него благословеніе и цѣловался съ нимъ въ уста.

На другой день, 6 іюня, въ субботу, въ 6-мъ часу, прибыли въ Успенскій соборъ: оба восточные патріарха, отъѣзжавшій—Макарій Антіохійскій и остававшійся въ Москвѣ—Паисій Александрійскій, а также нашъ Московскій—Іоасафъ. Патріархи облачились въ омофоры и начали молебенъ. Пропѣли канонъ Пресвятой Богородицѣ—«Вѡ́ду прошéдъ яко сѹ́шу, и Егѵ́петскаго злà избѣ́жàвъ», и за тѣмъ выступили крестнымъ ходомъ съ Владимірской иконой Божіей Матери къ Москвѣ-

рѣкѣ, къ Живому мосту, у котораго стоялъ приготовленный для патріарха стругъ. Царь Алексѣй Михайловичъ смотрѣлъ на крестный ходъ по Кремлю изъ окна Грановитой палаты. Патріархъ Макарій плылъ съ остановками, для ночлеговъ: на 7-е число, подъ Новоспасскимъ монастыремъ и на 8-е число — подъ Симоновымъ. 8-го числа, въ день ангела царевича Ѳедора Алексѣевича, великій государь прислалъ къ патріарху Макарію, подъ Симоновъ монастырь, въ стругъ, стольника князя Василья Васильевича Голицына съ именинным пирогомъ и съ ѣствами; а послѣ стола, патріарху поднесены были, отъ царя Алексѣя Михайловича — кубокъ съ кровлей, бархатъ гладкій, атласъ гладкій, камка и сорокъ соболей; а отъ именинника-царевича — атласъ же гладкій, камка и сорокъ соболей. На другой день, 9 іюня, патріархъ Макарій прослѣдовалъ далѣе и остановился подъ обителью Святителя Николая Чудотворца, что̀ на Угрѣшѣ, въ 15 верстахъ отъ Москвы, и, не выходя на берегъ, остался ночевать въ стругѣ. Въ Угрѣшу же, въ тотъ же день, пріѣхали въ каретѣ: патріархъ Александрійскій Паисій, патріархъ Московскій Іоасафъ и Чу-

довской архимандритъ Іоакимъ. А царь Алексѣй Михайловичь, въ 3-мъ часу дня, 10-го іюня, выступилъ изъ Москвы, въ сопровожденіи многочисленной свиты, въ которой находился и стольникъ Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, черезъ Измайлово, село Коломенское (гдѣ останавливался обѣдать), приселокъ Борисовъ и село Бесѣды, въ старинное великокняжеское село Островъ, находящееся всего въ четырехъ верстахъ отъ Угрѣшскаго монастыря.

11-го іюня, царь Алексѣй Михайловичь, отслушавъ заутреню въ своихъ государскихъ хоромахъ, выѣхалъ въ каретѣ изъ Острова на Угрѣшу, къ обѣднѣ. Служили патріархи: Макарій Антіохійскій и Іоасафъ Московскій. Патріархъ Александрійскій Паисій не служилъ и стоялъ на игуменскомъ мѣстѣ. Послѣ обѣдни, патріархи благословляли государя, а онъ, пригласивъ ихъ къ себѣ обѣдать и принявъ отъ братіи монастырскій хлѣбъ и живую рыбу, прослѣдовалъ обратно въ Островъ, куда приказалъ идти и стругамъ патріарха Макарія. Самъ патріархъ пріѣхалъ къ государеву столу въ одной каретѣ съ Чудовскимъ архимандритомъ Іоакимомъ. Царь

Алексѣй Михайловичь встрѣтилъ трехъ патріарховъ на среднемъ крыльцѣ. Вступивъ въ государеву комнату, патріархи говорили: «Достойно есть яко воистинну блажити ти тя Богородицу», а по «Достойнѣ», поклонились государю. Попы и діаконы «говорили благословеніе трапезѣ», послѣ чего государь и патріархи сѣли за одинъ столъ. За другимъ столомъ расположились власти, архимандриты и игумены; за третьимъ столомъ: бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, съ сыномъ, бояриномъ же княземъ Яковомъ Никитичемъ, и окольничіе: князь Борисъ Ивановичь Троекуровъ, Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ и Осипъ Ивановичь Сукинъ. Въ слѣдующей, передней, комнатѣ, за особымъ столомъ сидѣли попы, діаконы, патріаршіе ризничіе и старцы вселенскихъ патріарховъ; а за другимъ столомъ—стольники и всѣ прочіе чины, которые были за государемъ въ походѣ. За государевымъ поставцемъ сидѣлъ и про великаго государя ѣсть отпускалъ бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичь Хитрово. Питье въ кубкахъ подносили стольники «безъ объявки». По «благодареніи трапезы», самъ царь подносилъ па-

тріархамъ красные меды въ кубкахъ. Послѣ обѣда, патріархъ Макарій уѣхалъ къ себѣ, въ стругъ; патріархъ Іоасафъ—на Угрѣшу, а патріархъ Александрійскій Паисій, «для упокоенія тѣлеснаго чувства», удалился въ шатеръ, раскинутый на государевомъ дворѣ, противъ государскихъ хоромъ.

Въ условленный часъ, всѣ три патріарха собрались въ шатрѣ, поставленномъ на берегу, противъ струга и ожидали прибытія государя «для провожанья» отъѣзжавшаго. Вотъ, наконецъ, по дорогѣ изъ Острова показалась карета... На государевомъ мѣстѣ стоялъ образъ Тихвинской Божіей Матери, обложенъ серебромъ, вѣнецъ и цаты золочены, а по полямъ обнизанъ жемчугомъ. Противъ образа сидѣлъ царь Алексѣй Михайловичь, одѣтый въ опашень, зуфь[63] свѣтломалиновая, въ рукахъ у него была шапка, сукно скарлатъ[64] червчатъ съ пухомъ, посохъ ка́повый (Индѣйскій) съ костьми; съ государемъ «во дверѣхъ» сидѣлъ Благовѣщенскій протопопъ Андрей. Не дошедъ Москвы-рѣки и патріаршихъ струговъ, царь

[63] Шерстяная ткань.

[64] Французское сукно.

Алексѣй Михайловичь, посреди луга, вышелъ изъ кареты и пошелъ пѣшъ за образомъ, который понесли попы, а дьяконы, одни шли со свѣчами, другіе—кадили. Когда патріархи выступили изъ шатра на встрѣчу образа, царь, принявъ его отъ поповъ, поднесъ патріарху Макарію, при чемъ изрекъ усты своими: «Съ великимъ любочестіемъ и душевнымъ дарованіемъ подношу тебѣ образъ сій Пресвятыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцомъ, Господемъ и Богомъ нашимъ Іисусъ Христомъ. Она тебѣ, Мати Божія, да будетъ помощница и заступница въ пути твоемъ по морю и по суху, и доправитъ тя мирно чрезъ путь твой и до престола твоего»! Патріархи приложились къ иконѣ, а старцы патріарха Макарія, принявъ ее у священниковъ, понесли въ судно, провожаемые патріархами и царемъ, при чемъ государевы пѣвчіе дьяки пѣли ирмосъ: «Побѣждаются естества́ уста́вы въ тебѣ, Дѣво чистая». За иконою, всѣ три патріарха и царь Алексѣй Михайловичь вошли въ стругъ и поплыли Москвою-рѣкою, предшествуемые другимъ стругомъ съ государевыми пѣвчими дьяками, которые пѣли ирмо́съ: «Сушу глу-

бокородительную землю солнце нашествова иногда»[65] и прочее канона на Срѣтеніе Господне. На ходу, государь потчивалъ патріарховъ, властей, бояръ, окольничихъ и стольниковъ романеей[66] и медомъ, въ кубкахъ и ковшахъ. Отъѣхавъ версты четыре, струги причалили къ берегу у приселка Орининскаго. Всѣ вышли изъ струговъ. Патріархи говорили эктинію и отпускъ. Послѣ чего, отъѣзжавшій патріархъ благословилъ по-одиночкѣ всѣхъ присутствовавшихъ, начиная съ самого государя. Затѣмъ, патріархъ Макарій поплылъ далѣе, вмѣстѣ съ митрополитомъ Сибирскимъ Корниліемъ, которому поручено было проводить его блаженство до Казани[67].

Стольникъ Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, начавшій свою службу участіемъ въ столь рѣдкихъ и по своей обстановкѣ столь своеобразныхъ дѣйствахъ «провожанья» восточнаго патріарха, лично полу-

---

[65] Солнце нѣкогда взошло надъ сухою землею, родившеюся изъ глубины.

[66] Настойка на сладкомъ виноградномъ винѣ.

[67] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 763—790.—Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Т. V. Спб. 1853. стр. 128. столб. 2; стр. 130. столб. 2.—Выходы царей. М. 1844. стр. 496 и 497.

чившій при этомъ и благословеніе отъ самого патріарха Божія града Антіохіи и всего Востока, конечно, на всю жизнь сохранилъ воспоминаніе объ описанныхъ іюньскихъ дняхъ чествованія Антіохійскаго патріарха.

Царь Алексѣй Михайловичь, достойно проводивъ патріарха Макарія, уѣхалъ съ своими боярами, окольничими и стольниками, въ Островъ; патріархъ Александрійскій Паисій—въ государево дворцовое село Коломенское; Московскій патріархъ Іоасафъ—на Угрѣшу. А мы поспѣшимъ въ Кіевъ, къ боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву, тревожно слѣдившему за событіями въ Малороссіи, раздираемой Смутою, главными дѣйствующими лицами которой были: гетманъ Брюховецкій, Дорошенко и только что возвратившійся изъ Москвы епископъ Меѳодій, блюститель Кіевскаго митрополичьяго престола.

ГЛАВА V.

Мы уже знаемъ, что бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, находясь на воеводствѣ въ Кіевѣ, имѣлъ при себѣ всю свою семью, то-есть, жену, Анну Ѳедоровну (рожденная Волынская), и четырехъ сыновей: Бориса Петровича, Ѳедора Петровича, Ивана Петровича и Василья Петровича. Изъ нихъ, старшему, въ 1668 году, шелъ 16-й годъ, а младшему—девятый. 6-го іюля того года, у Петра Васильевича родился пятый сынъ, нареченный Владиміромъ, въ память празднуемаго 15-го іюля равноапостольнаго Владиміра, великаго князя Кіевскаго. Новорожденный Владиміръ Петровичь Шереметевъ, впослѣдствіи Кіевскій губернаторъ, появился на свѣтъ въ самый разгаръ Малороссійской Смуты, когда положеніе отца его бы-

ло не только труднымъ, но прямо трагическимъ. Дѣйствительно, Петръ Васильевичь былъ иногда весьма близокъ къ тому, чтобы извѣдать ту же участь, которая постигла его несчастнаго двоюроднаго брата и предмѣстника боярина Василья Борисовича Шереметева.

Съ внѣшней стороны, Петръ Васильевичь Шереметевъ обставленъ былъ какъ будто бы и хорошо. Ему присвоенъ былъ почетный титулъ намѣстника Смоленскаго. Присланные въ Малороссію, въ разные города, Московскіе воеводы состояли въ подчиненіи единственно у него. Такимъ образомъ, на Кіевскаго воеводу въ правѣ были смотрѣть и смотрѣли, какъ бы на намѣстника царскаго въ краѣ. Между тѣмъ, ему не давали рѣшительно никакихъ способовъ проявить свое вліяніе, свою власть, а такое проявленіе было столь нужно, было бы столь благотворно въ эту страшную эпоху раздвоеннаго бытія Украйны и всеобщаго шатанія. Со стороны могли бы даже заключить, что Московское правительство нисколько не заботилось о поддержаніи достоинства своего представительства въ Малороссіи. Оправданіемъ такого за-

ключенія могъ бы служить цѣлый рядъ отписокъ въ Москву боярина Петра Васильевича Шереметева, начала 1668 года. Въ одной, онъ пишетъ: «Кіевскихъ разныхъ полковъ пѣшіе рейтары къ намъ приходятъ безпрестанно съ великимъ плачемъ и словесно говорятъ,— будучи де на государевой службѣ въ Кіевѣ, они оскудали и лошадьми опали, а купить имъ лошадей, безъ государева жалованья, нечимъ, и чтобы великій государь пожаловалъ ихъ, рейтаръ, для ихъ скудости, велѣлъ съ своей службы, изъ Кіева, отпустить въ домы ихъ». Къ этому Шереметевъ присовокупилъ: «И мы тѣхъ пѣшихъ рейтаръ со службы, изъ Кіева, въ домы ихъ отпустить, безъ государева указу, не смѣемъ. А велѣли имъ, пѣшимъ рейтарамъ, стоять по городу, на стѣнномъ караулѣ, вмѣстѣ съ солдаты и стрѣльцы; и они, рейтары, на стѣнномъ караулѣ стоять не хотятъ. А государево жалованье, хлѣбные запасы, мы тѣмъ пѣшимъ рейтарамъ велимъ давать помѣсячно, и въ томъ хлѣбнымъ запасомъ чинитца истеря большая. А великому государю отъ нихъ, рейтаръ, службы нѣтъ, потому, что на стѣнномъ караулѣ съ солдаты и стрѣльцы стоять

не хотятъ, а на отъѣзжіе караулы посылать ихъ не на чемъ; и прежъ сего о томъ къ великому государю мы писали». Въ другой отпискѣ Шереметева читаемъ: «Переяславскихъ полковъ Русскіе и иноземцы начальные люди на государевой службѣ въ Переяславлѣ будучи, въ конецъ оскудали, наги и босы и кормятца по міру, а солдаты и стрѣльцы наипаче того; и приходятъ въ Кіевъ. Да и Кіевскихъ полковъ всякихъ чиновъ ратные люди бьютъ челомъ великому государю о денежномъ жалованьѣ, а къ намъ безпрестанно приходятъ съ великимъ плачемъ и ропчютъ на насъ: будто имъ разсмотрѣнья отъ насъ нѣтъ, жалованья имъ, ратнымъ людямъ, мы не велимъ давать. А намъ жалованья дать имъ нечего, государевой денежной казны нѣтъ; которая казна привезена изъ государевыхъ Малороссійскихъ городовъ, и та казна роздана вся. Да они жъ, начальные и всякихъ чиновъ ратные люди, въ словесномъ челобитьѣ намъ, говорятъ, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ, вмѣсто денежнаго жалованья, дать имъ хлѣбомъ. И если ратнымъ людямъ, вмѣсто денегъ, давать хлѣбное жалованье, и хлѣба бу-

детъ ненадолго и не на многіе мѣсяцы. А мы ратнымъ людямъ хлѣбные запасы велимъ давать по разсмотрѣнью; а вдругъ выдать не смѣемъ: опасно того, чтобъ впредь бо̀льшія скудости не было. И они ставятъ то ни во что. И будетъ со службы изъ Кіева и изъ Переяславля ратные люди отъ великихъ нужъ и отъ голоду разбѣгутца, и намъ бы въ томъ отъ великого государя въ опалѣ не быть».

Дошло до того, что 19 января 1668 года, рейтары, солдаты и стрѣльцы опять пришли къ Шереметеву и уже «съ великимъ шумомъ» стали говорить ему, что они наги и босы и чтобы имъ выдано было государево денежное жалованье. Петръ Васильевичь только и могъ сдѣлать, что прочитать ратнымъ людямъ вновь полученную царскую грамоту о томъ, что, по указу великаго государя, «будетъ имъ перемѣна по нынѣшнему зимнему пути». Разумѣется, такой отвѣтъ не могъ удовлетворить челобитчиковъ. По донесенію Шереметева, «рейтары, солдаты, стрѣльцы, выслушавъ грамоту великого государя, учели со службы изъ Кіева бѣгать». Ратные люди толпами бѣжали отъ голодухи. Для

примѣра того, какъ велика была убыль въ полкахъ, Шереметевъ приводитъ, что въ полку Петра Скаржинскаго, рейтаръ пришло на службу въ Кіевъ слишкомъ семьсотъ человѣкъ, а осталось около ста. «Также и въ Переяславлѣ,—пишетъ Шереметевъ далѣе, въ отпискѣ къ государю, — ратные люди нуждны въ конецъ и бредутъ врознь. И если, государь, ратные люди изъ Кіева и изъ Переяславля отъ великихъ нужъ разбѣгутся, и намъ бы въ томъ отъ тебя въ опалѣ не быть. И о томъ вели, государь, намъ свой указъ учинить[68].

Хлѣбные запасы высылались въ Кіевъ такъ рѣдко и съ такими проволочками, что прибытіе ихъ дѣйствительно составляло цѣлое событіе, вызывавшее всеобщія ликованія. Для встрѣчи столь томительно ожидавшихся запасовъ, учреждался даже особый церемоніалъ. Такъ, послѣ безчисленныхъ отписокъ Шереметева, въ родѣ тѣхъ, которыя сейчасъ приведены, какъ только получено было наконецъ извѣстіе, что хлѣбные запасы идутъ въ Кіевъ, Петръ Васильевичъ Шереметевъ,—по разсказу очевидца, пору-

[68] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 5.

чика рейтарскаго строя Ѳаддея Крыжавскаго,—послалъ, на встрѣчу, ратныхъ людей въ судахъ. А какъ хлѣбные запасы пришли подъ Кіевъ и стали въ лодкахъ «во весь Днѣпръ строемъ, въ два ряда», по приказанію воеводы, произведена была большая стрѣльба изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья. «И въ Кіевѣ учинилася государевымъ ратнымъ людямъ радость великая»[69].

Какъ ни тяжело было Шереметеву переносить такое странное отношеніе Московскаго правительства къ нуждамъ порученныхъ ему ратныхъ людей, тягота эта въ извѣстной мѣрѣ облегчалась, благодаря именно добрымъ отношеніямъ Петра Васильевича къ Кіевскимъ духовнымъ властямъ. Въ личное одолженіе ему, Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель отъ времени до времени ссужалъ его, на поддержаніе существованія ратныхъ людей, то хлѣбными запасами, то деньгами[70]. Гораздо бо̀льшую заботу для Шереметева составляла церковная Смута въ Украйнѣ вообще и въ частности

---

[69] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 159. столб. 1.

[70] Тамъ-же, стр. 158. столб. 2.

самъ блюститель Кіевской митрополіи епископъ Меѳодій, прибывшій наконецъ изъ Москвы, куда онъ былъ вызванъ, вмѣстѣ съ епископомъ Черниговскимъ Лазаремъ Барановичемъ, для участія въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ. Здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Извѣстно, что на судѣ, между прочимъ, читали то мѣсто въ извѣстной грамотѣ Никона, гдѣ онъ съ укоризною говорилъ о поставленіи Меѳодія во епископа въ Москвѣ и о посылкѣ его на Кіевскую митрополію, тогда какъ послѣдняя изначала была подъ благословеніемъ Константинопольскаго патріарха. На это самъ царь Алексѣй Михайловичъ возразилъ: «Епископъ Меѳодій посланъ въ Кіевъ не митрополитомъ, но блюстителемъ, и это сдѣлано по нуждѣ, ибо Кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ, оставя свою епархію, ушелъ изъ Кіева въ Польшу. А Украйна безъ пастыря быть не можетъ: городовъ и людей въ ней много, а отъ Москвы удалена. И о поставленіи Меѳодіевомъ я писалъ къ Константинопольскому патріарху»[71]... Но царь не договорилъ въ

[71] Гиббенетъ. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Ч. 2. Спб. 1884. стр. 341 и 342.

своемъ возраженіи, не сказавъ самаго существеннаго, именно, что Константинопольскій патріархъ не только не благословилъ Меѳодія, но прямо проклялъ его, какъ облюбодѣйствовавшаго престолъ Кіевской митрополіи. Понятно, какъ должны были относиться къ такому Московскому ставленику, прóклятому вселенскимъ патріархомъ, и Малороссійское духовенство, и всѣ благочестивые міряне. Между тѣмъ, Московское правительство настойчиво проводило на Кіевскую митроличью каѳедру своего ставленика, и это только умножало нестроенія и смуты въ Кіевской митрополіи, начавшіяся еще при Богданѣ Хмельницкомъ, именно 13 апрѣля 1657 года, со дня кончины митрополита Сильвестра Коссова. Въ то время Никонъ еще управлялъ Русскою Церковью. Царь Алексѣй Михайловичь много разъ просилъ его хиротонисать въ Кіевъ митрополита, но Никонъ, хотя титуловался патріархомъ и Малой Россіи, не почиталъ себя въ правѣ вступаться во внутреннія дѣла Кіевской митрополіи, подчиненной вселенскому патріарху. «Царское величество,—писалъ впослѣдствіи Никонъ къ патріарху Константинопольскому

Діонисію,—многажды рече намъ, да хиротонисаемъ въ Кіевъ митрополита, и мы, безъ вашего благословенія и кромѣ вашего совѣта, не восхотѣхомъ сіе сотворити и ниже бы сотворихомъ»[72]. Могъ ли поступить иначе такой законникъ, какъ Никонъ, когда 8-мъ правиломъ 3-го Вселенскаго собора рѣшительно постановлено: «дабы никто изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ не простиралъ власти на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ»[73]. Независимо отъ сего, Никонъ хорошо зналъ, что по древнему обычаю, избраніе Кіевскаго митрополита совершалось мѣстнымъ духовенствомъ и представителями отъ мірянъ и что Малороссіяне весьма дорожили этимъ стародавнимъ правомъ своимъ. Это было, такъ сказать, домашнее дѣло Малороссіянъ. Вотъ почему Богданъ Хмельницкій не нашелъ нужнымъ даже и сноситься объ этомъ съ Москвою. По стародавнимъ обычаямъ, онъ прямо отъ себя

[72] Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 528.

[73] Книга Правилъ Святыхъ Апостолъ, Святыхъ Соборовъ Вселенскихъ и пр. Спб. 1839. стр. 53.

сдѣлалъ распоряженіе о приглашеніи на избраніе митрополита, епископовъ: Львовскаго, Луцкаго и Перемышльскаго, остававшихся подъ Польскимъ владычествомъ, но въ то же время подъ духовнымъ первенствомъ Кіевскаго митрополита; а впредь до избранія митрополита, поручилъ временное завѣдываніе митрополіей, быть блюстителемъ ея, епископу Черниговскому Лазарю Барановичу, единственному архіерею во всей Малороссіи. Навѣрное, все обошлось бы благополучно, если бы не умеръ Богданъ Хмельницкій. Грозный батька казацкій скончался 27 іюля 1657 года, оставивъ столь важное для Малороссіянъ дѣло, какъ избраніе митрополита, неоконченнымъ. Малороссія осталась безъ гетмана и безъ митрополита. Гетманская булава попала въ руки бывшаго генеральнаго писаря Ивана Выговскаго, завѣдомаго «ляхолюбца». Когда Выговскій былъ еще писаремъ, онъ говорилъ Кіевскимъ духовнымъ властямъ, чтобъ они избирали митрополита промежъ себя, кого излюбятъ, а что имъ, то есть, старшинѣ, до того дѣла нѣтъ. Тогда духовенство, вмѣстѣ съ блюстителемъ митрополіи Лазаремъ Барановичемъ,

намѣтили избрать митрополитомъ въ Кіевъ Печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля. Но когда Выговскій добился гетманства, ему понадобился такой митрополитъ, который бы соотвѣтствовалъ его политическимъ видамъ. Со всевозможными ухищреніями онъ провелъ на Кіевскую митрополичью каѳедру епископа Луцкаго Діонисія Балабана, состоявшаго въ подданствѣ Польскаго короля, которому естественно и служилъ со всѣмъ усердіемъ, иначе ему пришлось бы лишиться митрополитскихъ имѣній.

Избраніе и поставленіе Діонисія Балабана совершились безъ всякаго участія Московскаго правительства и, разумѣется, съ благословенія Константинопольскаго патріарха. Когда присланный въ Малороссію царскій посолъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово поставилъ это на видъ Діонисію, тотъ отвѣтилъ, что отъ начала святого крещенія, Кіевскіе митрополиты, одинъ по другомъ, принимали благословеніе отъ святѣйшихъ патріарховъ Константинопольскихъ и что онъ, Діонисій, безъ повелѣнія и благословенія Константинопольскаго патріарха, не смѣетъ принять благословеніе и поставиться

на Кіевскую митрополію отъ святѣйшаго Никона патріарха[74].

Событія гетманства Выговскаго достаточно извѣстны. Скажемъ только, что Выговскій, этотъ образованнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ своего времени, въ концѣ концовъ запутался въ своихъ козняхъ и хитросплетеніяхъ. Онъ былъ вынужденъ бѣжать въ Польшу и тамъ его предательски застрѣлили въ упоръ подосланные жолнеры въ ту минуту, когда онъ стоялъ на колѣняхъ предъ образомъ и читалъ акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ[75]. Многое простится Выговскому за такую праведную кончину!

Митрополитъ Діонисій Балабанъ, конечно стоявшій въ единомыслiи съ Выговскимъ относительно соединенія Украйны съ Польшей, прожилъ въ Кіевѣ всего около полугода. Историкъ Церкви митрополитъ Макарій отмѣчаетъ странность совпаденія: Въ одинъ и тотъ же годъ (1658), въ томъ же мѣсяцѣ и даже почти въ тѣ же самыя числа, когда Мо-

---

[74] Макарій. Исторія Русской Церкви. Т. XII. Спб. 1883. стр. 545.

[75] Антоновичъ и Бецъ. Историческіе дѣятели юго-западной Россіи. Выпускъ I. Кіевъ. 1885. стр. 67.

сковскій патріархъ Никонъ самовольно оставилъ каѳедру и удалился изъ Москвы, и Кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ самовольно оставилъ свою каѳедру и удалился изъ Кіева[76]. Оказалось, что Діонисій уѣхалъ въ Польшу, во владѣніи коей находилась бо̀льшая часть его митрополіи, до четырехъ епархій, и онъ продолжалъ свободно управлять ею. Избирать новаго митрополита не было возможности, ибо это значило бы раздѣлить Кіевскую митрополію на двѣ. Оставалось опять назначить временнымъ блюстителемъ митрополіи епископа Лазаря Барановича. Московское правительство, разумѣется, не могло сомнѣваться въ его вѣрности, въ его учености и благочестіи, но въ Москвѣ находили, что этотъ ученый мужъ, всю свою жизнь проводившій въ стѣнахъ училищъ и въ управленіи разными монастырями, былъ «мало знакомъ практически съ мірскою общественною жизнію и не обнаруживалъ никакой склонности слѣдить за теченіемъ гражданскихъ и политическихъ дѣлъ»[77]. Между тѣмъ, въ то время, въ Москвѣ господствовала

[76] Макарій. Исторія Русской Церкви. Т. XII. Спб. 1883. стр. 550.
[77] Тамъ-же, стр. 562.

мысль о необходимости заручиться въ Малороссіи такимъ человѣкомъ, изъ природныхъ Малороссіянъ духовнаго чина, который, хорошо зная людей, состоявшихъ во главѣ высшаго Малороссійскаго общества, имѣлъ бы возможность не только давать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ странѣ, о значеніи различныхъ партій, но и руководить ими къ выгодѣ правительства. Къ великому несчастію, выборъ остановился на человѣкѣ, далеко небезупречномъ и къ тому же всѣми ненавидимомъ, за дурной, неуживчивый характеръ. То былъ Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичь, умѣвшій обратить на себя вниманіе Московскаго правительства дѣятельною преданностію къ нему. И вотъ, воспользовавшись тѣмъ, что Никонъ самовольно оставилъ патріаршій престолъ, протопопа Максима вызвали въ Москву и тамъ, по словамъ Никона, временно замѣщавшій его Крутицкій митрополитъ Питиримъ, по царскому велѣнію, «а не по Божественнымъ закономъ, ниже по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ», протопопа Максима, названнаго въ монашествѣ Меѳодіемъ, «хиротониса во епископа граду Оршѣ и

Мстиславлю (и тѣ суть Литовскіе и царское величество не владѣетъ ими), и по хиротоніи, послаша его въ Кіевъ, митрополита Кіевского мѣстоблюстителемъ именоваша его»[78].

Царь Алексѣй Михайловичь, отпуская своего избранника въ Малороссію, надѣлилъ его весьма значительными по тому времени средствами. Ему дано было шесть тысячь сто рублей деньгами да соболей на четыреста десять рублей. Еще раньше, Меѳодію, со всѣмъ родомъ его, пожалована была на пропитаніе деревня Ушня, на рѣкѣ Деснѣ, съ укрѣпленнымъ замкомъ[79].

Благодушный епископъ Лазарь Барановичь принялъ своего замѣстителя съ кротостію и смиреніемъ истиннаго инока. «Боголюбиваго епископа Мстиславскаго, господина отца Меѳодія Филимоновича,—писалъ Барановичь государю—я честно почтилъ и принялъ, какъ брата и сослужителя своего, и посадилъ на престолъ митрополіи Кіевской блюстителемъ, отдавъ ему въ цѣлости все

---

[78] Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 528.

[79] Геннадій Карповъ. Меѳодій Филимоновичъ, епископъ Мстиславскій (Православное Обозрѣніе. 1875 г. январь. стр. 64—66).

имущество, церковное и монастырское[80]. Совсѣмъ иначе отнеслось къ новому блюстителю весьма вліятельное въ краѣ Кіевское монашествующее духовенство съ своими властьми, высокочтимыми въ Малороссіи настоятелями Кіевскихъ монастырей. Оно прямо чуждалось присланнаго изъ Москвы блюстителя. Въ монастыряхъ продолжали поминать патріарховъ и епископа Лазаря Барановича. Меѳодія поминали только въ Кіевскихъ приходскихъ церквахъ[81]. Для того, чтобы судить, кто былъ правъ, бѣлое духовенство или черное, нужно имѣть въ виду, что сперва Никонъ изрекъ анаѳему на Крутицкаго митрополита за то, что онъ поставилъ Меѳодія епископомъ въ чужую церковную область, подвѣдомую вселенскому патріарху; а по канонамъ, такая анаѳема падала не только на рукополагавшаго, но и на рукоположеннаго. Вслѣдъ за этимъ, надъ Меѳодіемъ и надъ всѣми сообщавшимися съ нимъ разразилось страшное проклятіе и самого патріарха Кон-

---

[80] Макарій. Исторія Русской Церкви. Т. XII. Спб. 1883. стр. 563.

[81] Геннадій Карповъ. Меѳодій Филимоновичъ, епископъ Мстиславскій (Православное Обозрѣніе. 1875 г. апрѣль. стр. 612).

стантинопольскаго. Этого мало. Діонисій Балабанъ, пользуясь своимъ правомъ митрополита Кіевскаго, спустя три мѣсяца послѣ рукоположенія въ Москвѣ Меѳодія во епископа Мстиславскаго, то-есть, въ одну изъ епархій Кіевской митрополіи, рукоположилъ въ ту же самую Мстиславскую епархію своего епископа, бывшаго архимандрита Виленскаго Свято-Духова монастыря Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго. Сдѣлано это было, очевидно, для того, чтобы показать всю незаконность рукоположенія Меѳодія и наименованія его епископомъ Мстиславскимъ. Такое положеніе вещей не могло не смутить даже и Меѳодія, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Но и самое смущеніе Меѳодія выражалось весьма своеобразно. Онъ избѣгалъ Кіева и, будучи назначенъ блюстителемъ Кіевской митрополіи, большую часть времени посвящалъ почти исключительно дѣламъ политическимъ; а проживалъ то въ Нѣжинѣ, то въ Зеньковѣ, то въ Гадячѣ. Не будемъ входить въ подробности о роли Меѳодія въ дѣлѣ избранія Брюховецкаго и прочемъ. Объ этомъ достаточно сказано въ предыдущей книгѣ. Замѣтимъ только, что вообще политическая дѣя-

тельность Меѳодія была крайне неудачна. Все, что̀ не согласовалось съ его видами и соображеніями, онъ называлъ измѣною царскому величеству, а своихъ личныхъ враговъ клеймилъ измѣнниками великому государю. Этимъ онъ конечно былъ страшенъ для многихъ. Но за то и въ Москвѣ, которая была рѣшительно засыпана доносами Меѳодіевыми, послѣднимъ уже не придавали наконецъ никакого значенія. Въ довершеніе всего, Меѳодій совсѣмъ разссорился и съ Брюховецкимъ, обязаннымъ ему гетманствомъ. Такъ шло дѣло до вызова Меѳодія, вмѣстѣ съ Лазаремъ Барановичемъ, въ Москву, для участія въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ.

Когда Меѳодій уѣхалъ въ Москву, Брюховецкій называлъ его, и «двоедушною духовною особою», и «поджогою Запорожцевъ на всякое зло» и такъ далѣе. «Теперь,—писалъ онъ государю,—какъ его епископства здѣсь, на Украйнѣ, нѣтъ, многимъ сдается, что иной свѣтъ сталъ... Жилъ бы онъ вовсе въ Москвѣ, а на Украйнѣ его, епископова, житія отнюдь бы не было»[82].

---

[82] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 177. столб. 2.

Епископъ Меѳодій уѣхалъ въ Москву съ затаенною злобою не на одного Брюховецкаго. Онъ злобствовалъ и на чуждавшихся его настоятелей Кіевскихъ монастырей, въ сонмѣ коихъ, между прочимъ, находился игуменъ Выдубицкаго-Михайловскаго монастыря Ѳеодосій Углицкій, впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій, причисленный въ наши дни къ лику Святыхъ. Мужъ сей, твердый и непоступный въ дѣлахъ церковныхъ, былъ единомысленъ съ своими собратіями, настоятелями монастырей, относительно епископа Меѳодія. Вмѣстѣ съ прочими, онъ настойчиво домогался, чтобы на мѣсто Меѳодія, блюстителемъ митрополіи былъ назначенъ Лазарь Барановичь, котораго и Святитель Дмитрій Ростовскій называлъ «великимъ столпомъ церковнымъ». Бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, постоянно находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ настоятелями Кіевскихъ монастырей, въ томъ числѣ и съ прославленнымъ нынѣ Угодникомъ Божіимъ Ѳеодосіемъ, вскорѣ послѣ отъѣзда въ Москву епископа Меѳодія, тоже говорилъ царскому посланцу, жильцу Іонѣ Леонтьеву: «Какъ изволитъ ве-

ликій государь, а мнѣ кажется, лучше, чтобъ Лазарю Барановичу быть въ Кіевѣ на епископствѣ»[83].

---

[83] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 149. столб. 2.

ГЛАВА VI.

Епископъ Меѳодій возвратился въ Украйну осенью 1667 года, крайне недовольный пріемомъ, сдѣланнымъ ему въ Москвѣ. Онъ былъ обиженъ, что ему оказывали тамъ мало чести, что, изъ-за Брюховецкаго, къ нему даже не доходили всѣ прежніе кормы изъ Дворца. Правда, царь Алексѣй Михайловичь показывалъ Меѳодію доносы на него Брюховецкаго и сказалъ, что не вѣритъ имъ; тѣмъ не менѣе, нельзя было не замѣтить, что доносы эти сдѣлали свое дѣло и что вообще къ Меѳодію охладѣли. Челобитья его о соболиной казнѣ на раздачу, о дачѣ ему епархіи, болѣе опредѣленной, чѣмъ Мстиславская, и прочія не были уважены. Онъ собирался провести разные планы свои, преподать, попрежнему, нѣкоторыя руководительныя мы-

сли, но убѣдился, что ему предоставлялось лишь исполнять распоряженія правительства, которыя по большей части шли въ-разрѣзъ съ его воззрѣніями. Но болѣе всего уязвило Меѳодія то, что ему, въ заключеніе, сказано было, непремѣнно помириться съ гетманомъ Брюховецкимъ. Это было верхомъ оскорбленій, нанесенныхъ его самолюбію. Меѳодій имѣлъ полное основаніе заключить, что его роль, какъ довѣреннаго агента правительства, кончилась. Онъ уѣхалъ изъ Москвы въ сильномъ раздраженіи. А въ Брюховецкомъ, когда онъ узналъ, что Меѳодій выѣхалъ изъ Москвы, заговорило предчувствіе чего-то недобраго. Нужно сказать, что Меѳодій успѣлъ черезъ своего друга, Нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича, распустить, на всякій случай, слухи, что онъ пользуется, по-прежнему, милостями великаго государя. Какъ бы въ подтвержденіе этого, Брюховецкій, послѣ всѣхъ доносовъ его на Меѳодія, получилъ изъ Москвы приказаніе, во что бы то ни стало помириться съ Меѳодіемъ. Это и оскорбило Брюховецкаго, и напугало его. «Слышу я,—сказалъ онъ, при свиданіи, Иннокентію Гизелю,—

что ѣдетъ изъ столицы епископъ Меѳодій; до сего было у насъ тихо, а какъ пріѣдетъ, и при немъ не будетъ ли намъ лиха»[84]? Предчувствіе Брюховецкаго оправдалось.

По возвращеніи въ Украйну, епископъ Меѳодій прежде всего отправился не въ Кіевъ, какъ бы слѣдовало, а въ свой родной Нѣжинъ. Здѣсь онъ впервые узналъ о переговорахъ Кіевскаго воеводы боярина Петра Васильевича Шереметева и царскихъ посланцевъ съ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ, относительно обращенія послѣдняго подъ высокую руку великаго государя. Это было новымъ ударомъ для Меѳодія. Теперь онъ понялъ наконецъ загадочныя слова Ордина-Нащокина, когда они глазъ-на-глазъ говорили о затѣяхъ Дорошенки. То происходило въ Успенскомъ соборѣ, незадолго до отъѣзда Меѳодія изъ Москвы. «Дорошенко,—сказалъ Ординъ-Нащокинъ,—самъ по себѣ ничего не значитъ; ему теперь не на кого надѣяться, потому что нынѣ мирное время». Меѳодію дѣйствительно приходилось подумать о

[84] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 69. столб. 2.

своемъ положеніи. Вѣдь Дорошенко поддерживалъ епископа Іосифа Тукальскаго, котораго духовенство правобережной, Польской Украйны, послѣ кончины Діонисія Балабана, уже избрало въ митрополита Кіевскаго, на что̀ имѣлась и благословенная грамота вселенскаго патріарха. Меѳодій хорошо понималъ, что успѣхъ переговоровъ съ Дорошенкомъ повлекъ бы за собою несомнѣнную гибель не только его, епископа, но и Брюховецкаго, ибо Дорошенко настойчиво домогался быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Къ тому же оба они, епископъ и гетманъ, были одинаково оскорблены Московскимъ правительствомъ. Руководствуясь этими соображеніями, Меѳодій додумался до безумнаго рѣшенія: въ союзѣ съ Брюховецкимъ, отомстить Москвѣ. Быстро собрался онъ въ Гадячь, въ гетманскую столицу. Вчерашніе заклятые враги сговорились весьма скоро. Они помирились между собою на томъ, чтобы уничтожить Московскую власть въ Малороссіи. Примиреніе закрѣплено было кровнымъ союзомъ: епископъ Меѳодій просваталъ свою дочь за племянника Брюховецкаго. Прогостивши у свата больше десяти

недѣль[85], Меѳодій все-таки не поѣхалъ въ Кіевъ, а возвратился въ Нѣжинъ, гдѣ уже совсѣмъ не стѣснялся въ своихъ разговорахъ. По свидѣтельству Кіево-Печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля, случившагося тогда въ Нѣжинѣ, Меѳодій былъ въ крайне раздраженномъ состояніи; и у себя дома, и у друга своего протопопа Симеона Адамовича, въ присутствіи постороннихъ лицъ, онъ говорилъ много и грубо; «безчествовалъ многихъ вельможъ и архіереевъ Московскихъ»; всячески чернилъ нравы Русскихъ; «клялся много, николи на столицѣ не быть» и такъ далѣе. Доходило до того, что на одномъ обѣдѣ, Нѣжинскій воевода Иванъ Ржевскій, «не хотячи слышати такого безчестья», вынужденъ былъ выйти изъ-за стола[86].

Не довольствуясь разговорами и укорами, по поводу своихъ личныхъ обидъ, Меѳодій, а съ его словъ и Брюховецкій, распускали самые невѣроятные слухи о намѣреніяхъ Московскаго правительства относительно Малороссіи. Они разглашали, будто бы самъ госу-

[85] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. стр. 70. столб. 2.

[86] Тамъ-же, стр. 70. столб. 1.

дарь гдѣ-то сказалъ, что «Малороссія ему ненадобна», что и помирился-то онъ съ Польскимъ королемъ для того, чтобы, соединившись съ нимъ, «съ обѣихъ сторонъ Малороссійскихъ городовъ жителей выкоренить». А когда отъ этихъ словъ, у жителей Малороссійскихъ городовъ и у всей черни «учало быть мнительство большое», полковники просили Брюховецкаго отправить къ государю посланцевъ спросить, за что̀ его царское величество хочетъ ихъ «выкоренить»? Но гетманъ, «по своему злодѣйскому намѣренію, ту посылку отговорилъ». Точно также, вслѣдствіе жалобъ Брюховецкаго полковникамъ и всей старшинѣ на царскихъ воеводъ, что они «чинятъ Малороссійскимъ жителямъ обиды и налоги большіе и нестерпимыя досадительства», тѣ неоднократно просили послать къ великому государю съ прошеніемъ «людей добрыхъ и старыхъ войсковыхъ, которые бы умѣли у государя милости просить», при чемъ выражали увѣренность, что «царское величество милость свою надъ ними покажетъ, велитъ про то розыскать и указъ учинить, и которые воеводы будутъ виноваты, тѣхъ укажетъ перемѣнить». Брюховецкій откло-

нилъ и эту посылку, сказавъ: «Не для чего мнѣ къ великому государю писать и посланцевъ посылать, потому что и такъ де много онъ къ великому государю писывалъ и посланцевъ посылывалъ, и ему де ни о чемъ указу не бывало; а нынѣ де есть у него полной указъ въ скрынѣ, прислалъ къ нему цесарь Турской и учинилъ его, гетмана, княземъ, и Малая де Россія вся будетъ у него въ рукахъ вскорѣ»[87].

На обѣихъ сторонахъ Днѣпра на всѣ лады повторяли росказни Меѳодія, что «стольный городъ Кіевъ, царьствующій прежде временъ, отколь на весь свѣтъ благодать Божія возрасте и возсія», будетъ отданъ Полякамъ, что всѣ «церкви Божіи православныя, которыя блаженныя святыя памяти святый Владимеръ Великій строилъ съ правовѣрными и православными великими князи, будутъ обращены на костелы Римскіе, а святыя чюдотворныя мощи преподобныхъ отецъ святыхъ будутъ въ Польшу розно розвожены»[88]; что наконецъ, бояринъ Ординъ-Нащокинъ уже

---

[87] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 22. столб. 2; стр. 48. столб. 2; стр. 49. столб. 1.

[88] Тамъ-же, стр. 26. столб. 1.

идетъ въ Малороссію со многими ратными людьми, конныхъ тысячь съ двадцать да пѣшихъ сорокъ тысячь, и то де, чаять, для того, чтобы Кіевъ и всѣ Малороссійскіе городы съ людьми отдать королевскому величеству[89].

Ка́къ было простымъ людямъ не вѣрить всѣмъ этимъ слухамъ, когда они шли отъ самого епископа Меѳодія, только что пріѣхавшаго изъ Москвы, гдѣ, конечно, онъ имѣлъ возможность получить самыя точныя свѣдѣнія! Нужно сказать и то, что плевосѣятелямъ много способствовало озлобленіе населенія на находившихся въ Малороссіи государевыхъ ратныхъ людей и на Московскихъ воеводъ. Впослѣдствіи, даже люди преданные государю, вотъ что̀ разсказывали о существовавшихъ тогда порядкахъ: «Ратные люди царского пресвѣтлого величества въ нашихъ городѣхъ у бѣдныхъ людей крадежами частыми, пожарами и убойствомъ до смерти, и различными и розными мучительствы, людемъ докучали, а сверхъ того къ нашимъ нравомъ и обычаемъ не навыкли; а когда на какомъ ни есть зломъ дѣлѣ изъ ратныхъ людей воров-

[89] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 5. столб. 1.

скихъ на кражѣ или на убойствѣ поимаютъ, тогда къ воеводамъ челобитную подадутъ, а въ челобитной (просили), чтобъ святую управу учинили»; но воеводы «всегда продолживали» и управы не чинили... Тѣ жъ воеводы, не смотря на постановленныя статьи, въ казацкія права и вольности вступались и казаковъ судили, чего никогда въ Войскѣ Запорожскомъ не бывало[90].

Понятно послѣ всего этого, что Малороссіяне такъ дружно отозвались на призывъ епископа Меѳодія и гетмана Брюховецкаго объ изгнаніи изъ края государевыхъ ратныхъ людей и воеводъ.

Кіевскій воевода бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, съ первыхъ же чиселъ января 1668 года, началъ получать отовсюду, отъ подвѣдомственныхъ ему воеводъ, донесенія, сперва о тревожномъ настроеніи населенія; затѣмъ, со всѣхъ сторонъ стали поступать донесенія уже объ отказахъ посполитыхъ людей отъ всякихъ взносовъ въ царскую казну, о самовольномъ поступленіи въ казаки, что они учали быть воеводамъ непо-

[90] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 24. столб. 2; стр. 25. столб. 1.

слушны. А изъ Миргорода Петру Васильевичу Шереметеву доносили, что казаки осмѣлились прямо сказать войту и бурмистрамъ: «Будьте съ нами, не то мы васъ, оцѣпя за шею, будемъ водить и отдадимъ Запорожскимъ казакамъ. Если не будете съ нами, вамъ де и воеводѣ и Русскимъ людямъ жить всего до масленой недѣли»[91].

Шереметевъ, конечно, зналъ гдѣ находится источникъ Смуты. Онъ поспѣшилъ отправить въ Нѣжинъ, къ епископу Меѳодію, для увѣщанія его, голову Московскихъ стрѣльцовъ Ивана Лопатина. Но, по донесенію Петра Васильевича, и Лопатину епископъ Меѳодій наговорилъ «много непристойныхъ словъ о здѣшнемъ краѣ и самого его, боярина и воеводу, всячески безчестилъ, вмѣщая небылыя слова, ріяся[92] тому, что онъ, епископъ, въ Москву былъ вызванъ, будто бы по его, боярина, письму»[93]. Во всякомъ случаѣ увѣщанія Шереметева, черезъ посланца его Лопатина, не подѣйствовали на Меѳо-

[91] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 16. столб. 1.

[92] Ріятися—рваться, досадовать, сердиться.

[93] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 30. столб. 1.

дія, доказательствомъ чему можетъ служить письмо епископа, отправленное имъ изъ Нѣжина въ Гадячь, къ Брюховецкому. Письмо Меѳодіево, очевидно, написано было, главнымъ образомъ, подъ впечатлѣніемъ только что полученнаго тогда извѣстія о заключенномъ, въ Москвѣ, Ординымъ-Нащокинымъ, 14 декабря 1667 года, договорѣ съ Польскими послами, относительно соединенія Россійскихъ и Польскихъ войскъ, по 25.000 человѣкъ съ каждой стороны, для совокупныхъ дѣйствій противъ общихъ враговъ: Турокъ и Крымцевъ. Въ договорѣ предусматривались и случаи приведенія къ послушанію мятежныхъ казаковъ[94]. Вотъ содержаніе письма Меѳодія, любопытнаго для насъ по нѣкоторымъ подробностямъ, касающимся лично Петра Васильевича Шереметева, которыя не встрѣчаются въ другихъ документахъ: «Для Бога, не оплошайся, милость твоя! Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремешкѣ, но о цѣлой шкурѣ нашей. Чаять, тотъ честной Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобъ васъ, купно жъ и насъ съ вами, взявъ за шею, выдать Ляхомъ.

[94] Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 420.

Почему знать, не на томъ ли и присягали себѣ? Яко жъ много знаковъ такихъ, что объ насъ торгуются; лучше бы намъ не манили, нежели такъ съ нами нынѣ лестно поступати. И вправмь, въ великомъ остерегательствѣ живи, а Запорожцовъ всячески уловляй; а буде сколько Запорожцовъ вышло, ими укрѣпляйся. А сверхъ того, и города порубежные людьми своими досмотри, чтобъ больши Москва не засѣла. И сей мой таковъ совѣтъ, занеже утопающій и за бритву емлется. И не послать ли тебѣ пана Дворецкого[95], для какого дѣла воинского, до царьского величества; а ему и своя бѣда и оболганіе отъ того безбожнаго Шереметя, чтобъ онъ (то-есть, Дворецкій), сшодчись съ Нащокинымъ, выразумѣвъ что̀ отъ него, къ тебѣ бъ послалъ, кого ты съ нимъ вѣрного и легкого пошлешь, возвѣщаючи о его замыслахъ. Зане вижу, и онъ, панъ Дворецкій, зѣло жалостенъ своего безчестія отъ Шереметева. И то недоброй знакъ, что Шереметь, самыхъ бездѣльныхъ Ляховъ любовно пріемлетъ и ихъ потчиваетъ. Бѣдныхъ людей мучитъ, а Ляховъ удовольствуетъ: изъ пушекъ стрѣляетъ; а казаковъ,

[95] Полковникъ Кіевскій.

хотя бы какіе честные люди, за Ляшскихъ собакъ не почитаютъ, а сверхъ того, еще похваляются на казаковъ неслушно (?), какъ мнѣ Дворецкой разсказывалъ. Да и съ Дорошенкомъ Шереметевъ ссылается, а ты ни о чемъ не вѣдаешь; также разумѣю, что съ тобою и о семъ не ссылаются... То все не намъ ли на зло? И впрямь, надобно тебѣ зѣло остерегательнымъ быти и къ Нащокину не вырываться, хотя бы и манилъ тебя... Я свою мысль тебѣ объявляю, что мнѣ своя отчизна мила. Храни Боже, чтобъ Ляхомъ, взявъ насъ за шею, имѣли отдавати, также и къ Москвѣ водити! Лучше смерть, нежели золъ животъ. И ты буди остерегателенъ, чтобъ, храни Боже, не похотѣли и тебя, какъ покойного Барабаша, въ казенную телѣгу замкнувъ, вмѣсто подарка, Ляхомъ отослати. А отъ насъ ужъ имъ плохо будетъ»[96].

Но Меѳодій напрасно безпокоился относительно Брюховецкаго. Тотъ и самъ понималъ, что для него былъ уже невозможенъ

[96] Геннадій Карповъ. Меѳодій Филимоновичъ, епископъ Мстиславскій (Православное Обозрѣніе. 1875 г. ноябрь. стр. 494). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Петръ Дорошенко переслалъ приведенное письмо Меѳодія (въ копіи) къ Петру Васильевичу Шереметеву (Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 63).

поворотъ назадъ и онъ быстро шелъ, какъ по наклонной плоскости, къ роковой развязкѣ.

Еще съ зимы, какъ только епископъ Меѳодій уѣхалъ изъ Гадяча, Брюховецкій началъ собирать у себя войско, котораго теперь у него было припасено уже около осьми тысячь человѣкъ. Въ Гадячѣ всѣ недоумѣвали. Наконецъ, полковники и начальные люди рѣшились спросить у гетмана: Для чего онъ собираетъ войско? «Вѣдомо мнѣ учинилось,— отвѣтилъ Брюховецкій,—что Орда вышла изъ Крыму и стойтъ подъ Чернымъ лѣсомъ[97]; да я писалъ объ этомъ и въ Москву,—къ великому государю, и въ Бѣлгородъ—къ воеводѣ князю Юрью Никитичу Борятинскому»[98]. Точно ли писалъ Брюховецкій въ Москву и Бѣлгородъ, неизвѣстно. Знаемъ достовѣрно, что Петру Васильевичу Шереметеву онъ ни-

---

[97] Обширная роща—обычное становище Татаръ послѣ переправы черезъ Днѣпръ. Отсюда хищники обыкновенно устремлялись къ рѣкѣ Роси, подъ Корсунъ, гдѣ, переправившись вплавь, слѣдовали берегомъ Роси до Бѣлой Церкви и такъ далѣе. Отъ названія рощи «Черный лѣсъ», этотъ путь Татарскій въ народѣ называли Чернымъ шляхомъ или Черною дорогою, также Чернолѣсскою (Подольскія Губернскія Вѣдомости 1857 г. часть неоф. № 32. стр. 179).

[98] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 55. столб. 2.

чего не писалъ объ этомъ[99]. Но Крымскіе Татары, въ то время, дѣйствительно стояли подъ Чернымъ лѣсомъ и «во многихъ тысячахъ». Они должны были прибыть въ сыропустную недѣлю, приходившуюся, въ 1668 году, 2 февраля, къ Петру Дорошенкѣ, который намѣревался, половину Татаръ, съ братомъ Григорьемъ, послать въ Польшу, а съ другою половиною собирался идти самъ войною въ Московскіе украинные города. Все это было постановлено на Чигиринской радѣ, только что собиравшейся у Дорошенкѣ, съ Іосифомъ Тукальскимъ, Юрьемъ Хмельницкимъ, полковниками и всею старшиною, а также съ посланниками Крымскаго хана. Нужно сказать, что въ то время, епископъ Меѳодій и гетманъ Брюховецкій, въ виду непріятныхъ для нихъ сношеній Московскаго правительства съ Чигириномъ, сами завели переговоры съ Дорошенкомъ и Тукальскимъ о союзѣ. Они прислали на Чигиринскую раду и своихъ представителей. Отъ Меѳодія пріѣхалъ нѣкій чернецъ, а отъ Брюховецкаго—казакъ. Сейчасъ увидимъ, съ какимъ презрѣніемъ относился самъ Дорошенко къ этимъ

[99] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 18.

непрошенымъ союзникамъ, дѣйствительныя намѣренія коихъ онъ видѣлъ насквозь.

На Чигиринской радѣ было рѣшено, жителямъ обѣихъ сторонъ Днѣпра быть въ соединеніи и жить особно, давая дань Турскому царю и Крымскому хану, а чтобъ подъ рукою великаго государя и королевскаго величества отнюдь не бывать; а Турскому царю и Крымскому хану оборонять ихъ, стоять съ ними и ходить заодно войною на великаго государя украинные Московскіе города. Кромѣ того, положено было побить всѣхъ находившихся въ Малороссійскихъ городахъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей. Дорошенко, нисколько не стѣсняясь, сказалъ во всеуслышаніе присланному отъ Брюховецкаго казаку: «Брюховецкой человѣченко худой и непородной казакъ. Для чего онъ такое бремя великое на себя взялъ и честь, которой недостоинъ, себѣ принялъ! Зачѣмъ онъ отдалъ казаковъ Русскимъ людямъ со всѣми поборами, чего отъ вѣку не бывало»! Казакъ весьма робко отвѣтилъ, что Брюховецкій то учинилъ неволею, потому что взятъ былъ къ Москвѣ со всею старшиною[100].

[100] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 30 и 31.

Даже и такія дерзости Дорошенки не могли образумить Брюховецкаго. Онъ явился самымъ ревностнымъ исполнителемъ постановленій Чигиринской рады. Въ своемъ Гадячѣ Брюховецкій какъ бы поспѣшилъ дать примѣръ, какъ слѣдуетъ поступать съ представителями Московской власти въ Малороссіи. 8-го февраля, въ первую субботу великаго поста, Гадячскій воевода Евсевій Огаревъ и полковники, утромъ, пришли, по обычаю, къ Брюховецкому во дворъ, челомъ ударить. Выходитъ изъ хоромъ карликъ Брюховецкаго, Лучка, и объявляетъ собравшимся, что гетманъ пошелъ молиться въ церковь, подъ горою. Огаревъ послалъ своего деньщика въ ту церковь, провѣдать про гетмана, но его тамъ не нашли. Онъ былъ дома да не сказался. Огаревъ пошелъ въ церковь, къ обѣднѣ, а полковники, все иноземцы, разошлись по домамъ. Въ полъ-обѣдни, Брюховецкій послалъ къ полковнику рейтарскаго строя Ягану Гульцу, чтобъ пришелъ къ нему одинъ. Брюховецкій глазъ-на-глазъ сказалъ Гульцу, что вотъ, пришли де къ нему изъ Запорогъ кошевой да полковникъ Соха со многими Запорожцами и говорятъ: «Не любо де намъ,

что царскіе воеводы у насъ въ Малороссійскихъ городахъ и чинятъ многіе налоги и обиды»... Знаете ли что,—продолжалъ Брюховецкій,—лучше выходите вы изъ города! Гульцъ, оторопѣвшій отъ такого неожиданаго предложенія, заговорилъ было, что необходимо послать за воеводой Огаревымъ и его товарищами-полковниками, но Брюховецкій, «учелъ за очи лаеть» воеводу, за нимъ не послалъ и рѣшительно сказалъ: Если не уйдете изъ города, всѣхъ васъ перебьютъ казаки!—«Какъ пойдемъ изъ города,—сказалъ Гульцъ,—такъ вели по крайней мѣрѣ государевыхъ людей не побивать».—Вотъ тебѣ крестъ святой,—крикнулъ Брюховецкій, вставая и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ,—отъ казаковъ моихъ задоровъ не будетъ; только выходите смирно изъ города.

Воеводѣ Огареву оставалось только дать приказаніе полковникамъ и начальнымъ людямъ выводить ратныхъ людей изъ города. О сопротивленіи не могло быть и рѣчи: противъ осьмитысячнаго войска Брюховецкаго, у воеводы было всего двѣсти человѣкъ; къ тому же въ Гадячѣ не было никакой крѣпости, въ которой бы можно было засѣсть и

держаться. Государевы ратные люди уже подходили къ городскимъ воротамъ, какъ вдругъ, казаки заступили имъ дорогу. Успѣли пройти только полковникъ Гульцъ и начальные люди. Ворота были заперты, и началась ожесточенная схватка. Горсть государевыхъ ратныхъ людей съ отчаяніемъ отбивалась отъ напавшихъ на нее со всѣхъ сторонъ казаковъ, подосланныхъ Брюховецкимъ. «И тутъ, у городскихъ воротъ,—сказано въ современной записи, заводчикъ казачій Ивашко Бугай учалъ воеводу Огарева рубить, а казаки—ратныхъ людей побивать». Огаревъ, сильно раненый въ голову, съ частью ратныхъ людей все-таки вышибъ ворота и выскочилъ за городъ, но и тамъ онъ былъ встрѣченъ притаившимися въ засадѣ казаками. Наши, «пока мочи ихъ было, билися; а какъ мочи ихъ не стало», казаки всѣхъ ихъ перехватали и потащили въ городъ, къ ратушѣ, а воеводу Огарева—къ Брюховецкому, во дворъ. Изъ 200 государевыхъ ратныхъ людей, погибло 120 человѣкъ[101]. Но и этой страшной жертвы было мало для утоленія

[101] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 55. столб. 1—стр. 56. столб. 2.

дикой злобы казаковъ. Они схватили жену воеводы Огарева, «наругались надъ нею, водили ее по городу простоволосу и, поругаясь, отрѣзали у нея титку»[102]. Мы вошли въ подробности Гадячской катастрофы въ тѣхъ видахъ, чтобы избавиться отъ печальной необходимости описывать подобныя же происшествія, повторившіяся, по примѣру, данному Брюховецкимъ, и въ прочихъ Малороссійскихъ городахъ, гдѣ находились царскіе воеводы. По словамъ Украинскаго бытописателя, лишь въ Переяславлѣ (гдѣ воеводою былъ знакомый намъ Чириковъ), въ Черниговѣ и Нѣжинѣ «воеводи съ людми ратними, въ за́мкахъ крѣпкихъ зашпунтовавшися, не далися добуты; а Кіевъ и не зачепанъ»[103]. Между тѣмъ, въ ходившихъ по рукамъ подметныхъ письмахъ прямо говорилось, будто бы «великій бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ изъ Кіева совсѣмъ выбирается и Ляхомъ его сдать готовитъ»[104]. Разумѣется,

---

[102] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 47. столб. 1.

[103] Самойло Величко. Лѣтопись событій. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 161.

[104] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 47. столб. 2.

бунтовщикамъ было бы весьма желательно такое угнетенное положеніе самого намѣстника царскаго въ краѣ, но отъ желанія ихъ до дѣйствительнаго положенія вещей было весьма далеко. Петръ Васильевичъ Шереметевъ, не взирая на отсутствіе ратныхъ силъ и лишенія во всемъ, съ достоинствомъ остался на своемъ постѣ, высоко держа государственное знамя. Царь Алексѣй Михайловичъ хорошо зналъ, кому поручалъ Малороссію въ такое трудное время. Полученіе вѣстей о положеніи дѣлъ въ краѣ и своевременная передача ихъ въ Москву, Бѣлгородъ и другія мѣста, доведены были у Шереметева до возможнаго по тогдашнему времени совершенства. Благодаря этому, сейчасъ же послѣ Гадячской катастрофы, когда окончательно выяснилась измѣна Брюховецкаго, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій (стоявшій въ Бѣлгородѣ), облегъ съ Великороссійскимъ войскомъ порубежные города Гадячскаго полка, Котельву и Опошню. Почти одновременно съ этимъ, въ Гадячь пришелъ къ Брюховецкому, отъ хана Крымскаго, мурза Челибей съ Ордою, около 12.000 человѣкъ. Брюховецкій на радостяхъ роздалъ Татарамъ семь тысячь

червонныхъ золотыхъ, а Челибею подарилъ рыдванъ съ конями, ковры и двухъ дѣвокъ Русскихъ. Нимало не мѣшкая, Брюховецкій выступилъ съ половиною своего войска и Татарскаго противъ князя Ромодановскаго, къ Котельвѣ. Между тѣмъ, Петръ Дорошенко съ войскомъ уже переправился на лѣвую, нашу сторону Днѣпра и быстро шелъ на перерѣзъ пути Брюховецкаго, мимо Голтвы и Рѣшетиловки, по направленію къ Опошнѣ. Брюховецкій никакъ не ожидалъ этого. По выраженію Украинскаго лѣтописца, онъ «не зрозумѣлъ фортелю Дорошенкового»[105], и «дался въ кручину»... Онъ сталъ просить Татаръ, чтобъ они заставили Дорошенка уйти на свою сторону, на правый берегъ. Но уже было поздно. У Дорошенки, разъ онъ намѣчалъ себѣ какую цѣль, все было тщательно подготовлено, предусмотрѣно и разсчитано. Въ данномъ случаѣ, ближайшею цѣлью его было уничтоженіе Брюховецкаго и полученіе гетманства на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Брюховецкій остановился на Сербинскомъ полѣ, около Диканьки. Сюда Дорошенко, изъ-подъ

---

[105] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 99.

Опошни, прислалъ къ Брюховецкому десять сотниковъ съ требованіемъ добровольно отдать булаву, знамя, бунчукъ и нарядъ. Такое требованіе привело Брюховецкаго въ ярость. Сотники были избиты, закованы въ цѣпи и отправлены въ Гадячь. На другой день, самъ Дорошенко со всѣмъ своимъ войскомъ пришелъ къ Брюховецкому. Татары попытались было заступить ему дорогу. Но казаки, какъ только увидѣли полки Дорошенковы, закричали Брюховецкому: «Мы за твое гетманство биться не будемъ, ты намъ ничего добраго не учинилъ, только войну и кровопролитіе всчалъ»! Съ этими словами казаки бросились на возы Брюховецкаго и всѣ животы его разграбили, а шатры подрали. Самого же Брюховецкаго подхватили и привели къ Дорошенкѣ. Тотъ сталъ укорять его, почему не хотѣлъ добровольно отдать булавы. Брюховецкій понималъ, что наступилъ его послѣдній часъ. Онъ молчалъ. Дорошенко далъ знакъ рукой. «И тотчасъ же—повѣствуетъ очевидецъ—взяли его, безбожного Брюховецкого, яко неключимого раба, и учали терзать, и платья на немъ рѣзать, и его, ослопьемъ и дулами и чеканами и рогатинами до

смерти прибивъ, нагого покинули». И такъ,—заключаетъ разказчикъ,—«злый, окоянную свою душу злѣ, за клятвопреступленіе, во адъ послалъ» [106].

---

[106] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 93.

ГЛАВА VII.

Гибель Брюховецкаго неминуемо влекла за собою гибель и свата его, епископа Меѳодія. Больше всѣхъ понималъ это самъ Меѳодій, который уже при самомъ началѣ Смуты, имъ же поднятой, еще не зная, каковъ будетъ ея исходъ, на всякій случай, гдѣ только было возможно, надѣвалъ на себя маску сторонника Московскаго правительства. Въ Москвѣ, хотя и охладѣли къ епископу Меѳодію, но, повидимому, не находили еще удобнымъ окончательно порывать съ нимъ сношенія. Такъ, по первымъ же извѣстіямъ «о нововсчинающемся смятеніи междо народы» Малороссійскими, царь Алексѣй Михайловичь послалъ (6 февраля 1668 года) грамоту къ Меѳодію, которую заключилъ такимъ обращеніемъ къ нему: «А вы, богомолецъ нашъ, яко добръ

воинъ Христовъ, стани мужественно и покажи предъ народы истину правды, да видѣвъ доброе дѣло, обратятся на путь спасенія и познаютъ, кого впредь держатись имутъ, и безмятежно пребыти. А наша, великого государя, милость къ вамъ, богомольцу нашему, никогда не престанетъ»[107]. Когда въ Москвѣ узнали объ открытой измѣнѣ Брюховецкаго, о Гадячской катастрофѣ, царь Алексѣй Михайловичь спѣшитъ повѣдать свое огорченіе опять-таки Меѳодію. Въ новой царской грамотѣ, отъ 18 февраля, замѣчательно слѣдующее мѣсто, пророческое по отношенію къ Брюховецкому: «И нынѣ, по дѣйству лукавого сатаны, гетманъ Брюховецкой, не точію отъ подданства, но злохитрствомъ своимъ, не помня суда Божіяго, угождая бусурманомъ, и отъ вѣры отступилъ. Крови неповинные надъ Московскими стрѣльцы пролилъ; которые его-жъ, отступника, оберегали, а онъ ихъ звѣрски пожралъ. И того второго Іюды предателя несытую утробу разсадитъ та невинная христіянская кровь и явна учинитъ предъ всѣмъ свѣтомъ». Въ заключеніи

[107] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 35. столб. 1.

грамоты, царь проситъ Меѳодія, чтобъ онъ «и впредь о томъ, что̀ въ Малороссійскихъ городѣхъ учнется дѣлать», писалъ и посылалъ со всякимъ вѣдомомъ по-часту[108].

Такое милостивое и довѣрчивое отношеніе къ Меѳодію представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что не далѣе, какъ 19 января того же года, присланный изъ Кіева, отъ Петра Васильевича Большого Шереметева, стряпчій Ѳедоръ Мартемьяновичь Бредихинъ говорилъ въ Посольскомъ приказѣ, что «боярин Петръ Васильевичь словесно приказалъ ему сказать: «Какъ де пріѣхалъ епископъ Меѳодій съ Москвы въ Нѣжинъ и былъ у гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго, и въ то де время съ нимъ сгодился, и за его гетманского племянника сговорилъ дочь свою,—и съ того де времяни въ Черкасскихъ городѣхъ учали мѣщане писаться въ казаки и воеводамъ учали быть непослушны. И бояринъ де Петръ Васильевичь признавается, что учало то быть съ пріѣзду епискупля»[109]. Шереметевъ неоднократно пи-

---

[108] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 35. столб. 2 и стр. 36. столб. 2.

[109] Тамъ-же, № 7.

салъ и самому государю, что «бунты всѣ всчались отъ епископа Меѳодія, что онъ вмѣщалъ въ міръ злыя слова и что на то смотря, отъ казаковъ и всякихъ чиновъ жилецкихъ людей всякое зло и бунты учинились»[110].

Какъ смотрѣли на епископа Меѳодія и на его дѣятельность сами Малороссіяне, именно лучшіе, дѣловые люди страны, покажетъ намъ слѣдующее заявленіе Магистрата Кіевскаго, представленное Шереметеву, какъ царскому намѣстнику въ краѣ, въ томъ же 1668 году, вслѣдъ за измѣной Брюховецкаго: «Мы, войтъ, бурмистры, райцы и весь Магистратъ Кіевскій, вѣдомо чинимъ и свидѣтельствуемъ симъ правымъ писаніемъ своимъ, что прошлыхъ времянъ боярину великому и воеводѣ Кіевскому Петру Васильевичу Шереметеву да стольнику Петру Тимоѳеевичу Измайлову и дьяку Михайлу Кузовлеву, неединожды извѣщали, какъ епископъ Меѳодій на Москвѣ былъ, и въ то время у насъ было отъ казатчины покой и тишина; а какъ епископъ Меѳодій пріѣхалъ съ Москвы въ Нѣжинъ и съ измѣнникомъ Брюховецкимъ посватался, и

[110] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 59. столб. 1.

вскорѣ послѣ сватанья, отъ казаковъ за Днѣпромъ началось кровопролитіе великое и измѣна; невиннымъ людемъ, мѣщаномъ и купцомъ, которые по дорогамъ ѣздили для покупки харчей, учинились отъ нихъ великіе разбои. Къ которому писму, для подлинного вѣдома и лучшіе вѣры, мы, войтъ, бурмистры, райцы, печать магистратовую приложа, руками своими власными подписались. Писанъ въ Ратушѣ Кіевской, лѣта 1668 года»[111]. Еще рѣзче говорили объ епископѣ Меѳодіѣ въ обществѣ, въ частной бесѣдѣ. Напримѣръ, генеральный обозный, однажды сказалъ, что Меѳодія нельзя называть епископомъ; «подобаетъ де его назвать Аріемъ-еретикомъ, который учинилъ смущеніе церкви Божіей и духовенству въ Греческихъ странахъ»[112]. При всемъ томъ, въ Москвѣ продолжали сноситься съ Меѳодіемъ и даже писать къ нему милостивыя грамоты. Но тамъ конечно были на то свои причины, свои разсчеты. Дальнозоркіе Московскіе дипломаты поддерживали же добрыя отношенія даже съ Петромъ Доро-

[111] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 74. столб. 2; стр. 75. столб. 1.

[112] Тамъ-же, стр. 82. столб. 1.

шенкомъ, дѣятелемъ несравненно болѣе опаснымъ, чѣмъ Меѳодій. Дорошенко, при всемъ своемъ умѣ, не понялъ тонкой игры Московской политики. Если бы онъ не помѣшалъ Брюховецкому, бунтъ противъ Московской власти въ Украйнѣ, поднятый, главнымъ образомъ, Меѳодіемъ, конечно, могъ бы увѣнчаться полнымъ успѣхомъ и послужилъ бы ему же на пользу. Дѣйствительно, дѣло было задумано довольно широко. Брюховецкій уже протягивалъ руку Стенькѣ Разину. «Порадѣйте вы, господа,—писалъ онъ въ своемъ воззваніи къ Донскимъ казакамъ—о златой вольности, при которой всѣ богатства, всѣ имѣнія Богъ подаетъ», и не прельщайтесь обманчивымъ Московскимъ жалованьемъ. Остерегаю васъ, братія моя милая, какъ только насъ усмирятъ, будутъ промышлять объ искорененіи Дона и Запорожья... Прошу васъ, будьте въ братскомъ единомыслiи съ господиномъ Стенькою, какъ мы находимся въ неразрывномъ союзѣ съ Заднѣпровскою братьею нашею[113]. Въ то же время, Брюховецкій, въ ожиданіи прихода князя Ромода-

[113] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 62. столб. 1.

новскаго съ войскомъ, весьма удачно разобщилъ Кіевъ съ прочими городами Малороссійскими. Такъ что Петръ Васильевичь Шереметевъ, послѣ Гадячской катастрофы, долгое время даже не зналъ, гдѣ именно находится Брюховецкій. «А гдѣ нынѣ Брюховецкой,— писалъ тогда Шереметевъ къ государю,— того намъ вѣдать не по чему, потому что въ дальнія мѣста къ Гадячу и въ иные городы изъ Кіева проходцамъ ни которыми мѣры пройти нелзѣ, вездѣ заставы крѣпкія, и Кіеву чинятъ утѣсненіе великое; съ хлѣбомъ въ Кіевъ и изъ Кіева мѣщанъ для покупки хлѣбной никуды не пропускаютъ»[114]. Каждаго прохожаго и проѣзжаго раздѣвали на заставахъ дѡнага и, держа топоръ надъ его шеей, приговаривали: «Будетъ у тебя писемъ нѣтъ, живъ будешь, а будетъ есть,—голову отсѣчемъ»[115]! Перестали наконецъ приходить вѣсти и отъ такого мастера въ дѣлѣ тайныхъ пересылокъ, какъ Янъ Стахорскій, Польскій комендантъ въ Бѣлой Церкви. Почти всѣ его вѣстовыя отписки стали перехватывать. До-

[114] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 56. столб. 2.

[115] Тамъ-же, стр. 28. столб. 1.

шла, однако, та изъ нихъ, въ которой Янъ Стахорскій просилъ Шереметева: «А что тайного писать учнешь, прошу, дабы писаніе Французскимъ или Курляндскимъ языкомъ посылано было, а то для перейму»[116]. Легко себѣ представить, до какой крайности могъ быть доведенъ Шереметевъ, запертый въ Кіевѣ, съ горстью голодныхъ и озлобленныхъ ратныхъ людей!.. Убіеніе Брюховецкаго, несомнѣнно спасло насъ отъ великаго позора и бѣдствія.

Гдѣ же былъ и что̀ дѣлалъ все это время заводчикъ Смуты епископъ Меѳодій? Сперва онъ находился въ Нѣжинѣ, а когда началось возстаніе, отпросился у полковниковъ и старшины въ Кіевъ; но туда не поѣхалъ. Однимъ говорилъ, будто бы его не пустили въ Кіевъ казаки[117]; другимъ,—что самъ отдумалъ поѣздку, «боясь боярина Петра Васильевича Шереметева»[118]. Вмѣсто Кіева, Меѳодій уѣхалъ въ свою маетность, село Ушню, и за-

---

[116] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 255. столб. 2.

[117] Геннадій Карповъ. Меѳодій Филимоновичъ, епископъ Мстиславскій (Православное Обозрѣніе. 1875 г. декабрь. стр. 635).

[118] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 81. столб. 2.

перся въ тамошнемъ за́мкѣ, надъ Десною, распустивъ слухъ, будто бы «казаки хотятъ доставать его»[119]. Но трудно было провести Дорошенка. Задавшись мыслію уничтожить стоявшаго у него на дорогѣ Брюховецкаго, онъ не могъ оставить на свободѣ Меѳодія,—соперника его друга, епископа Іосифа Тукальскаго. Дорошенко послалъ въ Ушню одного изъ своихъ приближенныхъ, Черниговскаго полковника Демьяна Многогрѣшнаго, съ приказаніемъ взять оттуда Меѳодія и держать его подъ карауломъ у себя, въ Черниговѣ. Четыре недѣли спустя, Меѳодія перевели въ сотенное мѣстечко Сѣднево, въ 27 верстахъ отъ Чернигова. Когда же Дорошенко перешелъ съ войскомъ на нашу сторону Днѣпра, чтобъ идти на-перерѣзъ Брюховецкому, Меѳодія подъ стражей привезли въ его станъ, подъ Пирятинымъ, и въ тотъ же день увезли въ Матронинскій Троицкій монастырь, находящійся въ 40 верстахъ отъ Чигирина, въ глухомъ лѣсу. Сюда, на другой же день, прибылъ изъ Чигирина, отъ епископа Тукальскаго, чернецъ и отобралъ у Меѳодія архіе-

[119] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 47. столб. 2.

рейскую мантію и панагію, объявивъ ему отъ имени владыки, что онъ «недостоенъ быть въ епископахъ, для того, что принялъ рукоположеніе у Московского митрополита»[120]. Послѣ убіенія Брюховецкаго, Меѳодія отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ Умань и заключили въ тамошнемъ монастырѣ. Его, какъ особу духовную, не рѣшились подвергнуть участи Брюховецкаго. Вмѣсто того, положено было извести его монастырскимъ заточеніемъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, Меѳодію оставалось изображать изъ себя плѣнника, претерпѣвавшаго напасти за вѣрность царскому величеству. Ему казалось, что въ качествѣ несчастной жертвы Смуты, онъ могъ бы появиться и въ Кіевѣ и тамъ, при случаѣ, даже посчитаться съ своими врагами, виновниками его злоключеній, настоятелями Кіевскихъ монастырей. Нужно было только устроить бѣгство изъ монастыря. Въ этомъ Меѳодію помогли принадлежавшіе прежде къ его епископскому штату: черный попъ Митрофанъ и архидіаконъ Лаврентій. Взявъ у сына епископова 40 червонныхъ и

[120] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 77. столб. 2 и стр. 136. столб. 2.

приложивъ къ нимъ своихъ 40 рублей, они купили лошадей и повозку. Въ условленный часъ, ночью, когда Меѳодій оканчивалъ угощеніе своихъ караульщиковъ-чернецовъ, повозка подъѣхала къ монастырской оградѣ. Какъ только чернецы, изрядно нагостившись, уснули, Меѳодій осторожно вышелъ за ограду и въ приготовленной повозкѣ ускакалъ съ своими посо́бниками, окольними путями, въ Кіевъ, куда и прибылъ благополучно 4 сентября 1668 года[121].

Но Меѳодій, какъ видно, упустилъ изъ виду, что бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, хорошо знавшій всѣ его похожденія, ни въ какомъ случаѣ не могъ видѣть въ немъ мученика за правду. Кіевскій воевода принялъ Меѳодія далеко не дружелюбно, приказавъ тотчасъ же допросить его обо всемъ, что̀ онъ знаетъ по дѣлу о бунтѣ Брюховецкаго. Какъ и слѣдовало ожидать, Меѳодій запирался во всемъ, всячески стараясь доказать свою непричастность къ измѣнѣ. На вопросъ, почему онъ, по пріѣздѣ изъ Москвы, съ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Ше-

[121] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 78. столб. 1 и стр. 140. столб. 1.

реметевымъ не видался и въ Кіевѣ не былъ, Меѳодій отвѣчалъ, что спѣшилъ прежде всего исполнить волю государя, приказавшаго ему помириться съ Брюховецкимъ. Въ такомъ родѣ были всѣ отвѣты Меѳодія. «Про измѣну Ивашки Брюховецкого и подобныхъ ему,—показывалъ онъ,—отчего измѣнили и что́ впредь мыслятъ, не вѣдаю». Шереметевъ спросилъ:—А какъ измѣнникъ и клятвопреступникъ Ивашко Брюховецкой былъ въ живыхъ и въ измѣнѣ объявился, знатное то дѣло, что ты то вѣдалъ? «Вѣдалъ,—отвѣчалъ Меѳодій, смущенный такимъ вопросомъ, поставленнымъ въ упоръ,—но не вѣрилъ этому до тѣхъ мѣстъ, какъ онъ, Ивашко, государевыхъ ратныхъ людей въ Гадячѣ побилъ». Когда же къ Меѳодію во дворъ принесли письмо пріѣзжавшаго въ Нѣжинъ, для увѣщанія его, головы Московскихъ стрѣльцовъ Ивана Лопатина, изъ котораго было видно, что еще до избіенія въ Гадячѣ, епископъ былъ у Брюховецкаго на радѣ и про бунты и измѣну вѣдалъ,—тотъ попросилъ очной ставки съ Лопатинымъ. Бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ приказалъ сказать Меѳодію: «На очную ставку съ голо-

вою Московскихъ стрѣльцовъ Иваномъ Лопатинымъ, въ Приказъ, тебя взяти и судити непристойно, потому что ты человѣкъ духовного чину, и намъ то не належитъ»[122].

Между тѣмъ, Петръ Дорошенко, взбѣшенный тѣмъ, что Меѳодію удалось бѣжать въ Кіевъ, принялся перебирать бумаги, доставшіяся ему послѣ убитаго Брюховецкаго. Онъ выбралъ изъ нихъ и сейчасъ же отправилъ къ Шереметеву документъ, который долженъ былъ окончательно опозорить епископа въ глазахъ Московскаго правительства, именно вышеприведенное письмо Меѳодія къ Брюховецкому, въ коемъ онъ возбуждалъ гетмана къ бунту[123].

Присланное Дорошенкомъ собственноручное письмо Меѳодія, въ виду беззастѣнчивыхъ запирательствъ послѣдняго на допросахъ, рѣшительно возмутило Петра Васильевича Шереметева. Къ тому же онъ былъ крайне раздраженъ и находящимися въ письмѣ оскорбительными и завѣдомо лживыми отзывами о самомъ себѣ.

---

[122] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 75. столб. 1; стр. 81. столб. 1.

[123] См. выше, стр. 105 и слѣд.

По распоряженію Шереметева, къ Меѳодію приставлена была стража. Сидя подъ крѣпкимъ карауломъ, Меѳодій задумалъ испробовать еще одинъ и весьма отчаянный способъ увернуться отъ заслуженной кары или по крайней мѣрѣ отсрочить ее; онъ рѣшился привести въ исполненіе свою давнишнюю злую мысль: отомстить настоятелямъ Кіевскихъ монастырей, очернить ихъ предъ правительствомъ. Въ извѣтѣ, поданномъ Петру Васильевичу Шереметеву, Меѳодій доводилъ, что будто бы у всѣхъ настоятелей велись враждебныя правительству сношенія съ Дорошенкомъ и епископомъ Тукальскимъ. По государственной важности предмета, Шереметевъ не имѣлъ права оставить безъ разслѣдованія доносъ Меѳодія. Отъ всѣхъ настоятелей Кіевскихъ монастырей онъ потребовалъ сказки, за руками, противъ показаній Меѳодія. Такое требованіе обращено было и къ игумену Выдубицкаго-Михайловскаго монастыря, благодатію Господнею прославленному въ наши дни Угоднику Божію Ѳеодосію Углецкому. Изъ собственноручной сказки Святителя, которую мы сейчасъ приведемъ, разумѣется, цѣликомъ, будетъ видно,

въ чемъ именно обвинялъ Меѳодій именно его.

Вотъ этотъ документъ, который нынѣ съ благоговѣніемъ прочтутъ всѣ благочестивые сыны Православной Церкви:

«Божіею милостію, великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, смиренный и недостойный богомолецъ, игуменъ монастыря святаго архистратига Михайловского Видубицкого Кіевского, Ѳеодосій Углецкій, сіе свидѣтелство даю:

«Какъ епископъ Меѳодій былъ на Москвѣ, въ то время было тихо; а какъ пріѣхалъ и съ Брюховецкимъ посватался и выдалъ дочь свою за племянника его, въ то жъ время учинилися бунты и кровопролитіе великое. Тѣ я слова отъ всякого чина людей слышалъ.

«Епископъ Меѳодій, пріѣхавши въ Кіевъ, сентября въ 4 день, въ допросѣ сказалъ и въ писмѣ своемъ написалъ, будто я съ Дорошенкомъ и съ митрополитомъ Тукалскимъ списывался и благословенія у него, митрополита, просилъ. Вѣстимо то боярину и воеводѣ Кіевскому и намѣстнику Смоленскому, благодѣтелю моему премилостивому, Петру Васильеви-

чю Шереметеву: какъ писалъ до меня Дорошенко и митрополитъ Тукалской по ризницу и по животину монастыря Корсунского[124], которые въ то время при мнѣ были, и я ту ризницу и животину отдаюючи, отписалъ къ Дорошенку и къ митрополиту Тукалскому одиножды; а къ Тукалскому, хотя и писалъ я о томъ дѣлѣ, яко къ архіерею, а не къ митрополиту писалъ, не имяновалъ его пастыремъ своимъ, и благословенія отъ него не просилъ есмь ни на какія дѣла.

«Сицево мое писмо, за моею жъ рукою, противъ писма епископля, даю. 177 году, сентября 20 дня, въ монастырѣ святаго архистратига Михаила Видубицкого Кіевского».

(Подписано:) «Ѳеодосій Углецкій, игуменъ монастыря Видубицкого Кіевского»[125].

Въ прописанной сказкѣ игумена Ѳеодосія Углецкаго особенно дорога для насъ ссылка на боярина Петра Васильевича Шереметева, котораго Угодникъ Божій прямо называетъ своимъ «благодѣтелемъ премилостивымъ».

---

[124] Ѳеодосій Углецкій былъ игуменомъ Корсунскаго монастыря до 1664 года, когда его перевели въ Выдубицкій монастырь.

[125] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 74. столб. 1.

Нѣтъ надобности приводить здѣсь сказки настоятелей и другихъ Кіевскихъ монастырей, по извѣту Меѳодія. Всѣ они отвергли возводимыя на нихъ обвиненія, доказавъ, что если и сносились съ Чигиринымъ, то единственно по поводу Заднѣпровскихъ монастырскихъ маетностей, раззоренныхъ Дорошенковыми казаками, и тому подобныхъ дѣлъ, и что сношенія эти производились всегда съ вѣдома боярина Шереметева.

Всѣ сказки настоятелей Кіевскихъ монастырей Шереметевъ отправилъ въ Москву. Онѣ приняты были царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ благоволеніемъ, и онъ поспѣшилъ успокоить и утѣшить настоятелей милостивою грамотою, посланною къ нимъ съ стольникомъ Назаріемъ Михайловичемъ Засѣцкимъ. Грамота эта не сохранилась, но о содержаніи ея даетъ понятіе слѣдующее отвѣтное письмо царю, отъ 17 ноября 1668 года, подписанное всѣми настоятелями Кіевскихъ монастырей, въ томъ числѣ и игуменомъ Ѳеодосіемъ Углецкимъ:

«Возрадовахомся и возвеселихомся зѣло о милости велицей и неизреченной пресвѣтлого вашего царского величества, яко наше

всегдашнее богомоліе и работу нашу, аще и малую, къ пресвѣтлому вашему царскому величеству, но истинную и нелицемѣрную, благопріятную себѣ быти пресвѣтлое ваше царское величество вмѣняя, насъ грамотою своею государскою жалованною посѣтити, похваляя нашу вѣрность, и словомъ своимъ милостивымъ, въ той же грамотѣ изображеннымъ, обрадовати изволилъ еси чрезъ благородного Назарія Михайловича Засѣцкого, вашего царского величества столника. Уже грамоту царскую мы пречестно лобызше и слово милостивое радостными сердцы и благодарными пріемше, до лица земли, за таковую превелію къ намъ милость, пресвѣтлому вашему царскому величеству бьемъ челомъ, благодарственная воспѣвающе, раби твои, тою поощреніи, и впредь вѣрно работати... должныхъ себѣ быти обѣщаемъ»[126].

Епископъ Меѳодій не смирился и послѣ неудавшейся попытки оклеветать Кіевскихъ духовныхъ властей. Онъ вздумалъ теперь мутить государевыхъ ратныхъ людей. До Петра Васильевича Шереметева дошло, что

[126] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 120. столб. 1.

Меѳодій вмѣщалъ ратнымъ людямъ, которые у него стояли на караулѣ, будто бы Дорошенко писалъ къ королевскому величеству, чтобъ онъ не велѣлъ пропускать въ Кіевъ ратныхъ людей и хлѣбныхъ запасовъ изъ Смоленска по Днѣпру. «Для того, — говорилъ онъ—ратныхъ людей и хлѣбныхъ запасовъ въ Кіевъ долгое время и нѣтъ, а чаять, и не будетъ»[127]. Мѣра терпѣнія переполнилась. Шереметевъ, «опасаясь, чтобъ Меѳодій не завелъ какихъ бунтовъ и въ Кіевѣ», такъ какъ уже слышно было «въ людѣхъ великое сумнительство»[128], велѣлъ стрѣлецкому головѣ Ивану Мещеринову, отвезти Меѳодія съ великимъ поспѣшеніемъ и береженіемъ въ Москву. Тамъ и кончилъ свою многомятежную жизнь, въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ безъисходномъ заключеніи, сей «непостоянный и впрямь наполненный всякихъ измѣнъ и превратства владыко»[129].

---

[127] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 83. столб. 2.

[128] Тамъ-же, стр. 84. столб. 1 и стр. 135. столб. 2.

[129] Слова гетмана Дорошенка (Тамъ-же, стр. 62. столб. 2).

ГЛАВА VIII.

И такъ, изъ трехъ главнѣйшихъ дѣятелей Смуты Малороссійской, теперь остался на лицо только Петръ Дорофеевичъ Дорошенко. Казалось бы, тѣмъ самымъ значительно упрощалась задача Кіевскаго воеводы Петра Васильевича Шереметева, возстановить порядокъ въ странѣ. Этому какъ будто бы благопріятствовали и отношенія его съ Дорошенкомъ, которыя, повидимому, были очень хороши. По крайней мѣрѣ самъ Дорошенко въ такихъ выраженіяхъ старался увѣрить въ этомъ Шереметева: «Я съ твоею милостію, какъ началъ есмь исперва въ пріятскомъ совѣтѣ жити, тако и впредь дружелюбное мое къ тебѣ, другу моему, желательство, постоянно сохраняти обѣщеваю»[130]. Но все это

[130] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 45. столб. 2.

только казалось, все это было только «повидимому». Въ дѣйствительности же, вмѣсто Брюховецкаго и Меѳодія, на сценѣ дѣйствія появляется уже цѣлый рядъ такихъ же авантюристовъ, а самъ Дорошенко, въ душѣ, былъ весьма далекъ отъ обѣщаннаго Шереметеву «дружелюбнаго желательства».

Мы еще не говорили о томъ, что́ происходило въ восточной Украйнѣ, вслѣдъ за убіеніемъ Брюховецкаго. Дорошенко, покончивъ съ Брюховецкимъ, немедленно провозгласилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и двинулся со всѣми казацкими и Татарскими силами къ Котельвѣ, противъ осаждавшаго ее князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго. Отогнавъ князя Ромодановскаго, Дорошенко не рѣшился однако преслѣдовать его и вмѣсто того, бросился съ Татарами къ Гадячу и разграбилъ маетность Брюховецкаго. За тѣмъ Дорошенко пошелъ въ Путивль, но отсюда вдругъ ускакалъ единолично домой, въ Чигиринъ, оставивъ на восточной сторонѣ наказнымъ гетманомъ Черниговскаго полковника Демьяна Многогрѣшнаго, которому накрѣпко приказалъ «доставать» царскихъ воеводъ въ Пе-

реяславлѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ. Внезапный отъѣздъ Дорошенка былъ вызванъ полученнымъ изъ дому извѣстіемъ объ измѣнѣ жены, остававшейся въ Чигиринѣ. По выраженію Украинскаго лѣтописца, «жона Дорошенкова скочила черезъ плотъ зъ молодшимъ»[131].

Въ Чигиринѣ Дорошенка настигло другое непріятное извѣстіе: Крымскіе Татары, уже обыкшіе хозяйничать въ Украйнѣ, провозгласили казацкимъ гетманомъ писаря Запорожскаго Петра Суховея. Это новое дѣйствующее лицо Смуты, не смотря на свои молодые годы, уже успѣлъ прослыть «досужимъ и ученымъ человѣкомъ». Онъ былъ посыланъ Запорожцами въ Крымъ, для договоровъ, и производилъ такое благопріятное впечатлѣніе на хана, калгу и султановъ, что Крымцы дали знать въ Запорожье, чтобъ и «впредь къ нимъ посылали такихъ же досужихъ людей, какъ онъ, Суховей, а что прежде сего такихъ умныхъ людей къ нимъ не присылывали»[132]. Суховей, опираясь на Татарскую силу и на-

[131] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 100. — Скочити черезъ плотъ (пословица) = войти съ кѣмъ либо въ незаконную связь.

[132] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 98. столб. 2.

зывая себя гетманомъ ханскаго величества, послалъ къ Дорошенку задорную грамоту, съ требованіемъ, чтобъ онъ не смѣлъ именоваться Запорожскимъ гетманомъ. Къ грамотѣ Суховея, вмѣсто старой гетманской Запорожской печати, на которой изображался человѣкъ съ мушкетомъ въ лѣвой рукѣ, была привѣшена ханская печать, съ изображеніемъ лука и двухъ стрѣлъ. Половина Запорожцевъ, угождая Татарамъ, была за Суховея; другая половина—не признавала его и отправила къ Дорошенку посланцевъ, съ предложеніемъ пріѣхать на черную раду. «Мы — писали они—Суховея и неволею выведемъ въ поле и убьемъ; ханскія стрѣлы мушкетами своими поломаемъ»[133]. Осторожный Дорошенко предварительно послалъ своихъ лазутчиковъ, но тѣ сказали ему, что если поѣдетъ на раду, и ему не сдобровать, убьютъ[134].

Еще болѣе тревожныя вѣсти доходили къ Дорошенку о Демьянѣ Многогрѣшномъ.

Какъ только Дорошенко уѣхалъ изъ Путивля въ Чигиринъ, ушли оттуда и Татары въ Крымъ, а все населеніе восточной Украй-

[133] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. столб. 372.

[134] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. стр. 103. столб. 1.

ны опять потянуло къ Москвѣ. Все громче и смѣлѣе высказывалось желаніе, чтобъ «впредь въ войскѣ гетманъ былъ царского величества данной, а не казацкой обранной»[135]. Демьянъ Многогрѣшный, называвшійся наказнымъ Сѣверскимъ гетманомъ, не имѣлъ силъ исполнить порученія Дорошенка. За уходомъ Татаръ, ему не съ чѣмъ было противиться князю Ромодановскому, вновь прибывшему уже съ значительно усиленнымъ войскомъ, на поддержку царскихъ воеводъ. Многогрѣшный просилъ у Дорошенка вспоможенія, но тотъ ничего не прислалъ, рѣзко отвѣтивъ: «Пусть сами обороняются»[136]. Такой отвѣтъ нѣкоторымъ образомъ развязывалъ руки Многогрѣшнаго; можетъ быть, онъ-то и подалъ ему мысль испробовать свое собственное счастіе, поискать гетманской булавы лично для себя. Какъ бы то ни было, но Многогрѣшный, поддерживаемый братомъ Васильемъ, бывшимъ Нѣжинскимъ полковникомъ Матвѣемъ Гвинтовкой и полковникомъ Стародубскимъ Петромъ Рославченкомъ, вступилъ въ переговоры объ этомъ

---

[135] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. стр. 88. столб. 2.

[136] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. стр. 367.

съ княземъ Ромодановскимъ. Такимъ образомъ, въ восточной Украйнѣ, оказалось разомъ три искателя гетманскаго достоинства: Дорошенко, Суховей и Многогрѣшный. Въ противоположность Дорошенку, происходившему изъ старинной и знатной казацкой семьи, Демьянъ Многогрѣшный, по свидѣтельству современниковъ, былъ простымъ «мужичьимъ сыномъ» [137]. Дорошенко, состоявшій по гетманству на западной сторонѣ подданнымъ Польскаго короля, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть въ то же самое время и гетманомъ восточной стороны, то-есть, подданнымъ Московскаго царя. Это было бы прямымъ нарушеніемъ Андрусовскаго договора и могло послужить поводомъ къ новой и вовсе не желательной войнѣ съ Польшей. Независимо отъ сего, Московскому правительству, по политическимъ соображеніямъ, было даже и не желательно усиленіе въ странѣ личнаго вліянія и значенія Дорошенка. О Суховеѣ и говорить нечего. Могъ ли быть утвержденъ въ гетманствѣ ставленикъ Татарскій! И такъ, въ данную минуту, съ пра-

[137] Антоновичъ. Историческіе дѣятели юго-западной Россіи. Вып. I. Кіевъ. 1885. стр. 77.

вительственной точки зрѣнія, наиболѣе подходящимъ лицомъ для гетманства на восточномъ берегу являлся именно Демьянъ Многогрѣшный, съ его мелкимъ честолюбіемъ, узкими личными интересами, съ его полною непричастностію къ такъ называемымъ «широкимъ планамъ», обыкновенно столь дорого стòющимъ мирнымъ гражданамъ.

Дорошенко, узнавъ о происках Демьяна Многогрѣшнаго, рѣшительно потерялъ голову. «И нынѣ—говоритъ очевидецъ, поручикъ Польскихъ войскъ Янъ Бѣлкевичь, — Дорошенко не вѣдаетъ, что̀ и дѣлать». Изъ словъ того же Бѣлкевича видно, что Дорошенко положительно рѣшилъ добить челомъ великому государю. Разсказывали, напримѣръ, какъ Дорошенко, «напився пьянъ, прихаживалъ въ сторожню, гдѣ сидѣлъ Александръ Петровичь Скуратовъ (Татарскій плѣнникъ), и не по единожды спрашивалъ его: «Если онъ, Дорошенко, великому государю добьетъ челомъ, и государь пожалуетъ ли его, какъ Брюховецкаго»? Скуратовъ отвѣчалъ, что конечно пожалуетъ. «Послѣ того,—продолжаетъ Бѣлкевичь, — Дорошенко собиралъ всѣхъ полковниковъ и чинилъ о томъ раду многиж-

ды, чтобъ добити челомъ государю и послать о томъ пословъ, но всѣ полковники въ томъ ему отказали, а приговорили однолично быть въ подданствѣ у Турского салтана. Великій де государь — говорили они — велитъ ихъ всѣхъ старшинъ казнить и впредь вѣрить имъ не учнетъ; также и король, если ему податься, будетъ неправды ихъ мстить. И закрѣпили душами своими подлинно, что имъ конечно у обоихъ великихъ государей въ подданствѣ не быть»[138].

Дѣйствительно, положеніе Дорошенка было довольно трудное. Онъ метался между Польшей и Москвой, между Турками и Татарами. Со всѣми сносился, всѣхъ манилъ и обманывалъ. Ему, разумѣется, платили тѣмъ же. Разглагольствованіямъ Дорошенка уже не вѣрили. Не даромъ же Кіевскіе мѣщане били челомъ Петру Васильевичу Шереметеву, «чтобъ онъ ни въ чемъ не вѣрилъ Дорошенку»[139].

Въ сущности, для Дорошенка, кажется, было все равно, вѣрили ему или нѣтъ, сно-

[138] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 103. столб. 2 и стр. 104. столб. 1.

[139] Тамъ-же, стр. 57. столб. 1.

ситься съ тѣмъ или съ другимъ, лишь бы достигнуть исполненія завѣтной мечты,—овладѣть всею Украйною. Онъ много разсчитывалъ на содѣйствіе великаго маршала и короннаго гетмана Яна Собѣскаго (будущій король Польскій)[140], но въ то время Собѣскому и вообще Полякамъ было не до Украйнскихъ дѣлъ. Въ Польшѣ только и думали тогда о томъ, кому быть у нихъ королемъ, ибо Янъ-Казиміръ, изнемогшій подъ бременемъ правленія, сложилъ съ себя корону. Бывши нѣкогда іезуитскимъ монахомъ и кардиналомъ, онъ опять облекся въ рясу и уѣхалъ навсегда во Францію.

Тогда Дорошенко объявилъ, что желаетъ идти подъ высокодержавную руку Московскаго царя. Вслѣдъ за отъѣздомъ епископа Меѳодія изъ Кіева, онъ писалъ къ Петру Васильевичу Шереметеву и словесно приказалъ съ писаремъ Несторомъ Кононовымъ, что онъ, Дорошенко, «воспоминая великого государя, его царского пресвѣтлого величества, премногую милость къ себѣ, и видя между обоихъ великихъ государей, христіянскихъ

[140] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 104. столб. 1.

монарховъ, ихъ государскую братскую дружбу и любовь, крѣпкой неразорванной миръ, хочетъ жить съ нимъ, бояриномъ, въ братской дружбѣ и любви, наипаче прежняго»[141], и чтобы онъ прислалъ къ нему «особу добрую», о дѣлахъ переговорить. Выборъ Шереметева палъ на подполковника рейтарскаго строя Гаврила Антоновича Подымова. Предъ отправленіемъ Подымова въ Чигиринъ, Шереметевъ призвалъ его къ себѣ и преподалъ подробное наставленіе, о чемъ говорить съ Дорошенкомъ, что̀ отвѣчать на его вопросы и вообще, какъ вести все дѣло. «О какихъ дѣлахъ будетъ тебѣ говорить гетманъ Дорошенко,—наставлялъ Шереметевъ,—и тѣ свои слова пусть дастъ тебѣ на письмѣ, за своею рукою и печатью; и ѣхать тебѣ назадъ, въ Кіевъ, безъ мотчанья. Скажи гетману, чтобъ онъ прислалъ съ тобою въ Кіевъ «знатного и вѣрного человѣка», съ договорными статьями, и я де, бояринъ Шереметевъ, по тѣмъ статьямъ, «что̀ мочно, учиню; а чего учинить невозможно, и тѣ статьи пошлю къ великому государю, въ Москву; а онъ бы, гетманъ, послалъ

[141] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 107. столб. 2.

и отъ себя, кого пригоже, къ царскому величеству, просить его царского милосердого указу... Будетъ гетманъ Петръ Дороѳеевичь учнетъ въ разговорахъ говорить, что онъ, воспоминая премногую милость и жалованье его царского пресвѣтлого величества, и видя правдивое писаніе мое, Шереметева, отъ Татаръ отлучился и съ ними чинитъ бои,—и тебѣ говорить: За такія богоугодныя дѣла, онъ, гетманъ, приметъ отъ Господа Бога неизглаголанную благодать и счастливое пребываніе, а отъ обоихъ великихъ государей, монарховъ христіянскихъ, отъ великого государя нашего, его царского пресвѣтлого величества, и великого государя ихъ, его королевского величества, премногую милость и жалованье. А будетъ гетманъ Дорошенко учнетъ говорить, что конечно онъ того желаетъ, чтобъ служить великому государю нашему и со мною, бояриномъ, жить въ совѣтѣ и любви, и съ ратными людьми надъ бусурманы чинить промыслъ»,—и тебѣ отвѣчать такъ: «Боярину и воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву вельми надобно, чтобъ ты, гетманъ Петръ Дорошенко, служилъ великому государю нашему, его царскому пресвѣтлому

величеству, воспоминая междо обоихъ великихъ государей, христіянскихъ монарховъ, ихъ государскую братскую дружбу и любовь, и совокупясь съ войски великого государя нашего, надъ бусурманы чинилъ промыслъ; а намъ бы то видѣть, чтобъ христіяне жили въ любви и братскомъ союзѣ; а видя то бусурманы, что войска христіянскія въ совокупленіи, не будутъ не только на городы ходить войною, но и мыслить того не будутъ»... Потомъ говори гетману Петру Дороѳеевичу, но только устно, а на письмѣ того не давай, чтобъ ему «то доброначатое дѣло совершить и учинить присягу черезъ знатныхъ людей, чтобъ великому государю нашему служить вѣрно, а съ нами жить въ братской дружбѣ и любви, и другъ надъ другомъ зла не искать и войною ратныхъ людей не посылать, также и въ Заднѣпрскихъ великого государя нашего городахъ воеводамъ и ратнымъ людямъ потомужъ зла не искать и повольность учинить, чтобъ къ намъ, въ Кіевъ, и въ городы къ воеводамъ былъ проѣздъ, и торговымъ людямъ въ торгахъ и въ проѣздахъ была всякая вольность... Да тебѣ провѣдывать тайно, а будетъ мочно, въ разговорахъ, отъ себя

спросить Петра Дороѳеевича, какова его мысль о Заднѣпрской сторонѣ, и о чемъ у великого государя милости просить и на какихъ статьяхъ постановить... А я де, бояринъ и воевода, обѣщаюсь Богомъ, что конечно къ нему, Дорошенку, премногая милость будетъ и къ старшинамъ и ко всему Войску Запорожскому»[142].

Въ Чигиринѣ, подполковникъ Подымовъ, въ разговорахъ съ гетманомъ Петромъ Дороѳеевичемъ Дорошенкомъ, строго слѣдовалъ наставленіямъ, преподаннымъ ему Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Дорошенко «учалъ говорить безопасно» (то-есть, откровенно), Подымовъ спросилъ его:—Что̀ твоя мысль, какъ быть Заднѣпрскимъ городамъ, въ которыхъ нынѣ воеводы и ратные люди великого государя? «Если великій государь—отвѣтилъ Дорошенко—изволитъ меня со всѣми городами принять подъ свою высокодержавную руку, я того сердечно желаю, только бы отнюдь нигдѣ въ Заднѣпрскихъ городахъ, также и въ Бѣлой Церкви, царскимъ воеводамъ и рат-

[142] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 121. столб. 2—стр. 124. столб. 1.

нымъ людямъ не быть, а быть тѣмъ Заднѣпрскимъ городамъ и Бѣлой Церкви подъ моею властью и всѣмъ владѣть въ городахъ полковникамъ моимъ и старшинамъ. А если въ городахъ воеводамъ и ратнымъ людямъ быть, и намъ въ подданствѣ у великого государя никоторыми дѣлы быть невозможно. Также невозможно оставаться намъ и подъ королевскою рукою; для насъ легче быть подъ бусурманскою властью, нежели подъ королевскою рукою. А если Кіевъ будетъ подъ высокодержавною рукою великого государя,—и то наша радость и веселіе. Въ Кіевѣ, конечно, должны быть государевы воеводы и ратные люди; безъ этого невозможно. Со слезами будемъ просить у великого государя милости, чтобъ въ Кіевѣ были царскіе воеводы и ратные люди, ибо намъ не удержать его. Городъ Кіевъ великій государь изволилъ у насъ принять по нашему челобитью, потому что отъ королевского величества и отъ всѣхъ сенаторей церквамъ Божіимъ было поруганіе, а намъ, христіянамъ, налоги великіе; и по се время великій государь своими государевыми ратьми насъ оберегалъ. А нынѣ слышимъ, что по договорнымъ статьямъ, Кіеву быть

за королевскимъ величествомъ. Всего Малороссійского краю, по обѣ стороны Днѣпра, духовенство и всякого чину люди говорятъ: Если Кіеву быть за королевскимъ величествомъ, и мы за Кіевъ будемъ стоять и за него умирать, пока живы будемъ. Полякамъ не отдадимъ его. Да теперь у нихъ и короля нѣтъ, вѣдаемъ это подлинно»[143].

Подполковникъ Подымовъ возвратился въ Кіевъ 5 декабря. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и посланный отъ Дорошенка, для переговоровъ, войсковой писарь Иванъ Олишинской. Первымъ словомъ Олишинскаго были царскіе воеводы и ратные люди въ Малороссійскихъ городахъ. Удаленіе ихъ ставилось условіемъ принятія подданства Дорошенкомъ. «Имѣю язъ о томъ подивленіе великое,—отвѣчалъ Петръ Васильевичь Шереметевъ,—что гетманъ Петръ Дорофеевичь о такихъ дѣлахъ съ тобою ко мнѣ приказываетъ! И какое въ томъ будете себѣ имѣть добро, что царскимъ воеводамъ и ратнымъ людямъ въ Заднѣпрскихъ городахъ не быть? Напримѣръ, въ нынѣшнее шаткое вре-

[143] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 124. столб. 1 и 2.

мя и въ воровствѣ Переяславскаго полковника Дмитрашка Райча, если бы въ Переяславлѣ государевыхъ ратныхъ людей не было, и Переяславль былъ бы за Татарами и они учинили бы въ немъ стацію (то-есть, продовольственный пунктъ) и вамъ бы отъ Татаръ изъ Переяславля наипаче было бы утѣсненіе великое». Исполнилось бы желаніе бусурманъ: «всѣхъ васъ до сущаго младенца выгнать въ Крымъ». Вѣдь государевы воеводы и ратные люди жителей Заднѣпрскихъ городовъ отъ того «бусурманского замыслу остерегли и тѣхъ замысловъ исполнити не допустили».

Олишинскій объяснилъ, что гетманъ Дорошенко настаиваетъ на удаленіи изъ Малороссійскихъ городовъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей потому, «что въ прошлыхъ годѣхъ, какъ королевское величество велѣлъ изъ Корсуня, изъ Умани и Чигирина вывести ратныхъ людей, и тѣмъ Малороссійского краю людей увеселилъ. И гетманъ де и все Войско Запорожское, видя такую милость, утѣшились, и по воли его королевского величества учинили».

— Да, — сказалъ на это съ усмѣшкою

Петръ Васильевичь Шереметевъ,—«видѣли мы то подлинно, что въ прошломъ году, какъ только комендантъ Чигиринскій выступилъ изъ города и пошелъ въ Польшу, и гетманъ, призвавъ Татаръ, многимъ собраньемъ пошелъ въ Польшу и многіе города, села и деревни разорилъ... Опасно и намъ того жъ», какъ выведемъ изъ городовъ лѣвой стороны Днѣпра государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей... Въ заключеніе Шереметевъ велѣлъ Олишинскому сказать гетману Дорошенку, «чтобъ онъ присягу учинилъ, жить съ нами въ совѣтѣ и любви, другъ надъ другомъ зла не искать; также велѣть и Заднѣпрскихъ городовъ полковникамъ и старшинамъ крестъ цѣловать, быть подъ высокодержавною рукою великого государя, по прежнему, также какъ и наказной гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. А мы и до присяги, сколько мочно, надъ непріятельскими людьми промыслъ чинить будемъ... Если онъ, Дорошенко, такъ учинитъ, и за то отъ Господа Бога приметъ милость, а отъ великого государя жалованье»[144].

---

[144] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 126. столб. 1—стр. 127. столб. 2.

Какъ трудно было вести дѣло съ Дорошенкомъ видно изъ того, что, въ сношеніяхъ съ Шереметевымъ, онъ не только допускалъ пребываніе царскихъ воеводъ и ратныхъ людей въ Кіевѣ, но даже почиталъ это необходимымъ. Одновременно же съ этимъ, въ сношеніяхъ съ Московскимъ правительствомъ, черезъ посредство шляхтича Ѳеофила Бобровича, онъ говоритъ уже другое. Продолжая настаивать на удаленіи царскихъ воеводъ и ратныхъ людей изъ городовъ восточной Украйны, онъ не дѣлалъ исключенія и Кіеву. —По извычаю нашему Украинскому,—говорилъ онъ,—гдѣ живутъ казаки, тамъ не должно быть воеводъ; «въ большомъ городѣ долженъ быть полковникъ, въ меньшомъ—сотникъ или атаманъ, а надъ всенародіемъ—войтъ» [145].

Другъ Дорошенковъ, митрополитъ Іосифъ Тукальскій, былъ по крайней мѣрѣ откровененъ, прямо предлагая Шереметеву отдать Кіевъ Дорошенку. Онъ писалъ архимандриту Иннокентію Гизелю, по поводу только что полученнаго извѣстія о прибытіи въ Украй-

[145] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 115. столб. 1.

ну Татарскаго полчища: «Какъ гетманъ Дорошенко напередъ сего былъ съ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ въ дружбѣ, такъ и нынѣ по тому жъ желаетъ. И нынѣ я остерегаю и вѣдомо чиню, что съ салтаномъ-калгою вышло сто тысячь Татаръ, а куда имъ идти, и они отъ гетмана Дорошенка ожидаютъ вѣдома. И бояринъ бы Петръ Васильевичь, съ ратными людьми въ Кіевѣ будучими, о томъ помыслилъ и съ гетманомъ Дорошенкомъ сослался, потому что и прилучай Василья Борисовича не по доброй волѣ, но по принужденію Польскіе гетманы Ордѣ выдали. А вѣдаетъ про то и самъ бояринъ, что, по договору посольскому, Кіевъ назначенъ быть уже не за великимъ государемъ, но за королевскимъ величествомъ»...

Отвѣтъ боярина Петра Васильевича Большого Шереметева другу Дорошенкову былъ достоенъ представителя стараго боярскаго рода Московскаго государства. «Митрополитъ воспоминаетъ мнѣ,—писалъ Шереметевъ,—вязенье брата моего, боярина Василья Борисовича, и мнѣ то не страхъ и не печаль, но радость и веселіе, что за Христа и за великого государя умирать. А что онъ, митропо-

литъ, пишетъ объ отдачѣ Дорошенку Кіева, и та рѣчь не случная, чтобъ Кіевъ отдать и изъ него выступить. А будемъ за Кіевъ стоять и умирать, покамѣстъ наши души есть въ тѣлѣ» [146].

---

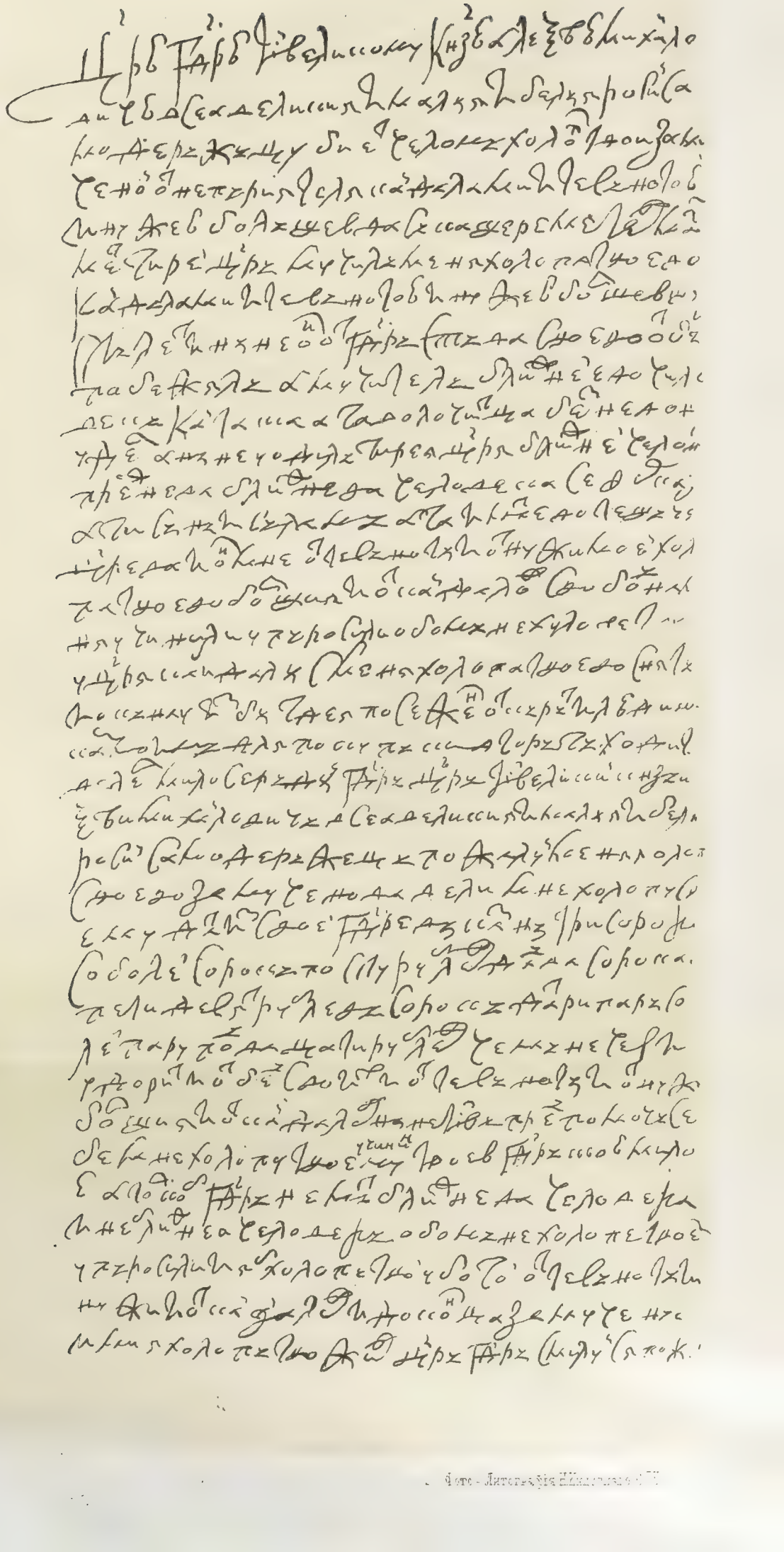
[146] Акты южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. стр. 258. столб. 1 и стр. 259; т. VII. Спб. 1872. стр. 144. столб. 2 и стр. 145. столб. 1.

ГЛАВА IX.

Мы давно уже оставили многострадальнаго Крымскаго плѣнника, боярина Василья Борисовича Шереметева, съ тѣмъ, чтобъ перейти въ Кіевъ, къ его двоюродному брату, боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву, стоявшему на стражѣ великаго государева дѣла въ Малороссіи[147]. Неожиданное напоминаніе о печальной участи Василья Борисовича, такъ неловко сдѣланное другомъ Дорошенковымъ, Чигиринскимъ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ, Кіевскому воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву, въ самый разгаръ его переговоровъ съ гетманомъ Дорошенкомъ, побуждаетъ насъ возвратиться въ Крымъ, для продолженія прерваннаго

---

[147] См. конецъ VI-й книги «Рода Шереметевыхъ». Спб. 1892.



разсказа о «полонномъ терпѣніи» доблестнаго Московскаго воеводы.

Необходимо напомнить, что новый Крымскій ханъ Аадиль-Гирей, преемникъ жестокосердаго Мухаммедъ-Гирея, былъ относительно милостивъ къ Василью Борисовичу. Мы уже знаемъ, что благодаря ходатайству ближняго человѣка Ислама-аги и его матери, «тещи царевы», Аадиль-Гирей велѣлъ даже снять кандалы съ Василья Борисовича и открыть окно въ его избѣ[148], какъ это извѣстно изъ собственноручной челобитной Шереметева[149], точный снимокъ съ которой при семъ прилагается[150]. Аадиль-Гирей былъ вообще склоненъ выпустить Василья Борисовича изъ плѣна за приличный выкупъ. Онъ даже торопилъ этимъ дѣломъ. Причиною тому были, съ одной стороны, настойчивыя требованія Турецкаго султана отдать ему Шереметева, разумѣется, даромъ, а съ другой стороны—опасенія, что Запорожцы, съ своимъ от-

---

[148] См. шестую книгу «Рода Шереметевыхъ». Спб. 1892. стр. 387 и 388.

[149] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Св. 56[а]. № 2.

[150] Снимокъ этотъ, предназначавшійся для VI-й книги, былъ изготовленъ художникомъ уже послѣ выхода ея въ свѣтъ.

важнымъ кошевымъ атаманомъ Сѣркомъ, безпрестанно налетавшіе на Крымскій улусъ, могли въ концѣ-концовъ выкрасть знатнаго вязня. Соображенія эти внушены были Аадиль-Гирею Исламомъ-агой, который, подобно отцу своему Сеферъ-гази-агѣ, относился сочувственно къ Шереметеву и былъ сторонникомъ дружбы съ Москвою, въ противоположность Ширинамъ, питавшимъ непримиримую вражду къ ней. Во всякомъ случаѣ, дѣло складывалось весьма хорошо для Василья Борисовича Шереметева. Такъ что со стороны Московскаго правительства оставалось только поскорѣе воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ Крымцевъ для мирныхъ переговоровъ, по крайней мѣрѣ не задерживать ихъ гонцовъ. Къ сожалѣнію, именно эта задержка гонцовъ, по обстоятельствамъ, оказалась неотвратимою. Не говоря уже объ отдаленности Крыма отъ Москвы и неустроенности путей сообщенія, вообще слѣдованіе черезъ Украйну кого бы то ни было, съ какими либо листами или грамотами, сопряжено было, по случаю Смуты въ странѣ, съ крайними затрудненіями. Напримѣръ, Кіевскій воевода Петръ Васильевичъ

Шереметевъ, отправляя, осенью 1668 года, въ Москву съ вѣстями Кіевскихъ рейтаръ Яцковскаго и Киселева, могъ сдѣлать это только «тайнымъ обычаемъ»: онъ послалъ ихъ «съ проѣзжими купцами, будто они купцы жъ, и далъ имъ соль на продажу»[151]. Но и эта предосторожность не оберегла посланцевъ. У нихъ отняли рѣшительно все, начиная съ воеводскихъ отписокъ и кончая солью, данною имъ для виду, для отвода глазъ. О гонцахъ, слѣдовавшихъ изъ Крыма въ Москву и обратно, и говорить нечего. Ихъ стерегли на каждомъ шагу. Для этого приняты были всѣ мѣры со стороны вождей Малороссійской Смуты, не имѣвшихъ никакого основанія желать добрыхъ отношеній между Московскимъ царемъ и Крымскимъ ханомъ. Какъ извѣстно, Аадиль-Гирей, какъ только прибылъ въ Крымъ, отправилъ къ царю Алексѣю Михайловичу гонца Мааметъ-агу, съ извѣстіемъ о своемъ «обновленіи», что онъ учинился въ Крымѣ царемъ. Посланные изъ Москвы гонцы, съ отвѣтною грамотою великаго государя, были

[151] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 97. столб. 2.

перехвачены въ Запорожьѣ и убиты. Такъ что хану осталось неизвѣстнымъ, что̀ было сказано въ отвѣтной грамотѣ Московскаго царя. Другой ханскій гонецъ, Шемай-Дуданъ, которому поручено было предложить царю Алексѣю Михайловичу условія мира, братской дружбы и любви, тоже не возвращался въ Крымъ. Въ іюлѣ 1667 года, Аадиль-Гирей послалъ въ Москву третьяго гонца, Челибея съ грамотою, въ которой писалъ, чтобъ великій государь прислалъ въ Крымъ, для договора о братской дружбѣ и любви, вѣрнаго и досужаго человѣка, съ коимъ онъ могъ бы «учинить договоръ безъ обсылки»[152]. По волѣ хана, Василій Борисовичь Шереметевъ послалъ съ Челибеемъ своего сотоварища по плѣну, жильца Ивана Ивановича Суздальцева, съ тѣмъ, чтобъ онъ подвинулъ въ Москвѣ дѣло объ его выкупѣ. Но и гонецъ Челибей не возвращался въ Крымъ. Не взирая на все это, въ верховномъ диванѣ рѣшено было послать въ Москву новаго гонца. Такъ велико было желаніе Крымцевъ установить добрыя отношенія съ Московскимъ го-

[152] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1669 г. № 4. связка 57.

сударемъ и договориться съ нимъ о выкупѣ изъ плѣна боярина Шереметева. Вѣроятно, Ширинамъ и удалось бы добиться отмѣны этого рѣшенія дивана о новомъ гонцѣ въ Москву, еслибы посланникъ нашъ въ Крыму, подьячій Гаврило Михайловъ, не получилъ наконецъ грамоту великаго государя къ Аадиль-Гирею, съ извѣстіемъ, что царское величество отправляетъ своего посланца на Донъ, для договора съ ханомъ объ утвержденіи мира и чтобы ханъ, съ своей стороны, выслалъ для сего на Донъ же своего ближняго человѣка. По прочтеніи этой грамоты, ханъ Аадиль-Гирей, поговоря съ своею братьею, царевичами и ближними совѣтниками (карачеями), положилъ послать на Донъ, для договора, посломъ—Гачей-Тимуръ-мурзу Сулешева. О такомъ рѣшеніи, ханъ велѣлъ, въ началѣ января 1668 года, казначею Халилъ-агѣ и балчы-башѣ[153] Икбалу-агѣ, сообщить боярину Шереметеву. Присланные чиновники объявили ему также и о томъ, что ханское величество наскоро посылаетъ въ Москву трехъ тугувчеевъ[154] Дельшей-бея съ товарищами,

[153] Придворный чинъ въ Крыму.

[154] Служебный чинъ въ Крыму.

извѣстить обо всемъ этомъ великаго государя и просить о высылкѣ за него, боярина Шереметева, окупа, въ размѣрѣ шестидесяти тысячь ефимковъ[155]. Василій Борисовичь поясняетъ намъ, что ханъ «билъ съ нимъ по рукамъ» именно въ шестидесяти тысячахъ ефимковъ и что требованный до того седьмой десятокъ тысячь, онъ отставилъ. Казначей и балчы-баша сказали Шереметеву еще то, чтобы онъ и отъ себя писалъ къ великому государю о своемъ окупѣ и что ханское величество, какъ только узнаетъ, что окупъ привезенъ, тотчасъ же пошлетъ его, Шереметева, на Донъ. Съ Сулешевымъ Василій Борисовичь послалъ, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву, другого сотоварища по плѣну, жильца Ивана Ивановича Нармацкаго да человѣка своего Ивана Мармылева, который, осенью 1667 года, присланъ былъ къ нему

---

[155] Иностранная серебряная монета талеръ, переиначенная у насъ въ ефимокъ, отъ изображенія на лицевой сторонѣ Св. Іоахима (Ефима), издавна принималась въ Московскомъ государствѣ отъ иноземныхъ купцовъ, въ уплату пошлинъ за привозимый ими товаръ. Ефимокъ содержалъ въ себѣ почти семь золотниковъ серебра и цѣнился у насъ въ половину рубля или полтину; слѣдовательно, онъ приблизительно равнялся нынѣшнимъ 3 рублямъ 85 копѣйкамъ. Нужно, однако, замѣтить, что Татары принимали деньги на вѣсъ и нарицательной ихъ цѣны не признавали.

изъ Москвы съ государевымъ жалованіемъ, соболями[156]. Шереметевъ вручилъ Нармацкому, для представленія государю, челобитную, съ слезною мольбою, выслать окупныя деньги, а также отписку, которая изъ предосторожности, была «сверчена въ столбецъ и зашита въ вощенòй платокъ, для осмотру непріятельскаго, чтобъ можно было провезть». Въ отпискѣ, Шереметевъ сообщалъ, между прочимъ, о набѣгѣ кошевого Сѣрка на Крымъ, что съ нимъ было шесть тысячь Запорожцевъ, что онъ повоевалъ «крайнія» деревни Ширинскихъ Татаръ и ихъ сараи и что многіе изъ нашихъ плѣнныхъ пристали къ казакамъ и ушли изъ Крыма[157].

Сулешевъ выѣхалъ на Донъ 5 января 1668 года. Вслѣдъ за тѣмъ, Аадиль-Гирей приказалъ перевести Василья Борисовича Шереметева, на нѣкоторое время, изъ угрюмаго Жидовскаго городка въ Греческую слободу Маріамполь, составлявшую предмѣстіе Бахчисарая[158]. Слобода Маріамполь или Ма-

---

[156] «Родъ Шереметевыхъ», кн. VI. Спб. 1892. стр. 541.

[157] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1667 г. св. 56[a], № 2.

[158] См. конецъ VI-й книги «Рода Шереметевыхъ».

ріанополь, также Марьино село, населенная исключительно Греками и Армянами, ютилась у подножія древняго Успенскаго монастыря, высѣченнаго въ отвѣсной скалѣ. Вѣковая святыня обители—икона Божіей Матери, явленная еще во времена Генуэзцевъ, почиталась даже и Татарами. Достовѣрно извѣстно, что они ставили передъ нею свѣчи и приносили своихъ болящихъ дѣтей, въ чаяніи исцѣленія. «Татарове—говоритъ современный дѣписатель Лызловъ — велію почесть тому образу Пречистой Богородицы воздаютъ со многими приношеніями». Очень можетъ быть, что ханъ Аадиль-Гирей, перемѣщеніемъ Василья Борисовича Шереметева, на нѣкоторое время, въ слободу Маріамполь, имѣлъ въ виду именно доставить ему духовное утѣшеніе излить свою скорбь предъ чудотворною иконою Богоматери, которая цѣлые вѣка поглощала потоки страстныхъ возношеній и молитвъ людей скорбящихъ, помощи требующихъ.

Аадиль-Гирей былъ такъ увѣренъ въ Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ и въ скоромъ полученіи окупныхъ денегъ за него, что совсѣмъ было рѣшилъ даже отпустить его въ

Азовъ, чтобы ему, по выраженію хана, «было къ окупу ближе». Но, къ несчастію, карачеямъ удалось отговорить отъ того хана. Они упрямо твердили свое: «Если окупъ позамѣшкается, вскорѣ привезенъ на Донъ не будетъ, и боярину Шереметеву долгое время въ Азовѣ быть нельзя».

Вскорѣ послѣ возвращенія Василья Борисовича Шереметева въ Жидовскій городокъ, въ Крымъ прибылъ изъ Украйны калга-султанъ, ходившій туда съ войскомъ въ 20 тысячь человѣкъ, на помощь Дорошенку противъ князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго. Калга привезъ съ собою 18 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ были и «необышные», а именно: родной сынъ боярина князя Григорья Григорьевича, стольникъ князь Андрей Григорьевичь Ромодановскій, Александръ Петровичь Скуратовъ, Михайло Андреевичь Толстой и стряпчій Михайло Головнинъ. Они слѣдовали въ Москву съ сеунчемъ отъ князя Ромодановскаго, вмѣстѣ съ посланцами къ государю отъ архіепископа Лазаря Барановича и наказного гетмана Демьяна Многогрѣшнаго (ѣхавшими испросить разрѣшеніе созвать раду для избранія полнаго гетмана),

но на пути, въ жаркомъ бою при селѣ Грайворонѣ, были отбиты Татарами отъ сопровождавшихъ ихъ рейтаръ[159], и уведены въ плѣнъ.

Вслѣдъ за калгой пріѣхалъ въ Крымъ царскій гонецъ, подьячій Никонъ Ивановъ, съ грамотою царя Алексѣя Михайловича къ хану Аадиль-Гирею, въ которой онъ писалъ, чтобы ханъ, для договору его прежней государской братской дружбы и любви, послалъ кого-либо изъ ближнихъ своихъ людей на Валуйки, а «на знакъ той дружбы», отпустилъ бы съ тѣмъ ближнимъ человѣкомъ на Валуйки плѣннаго боярина Шереметева и иныхъ плѣнныхъ людей на размѣну и на окупъ. Далѣе, въ грамотѣ великаго государя сказано, что онъ, съ своей стороны, «указалъ послать для того договору, на Валуйки, окольничаго и окупъ за боярина Шереметева указалъ послать, а также привести, собравъ изъ разныхъ мѣстъ, на Валуйки же, полонъ Татарскій[160]. Съ Никономъ Ивановымъ присла-

---

[159] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 94. столб. 1—стр. 95. столб. 2.

[160] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1669 г. № 49.

на была грамота царя Алексѣя Михайловича и къ Василью Борисовичу Шереметеву, съ обычнымъ увѣщаніемъ «уповать на всемогущаго Бога и на заступленіе Пречистыя Богородицы», и съ такимъ же обычнымъ увѣреніемъ, что «милость великого государя къ нему, Шереметеву, всегда непремѣнна»[161]. Почти одновременно съ подьячимъ Ивановымъ пріѣхалъ въ Крымъ толмачъ Алексѣй Кокоринъ съ легкими поминками. Самому хану онъ привезъ сорокъ соболей, на 50 рублей, да вмѣсто лисицы, двѣ пары соболей, по 15 рублей пара, и двѣ пары—по 10 рублей, всего на 100 рублей; наслѣднику ханскому (калгѣ)—соболей на 50 рублей; второму наслѣднику (нурадину)—на 35 рублей. Кокоринъ привезъ и Шереметеву «на пропитаніе» соболей на 200 рублей, а подьячему Гаврилову—соболей на 150 рублей да деньгами 50 рублей[162].

Подьячій Никонъ Ивановъ былъ отпущенъ въ Москву 10 марта 1669 года, вмѣстѣ

---

[161] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1669 г. № 49.

[162] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Дѣла Крымскаго двора старыхъ лѣтъ. св. 56°. № 15.

съ ханскимъ посломъ аталыкомъ (воспитателемъ ханыча) Шахтемиромъ, которому поручено было ѣхать «для договору о мирномъ утвержденіи». Съ ними же ханъ Аадиль-Гирей, «на знакъ братской дружбы и любви» къ великому государю, отпустилъ изъ Жидовскаго городка боярина Василья Борисовича Шереметева, но только до третьяго стана отъ Бахчисарая, до города Козлова (нынѣ Евпаторія), гдѣ ему указано было проживать впредь до присылки за него окупа на Валуйки. Шереметеву было сказано: «Какъ по указу великого государя присланъ будетъ на Валуйки окупъ твой и съ подлинною вѣдомостью о томъ пришлетъ посолъ Шахтемиръ-аталыкъ человѣка своего, и тебя въ то время на Валуйки повезутъ тотчасъ».

Сверхъ того, съ подьячимъ и ханскимъ посланникомъ выѣхало 40 человѣкъ, совсѣмъ отпущенныхъ изъ Крыма плѣнниковъ, въ томъ числѣ жилецъ Кузьма Коржавинъ, соратникъ и сотоварищъ по плѣну Василья Борисовича Шереметева, который отзывался о немъ такъ: «А Кузьма, въ бѣду мою безголовную, не покинулъ меня и отъ меня не отбылъ, не убоявся полоннаго терпѣнія, ни

смерти; мучился со мною вмѣстѣ въ полону восемь лѣтъ, шесть мѣсяцевъ»[163].

Путешественники наши прибыли въ Козловъ 13 марта. Два дня спустя, 15 числа, подьячій Никонъ Ивановъ и аталыкъ Шахтемиръ съ прочими поѣхали далѣе, а Василій Борисовичь Шереметевъ остался въ Козловѣ, отправивъ къ государю съ жильцомъ Кузьмой Коржавинымъ слѣдующую собственноручную челобитную:

«Царю государю і великому князю Алексѣю Михайловичю (малый титулъ) биетъ челомъ холопъ твой убогой и давной пленъной и безсемейной и безпомочной Васка Шереметевъ. Какъ въ неволе мучуся и нужю великую и тесъноту терпълю, тому, государь, восьмь летъ, шесть месецовъ. А ныне, по твоей государеве грамоте, Адилъ-Гирей царь отпустилъ меня изъ Жидовскова городка на третей станъ отъ Бакъчисараю, въ Козловъ; а въ Козлове указалъ мне ожидать, какъ, по милости твоей государьской и по милосердому государьскому указу, окупъ за меня на Волуйки привезенъ будетъ, а про то ему

[163] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1669—1672. № 49.

будетъ ведома подлинно отъ посъланника его, которой посъланъ къ тебе, ко государю; въ то время повезутъ меня изъ Козлова на Волуйки тотчасъ. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь (малый титулъ), смилуйся, государь православной, помилуй убогова и давнова пленнова и безсемейнова и безпомошнова холопа своево, для Бога и Пречистой Богородицы и для своево государьскова многолѣтнова здоровья и для своей благовѣрной царицы и великой кнеини Марьи Ильишны, государыни нашей, и для своихъ государьскихъ благородныхъ чядъ, благовѣрныхъ царевичей государей нашихъ, для благовернаго государя царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича и для благовѣрнаго государя царевича и великого князя Ѳедора Алексѣевича (и проч.) многолетнова здоровья, взыщьчи, государь, душу мою грешную и убогую голову, по милости своей государьской. Пожалуй, укажи, государь, посълать свое государево жалованье, окупъ за меня на Волуйки, чтобъ по милости твоей государьской, душа моя грешная и убогая голова изъ неволи уволнилась и отъ нечестивыхъ бусурманъскихъ

рукъ свободилась вскоре. Царь государь, смилуйся, пожалуй»[164].

Челобитная писана собственною рукою Василья Борисовича Шереметева, а потому приведена здѣсь буквально, съ сохраненіемъ правописанія подлинника. «Челобитную — объясняетъ Шереметевъ въ особой припискѣ —писалъ я своею рукою и у тебя, великого государя, милости прошу, будетъ въ чемъ описался, не положи, государь, гнѣву и опалы своей государьской на холопа своево. Писать мало умѣю да и вижу худо»[165].

По донесенію Валуйскаго воеводы Ивана Познякова, подьячій Никонъ Ивановъ съ толмачемъ Ѳедоромъ Борисовымъ и аталыкъ Шахтемиръ съ сорока Русскими плѣнными, прибыли изъ Крыма на Валуйки 1 апрѣля 1669 года. Лишь 28 апрѣля они пріѣхали наконецъ въ Москву.

Но таково уже было несчастіе Василья Борисовича Шереметева. Въ то время, какъ въ Крыму вопросъ объ увольненіи его изъ плѣна былъ рѣшенъ окончательно и все дѣло

---

[164] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1669 г. № 4. св. 57.

[165] Тамъ-же, № 49.

стояло лишь на томъ, чтобы поскорѣе получить за него обѣщанныя деньги, въ которыхъ такъ нуждался тогда Аадиль-Гирей, для поддержанія своего шаткаго положенія на престолѣ,—въ Москвѣ, какъ нарочно, въ то время было совсѣмъ не до Крыма. Все вниманіе было сосредоточено на Польшѣ. Дѣло въ томъ, что по Андрусовскому договору, 15 апрѣля 1669 года истекалъ срокъ отдачи Кіева Польскому королю. Поляки настойчиво требовали исполненія именно этой статьи договора; а между тѣмъ, только что бывшіе въ Москвѣ посланцы архіепископа Лазаря Барановича и гетмана Демьяна Многогрѣшнаго отъ имени всѣхъ Малороссіянъ, съ плачемъ просили великаго государя, чтобъ онъ не отдавалъ Польскому королю Кіева, «первопрестольнаго града Царства Русскаго, отъ котораго искони на всю Россію возрасла благодать Божія и на коемъ утверждается вся Украйна»[166]. Лазарь Барановичъ и отъ себя лично предостерегалъ царя Алексѣя Михайловича относительно Кіева, чтобъ онъ «гнѣз-

---

[166] Д. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малороссіи. Ч. 2. М. 1822. стр. 67.

да Православія и престола княженія своего не попущалъ»[167].

Дѣйствительно, было надъ чѣмъ подумать начальнику Посольскаго приказа боярину Ордину-Нащокину, автору Андрусовскаго договора. Еще съ весны 1669 года, онъ уѣхалъ на съѣздъ съ Польскими коммиссарами, которые продолжали твердить одно, что неотдача Кіева есть очевидное нарушеніе Андрусовскаго договора. Ординъ-Нащокинъ доказывалъ, что сами Поляки нарушили такія-то и такія-то статьи договора, что если отдавать Кіевъ, то отдайте де сперва тѣ Украинскіе города, которыми владѣетъ теперь Дорошенко. Нѣтъ, заключилъ Ординъ-Нащокинъ, лучше положимъ все это дѣло на волю Божію. Въ виду замѣшательствъ въ Украйнѣ, необходимо де заключить, вмѣсто перемирія, союзъ вѣчный и крѣпкій, а тамъ общимъ совѣтомъ постановимъ о Кіевѣ и объ Украинскихъ городахъ; на съѣздахъ объявится, кто нарушилъ Андрусовскій договоръ. Польскіе коммиссары были убѣждены доводами хитраго Московскаго дипломата и положили

[167] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 107. столб. 1.

съѣхаться для заключенія мира. А когда Ордину-Нащокину сообщили о пріѣздѣ въ Москву ханскаго посла аталыка Шахтемира, для великихъ государевыхъ дѣлъ, то онъ отвѣтилъ что, «съ Крымскимъ посломъ надобно договориться накрѣпко, чтобъ впредь въ общемъ съѣздѣ на Украйнѣ или на Валуйкахъ быть государевымъ, Польскимъ и Крымскимъ посламъ вмѣстѣ и общимъ совѣтомъ миръ заключить»[168].

Такимъ образомъ, дѣло о выкупѣ Шереметева снова отсрочивалось на неопредѣленное время. За то Ордину-Нащокину, по необходимости допустившему въ договорѣ статью о Кіевѣ, удалось отстоять матерь городовъ Русскихъ отъ Польскихъ притязаній. Но, покамѣстъ это не сдѣлалось извѣстнымъ на мѣстѣ, въ Кіевѣ, положеніе тамошняго воеводы, боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, какъ сейчасъ увидимъ, было далеко не изъ легкихъ.

---

[168] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Книга III. стр. 387—391.

ГЛАВА X.

Въ то время, какъ Дорошенко путался въ своихъ многосложныхъ политическихъ соображеніяхъ и сгоралъ въ страстной борьбѣ изъ-за мысли объ единой, нераздѣльной Украйнѣ, его наказной гетманъ Сѣверскій Демьянъ Многогрѣшный, чуждый какихъ-либо политическихъ мечтаній и увлеченій, шелъ тихими, но вѣрными, разсчитанными шагами къ болѣе скромной, за то точно-опредѣленной цѣли, добиться полнаго гетманства на лѣвомъ берегу Днѣпра. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ полковниковъ, измѣнившихъ покойному Брюховецкому; теперь онъ продѣлывалъ то же самое и съ Дорошенкомъ. Помимо своего начальника и благодѣтеля, онъ вступилъ въ сношеніе съ Московскимъ правительствомъ, заявивъ о желаніи своемъ и Ма-

лороссіянъ лѣваго берега Днѣпра быть, попрежнему, подъ высокою рукою великаго государя и служить ему вѣрно вовѣки неотмѣнно. Обезпечивъ себя такими сильными заручками, какъ уважаемый всѣми святитель Лазарь Барановичь, Кіевскій воевода Петръ Васильевичь Шереметевъ и князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій, онъ отправилъ своихъ посланцевъ въ Москву и тамъ, 23 января 1669 года, разрѣшили созвать въ Малороссійскихъ городахъ раду, для избранія гетмана восточной, царской стороны Днѣпра. На радѣ указано быть боярину князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому и стольнику Артемону Сергѣевичу Матвѣеву[169]. При сужденіи о выборѣ мѣста, гдѣ быть радѣ, обнаружилось до какого обнищанія довела Малороссію долголѣтняя Смута. Посланцы Многогрѣшнаго, генеральный обозный Петръ Забѣла съ товарищами, говорили, что радѣ лучше быть «въ тихомъ боку», гдѣ-нибудь около Десны, и чтобы собрать только полковниковъ и старшину, а черной радѣ (то-есть, съ участіемъ «посполитства», черни) не быть,

[169] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 49. столб. 2.

для того, что «мѣста разоренныя; какъ съѣдутся многіе люди, и лошадей накормить будетъ нечѣмъ»[170]. Въ Бѣлой Церкви, напримѣръ, дошло до такой крайности, что тамошній комендантъ, не зная, гдѣ и какъ раздобыть хлѣба, придумалъ отправить въ Кіевъ, къ Петру Васильевичу Шереметеву, въ подарокъ, двухъ плѣнныхъ Татаръ и просилъ прислать за нихъ двѣсти осьмачекъ хлѣба. Шереметевъ возвратилъ Татаръ назадъ и приказалъ отвѣтить коменданту въ третьемъ лицѣ: «На пріятствѣ комендантовомъ и на подаркахъ любительной свой поклонъ препосылаютъ, а Татаръ въ Бѣлую Церковь отсылаютъ и хлѣба не посылаютъ. Такими людьми и сами въ Кіевѣ изобильны. А не токмо двусотъ осьмачекъ, и дву зеренъ дать за нихъ не для чего. А видя великія нужи, если можно будетъ, всячески вспоможеніе чинить желаютъ и безъ босурманскихъ подарковъ»[171].

Въ концѣ концовъ, раду указано было собрать въ Глуховѣ.

---

[170] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 50. столб. 1.

[171] Тамъ же, т. VII. Спб. 1872. стр. 173. столб. 2; т. VIII. Спб. 1875. стр. 119.

Дѣло еще не было доведено до конца, а Демьянъ Многогрѣшный, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ своихъ исканій, спѣшилъ воспользоваться выгодами своего положенія, какъ лица уже намѣченнаго на гетманскій урядъ. Застоналъ весь Сѣверскій край отъ его необузданныхъ поборовъ. По свидѣтельству современника-очевидца, Многогрѣшный «безмѣрно побралъ на себя во всемъ Сѣвери дани великія медовыя». Онъ взималъ отъ каждаго котла: съ мужиковъ—по рублю, съ казаковъ по—полтинѣ, съ священниковъ, «чего и за Ляцкія власти не бывало»,—по полтинѣ же. Отъ сохи бралъ съ мужиковъ и казаковъ поровну, по двѣ гривны отъ лошади и вола, отъ мельницъ—по пяти-шести рублей и кромѣ того, по червонному золотому отъ колеса. А на ярмаркахъ, каждый пріѣзжій платилъ Многогрѣшному съ воза по десяти алтынъ и по двѣ гривны. Собранныя такимъ насильствомъ деньги, Демьянъ Многогрѣшный поспѣшалъ размѣнивать на червонные золотые и въ короткій срокъ скопилъ «немалыя тысячи». Друзья предостерегали Многогрѣшнаго отъ такихъ поборовъ: какъ бы де не вооружилъ противъ себя; а

тотъ беззастѣнчиво говорилъ, что въ крайности уйдетъ въ Цесарскую Землю[172].

Когда Дорошенко узналъ наконецъ о сношеніяхъ Демьяна Многогрѣшнаго съ княземъ Ромодановскимъ, онъ писалъ Петру Васильевичу Шереметеву: «Тое насъ у великое удивленіе приводитъ, же съ наказнымъ нашимъ гетманомъ Сѣверскимъ, мимо моего и всего Войска Запорожскаго вѣдома, яки есть потайные тракты заводятся и постановленья чинятся! Но вельможности твоей и иншимъ государства Московского особамъ, которыя къ нравамъ Украинскимъ и повоженью тутейшему приглядѣлись, явно и вѣдомо есть, что брани и всякія нестроенія межи православными народы Малороссійскими и Великороссійскими»... происходятъ именно отъ такихъ «закутныхъ гетманчиковъ», какъ Демьянъ Многогрѣшный... Если будутъ поблажать этому «новоотозвавшемуся гетманчику»... то съ того «что̀ уростетъ, самъ, вельможность твоя, домыслитися можешь»[173].

Дорошенко, разумѣется, былъ правъ. Но

---

[172] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII Спб. 1875. стр. 11. столб. 1.

[173] Тамъ же. стр. 116. столб. 2 и стр. 117. столб. 1.

вѣдь и самъ онъ, еще до приведеннаго письма къ Шереметеву, завелъ тайныя сношенія съ Турецкимъ правительствомъ, о принятіи его и всей Украйны подъ покровительство султана. Петръ Васильевичь имѣлъ на этотъ счетъ самыя точныя свѣдѣнія. Относительно Демьяна Многогрѣшнаго, Шереметевъ отвѣтилъ Дорошенку такъ, какъ долженъ былъ въ данную минуту отвѣтить царскій намѣстникъ въ краѣ, знавшій, что избраніе въ гетманы именно Многогрѣшнаго уже было какъ бы предрѣшено въ Москвѣ. «Удивляешься ты,—писалъ Шереметевъ Дорошенку,—что съ гетманомъ Сѣверскимъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ договоры чинятся тайно; и мы тебѣ, пріятелю своему, даемъ знать, что Демьянъ Многогрѣшной учинился подъ высокодержавною великого государя нашего рукою со всѣми Малороссійскими Переяславскія стороны городами попрежнему, и хочетъ служить его царскому пресвѣтлому величеству вѣрно, вовѣки неотмѣнно, воспоминая къ себѣ и ко всему Малороссійскому краю великого государя нашего милость и заступленіе отъ непріятельскихъ силъ воинскихъ и свою присягу. А что будто онъ, Сѣверскій гетманъ, чинитъ до-

говоры тайно, и у него, гетмана, тайныхъ договоровъ нѣтъ, а били челомъ его царскому пресвѣтлому величеству Малороссійскихъ Переяславской стороны всѣхъ городовъ казацкіе старшина и чернь, чтобъ великій государь на милость положилъ, вины́ ихъ велѣлъ отдать и подъ свою высокодержавную руку милостиво принять изволилъ. И великій государь нашъ, послѣдуя Христу, приходящихъ съ чистымъ повиновеніемъ, вины́ ихъ въ забвеніе вѣчное пущаетъ и никогда онѣ вспомянуты не будутъ и подъ свою высокодержавную руку милостиво принять изволилъ; и поволилъ Малороссійскихъ Переяславской стороны городовъ казацкимъ старшинамъ и всей черни, противъ прежнихъ ихъ правъ, быть радѣ... А что нынѣ, за изволеніемъ Божіимъ и по волѣ великого государя нашего... богоугодное и душеспасительное дѣло зачинается, рада, и тебѣ, пріятелю нашему, о такомъ богоугодномъ дѣлѣ сумнѣваться не для чего, потому что Переяславская сторона—великого государя нашего, его царского пресвѣтлого величества... Ты пишешь къ намъ свое удивленіе дѣламъ гетмана Демьяна Многогрѣшного, и мы твоему писанію и разуму

удивляемся: къ намъ пишешь и желаніе объявляешь, а самъ съ Турскимъ царемъ списываешься и пословъ своихъ посылаешь, также и отъ Турского царя послы у тебя частые и нынѣ есть; а о какихъ дѣлахъ ты къ Турскому царю списываешься и пословъ посылаешь, и его писаніе и пословъ принимаешь, о томъ къ намъ не пишешь и вѣдомо намъ не чинишь»[174].

Между тѣмъ, поведеніе Демьяна Многогрѣшнаго въ самомъ дѣлѣ было таково, что можно было бы подумать, что онъ и вправду уже назначенъ полнымъ гетманомъ. «Не вѣдаю,—писалъ еще въ январѣ Переяславскій полковникъ Дмитрашко Райча къ Нѣжинскому полковнику Филиппу Уманцу,—есть ли панъ гетманъ Сѣверскій уже впрямь на сей сторонѣ обранъ на гетманскій чинъ, или Дорошенка по прежнему слушати надобно намъ»[175]? Недоумѣвали со всѣхъ сторонъ. Такъ, и Нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичь, съ горечью писалъ къ архіепископу Мелетію: «Нынѣ въ нашей сторонѣ нѣтъ ни-

---

[174] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 117. столб. 2 и стр. 118.

[175] Тамъ-же, стр. 8. столб. 1.

чего доброго, разстроились: одни къ Сѣверскому гетману, другіе—къ Дорошенку, третьи —къ Суховею. Господь же вѣсть, что́ впредь будетъ»[176]. Несчастные Малороссіяне явно упали духомъ отъ бѣдствій неурядицы «въ тые завихренніи часы», какъ однажды назвалъ Малороссійскую Смуту извѣстный шляхтичь Ѳеофилъ Бобровичь[177]. Понятны крики отчаянія, вырывавшіеся изъ груди истинныхъ патріотовъ. «Поистинѣ,—восклицали они,—за нашихъ странъ кривоприсяжество противу престола свѣта нашего, его царского пресвѣтлого величества, Богъ истиннымъ судомъ своимъ казнію казнитъ насъ!.. Припадайте къ степени ногъ престола государева, чтобъ кромѣ власти государевой, ни едина власть власти не имѣла надъ нами!.. Со слезами молимъ, имѣйте радѣніе у престола государева, его царского пресвѣтлого величества, чтобъ насъ, бѣдныхъ, поврежденныхъ въ конецъ сиротъ своихъ, изъ подъ своей царской руки никому иному властительствовати надъ нами не допущалъ... Аще

---

[176] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 13. столб. 1.

[177] Тамъ-же, стр. 35. столб. 1.

не будемъ подъ царскою высокою рукою во власти, и на каторгѣ проклятшего житія нашего пущего не можетъ быти»[178].

Но голосъ патріотовъ заглушался въ вихрѣ Смуты, бичевавшей Малороссіянъ за ихъ «непостоянство», за ихъ «кривоприсяжество». Вся бѣда была въ томъ, что Петръ Дороѳеевичь Дорошенко, этотъ наиболѣе талантливый и вліятельный изъ тогдашнихъ дѣятелей Малороссійскихъ, велъ свою особую политику, которая въ концѣ концовъ оказалась не на благо, а прямо на пагубу страстно любимой имъ родины. Московское правительство, воспользовавшееся потомъ значительною долею политической программы Дорошенка, не имѣло разсчета усиливать личное вліяніе даровитаго автора этой программы, напротивъ того, всячески препятствовало сему. Къ удивленію, Дорошенко никакъ не могъ понять этого!

6-го марта, на радѣ въ Глуховѣ, Демьяну Многогрѣшному торжественно вручены были: гетманская булава, знамя, бунчукъ и сабля. Для всѣхъ стало ясно, что теперь совершался лишь о б р я д ъ вступленія Многогрѣшнаго въ должность настоящаго гетмана,

[178] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. № 4.

но что самое избраніе было предрѣшено гораздо раньше. Въ самый день врученія Демьяну Многогрѣшному знаковъ гетманскаго достоинства, архіепископъ Лазарь Барановичь писалъ царю Алексѣю Михайловичу: «Словесемъ Господнимъ небеса утвердишася, да утвердится нынѣ и земля Украинная, и отселѣ да будетъ вѣрная, не аки трость, вѣтромъ колеблема, служба Войска вашего царского пресвѣтлого величества Запорожского сей стороны Днѣпра» [179].

Радость святителя оказалась преждевременною; было еще очень далеко до осуществленія его благостныхъ пожеланій. Дорошенко, какъ будто бы только и ждалъ того, чѣмъ окончится рада въ Глуховѣ. Торжественный обрядъ, совершенный тамъ 6 марта, дѣйствительно развязывалъ ему руки. Трудно объяснить простою случайностью, что вслѣдъ за окончаніемъ Глуховской рады, въ Чигиринѣ появились послы Турецкаго султана Магомета IV-го: визирь Махмутъ, паша Деливеръ и нѣсколько знатныхъ Турокъ. Они прибыли съ двадцатитысячнымъ Татарскимъ войскомъ, расположившимся въ полѣ, при рѣчкѣ

[179] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. стр. 100. столб. 1.

Ташлыкѣ, въ 69 верстахъ отъ Чигирина. Случилось именно то, чего такъ опасался Петръ Васильевичь Шереметевъ, а вмѣстѣ съ нимъ всѣ благоразумные Малороссіяне. «Мы всѣ— писалъ тогда царю Алексѣю Михайловичу Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель —отъ такихъ казацкихъ мятежей, которыми большую пагубу на христіянъ наводятъ, зѣло сердцемъ нашимъ болѣемъ... Воевода здѣшній, благородный господинъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, непрестанно прилежное тщаніе чинилъ и творити не перестаетъ, что бы казаки съ Турки дружбы не держали и подъ высокодержавную руку вашего царского пресвѣтлого величества наклонились»... Въ заключеніе, Иннокентій Гизель просилъ государя, и «свой премудрый промыслъ и совѣтъ учинить, Бога ради и обителей святыхъ и всѣхъ христіянъ, дабы соединенія съ Турки казаки не держали»[180].

Извѣстно, что Дорошенко, тотчасъ же по прибытіи Турецкихъ пословъ, собралъ близъ Корсуня, на рѣчкѣ Расавѣ, раду, на которую съѣхалось до пятисотъ казацкихъ стар-

[180] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. стр. 130. столб. 2 и стр. 131. столб. 1.

шинъ праваго берега и человѣкъ 20 лѣваго берега. На Корсунской радѣ, 12 марта, окончательно договорились на томъ, что Украйнѣ быть въ подчиненіи у Турецкаго султана, на такихъ же условіяхъ, какъ Волошская земля. За то и Турокъ связали такою статьею договора: «Да не сотворитъ Турскій султанъ мира, ниже ханъ Татарскій, съ пограничными и близкими облаадатели, изрядне же съ королемъ Польскимъ и съ царемъ Московскимъ, союза дружества да не творитъ, безъ вѣдомости и согласія нашего, гетмана, и всего Войска Казацкаго»[181]. На радѣ постановлено, Дорошенку быть совершеннымъ гетманомъ, одному на обѣихъ сторонахъ Днѣпра[182]. Тутъ же на Дорошенка надѣли ферязь, присланную ему въ подарокъ отъ султана[183].

Турецкіе послы, уѣзжая домой, оставили Дорошенку «титлу», какъ за султана Бога молить. Въ титлѣ той было написано слѣдующее: «Молимся о великомъ наяснѣйшемъ цесаревѣ, всѣмъ царемъ великомъ царѣ, внукѣ Божіемъ и стражѣ Гроба Господня». Оче-

---

[181] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. стр. 220. столб. 1.

[182] Тамъ-же, стр. 145. столб. 1.

[183] Костомаровъ. Руина. Спб. 1882. стр. 279.

видецъ свидѣтельствуетъ, что эта замысловатая «титла», по приказанію Дорошенка, дѣйствительно возглашалась въ Чигиринскихъ церквахъ[184].

Еще болѣе печальныя вѣсти принесъ въ Кіевъ прапорщикъ солдатскаго строя Осипъ Соболевъ, находившійся въ Чигиринѣ, въ плѣну у Дорошенка. 1 апрѣля, Соболевъ, на допросѣ, сказалъ Петру Васильевичу Шереметеву, что ему достовѣрно извѣстно, будто бы Турецкій султанъ обѣщалъ прислать Дорошенку, къ Свѣтлому Христову Воскресенію, которое въ 1669 году приходилось 11 апрѣля, двадцать тысячь конныхъ Турокъ да столько же янычаръ и пѣшей вольницы разныхъ земель и что, по прибытіи этого войска, самъ Дорошенко пойдетъ воевать государевы украинные города, а подъ Кіевъ, «въ скорыхъ дняхъ», пошлетъ полковника Яненка, съ Турками, Татарами и казаками, чтобъ осадить городъ непремѣнно на Святой недѣлѣ[185].

Показанія Соболева подтверждались и

---

[184] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 138. столб. 2.

[185] Тамъ-же, стр. 138. столб. 2 и стр. 139. столб. 1.

свѣдѣніями, сообщенными изъ Бѣлой Церкви. «Дорошенку,—писалъ туда въ отвѣтъ Шереметевъ,—въ злыхъ его замыслахъ не поможетъ Господь Богъ, и разоритъ золъ совѣтъ его, потому что, называясь христіяниномъ, пріобщается къ босурманомъ» [186].

Но не одни замыслы Дорошенки составляли предметъ безпокойства и заботъ Кіевскаго воеводы Петра Васильевича Шереметева. Поляки такъ были увѣрены, что Кіевъ, въ силу Андрусовскаго договора, будетъ отданъ имъ 15 апрѣля, что еще въ февралѣ мѣсяцѣ назначили туда своего воеводу. Объ этомъ совершенно случайно узналъ Кіевскій мѣщанинъ Кириллъ Сергѣевъ, ѣздившій въ Польшу, «для торговаго промыслу». Между прочимъ, въ февралѣ, Сергѣевъ пріѣхалъ во Львовъ. Находившійся тамъ панъ Андрей Потоцкій, позвалъ его къ себѣ и прямо объявивъ, что онъ воевода Кіевскій, принялся разспрашивать Сергѣева:—А у васъ нынѣ кто воевода въ Кіевѣ? Добръ ли онъ до васъ, мѣщанъ?—Сергѣевъ отвѣчалъ: «Въ Кіевѣ, отъ великого государя, его царского пресвѣт-

[186] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 119. столб. 1.

лого величества, бояринъ и воевода Петръ Васильевичь Шереметевъ; до насъ, Кіевскихъ мѣщанъ, онъ добръ».—Рѣчь Посполитая—продолжалъ Потоцкій—назначила меня воеводою въ Кіевъ, а я посылаю напередъ бывшаго Бѣлоцерковскаго коменданта Яна Стахорскаго съ ратными людьми принимать Кіевъ. — Съ этими словами Потоцкій вручилъ Сергѣеву листъ и приказалъ отдать его въ Кіевѣ войту.

Послѣ того Сергѣевъ побывалъ въ Лубнахъ. Тамъ онъ засталъ Яна Стахорскаго съ тремя тысячами конныхъ и тремя же тысячами пѣшихъ людей. Стахорскій сказалъ Сергѣеву, что онъ, «раздавъ ратнымъ людямъ жалованье, конечно будетъ въ Кіевѣ къ Свѣтлому Воскресенію Христову».

Сергѣевъ прибылъ въ Кіевъ 15 марта и тотчасъ же подалъ Кіевскому войту Данилу Полоцкому листъ Потоцкаго, въ которомъ написано было слѣдующее: «Пане войте Кіевской. Понеже, по милости Божіи, изволеніемъ короля прошлаго, есмь паномъ вашимъ, того для, и о васъ вѣдати хочу и всякую мою милость и оборону объявити вамъ обѣщаюсь. Желаю, чтобъ есте о мнѣ вѣдали и во всемъ

ко мнѣ присѣгали, будучи надежны, что, по милости Божіі, скоро къ належащему своему притти могу и на комисію Московску въ Кіевъ съѣхать хочу и на время назначенное принять ево на обираніі. Буде какіе имѣете нужды, присылайте ко мнѣ до Оршавы»... Записка подписана такъ: «Всего добра желательный панъ Андрей Потоцкой, воевода». Войтъ, разумѣется, предъявилъ листъ Потоцкаго Петру Васильевичу Шереметеву, къ которому въ тотъ же самый день, то-есть, 15 марта, прибылъ посланецъ Польскаго полковника Яна Пиво-Запольскаго, поручикъ Валерьянъ Неловицкій, съ приказаніемъ словесно объявить Шереметеву, что, по универсалу короннаго гетмана Яна Собѣскаго, ему, полковнику, велѣно «приближаться и стать близъ Кіева, въ тридцати верстахъ, въ мѣстечкѣ Димерѣ», но что казаки Дорошенковы не пустили его туда; такъ чтобъ Шереметевъ велѣлъ ему, полковнику, «стать гдѣ индѣ». Петръ Васильевичь Шереметевъ словесно же отвѣтилъ посланцу, что «около Кіева, въ ближнихъ мѣстахъ, все разорено, стоять полковнику негдѣ; гдѣ ему отъ гетмана короннаго наказано стоять, тамъ бы и

стоялъ».—Да вѣдь въ Демиръ, гдѣ наказано стоять, полковника не пускаютъ казаки, а зачинать съ ними бой, безъ гетманскаго указа, онъ не смѣетъ. Въ такомъ случаѣ пустите его въ Кіевъ. «А много ли Пивина полку ратныхъ людей»? спросилъ Шереметевъ.—Тысячи съ двѣ, отвѣтилъ посланецъ. «Ну, полковнику съ двумя тысячами въ Кіевѣ стоять негдѣ, потому что въ нижнемъ городѣ, у мѣщанъ, въ дворахъ, стоитъ пѣхота многая. Стоять будетъ тѣсно, да и того опасно, чтобъ промежъ ратныхъ людей ссоры какой не учинилось».

Поручикъ Неловицкій ушелъ къ себѣ, въ «стоялой дворъ» и тамъ, съ неудовольствіемъ, говорилъ: «Бояринъ Шереметевъ не пускаетъ насъ въ Кіевъ, сказываетъ, что ссора будетъ съ ратными людьми, а ссорѣ быть не для чего, потому что приспѣло время Кіевъ принимать. Ратные де люди, которымъ принять Кіевъ и быть въ немъ съ Стахорскимъ, на готовности, стоятъ отъ Кіева въ ближнихъ мѣстахъ и къ Кіеву придутъ въ скорыхъ часѣхъ» [187].

Приготовленія Поляковъ къ занятію Кіева

---

[187] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 143. столб. 2—стр. 144. столб. 2.

подняли на ноги Дорошенка. Петръ Васильевичь Шереметевъ доносилъ государю: «Отъ Дорошенка многіе присланные казаки около Кіева во всѣхъ мѣстечкахъ стоятъ многолюдствомъ и купятся, а слухъ носится, купятся для того, если Поляки для принятія Кіева пойдутъ, и Дорошенко хочетъ всѣми силами противъ Поляковъ стоять и биться, а чтобъ Кіева не отдать»[188].

Къ несчастію, Дорошенко, вмѣстѣ съ своими казаками, по необходимости пускалъ въ ходъ и Татаръ, присланныхъ къ нему Турецкимъ султаномъ. Понятно, этихъ хищниковъ, нахлынувшихъ исключительно для добычи, невозможно было оставлять долгое время безъ работы. И можно сказать, Татары хорошо воспользовались представившимся случаемъ поживиться. Они набрали столько ясыря, что, по словамъ очевидца, «отъ плача многова полону, шумъ былъ великой»... Тотъ же очевидецъ повѣствуетъ: «У всякихъ чиновъ людей плачъ былъ великой; всѣ говорили, такая де намъ заступа отъ Дорошенка, что и

---

[188] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 144. столб.

послѣднихъ насъ отдастъ босурманомъ въ Крымъ» [189].

Долго сохранялось въ памяти Малороссіянъ это страшное бѣдствіе; оно увѣковѣчено и въ дошедшей до насъ народной думѣ:

...Не сизы орлы заклекотали,
То бѣдны, безщасны невольники у тяжкой неволѣ заплакàли.

---

[189] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 119. столб. 2 и стр. 120. столб. 1.

ГЛАВА XI.

Между тѣмъ, по мѣрѣ приближенія срока сдачи Кіева, 15-го апрѣля, Поляки все чаще и настойчивѣе напоминали о томъ Кіевскому воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву. Представители Рѣчи Посполитой, вѣроятно, еще не знали о новыхъ переговорахъ ея комиссаровъ съ Ординымъ-Нащокинымъ, который уже успѣлъ уговорить ихъ, рѣшить дѣло о Кіевѣ общимъ совѣтомъ на предстоявшихъ посольскихъ съѣздахъ. «Вѣдаю гораздо,— писалъ Петру Васильевичу Шереметеву, отъ 2 апрѣля, изо Львова, маршалокъ и коронный гетманъ Янъ Собѣскій,—что противъ договоровъ Андрусовскихъ, съ царскимъ величествомъ учиненныхъ и присягою утвержденныхъ, время приходитъ, 15 дня мѣсяца апрѣля нынѣшняго года, пріему Кіева и при-

веденію въ ту крѣпость Рѣчи Посполитой. Сего ради, нарочно вѣдомо чиню вамъ, брату и пріятелю нашему, о томъ, что назначенные отъ Рѣчи Посполитой нашей, для пріема помянутаго города, паны коммиссары ѣдутъ въ Кіевъ. Если бы они, за великими, злыми переправами и злыми дорогами, на уреченный день въ Кіевъ пріѣхать не поспѣли и тѣмъ вамъ, брату и пріятелю нашему, какова сумнительства не принесли бы,—симъ листомъ моимъ о пріѣздѣ помянутыхъ коммиссаровъ нашихъ паки обнадеживаю, обѣщаючи о всемъ, что належитъ, съ тѣми же коммиссары написать; а нынѣ доброго здравія и счастливого пребыванія отъ Господа Бога многолѣтно употребляти желаю» [190].

Главнымъ коммиссаромъ для пріема Кіева былъ назначенъ полковникъ Севастьянъ Моховскій. Извѣщая Петра Васильевича Шереметева, что коммиссары «приближаются къ Кіеву», онъ писалъ: «А что ты, господинъ мой, по се время Кіевъ додержалъ, и то Рѣчь Посполитая будетъ его царскому величеству отслуговать, и тебѣ, господину моему, чело-

[190] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 193. столб. 2.

вѣку великому, — всякимъ благодареніемъ воздавати»[191].

А полковникъ Пиво-Запольскій вздумалъ даже утѣшать Шереметева и тоже восхвалялъ его за то, что удержалъ за собою Кіевъ. «Коль скоро принялъ я—писалъ полковникъ Петру Васильевичу—письма отъ пановъ коммиссаровъ Рѣчи Посполитой, которые съ войски сдвижаются для защищенія тое крѣпости (то-есть, Кіева), которая непріятелю жестокою дверію есть ко всему христіянству, толь скоро всѣмъ, что̀ мнѣ паны коммиссары подали, вѣдомо чиню тебѣ, господину моему, чтобъ ты не печалился, желательство свое пресвѣтлому величеству государей нашихъ сохраняючи, занеже та крѣпость належитъ, какъ государству царского величества, такъ и всему христіянству... Для чего, противъ договоровъ учиненныхъ, имать общимъ быть защищеніемъ людемъ. Въ чемъ милость твоя, господинъ мой, многое время провождаючи, былъ еси оныя оберегателемъ. И нынѣ, похощешь того же додержати, и то, во украшеніе славы,..... при достоинствѣ

[191] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 195. столб. 1.

пресвѣтлого величества царского, будетъ похвалою, а отъ господъ бояръ и отъ пановъ санатырей Рѣчи Посполитой нашей, которые уже сближаются къ братскому дружелюбію съ твоею милостію, — особымъ благодареніемъ»[192]. Въ другомъ письмѣ, полковникъ Пиво уже прямо просилъ Шереметева увѣдомить, когда именно полагаетъ онъ выступить изъ Кіева.

Письма, выдержки изъ которыхъ только что приведены, были доставлены въ Кіевъ поручикомъ Валеріяномъ Неловицкимъ. Мы уже знаемъ какъ былъ принятъ этотъ посланецъ. Петръ Васильевичь Шереметевъ зналъ Поляковъ. Его трудно было уловить льстивыми изъясненіями. Достаточно доказываетъ это нижеслѣдующее отвѣтное письмо его къ полковнику Пиво-Запольскому, написанное 12 апрѣля, то-есть, на второй день Пасхи: «За писаніе твое,—писалъ Шереметевъ — любителной поклонъ свой препосылаемъ, что насъ въ Кіевѣ утѣшаешь. А наша должная, что за свѣта, великого государя нашего, его царского пресвѣтлого величества,

[192] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 191. столб. 1.

умирати и по воли его, государской, все исполняти. А въ нынѣшнихъ времянныхъ часѣхъ, за милостію всесильного Бога и за помощію Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи и за счастіемъ великого государя нашего, все совершается доброе, и его государскою милостію пожалованы и всѣмъ наполнены и скудости никакой не имѣемъ. А что непріятель (то-есть, Дорошенко) съ бусурманы принялъ братерство и зломыслитъ, и въ тѣхъ его замыслахъ не поможетъ ему Господь Богъ, и разоритъ золъ совѣтъ ихъ, нечестивыхъ. А что, за указомъ великого государя нашего, видя междо обоими великими государи, великимъ государемъ нашимъ съ великимъ государемъ вашимъ, ихъ государскую братскую дружбу и любовь и крѣпкой, неразорванной миръ, мы съ великимъ радѣніемъ всякое добро исправляли,—и до сихъ часовъ и сколько мочно и впредь будемъ совершать. А что ты, пріятель нашъ, пишешь ко мнѣ, что коммиссары Польскіе хотятъ сближиться и быть въ Кіевѣ, и имъ коммиссаромъ быть въ Кіевѣ, въ нынѣшнее время, трудность великая, потому что въ кормѣхъ скудость безмѣрная, и никоторыми

мѣры добыть невозможно отъ Дорошенковыхъ замысловъ и крѣпкого заказу, что съѣстныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ возить не велѣлъ. Въ Кіевѣ люди оскудали въ конецъ; не только ратныхъ людей его царского пресвѣтлого величества, но и мѣщанъ многихъ кормимъ привозными хлѣбными запасы, которые приходятъ изо Брянска и изъ иныхъ городовъ. А нынѣ наипаче Дорошенко о томъ заказъ учинилъ накрѣпко. А по указу великого государя нашего, для великихъ государственныхъ дѣлъ о договорѣ, по обсылкамъ королевского величества стороны пановъ радъ арцыбискупа Гнѣзненскаго съ товарищи и всей Рѣчи Посполитой, царьственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ, съ товарищи посланы, и стоятъ нынѣ въ Смоленскомъ уѣздѣ, въ селѣ Мигновичахъ, а ожидаютъ Польскихъ и Литовскихъ великихъ и полномочныхъ коммиссаровъ, и тѣ великіе дѣла обоихъ великихъ государствъ пристойно на случномъ мѣстѣ совершати. Также и тебѣ, если сближиться къ Кіеву, потому жъ въ кормѣхъ

будетъ трудность великая, а наипаче ратнымъ людемъ скудость будетъ безмѣрная. А чтобъ мнѣ къ тебѣ, пріятелю своему, отписать о походѣ своемъ изъ Кіева къ его царскому пресвѣтлому величеству, къ Москвѣ, и ко мнѣ о томъ отъ великого государя нашего указу не прислано; а вмѣщаетъ (сіе) нѣкто ложно» [193].

Шереметевъ дѣйствительно не получалъ еще указа объ увольненіи отъ Кіевской службы, но ему хорошо извѣстно было, что указъ этотъ придетъ весьма скоро. Онъ зналъ также и то, что въ преемники ему уже давно предназначенъ товарищъ-сподвижникъ Василья Борисовича Шереметева, окольничій князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій, который въ Чудновскую катастрофу былъ взятъ въ плѣнъ Поляками и потомъ освобожденъ въ обмѣнъ на гетмана Гонсѣвскаго. Еще 21 февраля 1669 года, князь Козловскій получилъ изъ Разряда грамоту, за приписью дьяка Ѳедора Грибоѣдова, съ извѣщеніемъ, что, по указу великаго государя, велѣно быть съ нимъ на службѣ въ Кіевѣ головѣ Москов-

[193] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 192.

скихъ стрѣльцовъ Никифору Волкову, стоявшему съ приказомъ въ Путивлѣ, и что Волкову уже наказано итти наскоро со всѣмъ приказомъ (всего 400 человѣкъ) изъ Путивля въ Сѣвскъ, чтобъ быть тамъ до пріѣзда его, князя Козловскаго. Кромѣ того, на службу же въ Кіевѣ съ княземъ Козловскимъ назначены были изъ стоявшаго въ Сѣвскѣ полка генерала Микулая Бовмана, два полковника Альбрехтъ Шневенцъ и Микулай Фанъ-Заленъ, съ начальными людьми и солдатами, безъ малаго 1100 человѣкъ. «А буде того полка солдаты разбѣжались многіе,—сказано въ грамотѣ,—и на государевой службѣ въ Кіевѣ быть одному полковнику, а съ нимъ начальнымъ людямъ, смотря по солдатамъ, сколько будетъ надобно». Служба въ Кіевѣ была до такой степени ославлена, и скудостью содержанія, и всевозможными лишеніями, что признано было нужнымъ вновь назначенныхъ туда стрѣльцовъ и солдатъ «обнадежить государскою милостію, чтобъ они Кіевской службы въ оскорбленіе себѣ не ставили, что въ Кіевѣ имъ никакой скудости не будетъ, потому что, по указу великого государя, велѣно изо многихъ городовъ отвезти нынѣшнимъ

зимнимъ путемъ въ Брянескъ, а изо Брянска на веснѣ въ судѣхъ, по полой водѣ, въ Кіевъ хлѣбные запасы многіе тысячи, и что служба ихъ у великого государя забвенна не будетъ».

13 марта 1669 года, князь Григорій Аѳанасьевичъ Козловскій былъ уже въ Сѣвскѣ, куда привелъ изъ Москвы также назначенныхъ къ нему для Кіевской службы 2315 человѣкъ Московскихъ стрѣльцовъ. Такъ что всѣхъ ратныхъ людей, бывшихъ въ распоряженіи вновь назначеннаго Кіевскаго воеводы, было съ небольшимъ 3800 человѣкъ. Онъ сдѣлалъ всѣмъ имъ смотръ и роздалъ, для Кіевской службы, на подъемъ: стрѣльцамъ приказа Волкова по два рубля, а солдатамъ полковниковъ Шневенца и Фанъ-Залена—по рублю.

Обо всемъ этомъ князь Козловскій отписалъ государю съ подьячимъ Разряднаго приказа Михайломъ Томиловымъ, 24 марта[194], когда въ Москвѣ еще продолжали служить панихиды по царицѣ Марьѣ Ильинишнѣ, скончавшейся три недѣли тому назадъ, 3-го числа, отъ родовъ. «Услышели есмя—писалъ

---

[194] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. № 36.

государю патріархъ Іерусалимскій киръ Досиѳей — о преставленіи блаженныя памяти царицы Маріи Ильичны и опечалились есмя зѣло... Блаженная многую милостыню посылала ко Святому Гробу»[195]. Голландецъ Стрюйсъ, находившійся въ то время въ Москвѣ, говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичь «необычайно печалился о своей супругѣ, а весь дворъ оплакивалъ ее, какъ лучшую изъ царицъ»[196]. Горе, постигшее царскую семью, естественно задержало нѣсколько доклады по приказнымъ дѣламъ. Только этимъ и можетъ быть объяснено, что лишь 23 апрѣля Петръ Васильевичь Шереметевъ получилъ наконецъ изъ Разряда грамоту великаго государя, съ приказаніемъ ѣхать въ Москву. «Въ грамотѣ ко мнѣ,—говоритъ Шереметевъ,—полученной 23 апрѣля, написано: какъ пріѣдетъ въ Кіевъ окольничій и воевода князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій, и мнѣ, отдавъ ему городъ и городовые ключи

---

[195] Изъ грамоты Іерусалимскаго патріарха Досиѳея къ царю Алексѣю Михайловичу, отъ 1 ноября 1669 года. Она оканчивается такъ: «По семъ послати есмя едину икону, невелику, стараго писма, отъ Святаго Гроба, благословенія ради» (Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи. Т. II. Спб. 1861. стр. 600 и слѣд.).

[196] Русскій Архивъ. 1880. Кн. I. стр. 31.

и зелье и свинецъ и всякія государевы дѣла, итти къ великому государю, къ Москвѣ»[197]. Распоряженія, прописанныя въ означенной грамотѣ, имѣли характеръ чего-то спѣшнаго, недодѣланнаго. Нѣкоторыя изъ нихъ были прямо неопредѣленны или неточны. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ не было указано, кому именно проводить Шереметева изъ Кіева въ Москву. Сказано, оставить съ княземъ Козловскимъ въ Кіевѣ полковника рейтарскаго, начальныхъ людей и рейтаръ, а котораго именно полковника и сколько человѣкъ рейтаръ, не написано. А въ отрядѣ Шереметева находились два рейтарскихъ полковника: Тимоѳей Тургеневъ и Петръ Скаржинскій; у обоихъ, вмѣстѣ съ «шквадронами» Савелья Потулова и Тимоѳея Веревкина, было 507 рейтаръ, конныхъ и пѣшихъ. Далѣе, въ грамотѣ сказано, оставить въ Кіевѣ полковника солдатскаго строя «Якова Фанъ-Голстена, а съ нимъ полку его солдатъ шесть сотъ человѣкъ», но у него и всего-то было двѣсти двадцать человѣкъ, а у другого полковника солдатскаго же строя, «Андрея Гамолтона»,—

[197] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 196. столб. 1.

двѣсти сорокъ восемь человѣкъ; значитъ, у обоихъ вмѣстѣ находилось всего 468 солдатъ. «И противъ великого государя указу,—замѣчаетъ Шереметевъ,—въ число не будетъ»[198].

Распутывать всю эту путаницу не было времени, ибо 25 апрѣля князь Козловскій уже прибылъ въ Кіевъ со всѣми своими ратными людьми. Шереметевъ не замедлилъ сдать ему по списку городъ Кіевъ, городовые ключи, полковыя знамена, нарядъ и всякое ружье, зелейную, свинцовую и денежную казну, фитиль, соль и 1840 четвертей хлѣбныхъ запасовъ[199]; а затѣмъ, во всемъ росписавшись съ своимъ преемникомъ, 1 мая выступилъ изъ Кіева. Съ Шереметевымъ слѣдовали четыре приказа Московскихъ стрѣльцовъ: Аѳанасья Левшина, Ивана Мещеринова, Ивана Лопатина и Андрея Бестужева[200]. Кромѣ того, онъ взялъ съ собою полковника рейтарскаго строя Тимоѳея Тургенева и нѣсколько начальныхъ людей, оставшихся безъ дѣла, за полками, да 11 человѣкъ рейтаръ, для по-

[198] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 196. столб. 1 и стр. 199.

[199] Тамъ-же, стр. 196. столб. 2; стр. 198. столб. 1 и стр. 211. столб. 2.

[200] Тамъ-же, стр. 195. столб. 2.

сылокъ. Всего съ Шереметевымъ выступило 1400 человѣкъ. Остальныхъ ратныхъ людей, 2020 человѣкъ, онъ оставилъ въ Кіевѣ[201]. «Пошли мы изъ Кіева,—писалъ Шереметевъ государю—въ малолюдствѣ великомъ; а конныхъ рейтаръ и солдатъ, въ прибавку къ стрѣльцамъ, безъ твоего государева указу, взять мы не смѣли. А вѣдомо намъ чинится, что полковникъ Пиво съ полковникомъ Моховскимъ, съ воры Черкасы и съ иными своими собесѣдники, хотятъ надъ нами въ походѣ чинить промыслъ, и если, государь, въ походѣ нашемъ, надъ твоими, великого государя, ратными людьми отъ непріятельскихъ людей учинится поруха, и намъ бы отъ тебя въ опалѣ не быть»[202].

Шереметевъ, снимая съ себя отвѣтственность за возможную поруху отъ пановъ Пиво-Запольскаго и Моховскаго, которые, какъ бы забывъ свои недавнія льстивыя изъясненія, собирались теперь воспользоваться малолюдствомъ его отряда,—все-таки принялъ необходимыя мѣры предосторожности, тѣмъ болѣе, что въ обозѣ за нимъ слѣдовала вся

[201] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 199.
[202] Тамъ-же, стр. 196. столб. 2.

его семья, при томъ съ грудным ребенкомъ, младшимъ сыномъ Владиміромъ. Рейтары, оставленные Шереметевымъ въ Кіевѣ, провожали его до Межигорскаго монастыря. Самъ онъ съ стрѣлецкими приказами шелъ въ боевомъ порядкѣ. Съ нимъ было и государево знамя[203], присланное къ нему изъ Разряда, для Кіевской службы, еще въ 1664 году. На знамени, по черной камкѣ, находилось съ обѣихъ сторонъ изображеніе великаго чудотворца Николая[204].

Путь Шереметева лежалъ черезъ Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій на Сѣвскъ, куда прибылъ лишь 27 мая и тотчасъ же послалъ въ Москву, къ государю, съ маіоромъ солдатскаго строя Кондратьемъ Кромою, слѣдующую отписку: «Писали мы къ тебѣ, великому государю, вѣдомо де намъ учинилось, что полковникъ Пиво имѣетъ замыслъ свой, что хочетъ надъ нами и надъ твоими, великого государя, ратными людьми чинить промыслъ. И мы, слыша полковника Пива за-

---

[203] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 227. столб. 2.

[204] Древности Россійскаго государства. Дополненіе къ III отдѣленію: Русскія старинныя знамена, соч. Лукіана Яковлева. М. 1865. Въ Приложеніяхъ. стр. 12. столб. 1. № 29.

мыслъ, такожъ опасаясь и въ Черкасскихъ городѣхъ, дорогою шли съ великимъ опасеніемъ и осторожностью: остроясь съ обозомъ, ставились на станѣхъ у крѣпостей, и обозъ строили накрѣпко, и сторожи были и проѣзды по ночамъ безпрестанные. И тою осторожностью, милостію Божіею и твоимъ, великого государя, счастьемъ, съ твоими ратными людьми до Сѣвска пришли въ цѣлости»[205].

На всѣ эти неизбѣжныя мѣры предосторожности уходило много времени. Но была еще и другая причина столь медленнаго движенія впередъ, причина, наиболѣе удручавшая Петра Васильевича Шереметева. «Извѣщали мы прежъ сего,—писалъ онъ съ похода къ государю,—что твои ратные люди скудны и нужны въ конецъ, и нынѣ, государь, они говорятъ намъ съ великимъ шумомъ безпрестанно, что они наги и босы и нужны въ конецъ и многіе обезножали и итти не могутъ, потому что идутъ босы; а что дано имъ въ Кіевѣ хлѣба не по большому, и они, идучи дорогою, пріѣли. А намъ дать имъ нечего: твоей, великого государя, денежной каз-

[205] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. № 72.

ны нѣтъ. А если бъ у насъ были свои денжонка, и мы бъ, не жалѣя себя, твоимъ, великого государя, ратнымъ людямъ, видя ихъ такіе нужи, хотя не по большому роздали; и у насъ денженокъ нѣтъ, и сами въ конецъ нужны. И будетъ, государь, твоимъ ратнымъ людямъ, твоего государева жалованья въ дорогу, хотя не по большому, на проходъ прислано не будетъ, и твои ратные люди, отъ нужъ великихъ конечно многіе останутся и распропадутъ и помрутъ»[206].

Дошло даже до того, что Шереметевъ вынужденъ былъ сдѣлать на пути денежный заемъ, «давъ на себя кабалы», и роздалъ по гривнѣ каждому человѣку. «А не дать было— доносилъ Шереметевъ — никакими мѣрами нельзя: многіе бъ отъ нужъ распропали и померли»[207].

Любопытно, что дорогой, у Шереметева почти не прерывалась переписка съ Москвою по разнымъ дѣламъ Кіевскаго воеводскаго управленія. Къ нему, въ походъ, безпрестанно присылали изъ Москвы съ требованіемъ

---

[206] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. № 65. статья 1.

[207] Тамъ-же, стр. 226. столб. 2.

разъясненій по отпискамъ, поступавшимъ туда изъ Малороссіи. Шереметевъ конечно предвидѣлъ это. Онъ взялъ съ собою изъ Кіевской Приказной избы, для письменныхъ работъ, двухъ подьячихъ. Именно это обстоятельство и послужило поводомъ къ жалобамъ на Шереметева преемника его, князя Григорья Аѳанасьевича Козловскаго, оказавшимся, однако, совсѣмъ несправедливыми. Вслѣдъ за отъѣздомъ изъ Кіева боярина Шереметева, князь Козловскій, въ отпискахъ къ государю, объяснялъ: «Пріѣзжаютъ къ намъ, въ Кіевъ, изъ Польши и отъ Бѣлой Церкви, съ листами Польского и Бѣлорусского письма, а переводить тѣхъ писемъ некому... Въ Приказной избѣ для письма подьячихъ мало; которые есть, и тѣ взяты вновь изъ пушкарскихъ дѣтей и иныхъ чиновъ людей, и государевы письменные дѣла имъ не за обычей, Польского и Бѣлорусского письма честь не умѣютъ. А которые подьячіе были при боярынѣ и воеводѣ Петрѣ Васильевичѣ Шереметевѣ, Польскому и Бѣлорусскому письму умѣли и дѣла у нихъ были многіе, и тѣхъ бояринъ Петръ Васильевичь изъ Кіева отпустилъ, до моего пріѣзду, дву человѣкъ Сѣв-

скихъ, Михайла Жаденова и Ивана Кутузова, да съ собою взялъ дву жъ человѣкъ: старого Кіевского—Семена Щеголева да Сѣвского—Максима Кабатова; а которые были у нихъ дѣла, и они дѣлъ не отдали, ни въ чемъ не росписались и въ государевой казнѣ не сочтены. А переводчика, государь, въ Кіевѣ нѣтъ; Польскихъ, Греческихъ и иныхъ писемъ честь и переводить некому, и за тѣмъ государевымъ дѣламъ чинится мотчанья большое... А вѣдомо намъ чинится, что подьячій Семенъ Щеголевъ изъ полку боярина и воеводы Петра Васильевича бѣжалъ и живетъ въ Брянскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ, переходя»[208].

По поводу жалобъ князя Козловскаго, къ Шереметеву въ походъ была прислана государева грамота, на которую онъ отвѣтилъ такъ: «Въ твоей, великого государя, грамотѣ писано ко мнѣ, противъ отписки изъ Кіева окольничего и воеводы князь Григорья Аѳанасьевича Козловского, о подьячихъ, будто взяты изъ Кіева безъ росписки въ дѣлахъ, а у нихъ дѣла были многіе, и что въ Кіевѣ

[208] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 201. стр. 253. столб. 1.

подьячихъ нѣтъ, Бѣлорусскихъ писемъ переводить некому. И въ Кіевѣ, государь, два подьячихъ, Московской и Сѣвской, да старыхъ Кіевскихъ—восмь человѣкъ; и не только Бѣлорусскихъ, и Польскіе письма чтутъ и переводятъ. А которые подьячіе отпущены въ Сѣвескъ и съ дѣлами взяты къ Москвѣ, и у тѣхъ дѣла приняты, и въ росписномъ списку написано, кому своей братьи подьячимъ дѣла отдали, что̀ у нихъ были небольшіе и росписки взяли. А въ Сѣвескъ отпущены два молодыхъ: одинъ, за великою скудостью, а другой за воровство битъ кнутомъ и отставленъ. А два взяты (мною) къ Москвѣ съ дѣлами, и тѣ подьячіе отпущены во Брянескъ къ родителемъ, на время, а велѣлъ я имъ за собою ѣхать тотчасъ, и тѣхъ подьячихъ я привезу съ собою къ Москвѣ»[209].

Къ 20-му іюня 1669 года, Петръ Васильевичь Шереметевъ съ своими приказами пришелъ наконецъ въ Москву. Этимъ несчастнымъ походомъ завершилась его Кіевская служба, вѣрнѣе, его Кіевская страда. Шереметевъ по крайней мѣрѣ имѣлъ утѣшеніе

---

[209] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 226.

убѣдиться, что царь Алексѣй Михайловичь былъ доволенъ его службою въ Кіевѣ, ибо одарилъ соболями и находившихся съ нимъ на той службѣ сыновей его, начиная съ старшаго, комнатнаго стольника Бориса Петровича, и кончая Васильемъ Петровичемъ, которому было всего десять лѣтъ съ небольшимъ[210].

Самому Петру Васильевичу, именно за Кіевскую службу 1665—1668 годовъ, учинено было денежной придачи 190 рублей. Въ 1658 году, ему положенъ былъ денежный окладъ въ 400 рублей; въ 1667 году, прибавлено 100 рублей. Такъ что теперь Петръ Васильевичь сталъ получать всего 690 рублей денежнаго оклада[211].

Пріѣздъ въ Москву боярина Петра Васильевича Большого Шереметева совпалъ съ постигшею царя Алексѣя Михайловича новою семейною утратою: 19 іюня 1669 года, скончался, на четвертомъ году, сынъ его царевичь Симеонъ Алексѣевичь. Незадолго

---

[210] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Портфели Миллера. № 10. л. 5.

[211] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Книги Боярскія. № 6. л. 4.

предъ тѣмъ, именно 31 мая, преставилась теща царя, боярыня Ксенія Милославская, которую похоронили, рядомъ съ мужемъ, бояриномъ Ильей Даниловичемъ, въ Греческомъ Николаевскомъ монастырѣ, на Никольской улицѣ. Въ то время, царь Алексѣй Михайловичь еще не успѣлъ оправиться отъ кончины нѣжно любимой имъ супруги, царицы Маріи Ильинишны. По иностранному извѣстію, онъ «былъ очень боленъ и распухъ» (geschwollen)[212].

Петру Васильевичу Шереметеву, равно какъ и старшему его сыну, комнатному стольнику Борису Петровичу, прямо съ дороги пришлось надѣть на себя печальное (черное) платье, которое обязательно было носить по скончавшимся членамъ царской семьи, въ теченіе шести недѣль, всѣмъ боярамъ, думнымъ и ближнимъ людямъ[213].

Сохранился отрывокъ росписи, съ показаніемъ лицъ, коимъ указано было въ теченіе сорока дней или сорочи́нъ, дневать и ночевать

---

[212] Theatrum Europaeum. T. X. Fernere Fortsetz= und Beschreibung der denckwürdigsten Geschichte. стр. 35. столб. 2.

[213] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 3. Спб. 1884. стр. 24.

у гроба почившаго царевича Симеона Алексѣевича. Отрывокъ этотъ начинается 23 числомъ іюня и первымъ написанъ бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ. Съ нимъ дневали и ночевали окольничій Андрей Васильевичь Бутурлинъ и десять стольниковъ, въ томъ числѣ двоюродный племянникъ Петра Васильевича и его тезка Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ. 30 іюня, въ числѣ 11-ти стольниковъ, дневавшихъ и ночевавшихъ у гроба царевича, вмѣстѣ съ бояриномъ княземъ Алексѣемъ Андреевичемъ Голицынымъ, былъ опять Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ и его троюродный братъ комнатный стольникъ Борисъ Петровичь Шереметевъ. 7 іюля, снова дневалъ и ночевалъ у гроба бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ съ окольничимъ Андреемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ, а съ ними, въ числѣ 13-ти стольниковъ, находились Петръ Меньшой Васильевичь и Борисъ Петровичь Шереметевы. 21 іюля, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, съ Бутурлинымъ же, въ послѣдній разъ дневалъ и ночевалъ у гроба царевича. Недѣлю спустя, 28 іюля, царь Але-

ксѣй Михайловичь, указавъ прекратить службу у гроба сына, «потому что по преставленіи его четыредесятница совершилась», выѣхалъ въ село Преображенское[214].

---

[214] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 851. 852. 854. 857. 862. 866—868.

ГЛАВА XII.

Въ лѣтнее время, съ отъѣздомъ государя въ которое-либо изъ своихъ подмосковныхъ селъ, обыкновенно наступала та пора затишья въ придворной, отчасти и приказной жизни, когда бояре, думные и ближніе люди, испросивши отпускъ у государя, разъѣзжались въ деревни свои, по выраженію Котошихина, «для гулянья или для какого дѣла»[215]. При отъѣздѣ царя Алексѣя Михайловича въ село Преображенское, съ челобитною о такомъ отпускѣ обращался къ нему и бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ. Кромѣ потребности отдохнуть отъ тяжелой Кіевской службы, ему необходимо было устроить свои домашнія дѣла. Къ тому

---

[215] О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 3. Спб. 1884. стр. 34.

же въ семьѣ Петра Васильевича уже окончательно налаживалось сватовство его семнадцатилѣтняго сына-первенца, комнатнаго стольника Бориса Петровича Шереметева, за Евдокію Алексѣевну Чирикову, дочь извѣстнаго читателю Переяславскаго воеводы стольника Алексѣя Пантелеевича Чирикова. Еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1669 года, Петру Васильевичу Шереметеву, какъ Кіевскому воеводѣ, «вѣдомо учинилось, что въ Переяславѣ, стольникъ и воевода Алексѣй Чириковъ боленъ и великого государя дѣлъ исправлять не можетъ», а потому онъ, «видя его, Чирикова, болѣзнь и опасаясь того, чтобъ города не потерять», послалъ на его мѣсто, изъ Кіева въ Переяславъ, жильца Степана Кондырева[216]. Самъ Чириковъ, съ женою Ѳедосьей Павловной и дочерью Евдокіей, переѣхалъ въ Кіевъ. Здѣсь, незадолго до отъѣзда Петра Васильевича въ Москву, онъ скончался и похороненъ въ Кіево-Печерской лаврѣ[217]. Началось ли сватовство Бориса Петровича Шереметева за Евдокію Алексѣевну

---

[216] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. стр. 126. столб. 2.

[217] Тамъ-же, т. IX. Спб. 1878. стр. 86. столб. 2.

Чирикову еще въ Кіевѣ, при жизни ея отца, неизвѣстно. Знаемъ только, что Ѳедосья Павловна Чирикова, послѣ смерти мужа, очутилась въ самомъ затруднительномъ положеніи. Петръ Васильевичь принялъ въ ней участіе и устроилъ дѣло такъ, что она, по крайней мѣрѣ, могла выѣхать съ дочерью на родину, въ Москву. Участіе это, какъ и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, стоило Шереметеву многихъ хлопотъ и даже непріятностей. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за кончиною Алексѣя Пантелеевича Чирикова, архимандритъ Кіево-Печерской лавры Иннокентій Гизель заявилъ, что покойникъ будто бы приказалъ, всѣ свои деньги и имѣнія отдать вкладомъ въ лавру, «занеже здѣ и погребенъ есть»[218]. Трудно было допустить самую возможность такого распоряженія, по которому жена и дочь завѣщателя остались бы на чужбинѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію. Покамѣстъ никакого акта представлено не было (да его и потомъ не оказалось), Шереметевъ, озабоченный главнымъ образомъ тѣмъ, чтобъ дать Чириковымъ способъ по-

[218] Акты южной и западной Россіи. Т. IX. Спб. 1878. стр. 86. столб. 2.

скорѣе выѣхать изъ Кіева, собралъ все движимое имущество покойника. Оно состояло изъ значительнаго количества серебра и собольихъ хвостовъ. Въ этомъ серебрѣ были и «многочисленныя церковныя серебреныя вещи», которыя, какъ объяснялъ Переяславскій полковникъ Дмитряшко Райча, «во время войны, съ попущенія Божія, за грѣхи наши, въ церквахъ Божественныхъ поиманы» были ратными людьми. Воевода Чириковъ отобралъ у грабителей всѣ эти вещи, но смерть помѣшала ему возвратить ихъ по принадлежности. Шереметевъ, тщательно отобравъ всѣ церковныя вещи, передалъ ихъ, подъ росписку, впредь до востребованія, своему преемнику, князю Козловскому[219]; остальное же серебро, принадлежавшее лично Чирикову, вмѣстѣ съ собольими хвостами, онъ заложилъ въ лаврѣ въ 300 рубляхъ, которые и передалъ вдовѣ Ѳедосьѣ Павловнѣ Чириковой, на подъемъ и проѣздъ въ Москву.

Иннокентій Гизель былъ крайне недоволенъ всѣми этими распоряженіями Петра Васильевича Шереметева; онъ требовалъ ско-

---

[219] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. Спб. 1875. № 111.

рѣйшаго выкупа серебра и хвостовъ, и жаловался потомъ, что «господинъ Шереметевъ, за все имѣніе Чирикова, въ святую лавру отказанное, приговорилъ дать имъ 700 рублевъ и въ томъ числѣ коня во стѣ рублехъ; а они за того коня не взяли и 50-ти рублевъ»[220].

Таковы обстоятельства настоящаго дѣла. Гетману Демьяну Многогрѣшному они послужили матеріаломъ для неблаговидной клеветы на Петра Васильевича Шереметева. Вслѣдъ за отъѣздомъ послѣдняго изъ Кіева, онъ отправилъ наспѣхъ посланца въ Москву съ извѣтомъ, въ которомъ писалъ: Всякія церковныя утвари Переяславскія, отобралъ у ратныхъ людей Алексѣй Пантелеевичь Чириковъ, «нынѣ, по изволенію Божію, умершій, и тѣ всѣ утвари Божіихъ церквей при его вещахъ, царского пресвѣтлого величества бояринъ и воевода Кіевскій и намѣстникъ Смоленскій Петръ Васильевичь Шереметевъ, когда, по указу великого государя, къ Москвѣ пошелъ, все съ собою забралъ»[221].

Шереметевъ лично объяснилъ въ Москвѣ,

---

[220] Акты южной и западной Россіи. Т. IX. Спб. 1877. № 21. столб. 86.

[221] Тамъ-же, т. VIII. Спб. 1875. стр. 178. столб. 2.

что Чириковское серебро осталось въ Кіевѣ: церковное—сдано князю Козловскому, а собственное—заложено въ лаврѣ. Князю Козловскому послана была, въ іюлѣ мѣсяцѣ, грамота съ приказаніемъ, церковную утварь, что̀ послѣ Алексѣя Чирикова взялъ изъ Переяслава въ Кіевъ бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, отдать гетману Демьяну Многогрѣшному. Вотъ отвѣтъ на эту грамоту князя Григорья Аѳанасьевича Козловскаго: «Церковную, государь, утварь, что̀ бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ отдалъ мнѣ у росписи, попамъ разныхъ Переяславскихъ церквей, Троицкому Рафаилу Григорьеву съ товарищи, я отдалъ все сполна съ росписью до нынѣшняго твоего, великого государя, указу и грамоты»[222]. Такое открытое и существенное разоблаченіе завѣдомой клеветы гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, разумѣется, вполнѣ удовлетворило Петра Васильевича Шереметева. Безъ этого, положеніе его могло казаться довольно щекотливымъ, особенно потому, что въ то время вопросъ о свадьбѣ его сына съ дочерью Алексѣя Пантелеевича, былъ уже почти со-

[222] Акты южной и западной Россіи. Т. VIII. стр. 272. столб. 2.

всѣмъ рѣшенъ. Подробностей сватовства, равно какъ и самой свадьбы, у насъ нѣтъ. Извѣстно только, что помолвка молодыхъ происходила 19 сентября. Въ архивѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметева имѣется копія съ написанной въ тотъ день сговорной или рядной записи[223], содержащей въ себѣ весьма много цѣнныхъ данныхъ и для археолога, и для историка домашняго быта высшаго Русскаго общества второй половины XVII вѣка. Вотъ дословный текстъ этой записи:

«Се азъ, столника Алексѣева жена Пантелеевича Чирикова, вдова Федосья Павлова, сговорила я, Федосья, дочь свою, дѣвицу Евдокию Алексѣевну, за мужъ, за стольника за Бориса Петровича Шереметева, съ прожиточнымъ ее помѣстьемъ, что ей, Евдокеѣ, дано съ окладу отца ее, въ Алаторскомъ уѣздѣ, село Киреевское, съ деревнями, со крестьяны и со всѣми угодьи. Да за нею жъ, дочерью своею Евдокеею, даю въ приданые вотчину въ Рязанскомъ уѣздѣ, деревню Панины Пруды, съ деревнями, со крестьяны и

[223] Этотъ документъ подаренъ графу Петромъ Ивановичемъ Бартеневымъ.

со всѣми угодьи, по писцовымъ и по переписнымъ и по отказнымъ книгамъ, чѣмъ владѣлъ мужъ мой, Алексѣй Пантелеевичь. Да я жъ, Федосья, даю за дочерью своею, Евдокеею, приданаго, низанья[224] и кузни[225] и платья, всего на четыре тысячи рублевъ. А что̀ приданаго, низанья и кузни и платья, и тому подъ сею записью роспись за рукою. У сей записи сидѣли: Стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ, Семенъ Васильевичь Ларионовъ, Парѳеней Павловичь Сомовъ. Запись писалъ Ивановской площади подьячей Мелешка Ивановъ. Лѣта 7178, сентября въ 19 день (Подписи:) Никита Шереметевъ руку приложилъ. Семенъ Ларионовъ руку приложилъ. Парѳеней Сомовъ и вмѣсто сестры своей Федосьи Павловны руку приложилъ».

Непосредственно за симъ, слѣдуетъ самая роспись, подъ такимъ общимъ заглавіемъ, написаннымъ золотомъ: «Роспись приданому, въ началѣ Божію милосердию и платью.

---

[224] То-есть, уборы, состоящіе изъ низаныхъ камней, жемчуга и проч.

[225] Вообще кованыя вещи, золотыя и серебреныя утвари.

«Образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ, съ чеканъ[226], окладъ золоченъ.

«Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи, въ киотѣ, окладъ чеканной; вѣнецъ съ коруною; ожерелье и убрусъ и ризы низаныя; трои серги; пять крестовъ.

«Образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія, въ киотѣ, окладъ рѣзной; вѣнецъ рѣзной съ коруною; ожерелье и убрусъ и рясы низаные.

«Образъ Пресвятыя Богородицы Казанские, въ киотѣ, окладъ чеканной; вѣнецъ съ коруною; ожерелье и убрусъ и рясы[227] низаные; крестъ золотъ съ мощми, закрѣпленъ зернами; серги, запонки яхонтовые.

«Образъ Пресвятыя Богородицы Владимирские, въ киотѣ, окладъ рѣзной, вѣнецъ съ коруною; ожерелье и убрусъ и рясы низаные.

«Образъ Алексія митрополита, окладъ чеканной, позолоченъ.

«Образъ Николая чудотворца, окладъ гладкой серебреной, вѣнецъ рѣзной съ каменіемъ, позолоченъ.

---

[226] Отчеканенное изображеніе.

[227] Это плетешки изъ жемчужныхъ прядей или зеренъ.

«Образъ Александра, Свирскаго чудотворца, окладъ рѣзной, вѣнецъ чеканной».

Послѣ образовъ (Божія милосердія), слѣдуетъ второй отдѣлъ росписи, съ написаннымъ золотомъ же заглавіемъ: Низанья и кузни. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены:

«Ожерелье жемчужное съ каменьемъ, съ яхонты; пять пугвицъ, лалы (то-есть, рубины) да изумруды закрѣплены большими жемчужными (зернами) Бурмицкими[228].

«Ожерелье-обнизь, низаное, у него пять пугвицъ съ каменьемъ и съ финифтомъ (то-есть, съ эмалью), закрѣплены зернами».

Четыре шапки: 1) низаная, съ яхонтами; 2) низаная съ запонами, съ яхонтами и изумрудами; 3) алтабасная[229], кружево низаное «съ пѣлепелы» (то-есть, съ бахромой), и 4) шапка, шитая волоченымъ золотомъ, обнизная, кружево низаное жемчугомъ.

Четверо серегъ: 1) алмазныя въ золотѣ,

---

[228] Или Бурмыжскими, иначе Гурмицкими и Гурмыжскими. Слово это произошло отъ стариннаго названія Персидскаго залива Гурмыжскимъ моремъ, „въ немже,—по древнему сказанію,—жемчугъ Бурмыжской родится“ (П. И. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей. Спб. 1865. стр. 437).

[229] Алтабасъ = драгоцѣнная восточная ткань по золотой или серебреной землѣ съ золотыми или серебреными узорами.

съ изумрудами и яхонтами; 2) яхонты большіе лазоревые съ зернами; 3) двойчатки, лалы да изумруды съ зернами, и 4) серьги въ золотѣ, яхонты да изумруды съ зернами.

Одно запясье (запястье)[230] низаное.

Обручи[231] золотые съ яхонтами и алмазами.

Кика и рясы[232].

Двѣ цѣпи золотыя, одна съ чернью, на ней три креста золотыхъ съ изумрудами, алмазами и яхонтами; у той цѣпи роматъ[233] золотой съ яхонтами и изумрудами; другая съ тремя крестами золотыми.

Двадцать перстней золотыхъ съ яхонтами и изумрудами.

Далѣе слѣдуютъ Платья (этотъ заголовокъ тоже написанъ золотомъ):

Семь лѣтниковъ[234]: 1) серебреный, во́ш-

---

[230] Такъ называлась обшивка у рукава женской верхней сорочки, соотвѣтствовавшей нынѣшнему платью.

[231] Нынѣшніе браслеты.

[232] Рясы или ряски, это плетешки изъ жемчужныхъ прядей или зеренъ, которыя привѣшивались къ кикамъ или повойникамъ спереди, въ видѣ бахромы.

[233] Роматъ или роматикъ, это сосудецъ съ благовонными веществами.

[234] Лѣтникомъ называлась женская, не слишкомъ длинная одежда, съ длинными рукавами, надѣвавшаяся на рубашку, подъ верхнее платье. По объясненію Забѣлина (Домашн. бытъ Русск. царицъ. М. 1869. стр. 628), «въ свадебныхъ чинахъ, лѣтникъ пріобрѣталъ значеніе

вы[235] шитыя по черному бархату высокимъ швомъ съ звѣздами, шубка червчатая; 2) бѣлый камчатный[236], вошвы аксамитныя (то-есть, бархатныя); 3) червчатый (то-есть, червленаго, багроваго цвѣта), атласный, вошвы шиты по червчатому бархату, шубка бѣлая; 4) алый (свѣтло-красный), обьяри́нный[237], вошвы шиты по червчатому бархату золотомъ и серебромъ, шубка зеленая; 5) зеленый обьяринный, вошвы шиты по червчатому бархату золотомъ и серебромъ, шубка зеленая; 6) зеленый обьяринный, вошвы шиты по червчатому бархату золотомъ и серебромъ, шубка бруснишная; 7) лазоревый тафтяной, вошвы бархатныя, золотныя.

Одинъ опашень червчатый, пуговицы серебреныя, чеканныя, позолочены.

Семнадцать тѣлогрѣй: 1) золотна̀я, алтабасъ цвѣтной, на соболяхъ, пуговицы золотыя, закрѣплены зернами, кружево серебреное «съ городы»; 2) тѣлогрѣя, «участокъ серебреной», на соболяхъ, пуговицы золотыя

какъ бы штатной мундирной одежды, равно какъ и накладная шубка, надѣваемая съ нимъ вмѣстѣ».

[235] Вошвы составляли особый нарядъ или уборъ лѣтника.

[236] То-есть, сдѣланный изъ камки (шелковая Китайская ткань).

[237] Сдѣланный изъ обьяри, плотной шелковой волнистой ткани.

съ чернью, въ нихъ алмазы, кружево золотое съ городы; 3) тѣлогрѣя, атласъ цвѣтной, на соболяхъ, пуговицы серебреныя, позолочены, кружево золотое; 4) тѣлогрѣя, камка зеленая, на лисицахъ, пуговицы серебреныя, позолочены, кружево золотое; 5) тѣлогрѣя, атласъ червчатый, на бѣлкахъ хребтовыхъ, пуговицы серебреныя, позолочены, кружево золотое; 6) тѣлогрѣя, камка лазоревая, мѣхъ лисій черéвій (то-есть, брюшной), пуговицы серебреныя позолочены, кружево золотое; 7) тѣлогрѣя, атласъ зеленый, на бѣлкахъ хребтовыхъ, пуговицы серебреныя, позолочены, кружево серебреное; 8) тѣлогрѣя, участокъ серебреной, пуговицы серебреныя, позолочечены съ финифтью, кружево золотое; 9) тѣлогрѣя, обьярь золотая по алой землѣ, пуговицы серебреныя, позолочены, кружево серебреное; 10) тѣлогрѣя, атласъ бѣлый, пуговицы каралкòвыя (то-есть коралловыя), закрѣплены жемчугомъ, кружево золотое съ городы; 11) тѣлогрѣя, атласъ алый, пуговицы серебреныя, позолочены, кружево серебреное; 12) тѣлогрѣя, куфтерь[238] камка, жаркóй[239]

[238] Куфтерь, это сортъ камки.

[239] То-есть, рудожелтый цвѣтъ.

цвѣтъ, пуговицы серебреныя, кружево серебреное; 13) тѣлогрѣя, атласъ червчатый, пуговицы серебреныя, позолочены, кружево серебреное; 14) тѣлогрѣя, камка «Казылбаская»[240], пуговицы серебреныя, позолочены, кружево серебреное; 15) тѣлогрѣя, камка желтая, пуговицы каралкòвыя, закрѣплены жемчугомъ; 16) тѣлогрѣя цвѣтная, камка по алой землѣ, пуговицы серебреныя, позолочены, кружево золотое, и 17) тѣлогрѣя, обьярь зеленая, пуговицы серебреныя, позолочены, кружево серебреное, ожерелье бобровое.

Непосредственно за симъ, читаемъ въ росписи:

«Ларецъ кипарисной, обложенъ серебромъ, а въ немъ рухляди»[241]:

Десять ошивокъ[242]: низаная по червчатому атласу, съ яхонты и изумруды, волосни́къ низанъ зернами; низаная по алому атласу, волосникъ низанъ зернами; низаная по бѣлому атласу, волосникъ, золото съ серебромъ; обнизаная по червчатому атласу, волосникъ

[240] Кизильбашская = Персидская.

[241] Рухлядью называлась всякая домашняя утварь.

[242] Ошивка составляла самую видную и богатую часть особаго женскаго головнаго убора, именуемаго в о л о с н и́ к ъ, — родъ повойника, почему нерѣдко весь уборъ этотъ назывался однимъ именемъ о ш и в к а.

золото съ серебромъ; двѣ ошивки цѣпковыя[243], золото съ серебромъ, волосники серебреныя; остальныя четыре ошивки шиты золотомъ и серебромъ.

Четыре бѣлильницы[244] серебреныя, позолочены: двѣ чеканныя, двѣ рѣзныя.

Зеркало въ серебрѣ, финифтомъ поволочено.

Мазильница[245] серебреная, позолочена.

Кунганецъ[246] серебреный, позолоченъ.

Тазикъ серебреный, позолоченъ.

Роматецъ серебреный, позолоченъ.

Чашка серебреная, позолочена.

Трое сапогъ: одни низаные по червчатому атласу; другіе—шитые волоченымъ золотомъ и серебромъ по червчатому бархату и третьи—бархатные алые, съ плетешками серебреными.

Двое башмаковъ: одни низаные по червчатому атласу; другіе—бархатные съ плетешками.

---

[243] Такъ онѣ назывались по способу вязанья и вышиванья въ-цѣпки, цѣпочками. Были ошивки кружковыя. которыя вышивались въ-кружки, кружками.

[244] Сосудъ съ бѣлилами.

[245] Сосудъ для благовонной масти или мастики.

[246] То-есть, кулганецъ = рукомойникъ или кувшинъ съ носикомъ, ручкою и крышкою.

Послѣдній отдѣлъ росписи озаглавленъ такъ: Къ мыльнѣ (написано золотомъ же). Въ этомъ отдѣлѣ находится слѣдующее:

«Сорочка тафтяная, червчатая, съ порты; ожерелье большое жемчужное, пристѣжное, пугвицы яхонтъ червчатой да два яхонта лазоревыхъ.

«Поясъ шелковой Шамарханской[247] съ золотомъ, пугвицы низаныя.

«Зипунъ[248] обьяринной, серебреной, пугвицы золотыя съ алмазы.

«Ферезь[249], отласъ желтой, на соболяхъ, завязки алой шелкъ съ серебромъ; варвòрки[250] низаныя, золото (sic) бархатъ золотной, на немъ образцы[251] низаные; ожерелье стоячее[252], отложное, низаное, съ каменьемъ: съ яхонты и изумруды.

«Шапка горлатная[253].

---

[247] То-есть, Шамахинскій.

[248] Зипунъ, это шелковая одежда по колѣно и выше. Надѣвался сверхъ сорочки и былъ комнатною ходильною одеждою.

[249] Верхняя комнатная одежда, длинною почти до лодыжекъ, напереди застегивалась пуговицами.

[250] Варвòрка = ленточка или плетешекъ, съ кисточкою на концѣ.

[251] Образцы = круглыя или продолговатыя фигуры, низаныя или саженыя жемчугомъ и т. подоб.

[252] Ожерелье стоячее = воротникъ.

[253] Шапки горлатныя дѣлались вышиною въ локоть, къ верху шире, а къ головѣ у́же; онѣ обшивались лисьимъ, куньимъ или со-

«Штаны червчатые, камчатные.

«Башмаки.

«Сорочка съ порты́, шита въ петлю по ширанбату[254], съ поясками.

«Постеля большая съ изголовьемъ; наволоки червчатой камки; двѣ подушечки отласныя червчатыя съ травами золотными; одѣяло отласъ золотной на соболяхъ; грива[255], бархатъ серебреной.

«Другая постеля, меньшая, съ изголовьемъ; наволоки, камка желтая; одѣяло, камка Казылбаская.

«Бумажникъ[256] съ изголовьемъ; наволоки, камка желтая.

«Бочка серебреная, въ два ведра.

«Кулганъ мѣдной, большой.

«Лахань мѣдная, большая.

«Шесть тазовъ мѣдныхъ.

«Кулганъ да лахань мѣдные, меньшіе.

«Сорочка женская тафтяная.

больимъ мѣхомъ отъ горлъ (душекъ), отъ чего и назывались горлатными.

[254] Ширанбатъ = матерія, ткань: «Да вели поискать ширанбату, самого доброго, аршинъ съ 20»... (Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. Матеріалы. стр. 135. № 11).

[255] Грива = обшивка спальныхъ одѣялъ.

[256] Бумажникъ = бумажная постель, подкладываемая подъ пуховикъ.

«Поясъ женской, шелкъ Шамарханской съ золотомъ, съ кистьми; варвòрки обнизанныя. Десять сорочекъ женскихъ кисейныхъ и миткалевыхъ. Тридцать простынь».

Вслѣдъ за симъ, помѣщено въ строку же такое окончаніе рядной записи:

«Да за дочерью моею даю вотчинъ и помѣстья въ приданые: Выслуженную вотчину, въ Рязанскомъ уѣздѣ, деревня Панины-Пруды, а въ ней крестьянскихъ 40 дворовъ; да помѣстья въ Алатарскомъ уѣздѣ, село Киреево, а къ нему двѣ деревни; въ селѣ храмъ во имя Михаила Архангела. А въ селѣ и въ деревняхъ крестьянскихъ 30 дворовъ. А то помѣстье нынѣ еще не укрѣплено. Роспись вотчинамъ и помѣстьямъ послѣ живота моего: Даю въ Нижегородскомъ уѣздѣ 40 дворовъ; да вотчина же въ Суздальскомъ уѣздѣ 100 дворовъ; въ Дмитровскомъ уѣздѣ 50 дворовъ; да Московской дворъ» [257].

[257] Подлинная рядная запись была нѣкогда пріобрѣтена извѣстнымъ собирателемъ графомъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Толстымъ, какъ это видно изъ письма его къ П. М. Строеву, отъ 8 апрѣля 1827 года, о вновь пріобрѣтенныхъ рукописяхъ: «Длинный оригинальной свитокъ рядной графа Бориса Петровича Шереметева, въ которой такія вещи написаны, что и описывать стыдно, напримѣръ: порты, штаны и тому подобное» (Николай Барсуковъ. Жизнь и Труды П. М. Строева. Спб. 1878. стр. 127).

Передъ нами все приданое невѣсты Бориса Петровича Шереметева. Очевидно, оно припасалось, по Домострою, заблаговременно, изъ года въ годъ, и складывалось въ «опришенной сундукъ или въ коробья, прибавливалось понемножку всегда, на всякъ годъ, а не вдругъ». Отъ того, «и далъ Богъ, всего было полно», какъ предрекалъ Домострой[258]. Въ то время, этотъ кодексъ древле-Русскихъ положеній и опредѣленій жизни еще оставался полнымъ выразителемъ нашей общественности. Поученія Домостроя, «како жити человѣку свой животъ», его наказъ о домовномъ строеніи, еще лежали въ основѣ нашего домашняго быта, особенно въ той старой дворянской средѣ, къ которой принадлежала невѣста Бориса Петровича Шереметева. Какъ уже извѣстно, по отцу она была изъ рода дворянъ Чириковыхъ, а по матери — изъ рода дворянъ Сомовыхъ.

---

[258] Домострой, изданный подъ редакціей В. Яковлева. Спб. 1867. глава 18. стран. 50.

ГЛАВА XIII.

Родоначальникомъ дворянъ Чириковыхъ былъ Ростовскій чудотворецъ преподобный Петръ, царевичь Ордынскій, преставившійся въ 1290 году[259]. Въ родословной росписи[260], по прямой линіи отъ него, въ XIV-мъ колѣнѣ, показанъ отецъ невѣсты Бориса Петровича Шереметева, стольникъ Алексѣй Пантелеевичь Чириковъ. Жизнь родоначальника Чириковыхъ, блаженнаго Петра, дѣйствительно, весьма замѣчательна. Онъ приходился племянникомъ памятному Россіянамъ Ордынскому царю Батыю. Около 1253 года, случилось быть въ Ордѣ, по нуждамъ церковнымъ, Ростовскому епископу Кириллу. Его особен-

[259] Николай Барсуковъ. Источники Русской Агіографіи. Спб. 1882. столб. 453.

[260] Генеалогическіе матеріалы, собранные В. В Руммелемъ: Роспись роду Чириковыхъ (Рукопись).

но ласково принималъ братъ Батыя, Берка. По желанію послѣдняго, блаженный Кириллъ разсказывалъ о сущности христіанской вѣры, о томъ, какъ насаждалась она въ Ростовѣ святымъ епископомъ Леонтіемъ, о чудесахъ и исцѣленіяхъ, неоскудно совершавшихся у его гроба и тому подобное. Въ числѣ присутствовавшихъ на этихъ поучительныхъ бесѣдахъ находился и юный царевичь, племянникъ Берки. Онъ былъ увлеченъ вдохновеннымъ словомъ святителя. Въ слѣдующій пріѣздъ епископа Кирилла въ Орду, царевичь упросилъ владыку взять его съ собою, въ Ростовъ. Здѣсь Ордынскій царевичь былъ окрещенъ и наименованъ Петромъ. Онъ «научился Русскому языку, усердно читалъ книги, трудолюбиво молился, посѣщалъ богослуженіе храма, жилъ чисто и воздержно»[261]. Какъ при епископѣ Кириллѣ, такъ и при святомъ Игнатіѣ, его преемникѣ, царевичь жилъ въ каѳедральномъ домѣ.

По древнему Сказанію, царевичь Петръ былъ «возрастомъ великъ и лицомъ красенъ». Иногда онъ любилъ потѣшиться со-

[261] Филаретъ, архіепископъ Черниговскій. Русскіе святые. Черниговъ. 1861. мѣсяцъ іюнь. 29 число.

колиною охотою на берегу озера Неро. Въ томъ же Сказаніи читаемъ: «Бѣ выѣздяй (Петръ) при езерѣ Ростовстѣмъ, птицами ловя». И вотъ, однажды, «единому ему при езерѣ ловящу, по обыщней молитвѣ усну, и вечеру глубоку сущу, пріидоста къ нему два мужа свѣтла суща, аки солнце, и возбудиста ѝ, глаголюще: друже Петре, услышана бысть молитва твоя, и милостыня твоя пріидоша предъ Богомъ»... По Сказанію, явившіеся въ сонномъ видѣніи два мужа были первоверховные апостолы Петръ и Павелъ. Они сказали царевичу: Мы посланы къ тебѣ, «да устроиши церковь, идѣже спахъ при езерѣ». Послѣдствіемъ этого откровенія было построеніе на означенномъ мѣстѣ церкви во имя апостоловъ Петра и Павла, а при ней вскорѣ возникъ существующій въ Ростовѣ и до настоящаго времени Петровскій монастырь. Царевичь Петръ женился въ Ростовѣ на дочери знатнаго ордынца, «бѣша бо тогда въ Ростовѣ Ординстіи вельможи», — поясняетъ Сказаніе[262], и отъ этого брака повелось многочисленное потомство. Прапра-

[262] Макарій. Исторія Русской Церкви. Т. IV. Спб. 1866. стр. 340 и 341.

внукъ блаженнаго Петра, Петръ Игнатьевичь, въ 1380 году, участвовалъ въ Куликовской битвѣ; онъ первый сталъ писаться Чириковымъ. Праправнукъ Петра Игнатьевича Чирикова, Луцкій помѣщикъ Никита Матвѣевичь Чириковъ, въ числѣ другихъ выборныхъ представителей отъ всей земли Русской, участвовалъ въ земскомъ соборѣ, созванномъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, въ іюлѣ 1566 года, для обсужденія вопроса о томъ, мириться ли съ Литвою, на предъявленныхъ ею условіяхъ, или же продолжать войну и добиваться большаго? Мнѣнія отбирались по группамъ. Луцкіе помѣщики, въ числѣ коихъ и Никита Матвѣевичь Чириковъ, заявили, что воля государя мириться съ Литовскимъ королемъ или не мириться, но что они полагали бы не уступать Литвѣ ни единой пяди земли. «Головы свои покладемъ—сказали они—за одну десятину Озерищскаго и Полоцкаго повѣтовъ»[263]! Родному брату дѣда Алексѣя Пантелеевича Чирикова, Михайла Ивановича,

---

[263] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. М. 1813. стр. 552. столб. 2; стр. 553, столб. 1.

Тимоѳею Ивановичу Чирикову[264] Грозный пожаловалъ, 28 марта 1579 года, «въ кормленіе», въ Дмитровскомъ уѣздѣ, село Сенѣжь, Каменскаго стана, съ деревнями, да сельцо Веретье, Лутосенскаго стана; въ нихъ было пашни 534 четверти съ осьминою[265]. А самъ Михайло Ивановичь Чириковъ, въ 1588 году, купилъ у своей родственницы Евдокіи Ивановны Чириковой, рожденной Волчичевой, деревню Варварино, «на рѣчкѣ Варваркѣ, у рѣки Пахры»[266], въ нынѣшнемъ Подольскомъ уѣздѣ, Московской губерніи.

Тимоѳей Ивановичь Чириковъ дѣтей не имѣлъ и во 114 (1605—1606) году постригся, а пожалованное ему вышеупомянутое помѣстье было отдано его племянникамъ, Пантелею и Степану Михайловичамъ Чириковымъ, отцу и дядѣ Алексѣя Пантелеевича Чирикова, съ тѣмъ, чтобы они изъ того помѣстья служили государеву службу и кормили своего дядю[267].

---

[264] VII-е колѣно отъ Петра Игнатьевича Чирикова.

[265] Генеалогическіе матеріалы, собранные В. В. Руммелемъ: Герольдмейстерской Конторы книга № 241, приложеніе (Рукопись).

[266] Холмогоровы. Историческіе матеріалы. Выпускъ VII: Перемышльская и Хотунская десятины. М. 1889. стр. 85.

[267] Генеалогическіе матеріалы, собранные В. В. Руммелемъ.

Братья Пантелей и Степанъ Михайловичи Чириковы, какъ говорится, много «утерли поту» на государевой службѣ.

Пантелей Михайловичь Чириковъ, въ 1624 году, состоя въ чинѣ дворянина, былъ назначенъ воеводою въ Цивильскъ, гдѣ и оставался до іюля 1626 года, когда былъ вызванъ въ Москву, а на его мѣсто въ Цивильскъ послали Ивана Павловича Матюшкина[268]. Въ слѣдующемъ, 1627 году, Пантелей Михайловичь былъ посланъ въ Воронежъ, встрѣтить посла Турецкаго султана Мурада IV-го, Ѳому Кантакузина, слѣдовавшаго въ Москву съ двумя копычеями; а изъ Воронежа Чирикову велѣно идти съ Турецкими послами до Москвы и быть у нихъ въ приставахъ[269]. Послы прибыли въ Москву 2 декабря, а 3 марта 1628 года, они были отпущены и Чириковъ тѣмъ же порядкомъ сопровождалъ ихъ до Воронежа[270]. Въ началѣ апрѣля, Пантелей Михайловичь Чириковъ уже возвратился въ Москву. По крайней мѣрѣ, 6 апрѣля, въ вербное воскресеніе, онъ

---

[268] Книги разрядныя. Т. I. Спб. 1853. столб. 1035 и 1254.

[269] Дворцовые Разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 958.

[270] Тамъ-же, столб. 977.

находился въ числѣ 15-ти другихъ дворянъ, за столомъ у государя[271].

Послѣ того, во всѣхъ актахъ Пантелей Чириковъ именуется дьякомъ. Такъ, подъ 1633 годомъ, въ спискѣ отвозившихъ подъ Смоленскъ государевы хлѣбные запасы на своихъ собственныхъ подводахъ, показанъ дьякъ Пантелей Чириковъ[272]. Когда именно пожалованъ онъ въ этотъ чинъ, не знаемъ. Извѣстно, что въ то время въ дьяки жаловали не только изъ городовыхъ дворянъ, но и изъ Московскихъ[273]. А помѣстные оклады ихъ ровнялись окладамъ Московскихъ дворянъ[274]. Дьяки Московскіе славились своимъ знаніемъ приказнаго дѣла и искусствомъ вести его. Отсюда ихъ сила и права на почетъ, которымъ они дѣйствительно пользовались въ обществѣ. По объясненію Котошихина, дьяки «на Москвѣ и въ городѣхъ въ приказехъ съ бояры и окольничими и думными и

---

[271] Дворцовые Разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 1000.

[272] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 450 (четвертая строка снизу).

[273] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 3. Спб. 1884. стр. 28.

[274] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XX. М. 1791. стр. 152.

ближними людми, и въ посолствахъ съ послами бываютъ въ товарыщахъ; и сидятъ вмѣстѣ, и дѣлаютъ всякіе дѣла, и суды судятъ, и во всякіе посылки посылаются[275]. Съ 1633 года, дьякъ Пантелей Михайловичь Чириковъ сидѣлъ въ приказѣ Устюжской Четверти[276]. А съ 1639 года,—въ приказѣ Сбора ратныхъ людей[277]. Это была его послѣдняя служба: 3 августа 1643 года онъ скончался[278].

Болѣе подробныя свѣдѣнія сохранились о службахъ брата Пантелея Михайловича, дворянина Степана Михайловича Чирикова. 27 декабря 1606 года, царь Василій Ивановичь Шуйскій послалъ его въ Галичь съ приказаніемъ, по прибытіи туда, взявъ съ собою губнаго старосту, «котораго пригожъ», разсыльщиковъ и цѣловальниковъ, «сколько пригожъ», ѣхать въ Галичскій уѣздъ, въ по-

[275] О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 3. Спб. 1884. стр. 28.

[276] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. III. М. 1822. № 95.

[277] Акты Историческіе. Т. III. Спб. 1841. стр. 361. столб. 2.

[278] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Часть XX. М. 1791. стр. 405. Тутъ сказано, что Чириковъ скончался въ 1642 году. Мы позволили себѣ исправить это на 1643 годъ, ибо имѣется отводная грамота на рыбныя ловли, отъ 15 мая 1643 года, съ приписью діака Пантелея Чирикова (Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. II. стр. 570).

мѣстья тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые укрывались отъ указанной имъ государевой службы въ Калугѣ, въ полкахъ бояръ и воеводъ князя Ивана Ивановича Шуйскаго съ товарищи. Однихъ изъ этихъ нѣтчиковъ приказано было выслать на ту службу тотчасъ, не мѣшкавъ, а другихъ Чириковъ долженъ былъ самъ доставить въ Калугу. У тѣхъ нѣтчиковъ, которые «учнутъ бѣгать или хорониться и на государеву службу не поѣдутъ», велѣно забирать ихъ людей и крестьянъ и держать ихъ въ Галичѣ въ тюрьмѣ, покамѣстъ тѣ нѣтчики, дворяне и дѣти боярскіе, сами не объявятся. Наказъ обязывалъ Чирикова, подъ страхомъ царской опалы, выслать и доставить на службу рѣшительно всѣхъ нѣтчиковъ, по данному ему списку, и затѣмъ, возвратиться въ Москву[279].

Ровно черезъ годъ, 14 декабря 1607 года, Степанъ Михайловичь Чириковъ получилъ новое, еще болѣе трудное порученіе, ибо за неудовлетворительное исполненіе онаго, грозили уже не царскою опалою, а прямо смертною казнью. Чирикову указано было отпра-

[279] Генеалогическіе матеріалы, собранные В. В. Руммелемъ: Герольдмейстерской Конторы книга № 241. Приложеніе.

виться въ Можайскій, Верейскій и Вышегородскій[280] уѣзды, въ государевы дворцовыя села и взять съ тѣхъ селъ, на государеву службу, въ походъ, подъ хлѣбные запасы, съ десяти вытей по лошади съ саньми, съ хомутами и шлеями, да къ каждой лошади по человѣку съ топоромъ и лопатой. Все это приказано было доставить въ Москву за два, за три дня до Рождества Христова или въ самый праздникъ, никакъ не позже. Люди-проводники должны были быть «молоды и рѣзвы»; старыхъ мужиковъ и робятъ-недорослей брать не велѣно. Лошадей указано выбирать «добрыхъ и кормныхъ».

Въ наказѣ, данномъ Степану Михайловичу Чирикову, сказано, что если онъ, Степанъ, «учнетъ въ тѣхъ лошадяхъ въ сборѣ наровить, и сроки давать, и посулы и поминки имати, а съ тѣми лошадьми на срокъ на Рождество Христово не будетъ, и за тѣмъ его мотчаніемъ государевѣ службѣ учинится какая поруха, и сберетъ тѣхъ людей съ лошадьми не всѣхъ сполна или у нихъ будутъ

---

[280] Вышегородъ, нынѣ село Московской губерніи, Верейскаго уѣзда, при р. Протвѣ, верстахъ въ 10-ти отъ Вереи. Оно иначе называется Берегъ.

худы лошади, и ему, Степану, и прикащикамъ за то отъ государя быть кажненнымъ смертью»[281].

За тѣмъ, въ 1626 году, въ пріѣздъ въ Москву посла Шведскаго короля Густава II Адольфа, Александра-Любима Рубцова, Степанъ Михайловичъ Чириковъ былъ посланъ встрѣчать его[282]. Появленіе въ Москвѣ Русскаго человѣка въ качествѣ посла Шведскаго короля изумило Московскій Дворъ, болѣе же всего самого патріарха Филарета Никитича, который узналъ въ послѣ своего сотоварища по плѣну въ Маріенбургѣ, гдѣ былъ свидѣтелемъ его страданій за Православную вѣру, едва не окончившихся лютою казнію. Рубцовъ былъ освобожденъ изъ плѣна королемъ Густавомъ-Адольфомъ[283] и тотъ, въ благодарность за это, остался у него на службѣ.

13 августа 1630 года, Степану Михайловичу Чирикову, въ числѣ другихъ дворянъ, указано было ѣхать, съ окольничимъ Артемьемъ Васильевичемъ Измайловымъ, въ

[281] Генеалогическіе матеріалы, собранные В. В. Руммелемъ: Герольдмейстерской Конторы книга № 241. Приложеніе.

[282] Тамъ-же.

[283] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Книга II. Спб. 1896. столб. 1168 и 1169.

Валуйки, для посольской размѣны, но онъ, по случаю болѣзни, туда не поѣхалъ. Вмѣсто него, назначенъ былъ его меньшой братъ Константинъ Михайловичь Чириковъ[284].

Съ 1631 до 1633 года, Степанъ Михайловичь Чириковъ состоялъ вторымъ воеводою въ Курскѣ. Первымъ воеводою былъ князь Матвѣй Васильевичь Прозоровскій[285].

Въ 1636 году, Степана Михайловича посылали въ Азовъ, для пріема Турецкаго посла Ѳомы Кантакузина, того самаго, котораго въ 1627 году, въ первый его пріѣздъ въ Московское государство, встрѣчалъ въ Воронежѣ и провожалъ до Москвы Пантелей Михайловичь Чириковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Степану Михайловичу Чирикову поручено было отвезти казакамъ государево жалованіе, разные запасы[286]. Эта посылка въ Азовъ едва не стоила жизни Чирикову. Онъ пріѣхалъ на Донъ за двѣ недѣли до Петрова поста и нашелъ казаковъ въ сильномъ возбужденіи. Ихъ до крайности раздражило сдѣланное от-

[284] Дворцовые Разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 160 и 161.

[285] Тамъ-же, столб. 235 и Акты Московскаго государства. Т. I. Спб. 1894. № 579.

[286] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. II. Спб. 1896. столб. 1251—1253.

крытіе, что Кантакузинъ лишь прикрывался саномъ посла, въ дѣйствительности же онъ занимался исключительно своими торговыми дѣлами и для вящшаго успѣха торговыхъ операцій всячески ссорилъ обоихъ великихъ государей. Въ понедѣльникъ первой недѣли Петрова поста, казаки послали сказать Кантакузину, что они соглашаются отпустить его къ царскому величеству съ присланнымъ отъ государя дворяниномъ Степаномъ Чириковымъ и зовутъ его въ кругъ, проститься. Здѣсь атаманы сказали Кантакузину: «И прежде ходилъ ты много разъ къ великому государю въ послахъ отъ Турскаго султана, накупаясь, обманомъ, и дѣлалъ между великими государями неправдою, на ссору, и въ томъ великому государю многіе убытки и ссору великую учинилъ, а насъ, Донскихъ казаковъ, хвалился разорить и съ Дону свесть. И теперь, накупясь, хочешь то же дѣлать... За такое воровство, Донскіе атаманы и казаки и все Войско приговорили, казнить тебя смертью»! Тотчасъ же Кантакузинъ и всѣ сопровождавшіе его Греческіе монахи были изрублены. Все это время Чирикова держали подъ крѣпкимъ карауломъ и совсѣмъ собра-

лись-было убить и его, но въ самую послѣднюю минуту одумались. Казаки не рѣшились поднять руку на посланца царскаго величества.

По возвращеніи съ Дона, Степанъ Михайловичь Чириковъ былъ назначенъ воеводою на дальній сѣверъ, именно въ Кевроль. Въ его управленіи находилась обширная территорія, въ составъ коей, кромѣ Кеврольскаго уѣзда, входилъ еще Мезенскій уѣздъ, то-есть, древняя Удорія [287], имѣвшая нѣкогда своихъ князей. Чириковъ пробылъ на воеводствѣ въ Кевролѣ до 25 января 1640 года, когда былъ смѣненъ Иваномъ Кафтыревымъ [288].

Въ томъ же, 1640 году, Степанъ Михайловичь Чириковъ ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ, встрѣчать слѣдовавшаго Волгою Кизильбашскаго (Персидскаго) гонца Санбека [289].

Наконецъ, съ 1654 до марта 1655 г., онъ находился воеводою въ Лебедяни [290]. Это была послѣдняя служба Степана Михайловича Чирикова.

---

[287] Такъ называлась по рѣкѣ Удоръ. Названіе Удорія и понынѣ сохранилось въ нашемъ государственномъ титулѣ.

[288] Генеалогическіе матеріалы, собранные В. В. Руммелемъ: Герольдмейстерской Конторы кн. 241. Приложеніе.

[289] Тамъ-же.

[290] Тамъ-же.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о тестѣ Бориса Петровича Шереметева, стольникѣ Алексѣѣ Пантелеевичѣ Чириковѣ. Мы уже знаемъ, что 3 августа 1643 года онъ лишился отца. Въ то время Алексѣй Пантелеевичь былъ еще жильцомъ. За два съ половиною мѣсяца до кончины родителя, именно 19 апрѣля 1643 года, съ нимъ случилась исторія, надѣлавшая много шума и въ тогдашнее время, какъ извѣстно, не отличавшееся излишнею взыскательностію относительно соблюденія благопристойности даже въ такихъ мѣстахъ, какъ жилище самого царя. Дѣйствіе происходило въ государевомъ дворцѣ, сперва на Красномъ, а потомъ на Постельномъ крыльцѣ.

Какъ извѣстно, Постельное крыльцо находилось посреди дворцовыхъ зданій, между пріемными большими палатами и жилыми теремными покоями государя. Оно составляло довольно обширную площадь, на которой, съ утра до вечера толпились стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне Московскіе и городовые, дьяки и подьячіе разныхъ приказовъ. Одни дожидали начальныхъ людей или рѣшенія дѣлъ, другіе приходили просто изъ одного

любопытства, потому что на Постельномъ крыльцѣ всегда можно было узнать всѣ важныя по времени новости. Естественно, что при такомъ всегдашнемъ многолюдствѣ, на Постельномъ крыльцѣ не обходилось безъ непріязненныхъ, враждебныхъ столкновеній. Нерѣдко, ссора, начатая дома или въ другомъ мѣстѣ, переносилась сюда, при встрѣчѣ здѣсь соперниковъ[291]. Такъ случилось и съ жильцомъ Алексѣемъ Пантелеевичемъ Чириковымъ.

Нужно сказать, что у Чириковыхъ давно уже велась изъ-за чего-то ссора съ Измайловыми. Въ описываемое время, главнымъ образомъ, враждовали: со стороны Чириковыхъ —братья Степанъ да Константинъ Михайловичи и племянникъ ихъ Алексѣй Пантелеевичь; со стороны Измайловыхъ — братья Левъ и Александръ Тимоѳеевичи, родные племянники окольничаго Артемья Васильевича Измайлова, казненнаго, въ 1634 году, вмѣстѣ съ бояриномъ Шеинымъ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Послѣ казни Артемья Измайлова, и братъ его родной Тимоѳей Ва-

[291] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Т. I. М. 1862. стр. 243 и 248.

сильевичь, «для измѣны брата», находился одно время, съ женою и дѣтьми, въ ссылкѣ, въ Казани[292].

О томъ, что̀ такое вышло у Чириковыхъ съ Измайловыми 19 апрѣля 1643 года, въ государевомъ дворцѣ, лучше всего объяснитъ нижеслѣдующая челобитная, поданная государю, 23 апрѣля, вышеупомянутымъ стольникомъ Тимоѳеемъ Васильевичемъ Измайловымъ: «Въ нынѣшнемъ, государь, во 151-мъ году, апрѣля въ 19 день, на Красномъ крыльцѣ, передъ постельными дверьми, стояли дѣтишка мои Левка и Олексашка; и пришелъ къ дѣтишкамъ моимъ Алексѣй Пантелеевъ сынъ Чириковъ съ дядьями своими съ Степаномъ да съ Костянтиномъ Чириковыми, и дѣтишекъ моихъ Левку и Олексашку хотѣли бить, и меня и дѣтишекъ моихъ безчестили и всякою лаею неподобною лаяли, и называлъ Алексѣй Чириковъ меня и всѣхъ насъ ворами и измѣнниками и страдниками[293], и по Красному крыльцу за дѣтишками моими гонялъ; а въ тѣ поры, государь, были стольники и

---

[292] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. II. Спб. 1896. стр. 1206—1208.

[293] Страдникъ = подлый человѣкъ, подлецъ.

дворяне и стряпчіе и жильцы и всякихъ чиновъ люди, какъ тотъ Алексѣй Чириковъ меня и дѣтишекъ моихъ безчестилъ и всякою лаею неподобною лаялъ, и какъ онъ, Алексѣй, на Красномъ крыльцѣ съ дядьями своими за дѣтишками моими гонялъ. А что онъ насъ называлъ ворами и измѣнниками и страдниками, и про то тебѣ, государь, извѣстно, что дѣдъ и отецъ мой и я, холопъ твой, и дѣтишка мои при прежнихъ государѣхъ и при тебѣ, государѣ, нигдѣ въ измѣнѣ не бывали. Милосердый государь, пожалуй насъ, вели про то сыскать стольники и дворяны и стряпчими и жильцы и всякихъ чиновъ людьми, которые въ тѣ поры тутъ были, какъ тотъ Алексѣй Чириковъ на Красномъ крыльцѣ насъ безчестилъ; и вели, государь, мнѣ на того Алексѣя въ моемъ и дѣтишекъ моихъ въ безчестьѣ дать свою государскую оборону, что̀ ты, государь, укажешь».

Особенный біографическій интересъ имѣетъ слѣдующая приписка Тимоѳея Васильевича Измайлова къ прописанной челобитной:

«А про Алексѣево, государь, озорничество Чирикова, тебѣ, государю, извѣстно, что онъ, Алексѣй позоритъ и безчеститъ господъ на-

шихъ и нашу братью, надѣючись на свои деньги, и говорилъ дѣтишкамъ моимъ, что ваши головы, а мои тутъ будутъ тысячи; и то, государь, его слово слышали многіе люди; и на него, Алексѣя, и на дядю его Костянтина, по твоему государеву указу, даваны оборони противъ ихъ озорничества. Царь, государь, смилуйся»!

Слѣдствіе по челобитной Измайлова производилъ стряпчій съ ключемъ Иванъ Михайловичь Аничковъ. Свидѣтелей по дѣлу оказалось 65 человѣкъ, по большей части все стольники, дворяне и жильцы. Изъ нихъ восемь человѣкъ не были допрошены, потому что они «съѣхали по деревнямъ», одиннадцать человѣкъ заявили, что во время ссоры Чирикова съ Измайловыми, они стояли далеко и ничего не слышали. Изъ показаній остальныхъ 46-ти человѣкъ выяснилось, что еще наканунѣ, 18 апрѣля, между Алексѣемъ Пантелеевичемъ Чириковымъ и Александромъ Тимоѳеевичемъ Измайловымъ произошло какое-то весьма рѣзкое столкновеніе на Дѣвичьемъ полѣ. Это видно изъ того, что когда Алексѣй Чириковъ, взойдя, 19-го апрѣля вмѣстѣ съ дядьями своими, Степаномъ и Константиномъ

Михайловичами Чириковыми, на Красное крыльцо, увидѣлъ Александра Измайлова, стоявшаго съ братомъ Львомъ предъ постельными дверьми, то подошелъ къ нему «наглымъ обычаемъ» и съ крайнимъ раздраженіемъ началъ говорить: «Хотѣли вы, измѣнничьи дѣти, вчера бить меня на Дѣвичьемъ полѣ... Бей топерьво здѣсь, по-вчерашнему, какъ ты побиваешь и грабишь и гоняешь за городомъ; не старая пора воровать!.. Давно-ли отъ плахи, а нынѣ грабятъ по улицамъ»!.. Левъ Измайловъ сказалъ, наконецъ, брату Александру:—Пойдемъ прочь, что̀ съ такимъ п с а р е в ы м ъ внукомъ и говорить... Это указаніе на какую-то неизвѣстную намъ службу дѣда Алексѣя Пантелеевича, Михайла Ивановича Чирикова, можетъ быть въ рядахъ служителей царскаго л о в ч а г о пути,—какъ говорится, только подлило масло въ огонь. «А ваша лучшая честь? — закричалъ Чириковъ: дѣдъ вашъ Василій тоже вѣдь не диковинка! Съ Мяснымъ, Лукьяномъ, былъ; а Мясной былъ на Москвѣ голова стрѣлецкой... Да и ты былъ въ приводѣ, въ Разбойномъ приказѣ»!.. Дальше — больше. Дошло до того, что Чириковъ, къ всеобщему соблазну, сталъ гоняться за

Измайловыми по Красному крыльцу и загналъ ихъ на Постельное крыльцо, выкрикивая всевозможныя ругательства: «Измѣнники!.. Страдники!.. Дядѣ вашему голову отсѣкли и вамъ того же хочется!.. Знали бы де вы дядю своего Оську палача, орлёный кнутъ да липовую плаху»!.. По единогласному показанію свидѣтелей, дядья Алексѣя Чирикова, Степанъ и Константинъ, не принимали никакого участія въ озорничествѣ своего племянника. Да и Измайловы только одно и ладили: псаренокъ да страдникъ. Лишь четыре свидѣтеля подтвердили, что Чириковъ говорилъ Измайловымъ: «Ваши де головы, а мои деньги»[294]. Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, Алексѣй Пантелеевичь долженъ былъ весьма поплатиться за такое открытое нарушеніе чести государева двора.

Имени Алексѣя Чирикова не встрѣчается въ разрядныхъ спискахъ до 1652 года. За этотъ промежутокъ времени, о немъ сохранилось лишь то свѣдѣніе, что въ 1646 году, онъ, вмѣстѣ съ дядей Степаномъ Михайловичемъ,

[294] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 253—258.

владѣлъ деревнею Варвариною, гдѣ, вѣроятно, они и проживали отдѣльными дворами или усадьбами. По крайней мѣрѣ, въ переписной книгѣ означеннаго года, въ деревнѣ той показаны два двора вотчинниковы. Деревня Варварина оставалась въ родѣ Чириковыхъ до 1678 года, когда она поступила во владѣніе боярина Ивана Богдановича Милославскаго[295]. Въ двухъ-трехъ верстахъ отъ деревни Варвариной находится село, которое до сихъ поръ называется Чириковымъ, по мѣстному произношенію Чирико́вымъ.

Въ 1652 году, Алексѣй Пантелеевичь Чириковъ былъ назначенъ воеводою въ Саратовъ, гдѣ пробылъ два года[296]. За тѣмъ, въ 1658 году, одновременно съ назначеніемъ боярина Василья Борисовича Шереметева воеводою въ Кіевъ, стольникъ Алексѣй Пантелеевичь Чириковъ былъ посланъ на воеводство въ Полтаву. Ему, какъ и другимъ пяти царскимъ воеводамъ, назначеннымъ тогда въ Малороссійскіе города, указано было состоять

---

[295] Холмогоровы. Историческіе матеріалы. Выпускъ VII: Перемышльская и Хотунская десятины. М. 1889. стр. 85.

[296] Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1892 годъ. Кн. 3: матер. историч. стр 8.

въ подчиненіи у Кіевскаго воеводы Василья Борисовича Шереметева[297]. Долго-ли оставался Чириковъ въ Полтавѣ, неизвѣстно. Въ 1665 году, онъ былъ въ Москвѣ. Узнаёмъ это по случаю, весьма печальному для Чирикова. Какъ уже извѣстно, въ началѣ того года, по указу великаго государя, онъ долженъ былъ ѣхать на службу въ Кіевъ и состоять при вновь назначенномъ туда воеводѣ боярине князѣ Никитѣ Яковлевичѣ Львовѣ. Чириковъ почему-то замѣшкался исполнить государевъ указъ; а можетъ быть, ему было просто не по душѣ новое назначеніе и онъ намѣревался уклониться отъ него. Какъ бы то ни было, но въ Разрядной книгѣ, подъ 23 числомъ ноября 1665 года, мы находимъ такую запись: «Стольнику Алексѣю Пантелееву сыну Чирикову, за его вину, что онъ на государеву службу въ Кіевъ многое время не поѣхалъ, учинено наказанье: битъ предъ Розрядомъ батоги, и отосланъ изъ Розряду въ приказъ Малой Россіи съ подьячими Розрядного приказу съ Иваномъ Невѣровымъ да съ Иваномъ Большимъ Оловенниковымъ»[298].

---

[297] Родъ Шереметевыхъ. Кн. 5. Спб. 1888. стр. 31.

[298] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 601 и 602.

Послѣ того, уже при бояринѣ Петрѣ Васильевичѣ Большомъ Шереметевѣ, стольникъ Алексѣй Пантелеевичь Чириковъ былъ воеводою въ Переславлѣ. Съ этою службою его мы уже знакомы изъ предыдущаго изложенія.

Теперь обратимся къ родственникамъ Евдокіи Алексѣевны Чириковой, по ея матери,—къ дворянамъ Сомовымъ.

ГЛАВА XIV.

Теща Бориса Петровича Шереметева, Ѳедосья Павловна Чирикова, была изъ рода Сомовыхъ, тоже старыхъ дворянъ Московскаго государства. И у Сомовыхъ родоначальникомъ былъ такъ же ордынецъ. При великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ вышелъ изъ Орды мурза Осланъ, принявшій во святомъ крещеніи имя Прокопія. У его единственнаго сына Льва, по прозванію Широкій-ротъ, были два сына: старшій Захарій, отъ него пошли Ртищевы; другой — Андрей, по прозванію Сомъ, отъ котораго пошли Сомовы. Сынъ Андрея Сома,—Дементій Андреевичъ Сомовъ, имѣлъ прозваніе Булгакъ; внукъ — «Петръ Булгаковъ сынъ Сомова», въ 1566 году, въ числѣ другихъ, подписалъ поручную запись по князѣ Иванѣ Петровичѣ Охлебининѣ, что

ему «въ Литву и ни къ которому недругу государьскому не отъѣхати»[299]. А на долю правнуковъ,—ихъ было всего 14 человѣкъ,—выпалъ жребій жить и дѣйствовать въ эпоху великой Смуты Московскаго государства. Трое изъ нихъ, Никита Ивановичь, Ѳедоръ Ивановичь и Тимоѳей Ивановичь Сомовы, выстрадали Московское «осадное сидѣніе»; послѣдній и умеръ въ осадѣ, а первые двое, при царѣ Васильѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, были награждены за то осадное сидѣніе жалованными грамотами. Ѳедоръ Ивановичь потомъ былъ воеводою въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ (1616 г.)[300] и въ Верхотурьѣ (1619 г.)[301]. Двое другихъ правнуковъ Андрея Сома, Аѳанасій Ивановичь и Иванъ Іевлевичь Сомовы, были убиты въ бою подъ Москвою (1608 г.). Самый младшій правнукъ,—Игнатій Юрьевичь, сложилъ свою голову въ Конотопскомъ бою (1658 г.). У средняго правнука Андрея Сома, Степана Петровича, былъ сынъ Павелъ Степановичь Сомовъ—отецъ Ѳедосьи Павловны

---

[299] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. I. М. 1813. № 194.

[300] Дворцовые Разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 239.

[301] Акты Историческіе. Т. II. Спб. 1841. № 77 и 78; т. III. Спб. 1841. № 80.

Чириковой. Вотъ и все, что̀ мы можемъ сказать объ ея предкахъ по прямой линіи. Представители фамиліи Сомовыхъ, при подачѣ своей родословной въ Разрядъ, въ маѣ 1686 года, такъ объясняли причину этой скудости историческихъ свѣдѣній объ ихъ родѣ: «Въ прошлыхъ годѣхъ, многіе наши родственники были во многихъ знатныхъ посылкахъ, и которыя у нихъ были прежнихъ великихъ князей и прежнихъ великихъ государей-царей жалованныя грамоты и посылочные наказы и грамоты жъ и иныя многія письма, и тѣ отъ многихъ великихъ пожаровъ и побитыхъ родителей нашихъ на многихъ бояхъ и отъ многаго раззоренья, въ прошлыхъ годѣхъ погорѣли и пропали[302].

Павелъ Степановичь Сомовъ былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Веригиной-Волконской, сестра коей, княжна Марѳа Васильевна, была въ первомъ бракѣ за Богданомъ Михайловичемъ Нагимъ, а во второмъ бракѣ за дядей Петра Васильевича Большого Шереметева, Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ. Понятно, почему сынъ послѣдняго

[302] Архивъ Герольдіи: Книга рѣшен. дѣлъ 1801 года. № 76.

отъ Маѳы Васильевны, Никита Ивановичъ Шереметевъ, подписалъ вышеприведенную рядную запись Ѳедосьи Павловны Чириковой. Онъ былъ ея ближайшимъ родственникомъ—двоюроднымъ братомъ.

Мы уже знаемъ, что рядная запись вдовы Ѳедосьи Павловны Чириковой о томъ, что она сговорила свою единственную дочь, Евдокію Алексѣевну, за комнатнаго стольника Бориса Петровича Шереметева, подписана 19-го числа сентября 1669 года. Между тѣмъ, исторіографъ Миллеръ утверждаетъ, будто бы рядная подписана 18-мъ числомъ сентября, а что 19-го числа происходило самое бракосочетаніе сговоренныхъ. При этомъ поясняетъ, что «рядныя обыкновенно писались за день до вѣнчанія»[303]. Если бы такое обыкновеніе дѣйствительно существовало, бракосочетаніе должно бы совершиться 20-го сентября, потому что рядная написана именно 19 числа, какъ это весьма четко прописано въ приведенномъ нами документѣ. Но изъ сохранившихся описаній свадебъ частныхъ

---

[303] Письма Петра Великаго, писанныя къ генералъ-фельдмаршалу... графу Борису Петровичу Шереметеву. М. 1774. Предисловіе, стр. LXVI, подъ строкою.

лицъ XVII-го вѣка, не видно, однако, чтобъ рядную писали за день до вѣнчанія; въ этотъ день обыкновенно отправляли въ домъ жениха приданое[304]. Промежутокъ времени между подписаніемъ рядной записи и вѣнчаніемъ бывалъ иногда весьма значительный. Не даромъ же въ рядныхъ нерѣдко означался срокъ свадьбы[305], «какъ кому мочно къ тому времяни изготовиться, за недѣлю и за мѣсяцъ и за полгода и за годъ и больши»[306].

Такимъ образомъ, бракосочетаніе Бориса Петровича Шереметева съ Евдокіей Алексѣевной Чириковой должно было происходить между 19-мъ числомъ сентября и 14-мъ ноября (начало Рождественскаго поста).

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній, ни о томъ, гдѣ была свадьба, ни о самомъ торжествѣ бракосочетанія. Вѣроятно, все было произведено по чину, издревле установленному. Тоже самое при-

---

[304] Сказанія Русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ. Томъ II. Спб. 1849: книга 6-я, свадьбы частныхъ людей въ XVII вѣкѣ. стр. 27. столб. 2.

[305] Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. III. Спб. 1884. столб. 288, 289.

[306] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 3. Спб. 1884. стр. 170.

ходится сказать и о другой свадьбѣ въ семьѣ Шереметевыхъ, совершившейся приблизительно въ тоже время, то-есть, осенью 1669 года. Троюродный братъ Бориса Петровича Шереметева, стольникъ Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ, женился на Татьянѣ Аѳанасьевнѣ Матюшкиной, дочери Московскаго ловчаго Аѳанасья Ивановича Матюшкина, двоюроднаго брата царя Алексѣя Михайловича. Бабушка Татьяны Аѳанасьевны, Федосья Лукьяновна Стрѣшнева, была родною сестрою царицы Евдокіи Лукьяновны, матери царя Алексѣя Михайловича. Такимъ образомъ, Татьяна Аѳанасьевна Шереметева приходилась двоюродною племянницею царю Алексѣю Михайловичу, который и самъ въ то время былъ озабоченъ выборомъ себѣ супруги, ибо положеніе вдовца было рѣшительно несовмѣстно съ царскимъ саномъ, особенно въ то строгое, домостроевское время. Именно осенью 1669 года, съ небольшимъ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ кончины царицы Марьи Ильинишны, царь Алексѣй Михайловичь, по старому обычаю Московскихъ государей, приступилъ къ выбору себѣ невѣсты. Со всѣхъ концовъ Россіи собраны были въ

Москву красавицы изъ боярскаго и дворянскаго сословія. Тутъ, кромѣ Москвы, имѣли своихъ представительницъ, и Новгородъ, и Суздаль, и Кострома, и Рязань. Съ ноября мѣсяца, въ государевомъ дворцѣ, начались знаменитые смотрины, — обрядъ, имѣвшій прямо государственное значеніе и возможный лишь при тогдашней чистотѣ нравовъ. На смотринахъ, продолжавшихся до мая 1670 года, было всего 70 дѣвицъ, въ томъ числѣ двѣ внучки думнаго дьяка Алмаза Иванова, Анна и Настасья; двѣ княжны Гагарины, княжна Анна Григорьевна Долгорукова и прочія[307]. Какъ извѣстно, выборъ царя остановился на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, воспитанницѣ вновь назначеннаго начальника Малороссійскаго приказа Артемона Сергѣевича Матвѣева.

Смотрины прерывались на короткое время лишь въ январѣ мѣсяцѣ, по случаю внезапной кончины наслѣдника престола, царевича Алексѣя Алексѣевича, послѣдовавшей 17 января 1670 года. Почившему царевичу было

---

[307] Государственный Архивъ: Столбцы приказа Тайныхъ Дѣлъ. Разрядъ XXVII. № 287.

безъ малаго 16 лѣтъ. Говорятъ, онъ «подавалъ великія надежды по отличнымъ способностямъ ума своего и любви къ наукамъ»[308]. Онъ вполнѣ владѣлъ, напримѣръ, Латинскимъ языкомъ[309]. «Причина смерти царевича Алексѣя Алексѣевича — говоритъ Берхъ— отъ насъ сокрыта, и мы не можемъ даже сказать ни слова о болѣзни его»[310].

На другой день, 18 января, тѣло усопшаго царевича, положенное во гробъ, комнатные стольники, въ томъ числѣ и Борисъ Петровичь Шереметевъ, вынесли на рукахъ изъ государскихъ хоромъ. Царь Алексѣй Михайловичь, погруженный въ глубокую скорбь, шелъ за гробомъ въ «смирномъ» платьѣ, опираясь на каповый посохъ, обшитый чернымъ бархатомъ.

Изъ Шереметевыхъ, при гробѣ царевича, въ Архангельскомъ соборѣ, дневали лишь двое: Борисъ Петровичь и Петръ Меньшой Васильевичь, только что пожалованный въ

---

[308] В. Берхъ. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Ч. I. Спб. 1831. стр. 252.

[309] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Книга. III. стр. 807. примѣчаніе 1.

[310] Царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Ч. I. Спб. 1831. стр. 253.

Комнату[311]. Ихъ дневанья были: 18 января, 1 и 15 февраля[312].

У почившаго царевича, при его любви къ наукамъ, конечно, должны были быть особыя дружественныя отношенія къ извѣстному ревнителю Просвѣщенія Ѳедору Михайловичу Ртищеву, тестю князя Василья Ѳедоровича Одоевскаго. Что такія отношенія дѣйствительно существовали у нихъ, доказательствомъ можетъ служить то, что Ртищеву, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, былъ отданъ золотой крестъ, который носилъ на себѣ царевичь. Не забытъ былъ и воспитатель царевича Алексѣя Алексѣевича, родной братъ мачихи Василья Борисовича Шереметева, Ульяны Петровны, и родной дядя жены князя Якова Никитича Одоевскаго, князь Иванъ Петровичь Пронскій. Ему отданы были изъ вещей царевича: четвертина, сума съ гребнями, завѣса и прочее[313].

Круговое родство и свойство четырехъ

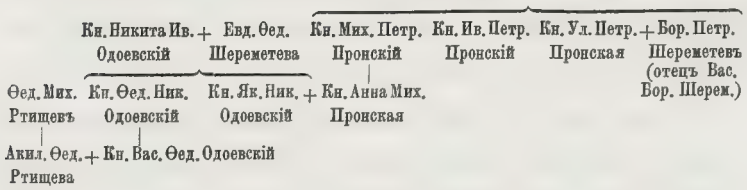
---

[311] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Боярскіе списки 1670 г. № 6. л. 56.

[312] Древняя Россійская Вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XIV. М. 1790. стр. 69. 78 и 87.

[313] Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Вып. I. М. 1877. стр. 206.

фамилій: Ртищевыхъ, князей Одоевскихъ, Шереметевыхъ и князей Пронскихъ, достаточно пояснитъ нижеслѣдующая таблица:



Сомовы, родные тещи Бориса Петровича, Θедосьи Павловны, при подачѣ своей родословной въ Разрядъ, прямо заявили, что Ртищевы ихъ «однородцы»[314]. И такъ, очевидно, что Θедоръ Михайловичь Ртищевъ былъ своимъ человѣкомъ у Шереметевыхъ. Вотъ почему Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, когда Иннокентій Гизель продолжалъ, черезъ своихъ посланцевъ, преслѣдовать его и въ Москвѣ требованіями имѣнія покойнаго Чирикова, а также выкупа его серебра и хвостовъ,—посовѣтовалъ ему наконецъ обратиться съ этимъ къ Ртищеву, чтобъ тотъ разсудилъ ихъ, такъ какъ былъ извѣстенъ неумолимою правдивостью въ дѣлахъ подобнаго рода. Извѣстно, какимъ довѣріемъ

[314] Архивъ Герольдіи: Книга рѣшен. дѣлъ 1801 г. № 76. л. 207.

и любовію пользовался Ртищевъ и у Малороссіянъ. По ихъ словамъ, записаннымъ, въ 1661 году, дьякомъ Иваномъ Песковымъ, окольничій Ѳедоръ Михайловичь Ртищевъ былъ «къ нимъ ласковъ, царю Алексѣю Михайловичу объ ихъ прошеньѣ всякую рѣчь доносилъ, посланцевъ ихъ заступалъ и что̀ имъ скажетъ, то все правдиво»[315]. Кромѣ того, самъ Гизель зналъ, что Ѳедоръ Михайловичь Ртищевъ, «сей христоподражательный мужъ, имѣ велію любовь ко святѣй и велицѣй лаврѣ Печерской, яже въ Кіевѣ, въ ню же и милостыню немалу творяше»[316].

Иннокентій Гизель поспѣшилъ воспользоваться совѣтомъ Петра Васильевича Шереметева. Онъ поручилъ своему довѣренному въ Москвѣ, «отдать листъ его милости господину Ртищеву и бити челомъ объ отвѣтѣ о хвостахъ собольихъ и о серебрѣ Чирикова, заложенныхъ въ лаврѣ Шереметевымъ въ трехстахъ рубляхъ, чтобъ либо самъ господинъ Ртищевъ выкупилъ или сродникамъ Чирикова приказалъ выкупить то серебро и хвосты».

---

[315] Акты южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. столб. 333.

[316] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. V. Спб. 1774. стр. 42.

Но Гизель, и послѣ того, какъ Петръ Васильевичь Шереметевъ «указалъ ему путь къ Ртищеву», не оставлялъ его въ покоѣ. Тому же повѣренному онъ писалъ: «О нашихъ дѣлехъ листъ нашъ посылаемъ и къ господину Петру Васильевичу Шереметеву, который то серебро Чирикова оставилъ у насъ и указалъ путь къ господину Ртищеву; и о семъ ему бити челомъ, чтобъ вспомогательство учинилъ, чтобъ то серебро отъ насъ выкупили и чтобъ весь вкладъ къ намъ Чирикова отдали сродники его. А буде нашъ листъ господина Шереметева въ Москвѣ не застанетъ, и тотъ листъ оставить у него во дворѣ, на Москвѣ; а буде застанетъ, бить челомъ, чтобъ отписалъ. О томъ же посылаемъ листъ къ самой Чириковой, женѣ покойнаго, имя ея и отчество написать сверху на листу. А буде не похотятъ вскорѣ выкупить того серебра Чирикова, чтобъ вѣсно учинили, что̀ намъ съ тѣмъ серебромъ творити и съ хвостами? И буде намъ отдадутъ, и въ какомъ числѣ, совершеннаго отвѣта и отписи просити у Чириковы жены, и у господина Шереметева, и у господина Ртищева. Только лутче бы мы взяли деньги, потому что нуж-

ны намъ; потребны деньги, а не серебро и хвосты»[317].

Чѣмъ кончилось дѣло, не знаемъ. Можно быть увѣреннымъ, что Ртищевъ уладилъ все къ обоюдному удовольствію и выгодѣ. Извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ, этотъ удивительный человѣкъ не жалѣлъ и собственныхъ средствъ лишь бы только помирить тяжущихся. А средствъ у Ртищева было достаточно. Онъ слылъ весьма крупнымъ землевладѣльцемъ. Всѣ вотчины онъ завѣщалъ потомъ своей единственной дочери, Акилинѣ Ѳедоровнѣ, и зятю, князю Василью Ѳедоровичу Одоевскому.

Въ то время, какъ Ртищевъ, волей-неволей, долженъ былъ улаживать несогласія, возникшія у вдовы Чириковой съ архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, родной дядя его зятя, князя Василья Ѳедоровича Одоевскаго, бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій былъ озабоченъ богоугоднымъ дѣломъ построенія новой церкви въ своемъ селѣ Марковѣ. Вскорѣ послѣ кончины царевича Алексѣя Алексѣевича, князь Яковъ Никитичъ

[317] Акты южной и западной Россіи. Т. IX. Спб. 1877. № 21. столб. 83—86.

обратился къ патріарху Іоасафу съ челобитною о разрѣшеніи построить въ доставшемся ему отъ Ѳедора Ивановича Шереметева селѣ Марковѣ, Московскаго уѣзда[318], новую каменную церковь, вмѣсто сгорѣвшей деревянной. Въ челобитной князя Одоевскаго сказано: «Въ прошломъ во 173 (1664—65) году, въ Московскомъ уѣздѣ, въ селѣ Марковѣ, церковь деревянная, во имя Пречистые Богородицы Казанскіе да въ придѣлехъ Іоанна Предтечи да Николая Чюдотворца да святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба да преподобнаго отца Макарія Желтоводскаго Чюдотворца, волею Божіею згорѣли. И нынѣ язъ обѣщался въ той своей вотчинѣ, въ селѣ Марковѣ, подлѣ старого церковного мѣста, построить вновь каменную церковь во имя тѣ жъ престолы, и ему бы, великому государю, святѣйшему патріарху, его пожаловать, благословить велѣть ему на тоѣ каменную церковь и на придѣлы камень и кирпичь и известь и песокъ и на связи желѣзо и на сваи и на подвязи лѣсъ готовить и рвы копать; и

[318] По нынѣшнему административному дѣленію, село Марково состоитъ въ Бронницкомъ уѣздѣ, Московской губерніи. Оно находится на рѣкѣ Москвѣ, верстахъ въ пяти отъ города Бронницъ.

на тѣхъ каменныхъ запасехъ построить церковь во имя Пречистые Богородицы Казанскіе да въ предѣлехъ (названы тѣ же святые) и антиминсы дать».

Патріархъ Іоасафъ, храмозданною грамотою, подписанною, въ Москвѣ, 30-мъ числомъ марта 7178 (1670) года, разрѣшилъ князю Якову Никитичу Одоевскому, въ селѣ Марковѣ, подлѣ стараго церковнаго мѣста, построить новую каменную церковь, во имя Казанской Божіей Матери съ четырьмя вышеназванными придѣлами, но съ тѣмъ, чтобы эти придѣлы были построены «по сторонь тоѣ церкви особою статьею, чтобъ придѣльные двери были въ паперть и входъ въ придѣлы былъ изъ паперти; а изъ церкви бъ въ придѣлы входу не было. А верхи бъ на той церкви и на придѣлехъ были бъ не шатровые; и олтари здѣлать круглые, тройные. А въ церкви бъ было шесть столповъ или четыре, тѣмъ образомъ, какъ въ Кремлѣ-городѣ соборная церковь Успенія Пречистые Богородицы или соборъ Архангела Михаила. А въ церкви бъ и въ придѣлехъ, въ олтарныхъ стѣнахъ, по среди, были бъ царскіе двери, а по правую ихъ сторону — южныя,

а по лѣвую—сѣверныя. А подлѣ царскихъ дверей, по правую сторону, межъ южныхъ, вначалѣ поставить образъ Всемилостиваго Спаса, а подлѣ Спасова образа поставить образъ настоящаго того святого храма; а по лѣвую сторону царскихъ дверей, межъ сѣверныхъ, вначалѣ поставить образъ Пречистые Богородицы и иные образы, по чину»[319].

Какъ извѣстно, село Марково, поступившее послѣ смерти боярина Ѳедора Ивановича Шереметева къ князьямъ Одоевскимъ, перешло потомъ къ князьямъ Черкасскимъ и за тѣмъ возвратилось въ родъ Шереметевыхъ, какъ приданое графини Варвары Алексѣевны Шереметевой, рожденной княжны Черкасской. Это изстари насиженное гнѣздо многихъ поколѣній названныхъ фамилій, нѣкогда славилось своею усадьбою, еще существовавшею въ началѣ нашего столѣтія[320].

---

[319] Съ подлинной грамоты, хранящейся въ Архивѣ графа С. Д. Шереметева, подъ № 212. Она писана на трехъ склеенныхъ листахъ. Внизу небольшой остатокъ красновосковой патріаршей печати (благословляющая рука). На оборотѣ, на склейкахъ, подпись: Дьякъ Перфилей Сѣменниковъ. Въ самомъ низу: Справилъ Ілюшко Ветошкинъ.

[320] Графъ С. Д. Шереметевъ. Отголоски XVIII вѣка: село Марково. М. 1896. стр. 1 (Отдѣльный оттискъ изъ майской книжки журнала „Природа и Охота“).

Донынѣ сохранилась лишь Марковская церковь, представляющая дѣйствительно замѣчательный памятникъ Русскаго зодчества XVII вѣка. И до настоящаго времени храмъ сей привлекаетъ вниманіе путешественника своимъ чуднымъ внѣшнимъ видомъ.

ГЛАВА XV.

Припомнимъ, что въ Крыму, вопросъ объ отпускѣ боярина Василья Борисовича Шереметева былъ почти уже совсѣмъ рѣшенъ и что ему, впредь до присылки на Валуйки окупныхъ денегъ за него, въ размѣрѣ 60.000 ефимковъ, предоставлено было жить въ Козловѣ, нынѣшней Евпаторіи[321]. Ожидали только возвращенія изъ Москвы ханскаго посла Шахтемира-аталыка, отправленнаго туда «для договору о мирномъ утвержені». Мы знаемъ, что Шахтемиръ прибылъ въ Москву 28 апрѣля 1669 года, и весьма не въ пору. Въ то время, начальникъ Посольскаго приказа Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ былъ занятъ исключительно Польскими дѣлами. Онъ находился въ мѣстечкѣ

[321] См. выше, стран. 170.

Мигновичахъ, на съѣздѣ съ Польскими комиссарами, и когда ему дали знать о пріѣздѣ Крымскаго посла, для великихъ дѣлъ, отвѣтилъ: Съ Крымскимъ де посломъ надобно договориться накрѣпко, чтобъ впредь, на общемъ съѣздѣ въ Украйнѣ или на Валуйкахъ, быть государевымъ, Польскимъ и Крымскимъ посламъ вмѣстѣ, и общимъ совѣтомъ миръ заключить[322]. Шахтемиръ-аталыкъ остался въ Москвѣ, въ терпѣливомъ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени для исполненія возложеннаго на него порученія.

Между тѣмъ, въ Крыму, подобные случаи задержки ханскихъ пословъ въ Москвѣ или на дорогѣ, прежде всего отзывались на несчастномъ узникѣ боярынѣ Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ. Его опять перевели изъ Козлова въ мрачный Жидовскій городокъ. 15 мая 1670 года, ближній человѣкъ Кадыскеръ-ага, по приказанію хана Аадиль-Гирея, вызвалъ къ себѣ Шереметева. Въ тотъ же день, Василья Борисовича, по его выраженію, «волочили» изъ Жидовскаго городка къ Кадыскеръ-агѣ. Онъ засталъ у послѣдняго вновь приведеннаго въ Крымъ плѣнника, юнаго

[322] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. столб. 391.

стольника князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго и подьячаго Гаврилу Михайлова. «Въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1669 года,—началъ говорить Шереметеву Кадыскеръ-ага,—Аадильгиреево царево величество писалъ къ великому государю съ посломъ своимъ Шахтемиръ-аталыкомъ о дружбѣ и любви. По се время, уже годъ и два мѣсяца минуло, Шахтемиръ назадъ еще не бывалъ. Какая тому причина,—невѣдомо. Задержался ли посолъ въ дорогѣ и до Москвы не дошелъ; или же и былъ въ Москвѣ и оттуда отпущенъ, но въ дорожномъ проѣздѣ, можетъ быть что̀ учинилось надъ нимъ»? Шереметевъ, разумѣется, ничего не могъ отвѣтить на это. «Царь Аадиль-Гирей—продолжалъ Кадыскеръ-ага—и нынѣ, желая быть съ великимъ государемъ въ братской дружбѣ и любви, наскоро посылаетъ къ нему новаго гонца съ грамотою, уже изготовленною. Въ ней повторяется то же, что́ писано съ аталыкомъ Шахтемиромъ. Кромѣ того, царево величество проситъ государя отпустить безъ задержанія и Шахтемира, и новаго гонца». Помолчавъ немного, ближній человѣкъ сказалъ Шереметеву: «Аадильгиреево царево величество давно

желаетъ быть съ великимъ государемъ въ дружбѣ и любви, и чтобъ онъ указалъ быть размѣнѣ и за тебя бъ, боярина, и за иныхъ плѣнныхъ прислалъ окупъ; а взятыхъ Татаръ приказалъ бы прислать на размѣну, на Валуйки. Все, что̀ слышишь отъ меня, напиши государю и отписку отправь съ своимъ человѣкомъ. Напиши также и то, что царь Аадиль-Гирей и царевичи, калга да нурадинъ, и рать ихъ давно готова идти войною на города великого государя, только де походъ свой нынѣ отставили и рать задержали не на большое время, мѣсяца на три, въ ожиданіи возвращенія обоихъ посланцевъ, прежняго и нынѣшняго, съ чѣмъ они прибудутъ отъ великого государя». Въ заключеніе, Кадыскеръ-ага сказалъ Шереметеву: «Царь Аадиль-Гирей также приказалъ тебѣ отписать къ великому государю, чтобъ онъ, для братской дружбы и любви, изволилъ прислать ему своей, великого государя, потѣхи, въ запросъ, а не въ окладъ, три кречета да ястребовъ, сколько изволитъ».

Весь разговоръ ближняго человѣка Кадыскеръ-аги, Василій Борисовичь изложилъ въ своей новой отпискѣ къ государю, присово-

купивъ, для свѣдѣнія, слѣдующее: «А что ты, великій государь, изволилъ послать къ Турскому салтану своей, великого государя, потѣхи птицы, съ кречетникомъ Даниломъ Григорьевымъ, и тѣ птицы принялъ у Данилы Азовской паша, и паша прислалъ семь птицъ въ Крымъ, къ Аадиль-Гирею царю, а Аадиль-Гирей послалъ тѣ птицы къ Турскому салтану, въ декабрѣ мѣсяцѣ, съ своими людьми». Отписка Шереметева оканчивается обычными мольбами: «Да милости прошу у тебя, праведного и милосердого великого государя, умилосердись, государь, помилуй убогова и безсемейного и плѣнного нужетерпца давняго, какъ тебѣ, великому государю, Богъ извѣститъ обо мнѣ, убогомъ плѣнномъ холопѣ твоемъ. А окромѣ Бога и тебя, милосердого великого государя, помочь отъ бѣдъ моихъ и изъ неволи увольнить некому и въ свободѣ изъ неволи моей все упованіе и надежа моя на Бога и на тебя, великого государя, милосердаго»!

Вновь посланный ханскій гонецъ Маметъ-имельдешъ неоднократно бывалъ въ Москвѣ еще при ханѣ Мухаммедъ-Гиреѣ. Съ Маметемъ отпущенъ былъ въ Москву и человѣкъ

Шереметева Василій Масловъ съ отпискою своего господина[323].

Отправка въ Москву новаго ханскаго гонца оказалась излишнею. Маметъ-имельдешъ, а съ нимъ и человѣкъ Шереметева Василій Масловъ, прибыли туда 22 іюня 1670 года, а наканунѣ этого дня, именно 21 іюня, пріѣхали въ Крымъ, къ хану Аадиль-Гирею, государевы посланники Василій Елчинъ да подьячій Яковъ Черицовъ, вмѣстѣ съ давно ожидаемымъ тамъ посломъ ханскимъ Шахтемиромъ-аталыкомъ.

Ханъ Аадиль-Гирей напрасно тревожился относительно Шахтемира. Онъ спокойно проживалъ въ Москвѣ, пока начальникъ Посольскаго приказа Ординъ-Нащокинъ не покончилъ съ Польскими дѣлами. Очередь дошла наконецъ и до Крымскихъ дѣлъ. 27 апрѣля 1670 года, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, съ нашей стороны—самого Аѳанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина, думныхъ дьяковъ Герасима Семеновича Дохтурова да Лукьяна Тимоѳеевича Голосова и дьяка Ефима Родіоновича Юрьева, а съ Татарской стороны—

[323] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1670 г. Связка 58ª. № 1.

посла Шахтемира-аталыка и проживавшаго въ Москвѣ съ 1667 года гонца Сеферъ-аги[324], —учиненъ былъ договоръ на томъ, что великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и наслѣдникамъ его, съ Аадиль-Гиреемъ царемъ и впредь будущими ханами, быть въ братской крѣпкой дружбѣ и любви, отъ нынѣшняго дня (27 апрѣля 1670 года) и впредь на вѣки неподвижно. Ханъ Аадиль-Гирей обязывался въ грамотахъ своихъ къ великому государю писать его царскаго величества именованье и титлы сполна во всемъ, какъ онъ, великій государь, въ своихъ грамотахъ, самъ себя описуетъ. По договору, хану Аадиль-Гирею и царевичамъ положено взять великаго государя любительные поминки, а хановымъ ближнимъ людямъ жалованіе, на прошлые три года; затѣмъ, впредь казну посылать въ Крымъ «по вся годы, по росписи». Такое обязательство, весьма унизительное для достоинства Московскаго государства, едва-ли не впервые включалось нынѣ въ шертную запись. Эта обязательная присылка казны имѣла всѣ

[324] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. стр. 518.

признаки дани, въ родѣ той, которую даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нѣкоторыя Европейскія государства платили Варварійскимъ владѣтелямъ[325]. Окупъ за боярина Василья Борисовича Шереметева установленъ въ «60.000 ефимковъ или золотыми червонными, въ тожъ число, золотой за два ефимка». Въ договорѣ, съ нашей стороны, по этому пункту заявлено: «Тотъ окупъ, шестьдесятъ тысячь ефимковъ или, по счету, золотые, и казна за три года по договору, у насъ, на Москвѣ, смотрѣна». То-есть, что вся означенная сумма приготовлена и провѣрена. Далѣе, въ договорѣ читаемъ: «И соверша, дастъ Богъ, въ Крыму, Аадильгиреево царево величество шертовальную грамоту, которая будетъ прислана съ обоими послы, боярина Василья Борисовича, со всѣмъ полономъ, сколько въ Крыму и въ улусахъ сыщется, всѣхъ отпустить; а изъ царства Московского также всѣ отпущены будутъ, и противъ Крымского и Нагайского полону въ Валуйки къ отдачѣ и къ размѣнѣ безъ проволоки приведутъ».

---

[325] Лохвицкій. О плѣнныхъ по древнему Русскому праву (XV, XVI и XVII вѣка). М. 1855. стр. 22 и 24.

Крымскіе послы, на точномъ основаніи договора, написали шертную запись и присягнули на коранѣ, что ханъ Аадиль-Гирей, царевичи и ближніе люди подкрѣпятъ сами, что̀ въ той записи по договору писано, на коранѣ же шерть учинятъ, при государевыхъ посланникахъ и пришлютъ съ послѣдними шертную запись, за золотою печатью, безъ задержанія[326].

Посланники царя Алексѣя Михайловича, Василій Елчинъ и подьячій Яковъ Чернцовъ, привезли съ собою въ Крымъ, кромѣ государевыхъ грамотъ, легкіе поминки самому хану Аадиль-Гирею и жалованіе его ближнимъ людямъ.

При первомъ же представленіи, посланникъ Василій Елчинъ, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, объявилъ хану Аадиль-Гирею, всѣмъ карачеямъ и ближнимъ людямъ, что царское величество пожаловалъ боярина Василья Борисовича Шереметева, указалъ послать на Валуйки окупъ за него, «изъ своей государской казны шестьдесятъ тысячь ефимковъ, а не ефимки, ино

[326] Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 469.

золотыхъ червонныхъ тридцать тысячь» и что окупъ сей «готовъ сполна по договору». Все это прописано было и въ царской грамотѣ къ хану[327].

Елчинъ привезъ съ собою также милостивую грамоту государя и на имя Василья Борисовича Шереметева. Послѣдняго весьма удивило и огорчило, что грамоту эту Елчинъ вручилъ ему не лично, а черезъ прибывшаго съ нимъ изъ Москвы толмача Полуехта Кучумова, тогда какъ прежде грамоты великаго государя приваживали и подавали ему непремѣнно сами посланники. Не менѣе удивило Василья Борисовича, что вслѣдъ за симъ, Василій Елчинъ и Яковъ Чернцовъ упросили ближнихъ людей, чтобъ его перевели изъ Жидовскаго городка къ нимъ, «въ Армянскую слободу», увѣряя, что они будутъ порукою въ окупѣ его, боярина. Шереметеву данъ былъ и дворъ, подлѣ посланниковъ.

Привезенная Елчинымъ грамота царя Алексѣя Михайловича была отвѣтомъ на отписку Василья Борисовича, посланную имъ еще въ

[327] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1670—73. № 51. л. 498—510.

мартѣ прошлаго 1669 года, съ жильцомъ Кузьмою Коржавинымъ[328]. Государь, поставляя Шереметева въ извѣстность, что Крымскіе послы и Московскіе думные люди учинили договоръ объ окупѣ его, боярина, писалъ въ той грамотѣ: «Съ нынѣшнимъ посломъ аталыкомъ, написали мы въ Крымъ, чтобъ на знакъ нашей государской дружбы, съ посланники нашими, великого государя, съ Васильемъ Елчинымъ съ товарищи, до размѣны пословъ и до отпуску съ обѣихъ сторонъ полону, тебя бъ, боярина нашего, и стольника князя Андрея Ромодановского отпустили. И вамъ бы, вѣдая о томъ, всякимъ способомъ домогаться своего отпуску къ подвижности утвержденного миру, а окупу къ прежнему не прилагая и въ убытки не вступая. Такожъ и весь полонъ, отъ нынѣшняго времени, никто бъ за себя окупу не сулилъ: всѣмъ размѣна общая. И тебѣ, боярину, имѣть упованіе на Всемогущаго Бога и на заступленіе Пречистыя Богородицы; а наша государская милость всегда непремѣнна къ тебѣ, боярину. А которыхъ полоняниковъ привезъ къ намъ, великому государю, къ Москвѣ, Шах-

[328] См. выше, стр. 171.

темиръ-аталыкъ, и по нашему, великого государя, указу изъ нашей, великого государя, казны данъ окупъ за нихъ Шахтемиръ-аталыку сполна и кабалы на полоняниковъ взяты у него».

И такъ, ясно было одно, что окупъ за Шереметева не былъ присланъ и на сей разъ. Для него оставалась единственная надежда на поруку посланниковъ. Василій Елчинъ и Яковъ Чернцовъ прямо и сказали ближнимъ людямъ, что они будутъ порукою въ окупѣ Шереметева. Но Василій Борисовичь имѣлъ нѣкоторыя основанія усумниться въ искренности такого заявленія. И онъ, къ сожалѣнію, не ошибся. «Тѣ слова Васильевы и Яковлевы ближнимъ людямъ, — писалъ потомъ Василій Борисовичь, — не къ увольненію мнѣ стали, но къ пущей бѣдѣ моей и къ пагубѣ». Однако, мы заходимъ впередъ.

По словамъ посланниковъ Елчина и Чернцова, ханъ Аадиль-Гирей и царевичи приняли «съ любовію», представленныя ими государевы грамоты и поминки. Сейчасъ же начались у нихъ съѣзды съ ближнимъ человѣкомъ Кадыскеръ-агой и карачеями. Ближній человѣкъ и размѣнный князь Маметша Суле-

шевъ объявили Василью Борисовичу Шереметеву, чтобъ въ то время, когда ханъ Аадиль-Гирей учнетъ предъ государевыми посланниками шертовать на коранѣ, онъ, бояринъ, тутъ же присутствовалъ бы, вмѣстѣ съ переводчикомъ Кутлу-Маметъ-Устькосимовымъ. Такова де воля самого хана. Шереметева безпрестанно вызывали и на съѣзды нашихъ посланниковъ съ хановыми ближними людьми. «А какъ Василій Елчинъ съ товарищи—писалъ Василій Борисовичь Шереметевъ государю—съѣзжалися съ ближними людьми и говорили о великого государя дѣлехъ, и меня волочили жъ къ ближнему человѣку Кадыскеръ-агѣ. И я о томъ говорилъ, что мнѣ, вязню, быть въ то время у него и говорить о посольскихъ дѣлехъ не пристоитъ; и меня волочили по-неволѣ. А и напредъ сего, какъ присылываны были отъ тебя, великого государя, посланники въ Крымъ, къ Мухаммедъ-Гирею и къ Аадиль-Гирею, и меня волачивали жъ неволею и въ кайдалахъ».

Татары завели съ нашими посланниками безконечные споры о государскомъ именованіѣ и о титлахъ. Они «много и упорно» стояли на томъ, чтобы въ шертной и любитель-

ной грамотахъ, государево именованіе писать противъ прежняго, какъ писывали прежніе ханы. Спрошенный по этому дѣлу Василій Борисовичъ Шереметевъ рѣшительно объявилъ Кадыскеръ-агѣ, чтобы онъ, служа великому государю, говорилъ хану Аадиль-Гирею и карачеямъ, писать въ грамотахъ именованіе великаго государя и титлы совершенно такъ, какъ государь самъ «описуетъ» въ своихъ государскихъ грамотахъ и какъ написано въ присланной съ Елчинымъ шертной грамотѣ. «Послужу государю, — сказалъ Кадыскеръ-ага, — но чтобы и государь пожаловалъ, велѣлъ дать за службу, мнѣ — шубу соболью, тестю моему Али-агѣ и двумъ братьямъ его — по шубѣ бѣльей хребтовой, а язычею моему Инкиримъ-Челибею — шубу бѣлью жъ черевью. Велитъ государь дать свое жалованіе тѣ шубы, я и впредь за милость великого государя служить ему буду». Ближнему человѣку объяснили, что какъ посланники будутъ у великаго государя и извѣстятъ про его службу, и великій государь пожалуетъ его, Кадыскеръ-агу, велитъ дать шубы ему самому, тестю и братьямъ его. Но Кадыскеръ настаивалъ, чтобъ ему дано было въ томъ пись-

менное удостовѣреніе. «И въ тѣхъ шубахъ— пишетъ Василій Борисовичь Шереметевъ,— посланники дали Кадыскеру письмо за печатьми своими, да и мое имянишко въ письмѣ своемъ посланники написали жъ, и печать мою, намаравъ чернилами, велѣлъ же Кадыскеръ приложить къ письму. А покамѣста въ шубахъ письма не дали, и по та мѣста великого государя именованіе и титлы въ грамотахъ написать не похотѣлъ».

Получивъ удостовѣрительное письмо, Кадыскеръ-ага пошелъ говорить хану, карачеямъ и ближнимъ людямъ о написаніи въ грамотахъ государева наименованія согласно тому, какъ требовали Шереметевъ и посланники. «И по его Кадыскеревымъ словамъ,—продолжаетъ Василій Борисовичь, въ отпискѣ своей къ государю,—ханъ писалъ къ тебѣ, великому государю, въ шертной и въ любительной грамотахъ твое, великого государя, именованіе и титлы, какъ тебѣ, великому государю, годно и какъ ты описуешь въ своихъ грамотахъ свое, великого государя, именованіе и титлы. И я, не повѣря Кадыскеръ-агѣ, велѣлъ смотрѣть въ грамотахъ переводчикамъ Кутлу-Маметъ-Устькосимову да Абду-

лу Байцину. И переводчики, смотря въ грамотахъ твое государское именованіе и титлы, сказали мнѣ, что именованіе и титлы написаны сполна».

Только что возвратился Василій Борисовичь въ Армянскую слободу, къ нему пришелъ отъ Кадыскеръ-аги язычей его Инкиримъ-Челибей, съ такою жалобою: «Въ прошломъ де году, ханъ Маметъ-Ширинъ отпустилъ на окупъ государевыхъ людей, одиннадцать человѣкъ, Тихона Кафтырева съ товарищи. И нынѣ Кафтыревъ, за себя и за товарищей своихъ, привезъ окупныя деньги на Терки. А какъ окупныя деньги съ Терекъ взяли, и въ окупныхъ серебреныхъ деньгахъ, въ мѣшкахъ, на исподи, положено мѣдныхъ денегъ двѣ тысячи сто рублевъ». Кадыскеръ поручилъ сказать Шереметеву, что напередъ сего такой неправды въ окупахъ николи не бывало и чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ про то сыскать и свой государевъ указъ учинить, чтобы такой неправды и обману нынѣ и впредь отъ полоняниковъ не было и къ ссорѣ бъ за то не привели».

Татары знали, что посланники Елчинъ и Черницовъ будутъ скоро отпущены и что Ше-

реметевъ, какъ это всегда бывало, готовилъ отписку къ государю, для отправки ее съ самими посланниками или съ человѣкомъ своимъ; а потому спѣшили къ нему съ своими нуждами и просьбами, для доклада государю. За язычеемъ Челибеемъ, къ Шереметеву пришелъ размѣнный князь Маметша Сулешевъ и сказалъ, что онъ, Маметша князь, служитъ великому государю, и чтобы царское величество, за службу его пожаловалъ, велѣлъ дать дѣтямъ его, Велишъ да Би мурзамъ, — по шубѣ; а онъ, Маметша, за то жалованіе и впредь будетъ служить великому государю.

Между тѣмъ, у посланниковъ государево дѣло шло своимъ порядкомъ. Послѣ того, какъ вопросъ объ именованіѣ государя и о титлахъ былъ разрѣшенъ, ближній человѣкъ Кадыскеръ-ага и карачеи приступили къ обсужденію самихъ статей присланнаго изъ Москвы договора. Долго спорили о казнѣ. Татары сперва просили казны на тринадцать лѣтъ, а на послѣднихъ отвѣтахъ, требовали казны только на четыре года, какъ Аадиль-Гирей учинился на Крымскомъ юртѣ. Но посланники наши, «въ тѣхъ прошедшихъ во всѣхъ лѣтехъ въ казнѣ отказали». Тѣмъ не менѣе,

дѣло наконецъ уладилось. Не условились еще только относительно дня, когда ханъ и царевичи должны были принести присягу на коранѣ. Тѣмъ временемъ занялись вопросомъ объ окупѣ Василья Борисовича Шереметева. Ханъ Аадиль-Гирей выразилъ полное согласіе, «въ знакъ государской дружбы», отпустить его съ посланниками Елчинымъ и Черцовымъ до размѣны пословъ и до отпуску съ обѣихъ сторонъ полону. Ничего не заявили противъ этого и хановы ближніе люди, такъ какъ они сами слышали отъ посланниковъ, что они будутъ порукою за Шереметева[329]. Но, къ несчастію, именно изъ-за этой поруки и стало все дѣло. Радость Василья Борисовича оказалась преждевременною.

---

[329] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1669—1672 г. № 49. л. 260—282.

ГЛАВА XVI.

На 28 іюля назначена была присяга или шерть на коранѣ. Уже назначенъ былъ и ханскій посолъ въ Москву, именно Мустафа-ага. Дня за три до присяги, хановы ближніе люди, по наущенію («по засылкѣ») посланника Елчина, объявили Василью Борисовичу Шереметеву, что онъ можетъ быть отпущенъ напередъ полону только тогда, когда посланники Василій Елчинъ и Яковъ Чернцовъ поручатся въ окупѣ за него. «А какъ тебя,—продолжали ближніе люди,—за порукою посланниковъ, отпустятъ, сами посланники должны остаться въ Крыму и поѣдутъ на размѣну вскорѣ послѣ тебя, вмѣстѣ съ размѣннымъ княземъ Маметшей Сулешевымъ».

Елчинъ, не взирая на многократныя просьбы Шереметева, отказалъ ему въ поручитель-

ствѣ, вслѣдствіе чего хановы ближніе люди не нашли возможнымъ отпустить его изъ Крыма. Послушаемъ, что̀ говоритъ обо всемъ этомъ самъ Василій Борисовичь. Въ отпискѣ къ царю Алексѣю Михайловичу онъ писалъ слѣдующее: «Аадиль-Гирей ханъ отпустилъ было меня къ тебѣ, великому государю, напередъ полону, съ посломъ своимъ съ Мустафою-агою, который посылается нынѣ къ тебѣ... И по грѣху моему, Богъ не изволилъ еще тому быть, чтобъ мнѣ нынѣ въ скоромъ времени свободиться изъ плѣну и твои, великого государя, очи и пресвѣтлое твое лице видѣть. Не повѣрили мнѣ ханъ и карачеи, не отпустили меня безъ поруки... Я, убогой холопъ твой и нужетерпецъ давной, надѣяся на премногую твою милость и видя въ твоей милостивой грамотѣ, что указалъ ты, великій государь, мнѣ домогаться всячески объ отпускѣ своемъ, посланникомъ Василью Елчину съ товарищи говорилъ и билъ имъ челомъ много о томъ, чтобъ они, по твоей милости, по мнѣ ручались и о томъ бы говорили ближнимъ людемъ, чтобъ меня отпустили напередъ, а они бъ послѣ моего отпуску ѣхали на размѣну съ размѣннымъ княземъ съ Мамет-

шею вмѣстѣ; а съ шертной бы грамоты послали къ тебѣ списокъ, чтобъ тебѣ извѣстно было дѣло ихъ и на чемъ ханъ шертовалъ; а и напередъ сего то бывало, что съ размѣннымъ княземъ вмѣстѣ ваши, великого государя, посланники на размѣну ѣзживали, которые посланники по договоромъ присылываны приводить хановъ къ шерти. Но посланники Василій Елчинъ съ товарищи любви своей христіянской мнѣ не показали и челобитья моего не послушали: порукою во мнѣ въ окупу моемъ быть не похотѣли, и меня изъ плѣну не свободили. И объ отпускѣ моемъ говорили посланники сами и переводчика Абдула Байцына говорить посылали, чтобъ меня напередъ ихъ не отпускали; а будетъ де отпустятъ меня напередъ ихъ, и они, вѣдая о томъ подлинно, говорятъ имъ, ближнимъ людямъ, и переводчикомъ приказываютъ, что ты, великій государь, не укажешь быть размѣнѣ и казны на три года и за меня окупъ дать не изволишь. И слыша то отъ посланниковъ, Аадиль-Гирей ханъ и карачеи и ближніе люди нынѣ впали въ мнѣнье большое и въ мысль великую и твоей, великого государя, грамотѣ не довѣриваютъ, ста-

вятъ въ обманъ, а мои слова въ ложь и не чаютъ они того, что и окупъ за меня будетъ. И нынѣ я отъ словъ Василья Елчина и Якова Чернцова погибаю и чаю всякого себѣ дурна отъ мнѣнія и отъ мысли бусурманской. По мнѣ Василій и Яковъ не ручались, а по иныхъ моей братьѣ, по многихъ плѣнныхъ, ручались и письма давали и за ихъ порукою съ ними нынѣ отпускаются многіе плѣнные на окупъ и на размѣну на Татаръ; а ты, великій государь, указалъ быть размѣнѣ общей на Валуйкахъ, а не розной, на Москвѣ. И, видя бусурманы, что на размѣну везутъ къ Москвѣ многихъ людей, я чаю, что на Валуйкахъ размѣнѣ быть и не похотятъ. А мы, которые остаемся въ Крыму, погибаемъ: тѣсноту большую и нужу великую и муку терпимъ... И я чаю, что Василій Елчинъ учинилъ надо мною не по-христіански, угождая и дружбу дѣлая тѣмъ, которые привезены въ Крымъ недавно, чтобъ имъ послѣ меня въ Крыму не остаться. Я, холопъ твой убогой, какъ въ неволѣ мучусь тому уже десять лѣтъ, а иные взяты и привезены недавно. И я неповиненъ за нихъ мучиться и умирать, а долженъ умирать за васъ, государей. Нынѣ я не отпущенъ по на-

говору Василья Елчина; а наговаривалъ, мстя недружбу мнѣ свояка своего ярославца Ѳедора Непоставова, что я взялъ его къ себѣ въ полкъ, въ Кіевъ, изъ Переславля, и отдалъ его изъ обозу своего подъ Чудновымъ въ аманаты нурадину Муратъ-Гирею, и онъ, Ѳедоръ, въ Крыму умре. И по той недружбѣ, окромѣ зла, ни малой помочи мнѣ Василій Елчинъ не учинилъ, только себя торгомъ обогатилъ; а про торгъ его извѣстно будетъ тебѣ отъ тѣхъ людей, которые нынѣ съ нимъ отпущены».

Одно время, товарищъ Елчина, подьячій Яковъ Чернцовъ, и переводчикъ Абдулъ Байцынъ, жалѣя Василья Борисовича Шереметева, выражали желаніе, быть въ его окупѣ порукою и остаться для него на нѣкоторое время въ Крыму, но это такъ раздражило Елчина, что они, «не хотя розни», въ концѣ концовъ вынуждены были также отказаться отъ поруки.

Кромѣ Елчина, у Шереметева, въ Крыму, оказался еще другой врагъ, весьма способствовавшій къ удержанію его въ плѣну. Опять-таки предоставимъ говорить объ этомъ самому Василью Борисовичу. «Былъ у меня—

пишетъ Шереметевъ — дѣтина Черкасскихъ городовъ, Мишкой звали, а жилъ онъ у меня, въ Крыму, девять лѣтъ; и не бояся Бога, въ прошломъ году, своровалъ: отъ вѣры Православной отступилъ,—бусурманился; а нынѣ онъ у хана живетъ, и по Татарски говорить гораздъ, и къ посланнику къ Василью Елчину приходитъ безпрестанно и даритъ его многими подарками; и котораго дня воръ Мишко будетъ у Василья, того жъ дня въ отпуску моемъ и помѣшка учинится».

Такимъ образомъ, не оставалось уже никакого сомнѣнія, что дѣло освобожденія Василья Борисовича Шереметева изъ плѣна разстроилось и снова откладывалось на неопредѣленное время.

28-го іюля, посланники Елчинъ и Черцовъ ѣздили въ Бахчисарай и тамъ, на царевѣ дворѣ, въ диванѣ, ханъ Аадиль-Гирей, съ нурадиномъ-царевичемъ Девлетъ Гиреемъ, передъ посланниками нашими, принесъ на коранѣ шерть, за себя, за князей, за карачеевъ, за мурзъ и за весь Крымскій улусъ, «о вѣчномъ докончаньѣ братскія дружбы и любви» съ его царскимъ величествомъ великимъ государемъ. Коранъ подносилъ хану и нура-

дину переводчикъ Абдулъ Байцынъ. Послѣ присяги, ханъ вручилъ посланникамъ шертную грамоту, съ золотою печатью, о томъ, что ему быть съ великимъ государемъ «въ вѣчной братской дружбѣ и любви на вѣки неподвижно, быть другу его—другомъ, недругу—недругомъ». За тѣмъ, Аадиль-Гирей, обратившись къ присутствовавшему, по его приказанію, на церемоніи боярину Василью Борисовичу Шереметеву, сказалъ ему черезъ другого переводчика Кутлу-Маметъ-Устькосимова, чтобъ написалъ великому государю, что онъ, ханъ, желая быть съ царскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви, на куранѣ шертовалъ предъ посланниками и шертную грамоту съ золотою печатью имъ отдалъ. Его жъ, боярина Шереметева, велю де отпустить изъ Крыма на размѣну въ то время, какъ отъ великого государя Крымскіе гонцы, прежній, Маметъ-имельдешъ, и нынѣ отправляемый въ Москву Мустафа-ага, отпущены будутъ въ Крымъ, безъ задержанія; а размѣнѣ быть до зимняго времени.

3 августа, посланники ѣздили въ Ахмечеть (нынѣшній Симферополь) и тѣмъ же порядкомъ привели тамъ къ шерти калгу

Крымъ-Гирея царевича. Елчинъ отправилъ впередъ себя въ Москву, съ приказаніемъ ѣхать «наспѣхъ, денно», толмача Полуехта Кучумова съ отпискою къ государю, въ которой подробно доносилъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія. «А боярина Василья Борисовича Шереметева,—писалъ въ своей отпискѣ Елчинъ,—съ нами не отпустили, а сказали намъ въ отвѣтехъ: отпустимъ де его на размѣну съ размѣннымъ княземъ». Понятно, что Елчину не было никакой охоты распространяться объ этомъ дѣлѣ и раскрывать свои козни противъ Шереметева, и онъ быстро переходитъ къ другому знатному плѣннику: «А про стольника князь Андрея Ромодановского намъ сказали: договоръ де о немъ будетъ, какъ они великого государя казну на три года и окупъ за боярина Василья Борисовича примутъ. А полонъ, который есть въ Крыму, въ улусехъ, привезенъ будетъ на размѣну, человѣкъ за человѣка; а что за размѣною будетъ въ остаткахъ, и тѣхъ безъ окупу никого не отпускаютъ. А размѣнѣ великій государь указалъ бы быть на нынѣшній на 178 (1670) годъ на Донцѣ, а не на Валуйкахъ, для того де,

что великого государя казна, съ окупомъ за боярина Василья Борисовича, будетъ у нихъ многая, и имъ де съ тою казною степью, съ Валуекъ, отъ воинскихъ людей иттить опасно. А впредь, государь, размѣнѣ быть, попрежнему, на Валуйкахъ. И намъ, холопемъ твоимъ, о томъ размѣнномъ мѣстѣ въ отвѣтехъ говорили многое время и затѣмъ задержали. И мы о размѣнномъ мѣстѣ договору не чинили и о томъ размѣнномъ мѣстѣ имъ отказали».

Вмѣстѣ съ толмачемъ Кучумовымъ поѣхалъ изъ Крыма также жилецъ Кузьма Коржавинъ, съ отпискою къ государю Василья Борисовича Шереметева, въ которой, какъ мы видѣли, достаточно выяснены злыя дѣянія Елчина, его жестокая мстительность по отношенію къ Шереметеву.

Отписка Василья Борисовича оканчивается такъ: «Милости прошу у тебя, великого, милосердого, праведного государя, пожалуй меня, безпомошного, погибающаго, плѣнного нужетерпца давняго! Взыщи душу мою грѣшную, вели, государь, окупить холопа своего, и, по милости своей, укажи послать окупъ за меня на Валуйки, вмѣстѣ съ посломъ Крым-

скимъ съ Мустафою-агою, чтобъ имовѣрно было хану, что по твоему, великого государя, указу, окупъ за меня привезенъ будетъ на Валуйки. Грѣхъ мой великъ, что нынѣ, напередъ размѣны и полону, не отпущенъ я къ тебѣ, великому государю, по засылкамъ непріятеля моего. А еслибы я отпущенъ былъ напередъ размѣны и полону и увидѣлъ твои очи и пресвѣтлое твое лице, и тебѣ бы, великому государю, годно извѣстно было про все».

Шереметевъ справедливо называлъ себя «давнимъ нужетерпцемъ». Умилительно, однако, видѣть, сколько любви къ ближнему, сколько горячаго чувства состраданія къ страждущимъ сохранилось въ его благородномъ сердцѣ. Шереметевъ, имѣвшій слишкомъ много причинъ ожесточиться противъ людей, какъ бы спѣшилъ дѣлать имъ добро и дѣлалъ его безъ оглядки каждому нуждавшемуся или прибѣгавшему къ его помощи. Такъ и въ нынѣшнемъ случаѣ, Василій Борисовичь много говорилъ ближнимъ людямъ и «всячески домогался», какъ бы за себя, объ отпускѣ изъ плѣна юнаго князя Ромодановскаго. Полоняникъ Михайло Головинъ давно посулилъ за свое освобожденіе тысячу зо-

лотыхъ червонныхъ, но денегъ взять было неоткуда. Шереметевъ поручился, что Головинъ отдастъ свой окупъ въ Москвѣ сполна, и онъ былъ уволенъ изъ Крыма[330]. За тѣмъ, два другихъ полоняника, именно стрѣльцы приказа Ивана Монастырева, Якушка Тюфяковъ да Мишка Калашниковъ, томившіеся въ плѣну около десяти лѣтъ и лишенные всякой возможности выкупиться, обратились за помощью къ Шереметеву. Тотъ назвалъ ихъ своими челядниками, и ханъ обоихъ отдалъ Василью Борисовичу; а онъ, снабдивъ ихъ отписками въ Москву, отпустилъ съ хановымъ посломъ Мустафой-агой безъ окупа и безъ размѣны[331].

Изъ документовъ не видно, когда именно выѣхали изъ Крыма посланники Василій Елчинъ съ товарищемъ. Знаемъ только, что въ Валуйки они пришли 22 августа. Съ посланниками слѣдовалъ Крымскій посолъ Мустафа-ага съ тремя товарищами, со свитой въ 25 человѣкъ и 76-ю Русскими плѣнными, въ числѣ которыхъ были и вышеупомянутые

---

[330] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1669—1672 г. № 49 л. 260—282.

[331] Тамъ-же, Крымскія дѣла 1670 г. связка 58[а]. № 1.

Головинъ, Тюфяковъ и Калашниковъ, обязанные своимъ освобожденіемъ Василью Борисовичу Шереметеву. Мустафа-ага велъ съ собою, въ подарокъ царю Алексѣю Михайловичу отъ хана, гнѣдого жеребца аргамачья, съ конскимъ нарядомъ. По прибытіи въ Валуйки, Елчинъ узналъ, что толмачъ Полуехтъ Кучумовъ выѣхалъ оттуда лишь наканунѣ, именно 21 августа. Въ степи же по дорогѣ изъ города Тора (нынѣшняго Славянска) въ Валуйки, посланники подобрали въ разныхъ мѣстахъ письма, которыя посланы съ Кучумовымъ къ воеводамъ попутныхъ городовъ, касательно заготовленія подводъ. «И мы—писалъ Елчинъ государю—опасны того, чтобъ онъ, Кучумовъ, которыми мѣрами не утерялъ въ степи и отписки нашей, которая послана съ нимъ къ тебѣ, великому государю, а потому написали новую и послали ее съ Крымскимъ полоняникомъ, рейтаромъ Ѳедоромъ Баранцовымъ, и велѣли ему ѣхать къ тебѣ, великому государю, наспѣхъ, день и ночь. А мы остались на Валуйкахъ для того, что въ степи за Валуйками, по Московской дорогѣ, межъ Оскола и Валуекъ, объявились многія Татаровя». То были передовые отряды

Крымцевъ. За ними шли въ Украйну главныя силы съ самимъ ханомъ. Извѣстно, что Дорошенко разошелся съ Портою изъ-за Острожской Коммиссіи, вслѣдствіе чего, султанъ, по проискамъ Ханенка, замѣстившаго Суховея въ Запорогахъ, приказалъ хану «воевать» Дорошенка. По донесенію Василья Борисовича Шереметева, отъ 29 іюля, султанъ уже прислалъ хану «саблю и кафтанъ Турской»[332], что̀ было обычнымъ знакомъ выступленія Крымцевъ въ походъ. Въ Москвѣ знали объ этомъ еще раньше донесенія Шереметева. 20 августа, когда отписка Василья Борисовича еще не дошла туда, въ Воронежъ, къ тамошнему воеводѣ Василью Епифановичу Уварову, посланъ былъ государевъ указъ, чтобъ онъ «всякими мѣрами провѣдывалъ, не учинилось ли надъ посланники и гонцы чего злого отъ Татаръ въ дорогѣ изъ Крыма въ Москву, а что̀ провѣдаетъ, о томъ писалъ бы къ великому государю наскоро, съ нарошными гонцы, на заводныхъ подводахъ[333].

Но, кромѣ Татаръ, «страхъ проѣзду въ

---

[332] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1669—1672 гг. № 49. л. 260—282.

[333] Тамъ-же.

степи былъ и отъ воровскихъ людей». Украйну, истерзанную своею долголѣтнею домашнею Смутою, теперь волновали еще темные слухи о недавно скончавшемся царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ, о бывшемъ патріархѣ Никонѣ... Оба эти имени связывали съ именемъ Стеньки Разина. Этотъ свирѣпый разбойникъ, натѣшившись въ-волю на Каспійскомъ морѣ, въ-конецъ разграбивъ оба его берега, теперь, послѣ долгаго отсутствія, снова появился въ Поволжскомъ краѣ, наводя на всѣхъ ужасъ своими невѣроятными злодѣяніями. Странное дѣло, сей извергъ рода человѣческаго, изумлявшій современниковъ жестокосердіемъ и лютостію, своею внѣшностью производилъ какъ будто бы благопріятное впечатлѣніе. Извѣстный путешественникъ, Голландецъ Стрюсъ, самолично видѣвшій Стеньку Разина, говоритъ, что «его наружность была величественная, осанка благородная, а выраженіе лица гордое; росту высокаго, лицо рябоватое». По словамъ Стрюйса, Разинъ обладалъ способностью внушать страхъ и вмѣстѣ любовь; что̀ бы ни приказалъ онъ, исполнялось безпрекословно и безропотно. Приближаясь къ

какому-нибудь населенному мѣсту, онъ обыкновенно посылалъ сказать жителямъ, чтобъ они не боялись, такъ какъ идетъ не обижать ихъ, а сдѣлать кое-какія покупки, необходимыя для его рати. Успокоивъ и обольстивъ такимъ образомъ мирныхъ жителей, Стенька спокойно ходилъ между ними, высматривалъ, съ обаятельною любезностію разговаривалъ съ каждымъ, а чтобъ окончательно уничтожить всякое подозрѣніе, покупалъ самъ и заставлялъ своихъ покупать различные припасы и товары, за которые приказывалъ давать хорошую плату. Но вотъ, злодѣй, которому, конечно, совершенно чужды были честь и великодушіе, слегка поправлялъ шапку на головѣ. Его голыдьба хорошо знала этотъ условный знакъ: она мигомъ бросалась на несчастныхъ, безъ всякаго милосердія избивала ихъ и уносила съ собою все ихъ достояніе[334].

Стенька Разинъ распускалъ молву, что идетъ освобождать крестьянъ отъ помѣщиковъ и водворять правду въ судахъ; что царь Алексѣй Михайловичь будто бы ищетъ «помириться съ нимъ», на что́ де и онъ, Стень-

[334] Русскій Архивъ. 1888 г. I. стр. 89 и 90.

ка, склоненъ, но съ тѣмъ, чтобъ царское величество призналъ его царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ и указалъ бы отпустить ему изъ царской казны тридцать бочекъ золота[335]. Разинъ увѣрялъ всѣхъ и распускалъ «прелестныя письма» о томъ, что царевичъ Алексѣй Алексѣевичь не умеръ, а бѣжалъ отъ суровости своего отца и отъ преслѣдованій бояръ, что нынѣ онъ находится у него, Разина, вмѣстѣ съ низверженнымъ патріархомъ Никономъ. Въ разбойничьей флотиліи Стеньки Разина, плывшей вверхъ по Волгѣ, обращали на себя особенное вниманіе два струга: одинъ былъ обитъ краснымъ сукномъ, другой—чернымъ. По словамъ Стеньки и его сообщниковъ, въ первомъ стругѣ сидѣлъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичь, а во второмъ —Никонъ. «Малоумные люди—показывалъ Керенскій воевода Безобразовъ—все то ставили въ правду и оттого была пущая бѣда и поколебаніе въ людяхъ»[336]. Да и не одни только малоумные, простые люди вѣрили не-

---

[335] А. Поповъ. Исторія возмущенія Стеньки Разина. М. 1857. (отдѣльн. оттискъ изъ «Русской Бесѣды» 1857 г. № 1 и 2). стр. 81. примѣч. 27.

[336] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. столб. 314.

лѣпымъ розсказнямъ пьяныхъ бунтовщиковъ. Доказательствомъ этому можетъ служить случай, бывшій въ Веневѣ. Тамошній стрѣлецкій голова Трофимъ Мезенцовъ доносилъ государю, что 12 октября, въ часъ ночи, Веневскій воевода Дороѳей Сонцовъ, «велѣлъ бить въ сполошной колоколъ, а дьяку Приказной избы Сенькѣ Иконникову приказалъ читать всякихъ чиновъ людямъ отписку, что будто бы блаженныя памяти великій государь благовѣрный царевичъ и великій князь Алексѣй Алексѣевичь живъ, а Богоотметникъ, измѣнникъ Донской казакъ Стенька Разинъ съ товарищи всякихъ чиновъ людей приводитъ крестъ цѣловать царевичу Алексѣю Алексѣевичу и бывшему патріарху Никону; и тѣмъ сполохомъ и вычитаніемъ отписки онъ, Дороѳей Сонцовъ, многихъ людей градскихъ и уѣздныхъ въ сомнѣніе и въ ярость и въ соблазнъ ввелъ. А кто тое прелестную отписку ему, Дороѳею, подалъ, и про то де онъ не скажетъ»[337].

---

[337] Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Записная книга Московскаго стола. № 17. л. 190 и 191.

ГЛАВА XVII.

Не будемъ входить въ извѣстныя всѣмъ подробности бунта Стеньки Разина, этой страшной грозы, «попущеніемъ Божіимъ» разразившейся надъ Московскимъ государствомъ, «за грѣхи православнаго христіанскаго Россійскаго народа». Къ осени 1670 года возмущеніе разлилось уже по всему юго-востоку государства. Орудіемъ Промысла Божія, избавившаго насъ отъ дальнѣйшаго распространенія бѣдствія, былъ памятный читателю, по отношеніямъ къ Василью Борисовичу Шереметеву въ Чудновскую катастрофу, стольникъ[338] князь Юрій Никитичъ Борятинскій, прапращуръ извѣстнаго фельдмаршала нашихъ дней князя Александра Ивановича Борятинскаго. Рѣшительная побѣда,

[338] Съ 7 февраля 1671 года бояринъ (Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 879).

одержанная княземъ Юрьемъ Никитичемъ Борятинскимъ надъ Стенькой Разинымъ, подъ Симбирскомъ, 3 октября 1670 года, имѣла громадное значеніе. Положительно можно сказать, что ею спасенъ былъ престолъ Московскаго царя. Екатерина Вторая, конечно, имѣла это въ виду, жалуя городу Симбирску, въ 1780 году, гербъ, съ изображеніемъ императорской короны, покоющейся на серебреномъ столбѣ.

Стенька Разинъ, въ-конецъ разбитый княземъ Борятинскимъ, воспользовавшись темнотою ночи, сѣлъ съ своими казаками на суда и тайкомъ уплылъ внизъ по Волгѣ. Его голова была изрублена саблей, а нога прострѣлена. Симбирское пораженіе погубило Стеньку Разина и все его дѣло, грозившее принять ужасающіе размѣры. До этого, въ народѣ называли Стеньку колдуномъ и чернокнижникомъ. Говорили, что его нельзя было взять никакимъ войскомъ, что отъ него отскакивали и пули, и ядра. Въ Москвѣ даже стали-было поговаривать, что Стенька Разинъ вовсе не воръ[339]... Висѣлица заставила при-

[339] Костомаровъ. Историческія монографіи. Т. II. Спб. 1863. стр. 319.

молкнуть вралей, а послѣдовавшая въ апрѣлѣ 1671 года, вскорѣ послѣ битвы подъ Симбирскомъ, поимка Разина и доставленіе его въ Москву самими же Донскими казаками, «которые обратились отъ злобы своихъ»,— положили конецъ толкамъ, которые и сами по себѣ надѣлали бы много бѣдъ.

6-го іюня, злодѣй былъ преданъ лютой казни. Замѣчательно, что слѣдственнаго дѣла о Стенькѣ Разинѣ не сохранилось, и до сихъ поръ никто не знаетъ, что̀ именно показывалъ онъ на допросахъ. Къ вящшему недоумѣнію, даже самый текстъ проклятія, обыкновенно возглашавшагося Стенькѣ Разину протодіакономъ Московскаго Успенскаго собора, въ недѣлю Православія, напечатанъ, въ 1775 году, у Новикова[340], въ искаженномъ видѣ, особенно въ самомъ концѣ, послѣ того, какъ Стенька Разинъ и его сообщники, приравненные къ Дафану и Авирону, предаются проклятію. Непосредственно за симъ, послѣ точки, читаемъ: «Вси еретицы анаѳема, вличившіи (?) еретика Гришки Розстриги воровство». Весьма странно видѣть это явное искаженіе текста,

[340] Древняя Россійская Вивліоѳика. Ч. VIII. Спб. 1775. стр. 121.

до полной безсмыслицы, именно въ такомъ мѣстѣ, которое прямо указываетъ на существованіе связи дѣла Разина съ Смутою начала столѣтія, вызванною извѣстнымъ Угличскимъ происшествіемъ... Замѣтимъ, что императрица Екатерина, въ письмѣ къ Броуну, прямо говорила, что самъ «Стенька Разинъ называлъ себя царемъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ» и что онъ посылалъ пословъ въ Персію[341]. Очевидно, что эти данныя взяты императрицей изъ документовъ, не находящихся въ общемъ обращеніи и доселѣ остающихся подъ спудомъ...

Какъ бы то ни было, Стенька Разинъ былъ казненъ; но, по пословицѣ, «щука то умерла, да зубы цѣлы», еще гуляли на свободѣ многочисленные пособники Разина и при томъ такіе, которые нисколько не уступали ему, ни въ кровожадности, ни въ дерзости замысловъ. Особенно опасны были два есаула Стенькины, Васька Усъ и Ѳедька Шелудякъ, его ближайшіе подручники. Оба разбойника съ своими шайками крѣпко сидѣли въ Астрахани. Правительству предстояло посчитаться еще и съ ними. И вотъ тутъ-то

[341] Осмнадцатый Вѣкъ. Кн. III. М. 1869. стр. 232.

опять довелось сослужить службу государству бывшему Кіевскому воеводѣ боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву.

Счастливый опытъ князя Борятинскаго показалъ, какое важное стратегическое значеніе имѣлъ городъ Симбирскъ. Расположенный на правомъ берегу Волги, на высокой горѣ, онъ былъ первымъ укрѣпленнымъ городомъ и исходнымъ пунктомъ на, такъ называемой, Чертѣ, устроенной правительствомъ царя Алексѣя Михайловича отъ Волги къ Сурѣ и далѣе къ прежде насыпанному Тамбовскому валу, для охраненія государства отъ набѣговъ Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. Черта шла отъ Симбирска на западъ, почти по прямой линіи. На ней устроены были городки: Юшанецъ, Тагай, Урень, Корсунь, Сурскъ, Тальскъ, Атемаръ, Потишекъ, Инсарскъ, Рамзай. Это были, такъ называемые, земляные городки, съ валомъ и рвомъ[342]. Прекратить возмущеніе на юго-востокѣ, возможно было лишь при условіи удержанія за собою Черты, главнымъ образомъ, ея опорнаго пункта, города Симбирска. Необходимо нуж-

[342] Ѳ. Ласковскій. Матеріалы для Исторіи Инженернаго Искусства въ Россіи. Ч. I. Спб. 1858. стр. 44, 45 и 140.

но было поручить его лицу, вполнѣ надежному, испытанному. Еще осенью 1670 года, вслѣдъ за побѣдой князя Борятинскаго, въ Симбирскъ назначили боярина Петра Васильевича Большого Шереметева, на мѣсто отозваннаго въ Москву боярина Ивана Богдановича Милославскаго[343], которому имѣли въ виду дать другое, не менѣе важное, назначеніе. Шереметевъ находился въ то время въ Казани, куда посланъ былъ въ маѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что въ Казанскомъ уѣздѣ, на этой сторонѣ Камы, а отъ Казани за Волгу, верстъ за десять, объявились измѣнники Башкиры и Калмыки[344]. Настоятельно требовалось удержать ихъ отъ соединенія съ скопищемъ Разина.

Симбирскъ заложенъ былъ лишь въ 1648 году. Мѣсто выбралъ окольничій Богданъ Матвѣевичь Хитрово. Онъ же и строилъ городъ. Въ 1670 году, тамъ былъ уже кремль четырехъ-угольной формы, обхватывавшій, на протяженіи 800 сажень, вѣнецъ, то-есть, вершину горы. Вокругъ горы расположился

---

[343] А. Поповъ. Исторія возмущенія Стеньки Разина. М. 1857. стр. 124.

[344] Тамъ-же, стр. 238—240.

посадъ, обведенный стѣною, рвомъ и валомъ; позади стѣны находился острогъ. Само собою разумѣется, все строеніе было деревянное.

Симбирскъ находился въ тѣсной связи съ Казанью, гдѣ, подъ начальствомъ князя Петра Семеновича Урусова, сосредоточивались войска, предназначенныя для дѣйствій противъ мятежниковъ. Въ Москвѣ были недовольны княземъ Урусовымъ, за его медлительность. Послѣ побѣды князя Борятинскаго, князь Урусовъ былъ отозванъ въ Москву, и на его мѣсто назначили престарѣлаго князя Юрья Алексѣевича Долгорукова[345], женатаго, съ 1670 года, вторымъ бракомъ, на вдовѣ стольника Ивана Васильевича Шереметева, Евдокіѣ Петровнѣ (родной внучкѣ знаменитаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго). Князя Долгорукова удержала въ Москвѣ болѣзнь жены, а затѣмъ и кончина ея, послѣдовавшая 11 марта 1671 года[346]. Весьма вѣроятно, что Петру Васильевичу Шереметеву, находившемуся, какъ мы видѣли, съ особымъ порученіемъ въ Казани и уже

---

[345] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Кн. III. стр. 320.

[346] Снегиревъ. Богоявленскій монастырь въ Москвѣ. М. 1864. стр. 55.

получившему назначеніе въ Симбирскъ, приказано было остаться въ Казани впредь до пріѣзда туда князя Долгорукова. Иначе трудно объяснить, почему Петръ Васильевичь, столь извѣстный точностію и аккуратностію, прибылъ въ Симбирскъ лишь позднею весною 1671 года. Можно было бы также предположить, что причиною такого промедленія было то, что онъ, какъ ближній человѣкъ, ѣздилъ изъ Казани въ Москву на торжество бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, совершившагося, какъ извѣстно, еще до поимки Стеньки Разина, именно 22 января 1671 года. Но въ спискахъ лицъ, участвовавшихъ въ свадебномъ обрядѣ и присутствовавшихъ при брачныхъ торжествахъ, имени Петра Васильевича Большого Шереметева не встрѣчается. Ясно, что его не было въ Москвѣ[347]. Кстати, о царской свадьбѣ. Ее отпраздновали безъ особенной пышности, безъ обычнаго веселья. Вѣдь Стенька Разинъ еще не былъ пойманъ. Слѣдовательно, до веселья ли было

---

[347] Въ боярскомъ спискѣ, противъ имени Петра Васильевича, на поляхъ, отмѣчено: «въ Казани» (Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Боярскіе списки 1670 г. № 5. л. 1 на обор.).

въ то страшное время, когда Москва со дня-на день съ трепетомъ ожидала появленія въ своихъ стѣнахъ полчищъ сего «чудовища, Домомъ изрыгнутаго»[348]. Достойно примѣчанія, что важнѣйшія свадебныя должности занимали все родственники Шереметевыхъ, князья Одоевскіе и Черкасскіе. Такъ, посаженымъ отцомъ былъ старѣйшій бояринъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, а посаженою матерью—его супруга боярыня Евдокія Ѳедоровна (рожденная Шереметева); ихъ сынъ бояринъ князь Яковъ Никитичь былъ старшимъ дружкой съ государевой стороны, а его супруга, княгиня Анна Михайловна, рожденная княжна Пронская (племянница мачихи боярина Василья Борисовича Шереметева, Ульяны Петровны),—свахой съ государевой стороны; князь Юрій Михайловичь Одоевскій былъ первымъ въ числѣ ближнихъ людей поѣзжанъ. Изъ князей Черкасскихъ, князю Григорью Сунчалеевичу (женатому на княжнѣ Прасковьѣ Никитишнѣ Одоевской) поручена была почетнѣйшая свадебная должность конюшаго, который

[348] Выраженіе Члена Академіи Павла Львова, въ его Похвальномъ словѣ царю Алексѣю Михайловичу. Спб. 1810. стр. 71.

обыкновенно подводилъ къ Красному крыльцу аргамака для государя; князь Михайло Яковлевичь (женатый тоже на Одоевской, княжнѣ Маѳѣ Яковлевнѣ), дѣдъ графини Варвары Алексѣевны Шереметевой, «сидѣлъ на государевѣ мѣстѣ»; а князь Михайло Алегуковичь былъ первымъ въ свадебномъ поѣздѣ стольникомъ. Собственно изъ Шереметевыхъ, принимали участіе въ свадебныхъ торжествахъ трое: Борисъ Петровичь, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Алегуковичемъ Черкасскимъ, находился въ поѣздѣ, въ числѣ стольниковъ; а Никита Ивановичь и Петръ Васильевичь Меньшой, на брачномъ пирѣ смотрѣли въ столы: первый, вмѣстѣ съ Михайломъ Петровичемъ Головинымъ—въ большой столъ, а второй, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ Головинымъ—въ кривой столъ[349]. Другихъ Шереметевыхъ, изъ находившихся на службѣ, въ Москвѣ и не было.

И такъ, позднею весною 1671 года, боярин Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ уже находился на мѣстѣ новаго назначенія, въ городѣ Симбирскѣ. Онъ хорошо зналъ, что Астраханскіе воры, главнѣйшіе

[349] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 872—879.

сподвижники казненнаго Стеньки Разина, атаманы Васька Усъ и Ѳедька Шелудякъ, вовсе не имѣли намѣренія добивать челомъ великому государю и собирались съ силами, для продолженія дѣла Стеньки. Васька Усъ рѣшилъ остаться въ Астрахани, а Ѳедька Шелудякъ долженъ былъ итти вверхъ по Волгѣ и во что бы то ни стало занять Симбирскъ и всю Черту, и тѣмъ открыть мятежникамъ выходъ въ верховые города. Боярин Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ готовился принять на себя натискъ мятежныхъ скопищъ. Онъ успѣлъ окопаться и сдѣлалъ всѣ распоряженія къ упорной оборонѣ, на-смерть. Съ Шереметевымъ были стрѣльцы нѣсколькихъ Московскихъ приказовъ, также стрѣльцы самого Симбирска и Симбирской Черты, городовые дворяне, дѣти боярскіе, рейтары, драгуны, казаки, солдаты даже мурзы и Татары[350]. Въ какомъ именно количествѣ была ратная сила Шереметева, неизвѣстно. Имѣется лишь общее указаніе на то, что въ Симбирскѣ «ратныхъ людей было

---

[350] Акты Археографической Экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. стр. 238. столб. 2.

немного»[351]. А Ѳедька Шелудякъ плылъ на 70 стругахъ, на которыхъ было 2500 человѣкъ. Въ Бѣломъ-Ярѣ[352] онъ остановился, чтобы сосредоточить свои силы, хорошо понимая, что судьба его и всего дѣла зависѣла отъ исхода этой послѣдней попытки завладѣть Симбирскомъ и Чертой. 29 мая Шелудякъ подошелъ къ Симбирску. Въ тотъ же день пришла слѣдовавшая за нимъ отъ Самары шайка въ тысячу конныхъ и пѣшихъ людей съ атаманомъ Ивашкой Константиновымъ. Вслѣдъ за тѣмъ, подплыла цѣлая флотилія, въ 370 струговъ, съ воровскими казаками изъ Астрахани, Краснаго-Яра, Чернаго-Яра и Царицына. Разбойники вплотную обложили Симбирскъ и держали его, безъ малаго двѣ недѣли, «въ самой крѣпкой осадѣ». Шереметеву, въ виду многочисленности скопища Ѳедьки Шелудяка, нечего было и думать о наступательномъ движеніи. Осажденные претерпѣвали «многую тѣсноту» и ждали непріятельскаго приступа, какъ избавленія отъ не-

---

[351] А. Поповъ. Исторія возмущенія Стеньки Разина. М. 1857. стр. 124.

[352] Нынѣ пригородъ Симбирской губерніи, на лѣвомъ берегу Волги, противъ города Сингилея.

выносимыхъ страданій. Наконецъ, къ 9-му іюня, у воровъ былъ оконченъ послѣдній шанецъ. Въ тотъ же день, въ часъ ночи, они съ ревомъ, какъ дикіе звѣри, бросились къ городу, на приступъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ. Государевы ратные люди дрались съ великимъ ожесточеніемъ. Бой длился до разсвѣта, когда воры, утомленные неудачнымъ приступомъ, истерзанные кровопролитнымъ боемъ, отступили къ своимъ шанцамъ. Шереметевъ преслѣдовалъ ихъ вылазками въ шанцы. Шелудякъ отвѣчалъ новыми приступами. На послѣдней вылазкѣ наши отняли у воровъ всѣ пушки, ружья и порохъ. Среди осаждавшихъ распространилась паника. У Шелудяка и послѣ страшныхъ потерь въ жестокихъ бояхъ съ государевыми ратными людьми, оставалось еще около трехъ тысячь человѣкъ, но эти оборванцы, «спужався, изъ подъ Синбирска бѣжали» во всѣ стороны, «съ великимъ страхомъ» [353].

Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, исполнивъ возложенное на него пору-

---

[353] А. Поповъ. Матеріалы для Исторіи возмущенія Стеньки Разина М. 1857. стр. 205—207.—Историческое описаніе Земли Войска Донского. Т. II. Новочеркасскъ. 1872 г. стр. 418.

ченіе, въ отпискѣ къ государю, полученной въ Москвѣ 23 іюля 1671 года, доносилъ изъ Симбирска: «Милостію всесильного Господа Бога, и заступленіемъ надежды нашея Христіянскія Пресвятыя Богородицы, и молитвами великого святителя Николая Чюдотворца, и преподобного отца Сергія Радонежского Чюдотворца, а нашею службою и радѣньемъ, великого государя ратные люди воровскихъ казаковъ, которые были подъ Синбирскимъ, на боѣхъ, и на вылазкахъ, и въ посылкахъ, и на приступѣхъ, побили многихъ и въ языцѣхъ поимали и тѣ кажнены; а достальные воры изъ-подъ Синбирска побѣжали на Низъ Волгою».

Къ отпискѣ этой Петръ Васильевичь приложилъ письма къ нему отъ воровскихъ казаковъ, а также списки отвѣтныхъ памятей на эти письма.

Нужно замѣтить, что Ѳедька Шелудякъ и его сообщники, потерявъ всякую надежду завладѣть Симбирскомъ, опасаясь къ тому же, что Шереметевъ, послѣ разбитія ихъ скопища, пойдетъ со всѣми своими силами на Астрахань, употребили пріемъ, къ которому, въ крайнихъ случаяхъ, обыкновенно прибѣ-

галъ и Стенька Разинъ: они завели съ Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ переписку о томъ, что желаютъ добить челомъ великому государю. Сейчасъ мы узнàемъ, что переписка эта, главнымъ образомъ, отвѣтныя памяти Шереметева, весьма разгнѣвали царя Алексѣя Михайловича.

Въ Симбирскъ, къ Петру Васильевичу Большому Шереметеву, прибылъ отъ государя стольникъ князь Ѳедоръ Львовичь Волконскій, который, согласно данному наказу, собравъ всѣхъ ратныхъ людей, находившихся въ Симбирскѣ, прежде всего обратился къ самому Шереметеву съ такимъ словомъ: «Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь (малый титулъ) жалуетъ тебя, боярина и воеводу Петра Васильевича съ товарищи, велѣлъ спросить о здоровьѣ». Послѣ того, прочтя извѣстную уже читателю отписку Шереметева, возгласилъ: «И великій государь... жалуетъ тебя, боярина Петра Васильевича съ товарищи, за ваши службы милостиво похваляетъ». Также спрошены были о здоровьѣ и за службы похвалены стрѣльцы Московскихъ приказовъ и всѣ ратные люди, «которые въ Синбирску въ осадѣ были и

осадную нужу терпѣли, и въ посылкахъ были, и съ ворами бились»; при чемъ присовокуплено, «чтобъ они и впредь великому государю служили; а служба де ихъ у великаго государя николи забвенна не будетъ и за ихъ службы его государьская милость къ нимъ будетъ».

Въ заключеніе всего, князь Волконскій, по порученію государя, сказалъ Петру Васильевичу наединѣ слѣдующее: «Прислали вы, бояринъ и воеводы, къ великому государю подъ отпискою своею воровскія письма, каковы къ вамъ писали воры, будучи подъ Синбирскимъ, а писаны тѣ воровскія письма не такъ, какъ винные добиваютъ челомъ великому государю и милости просятъ въ винáхъ своихъ; да они жъ, воры, своимъ воровскимъ умысломъ написали въ тѣхъ воровскихъ письмахъ, будто у великого государя есть бояре измѣнники, бояринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгоруково, бояринъ же и оружейничій Богданъ Матвѣевичь Хитрово, и иныя многія затѣйныя дѣла; а вы, бояринъ и воеводы, противъ тѣхъ ихъ воровскихъ писемъ, писали къ нимъ, ворамъ, памяти; а въ началѣ написали въ памятяхъ будто по

указу великого государя, и иное многое писали въ тѣхъ памятяхъ, чего было къ нимъ, ворамъ, и писать не довелось; и печатали тѣ свои памяти великого государя печатью Синбирска города. А вамъ, боярину и воеводамъ, съ такими ворами переписываться было не довелось; а у великого государя бояръ измѣнниковъ никого нѣтъ, а служатъ великому государю вѣрно. А послѣ того вы, бояринъ и воеводы, писали къ великому государю, что тѣ воры, стоявъ у луговой стороны, отшедъ отъ Синбирска два дни, пошли на Самару и ожидаютъ на Самарѣ великого государя указу. И то знатно, что вы тѣми своими письмами ихъ, воровъ, остановили: и то вы учинили не гораздо. И вы бъ, бояринъ и воеводы, впредь такъ не дѣлали, а о всякихъ великого государя дѣлѣхъ радѣли и промышляли и всякихъ вѣстей провѣдывали со всякимъ остерегательствомъ и разсмотрѣніемъ, и писали о томъ къ великому государю» [354].

Въ чемъ же именно провинился Шереметевъ, чѣмъ онъ навлекъ на себя столь строгій выговоръ?

Воровскіе казаки, отброшенные Петромъ

[354] Акты Археографической Экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. № 186.

Васильевичемъ отъ Симбирска къ Самарѣ, прислали къ нему письмо, что желаютъ добить челомъ великому государю. Шереметевъ, разумѣется, имѣлъ основаніе думать, что такое обращеніе было искренно и потому не оттолкнулъ отъ себя несчастныхъ побѣжденныхъ, являвшихся теперь съ повинною. Онъ отправилъ къ нимъ, 27 іюня, иноземца Исая Дубровскаго съ памятью, въ которой, обращаясь къ воровскимъ казакамъ и ко всему населенію Самарскаго края, приставшему къ воровству, писалъ, чтобъ всѣ, припомня страхъ Божій въ сердцахъ своихъ и памятуя крестное цѣлованіе и милость къ себѣ великаго государя, въ винáхъ своихъ добили челомъ его царскому величеству вскорѣ[355]. Таково вкратцѣ содержаніе первой памяти Петра Васильевича Шереметева, списокъ съ коей приложенъ былъ къ донесенію государю. Дубровскій возвратился въ Симбирскъ 2 іюля и подалъ Петру Васильевичу другое письмо, въ которомъ говорилось, что «Самарскіе всякихъ чиновъ жители, въ винáхъ своихъ великому государю добиваютъ челомъ, а для челобитья, выбравъ

[355] А. Поповъ. Матеріалы для возмущенія Стеньки Разина. М. 1857, стр. 210.

десять человѣкъ, посылаютъ въ Синбирскъ». Для пріема этихъ выборныхъ, Шереметевъ послалъ казанца Ивана Зміева съ сотнею ратныхъ людей. Наканунѣ пріѣзда Дубровскаго, 1-го іюля, пришелъ къ Петру Васильевичу Шереметеву воровской казакъ Луконка Сергѣевъ. На допросѣ, въ Приказной палатѣ, Луконко назвался крестьяниномъ вотчиннаго села стольника Никиты Ивановича Шереметева Слободскаго, Нижегородскаго уѣзда, и сказалъ, что пришелъ въ Симбирскъ добить челомъ великому государю въ винѣ своей, что на это уполномочила его вся шайка, въ которой двѣ тысячи человѣкъ, и что всѣ Усольскіе жители также идутъ въ Симбирскъ добить челомъ въ винáхъ своихъ предъ великимъ государемъ. Луконка Сергѣевъ на допросѣ сообщилъ нѣкоторыя подробности Симбирской осады, въ которой онъ принималъ самое дѣятельное участіе. «А мы—говорилъ Луконко—изъ Синбирска побѣжали, и бѣжали мы на Низъ съ великимъ страхомъ, нигдѣ не приставая, потому что подъ Синбирскимъ были всѣ разбиты, и пушки и ружье и порохъ все отбито; а наипаче опасались государевыхъ ратныхъ людей за собою посылки, и бѣжали

всѣ врознь. А бѣжали изъ подъ Синбирска на Низъ Волгою, и многія свои суда по Волгѣ въ розныхъ мѣстехъ пометали, потому что въ тѣхъ судахъ повезли на Низъ раненыхъ, и тѣ раненые отъ ранъ помирали многіе». Послѣднее обстоятельство, то-есть, брошенныя на Волгѣ суда, послужили главнымъ предметомъ второй памяти Шереметева къ воровскимъ казакамъ: онъ приказывалъ, собравъ тѣ суда, привести ихъ въ Симбирскъ[356]. Того дерзкаго письма отъ воровъ, на которое, согласно наказу, указывалъ Шереметеву князь Волконскій, не сохранилось, но судя по приведеннымъ выдержкамъ, оно дѣйствительно было не изъ вѣжливыхъ и написано было, вѣроятно, самимъ Ѳедькой Шелудякомъ. Но, нужно быть справедливымъ, была ли у Шереметева возможность, въ то горячее время обучать благопристойности разбойника Шелудяка или кого другого изъ его сообщниковъ-головорѣзовъ? Къ тому же, памяти его обращены были, главнымъ образомъ, къ населенію края, которое обманомъ вовлечено было въ воровское дѣло.

---

[356] А. Поповъ. Матеріалы для Исторіи возмущенія Стеньки Разина. М. 1857. Стр. 211.

Впрочемъ, очень можетъ быть, что вся исторія вышла изъ-за того, что Петръ Васильевичь Шереметевъ не поставилъ на видъ Шелудяку или кому другому его дерзостей, выраженныхъ въ письмѣ, и что вообще, въ перепискѣ Шереметева съ ворами усмотрѣны были какія-либо отступленія отъ установленной формы, а за это обыкновенно карали въ то время безъ всякаго милосердія, какъ за важный служебный проступокъ Не дальше, какъ въ декабрѣ 1670 года, былъ, напримѣръ, такой случай. Государь, въ знакъ особой милости, послалъ къ стольнику Ивану Васильевичу Бутурлину, кажется Тамбовскому воеводѣ, «спросить объ его здоровьѣ». Тотъ въ отвѣтной отпискѣ такъ и написалъ: Присылалъ де великій государь «спрашивать насъ о здоровьѣ»... Что же вышло? Стольникъ Бутурлинъ и состоявшій при немъ дьякъ получили государевъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «И ты, Иванъ, къ намъ, великому государю, въ отпискѣ своей, писалъ непригоже и неостерегательно, чего и бояре наши и воеводы къ намъ такъ не пишутъ; а писать было тебѣ, что прислано отъ насъ, великого госу-

даря, къ тебѣ съ товарищи съ милостивымъ словомъ, а не «о здоровьѣ спрашивать васъ», и ты то дѣлаешь негораздо». Особенно же досталось дьяку, состоявшему при Бутурлинѣ: «А ты, дьячишко, страдникъ, страдничій сынъ и плутишко, того не смотришь, что къ намъ въ отпискѣ писано непристойно; знатно, пьешь и бражничаешь, и довелся ты жестокого наказанья; и за то нашъ, великого государя, указъ тебѣ будетъ впредь»[357].

Въ заключеніе разсказа о Симбирской службѣ Петра Васильевича Большого Шереметева, не можемъ не отмѣтить черты характерной и умилительной. Въ самую тяжкую пору Симбирскаго осаднаго сидѣнія, Петръ Васильевичь Шереметевъ и всѣ его ратные люди дали обѣтъ построить въ Симбирскѣ церковь Знаменія Пресвятой Богородицы, съ двумя придѣлами: во имя Святителя Николая Чудотворца и Преподобнаго Сергія Радонежскаго, «и на то церковное строеніе собрали деньги». Но въ Москвѣ затормозили и это

---

[357] Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Собраніе Первое. Т. I. Спб. 1830. № 485.

благочестивое предпріятіе. Князю Волконскому поручено было сказать Шереметеву, чтобъ «тое церкви до указу великого государя строить не велѣлъ; а указъ де великого государя о томъ строеньѣ будетъ вскорѣ, ка́къ тое церковь строить»[358].

---

[358] Акты Археографической Экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. стр. 239.

ГЛАВА XVIII.

Бояринъ Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, такъ блистательно исполнившій возложенное на него царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ трудное порученіе отстоять Симбирскъ и удержать въ рукахъ Правительства Симбирскую Черту, еще оставался нѣкоторое время въ Симбирскѣ. Ему поручили новое дѣло, которое по своему характеру, чисто гражданскому, знаменовало если не полное прекращеніе мятежа, поднятаго Разинымъ, то значительное ослабленіе его и возвращеніе къ мирному положенію. Шереметеву сказано было, чтобъ онъ велѣлъ, «въ Синбирску и по всей Чертѣ переписать измѣнничей хлѣбъ, молоченой и немолоченой, и въ землѣ рожь, и тому всему хлѣбу роспись, за дьячьею приписью, прислать къ вели-

кому государю вскорѣ; а которой хлѣбъ измѣнничей, рожь и ярь, и тотъ хлѣбъ велѣть пожать, и которой въ кладѣхъ немолоченой хлѣбъ, и тотъ велѣть перемолотить и устроить въ житницы, и по тому жъ прислать роспись». Кромѣ того, Шереметеву приказано было отписать великому государю: «Сколько на лицо въ Синбирску и по Чертѣ всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей порознь, также и наряду, и зелья, и свинцу, и всякого полкового строенья, и денежныя казны, и вина, и хлѣба, и соли, и тому всему перечневую роспись, за дьячьею приписью, прислать къ Москвѣ, въ приказъ Казанского Дворца» [359].

На исполненіе этихъ новыхъ порученій потребовалось довольно много времени. Во всякомъ случаѣ, Петръ Васильевичь Шереметевъ оставался въ Симбирскѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда въ Москвѣ, въ семьѣ Шереметевыхъ, совершилось крупное событіе: 21 сентября 1671 года, на память святого апостола Кодрата, скончалась дочь боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, старѣйшая

[359] Акты Археографической Экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. стр. 239. столб. 2.

пріѣзжая боярыня княгиня Евдокія Ѳедоровна Одоевская. Въ самый день кончины она приняла постригъ и схиму, съ именемъ Евфросиніи, и погребена мѣсяцъ спустя, 22 октября, въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ алтаремъ церкви Архангела Гавріила[360], рядомъ съ сестрою, Анной (въ иночествѣ Александрой) Ѳедоровной Шереметевой, скончавшеюся въ моровое повѣтріе 1654 года[361].

Безъ малаго за три недѣли до кончины, 3 сентября, княгиня Евдокія Ѳедоровна написала духовное завѣщаніе. Душеприказчиками она назначила: 1) только что прибывшаго на покой въ Савино-Сторожевскій монастырь бывшаго преосвященнаго Смоленскаго архіепископа Филарета; 2) своего мужа боярина князя Никиту Ивановича Одоевскаго и 3) духовника своего, протопопа Московскаго Кремлевскаго собора Черниговскихъ Чудотворцевъ, что́ близъ Тайницкихъ воротъ, Іакова Евѳиміевича.

Приведемъ, для образца, дословный текстъ

---

[360] Путеводитель по древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ. М. 1796. Ч. IV. стр. 168

[361] Родъ Шереметевыхъ. Кн. IV. Спб. 1884. стр. 103.

начала духовнаго завѣщанія княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской: «Во имя святыя и живоначалныя Троицы, Отца и Сына и святого Духа. Азъ, раба Божія, болярина князя Іаникиты Ивановича Одоевского жена, княгіня Евдокия. Пишу сію духовную въ цѣломъ своемъ смыслу. Усмотрила есмь,—понеже постигаетъ мя старость и умножаются частыя и неисцѣлныя болѣзни, ими же отъ Бога человѣколюбнѣ казнима, грѣхъ ради моихъ, болѣзнемъ на мя умножающимся,—яко иногда никогда же и ничто же ми возвѣщающи, развѣ смерть и судъ страшный Спасовъ будущаго вѣка. И отъ сего во мнѣ смущается сердце мое, исхода ради, и страхъ смертный нападе на мя и покры мя тма недоумѣнія, и что̀ сотворити не свѣмъ. Но, возвергу на Господа печаль свою, да той сотворитъ, якоже хощетъ, понеже бо хощетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истинный приіти. По семъ, прощенія прошу: у отца моего духовнаго, Черниговскаго собора у протопопа Іякова; у мужа своего, болярина князя Іаникиты Ивановича, и у всѣхъ сродниковъ своихъ, ближнихъ и далнихъ, и у рабовъ своихъ и у рабынь, и у всѣхъ человѣкъ, предъ кѣмъ

въ чемъ, яко человѣкъ, согрѣшила, или кого въ чемъ оскорбила. Бога ради, простите. А кто въ чемъ предо мною согрѣшилъ и меня оскорбилъ, и тѣхъ всѣхъ Богъ проститъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ».

Княгиня Евдокія Ѳедоровна до послѣднихъ дней жизни лелѣяла въ себѣ мысль, когда нибудь, по примѣру сестры, инокини Александры Ѳедоровны, принять постригъ и поселиться въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. И въ духовномъ завѣщаніи, написанномъ менѣе чѣмъ за три недѣли до смерти, она говоритъ: «Буде я постригуся прежде смерти своей въ цѣломъ своемъ умѣ, и государю моему, болярину князю Іаникитѣ Ивановичю, пожаловать, устроить меня въ Дѣвичьѣ монастырѣ Пресвятыя Богородицы Смоленскія и пожаловать, кормить меня до смерти моея. А буде мнѣ прежь смерть случится, и мужю моему, болярину князю Іаникитѣ Ивановичю, пожаловать, тѣло мое грѣшное погребсти у Пречистой Богородицы Смоленской, въ Новодѣвичьѣ монастырѣ, возлѣ сестры моей иноки Александры».

Въ духовной своей Евдокія Ѳедоровна написала всѣхъ наличныхъ родственниковъ

I 1. (Князь Ѳедоръ Михайловичъ Троекуровъ) — 2. Княжна Домна Михайловна Троекурова + 3. (Иванъ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ) — 4 (Никита Васильевичъ Шереметевъ) I

II 5. (Князь Иванъ Ѳедоровичъ Троекуровъ) — 6. (Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ) — 7. (Петръ Никитичъ Шереметевъ) II

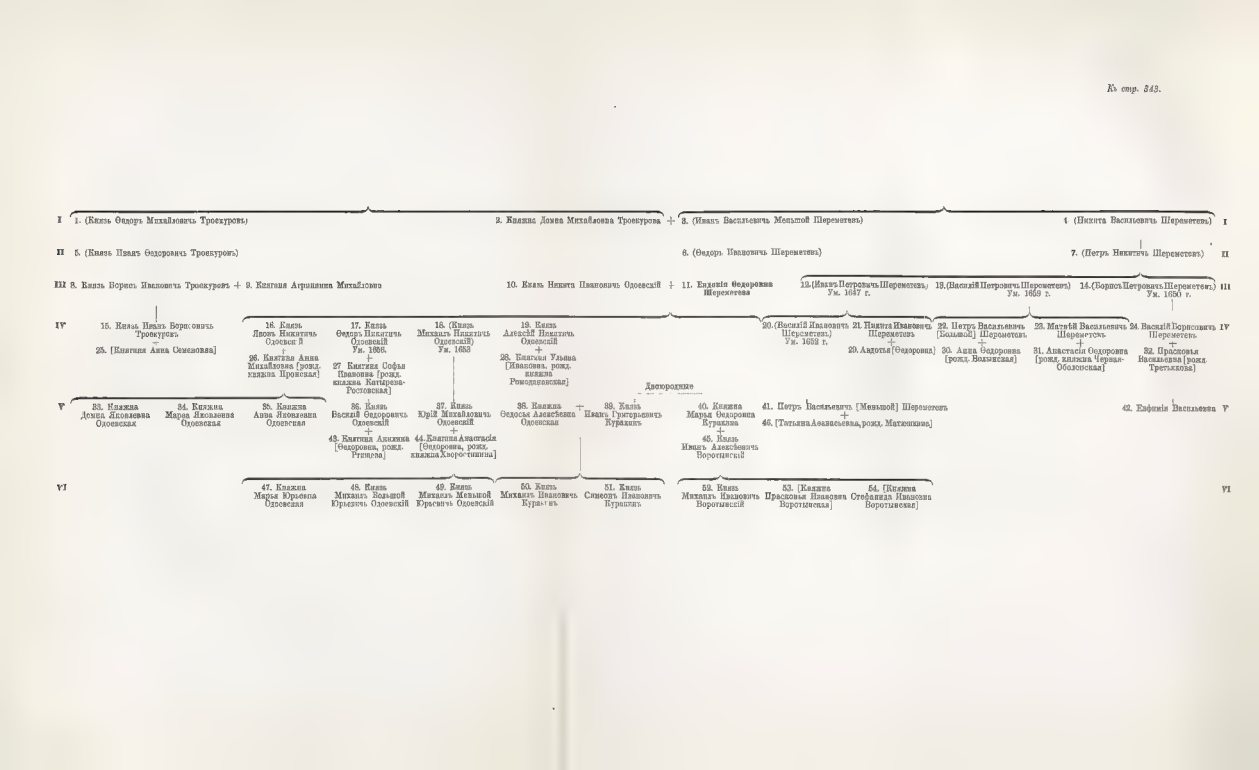
III 8. Князь Борисъ Ивановичъ Троекуровъ + 9. Княгиня Агриппина Михайловна — 10. Князь Никита Ивановичъ Одоевскій + 11. Евдокія Ѳедоровна Шереметева — 12. (Иванъ Петровичъ Шереметевъ) Ум. 1647 г. — 13. (Василій Петровичъ Шереметевъ) Ум. 1659 г. — 14. (Борисъ Петровичъ Шереметевъ) Ум. 1650 г. III

IV 15. Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ + 25. [Княгиня Анна Семеновна] — 16. Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій + 26. Княгиня Анна Михайловна [рожд. княжна Пронская] — 17. Князь Ѳедоръ Никитичъ Одоевскій Ум. 1656. + 27 Княгиня Софья Ивановна [рожд. княжна Катырева-Ростовская] — 18. (Князь Михаилъ Никитичъ Одоевскій) Ум. 1653 — 19. Князь Алексѣй Никитичъ Одоевскій + 28. Княгиня Ульяна [Ивановна, рожд. княжна Ромодановская] — 20. (Василій Ивановичъ Шереметевъ) Ум. 1652 г. — 21. Никита Ивановичъ Шереметевъ + 29. Авдотья [Ѳедоровна] — 22. Петръ Васильевичъ [Большой] Шереметевъ + 30. Анна Ѳедоровна [рожд. Волынская] — 23. Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ + 31. Анастасія Ѳедоровна [рожд. княжна Черная-Оболенская] — 24. Василій Борисовичъ Шереметевъ + 32. Прасковья Васильевна [рожд. Третьякова] IV

Двоюродные

V 33. Княжна Домна Яковлевна Одоевская — 34. Княжна Марѳа Яковлевна Одоевская — 35. Княжна Анна Яковлевна Одоевская — 36. Князь Василій Ѳедоровичъ Одоевскій + 43. Княгиня Анисима [Ѳедоровна, рожд. Ртищева] — 37. Князь Юрій Михайловичъ Одоевскій + 44. Княгиня Анастасія [Ѳедоровна, рожд. княжна Хворостинина] — 38. Княжна Ѳедосья Алексѣевна Одоевская + 39. Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ — 40. Княжна Марья Ѳедоровна Куракина + 45. Князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій — 41. Петръ Васильевичъ [Меньшой] Шереметевъ + 46. [Татьяна Аѳанасьевна, рожд. Матюшкина] — 42. Евфимія Васильевна V

VI 47. Княжна Марья Юрьевна Одоевская — 48. Князь Михаилъ Большой Юрьевичъ Одоевскій — 49. Князь Михаилъ Меньшой Юрьевичъ Одоевскій — 50. Князь Михаилъ Ивановичъ Куракинъ — 51. Князь Симеонъ Ивановичъ Куракинъ — 52. Князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій — 53. [Княжна Прасковья Ивановна Воротынская] — 54. [Княжна Стефанида Ивановна Воротынская] VI



и свойственниковъ, съ обозначеніемъ, которымъ именно образомъ благословляетъ каждаго изъ нихъ, при чемъ присовокупила: «Буде я постригусь въ силѣ, и образами благословлю сама». Этотъ отдѣлъ акта представляетъ наибольшій интересъ, служа провѣркой родословныхъ росписей не только князей Одоевскихъ, но и другихъ фамилій, состоявшихъ съ ними въ родствѣ или свойствѣ, а именно: Шереметевыхъ, князей Троекуровыхъ, князей Куракиныхъ и князей Воротынскихъ.

Для облегченія чтенія духовнаго завѣщанія княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской, прилагается при семъ родословная таблица, въ которой каждое лицо, для удобства пріисканія его, обозначено номеромъ. Имена, заключенныя въ круглыя скобки, въ завѣщаніи не упоминаются и введены въ таблицу лишь для связи.

«Сына своего князя Іякова Никитича (№ 16),—пишетъ княгиня Евдокія Ѳедоровна въ духовной,—благословляю образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, обложенъ серебромъ, въ чеканъ; жену ево, а свою сноху, княгиню Анну Михайловну (№ 26), благо-

словляю образъ Преображеніе Христово, обложенъ серебромъ, рѣзью; дѣтемъ ево, а своимъ внукамъ, княжнѣ Домнѣ (№ 33), княжнѣ Марѳѣ (№ 34), княжнѣ Аннѣ (№ 35), по образу, обложены серебромъ. Сына своего князя Федора Никитича (№ 17) жену, а свою сноху, княгиню Софью Ивановну (№ 27), благословляю образъ Всемилостиваго Спаса, обложенъ серебромъ; сына еѣ, а своего внука, князя Василія (№ 36) благословляю образъ Иоанна Богослова, обложенъ серебромъ, въ чеканъ; жену ево, а свою внуку, княгиню Акилину (№ 43), благословляю образъ, обложенъ серебромъ. Внука своего, князя Юрья (№ 37), благословляю образъ Тріехъ Святителей, обложенъ серебромъ, въ чеканъ; жену ево, а свою внуку, княгиню Настасью (№ 44), благословляю образъ, обложенъ серебромъ; дѣтей ево, а своихъ правнучатъ, княжну Марью (№ 47), князя Михайла Большово (№ 48) да князя Михайла Меншова (№ 49), благословляю по образу, обложены серебромъ. Сына своего князя Алексѣя Никитича (№ 19) жену, а свою сноху, княгиню Ульяну (№ 28), благословляю образъ Пречистыя Богородицы,

обложенъ серебромъ; зятя еѣ, а своего внука, князя Ивана Григорьевича Куракина (№ 39), благословляю образъ, обложенъ серебромъ; жену ево, а свою внуку, княгиню Ѳедосью (№ 38), благословляю образъ святыхъ Апостолъ Петра и Павла, обложенъ серебромъ; дѣтемъ ихъ, князю Михайлу (№ 50) да князю Симеону (№ 51), по образу, обложены серебромъ. Болярина князя Івана Алексѣевича Воротынского (№ 45) да жену ево княгиню Марію Федоровну (№ 40) да сына ево князя Михайла Івановича (№ 52) да дву ево дочерей (№ 53 и 54), благословляю по образу, обложены серебромъ. Племянниковъ своихъ, болярина Петра Васильевича (Большого) Шереметева (№ 22) да жену ево Анну Федоровну (№ 30), да Никиту Ивановича Шереметева (№ 21) да жену ево Овдотью Федоровну (№ 29)[362], да внука своего Пе-

[362] Такимъ образомъ, открывается другая ошибка князя Долгорукова относительно жены Никиты Ивановича Шереметева, Евдокіи Ѳедоровны (см. выше, стр. 63, примѣчаніе 59). Въ своей Родословной книгѣ онъ отмѣчаетъ, что она умерла 5 іюля 1670 года. А теперь оказывается, что она находилась въ живыхъ и 3 сентября 1671 года, когда было написано духовное завѣщаніе княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской. Кстати заявить здѣсь, что недавно, извѣстный родословъ Василій Владиміровичь Руммель обязательно сообщилъ мнѣ, что, разсматривая Родословную книгу изъ Собранія

тра Васильевича (Меньшого) Шереметева (№ 41) да жену ево (№ 46), благословляю по образу окладному. Племянника своего Василья Борисовича Шереметева (№ 24) жену, Парасковью Васильевну (№ 32) да дочь еѣ Оѳимью Васильевну (№ 42), благословляю по образу окладному. Племянницу свою, болярина Ивана Ивановича Салтыкова жену Анну Ивановну да сестру еѣ, дѣвицу Анну Ивановну[363], благословляю по образу, обложены серебромъ. Племянника своего Матфея Васильевича Шереметева (№ 23) жену, Настасью Федо-

---

графа Уварова (№ 206), онъ встрѣтилъ, въ статьѣ о родѣ Пушкиныхъ, указаніе на то, что окольничій Степанъ Гавриловичь Пушкинъ († 1656), кромѣ сына Матвѣя, имѣлъ еще дочь (по имени не названа), которая «была замужемъ за Никитой Ивановичемъ Шереметевымъ» (л. 147 на оборотѣ). Это свѣдѣніе дополняется княземъ Долгоруковымъ. Въ его родословной Пушкиныхъ (ч. IV, стр. 186, подъ № 109), прямо сказано, что дочь Степана Гавриловича Пушкина, Дарья Степановна, умершая въ 1663 году, была за Никитою Ивановичемъ Шереметевымъ. По недосмотру, князь Долгоруковъ не внесъ это свѣдѣніе также и въ родословную Шереметевыхъ. Если указанный имъ годъ смерти Дарьи Степановны вѣренъ, можно заключить, что она была первою женою Никиты Ивановича Шереметева, а Евдокія Ѳедоровна—второю.

[363] Родовая фамилія жены боярина Ивана Ивановича Салтыкова († 1670), Анны Ивановны, неизвѣстна, а потому она и одноименная сестра ея, по невозможности опредѣлить, съ какой стороны было у нихъ родство съ княгиней Евдокіей Ѳедоровной Одоевской, въ приложенную родословную не внесены.

ровну (№ 31), благословляю образъ, обложенъ серебромъ. Брата своего, околничего князя Бориса Ивановича Троекурова (№ 8) да жену ево княгиню Агрипѣну Михайловну (№ 9) да сына ево князь Ивана (№ 15) да сноху ихъ (№ 25) и дѣтей, благословляю по образу, обложены серебромъ».

Завѣщательница назначила образа и душеприказчикамъ своимъ, но велѣла доставить ихъ по принадлежности уже «послѣ своего живота». Преосвященному архіепископу Филарету она оставила образъ Пречистой Богородицы, обложенъ серебромъ; отцу своему духовному «священно-іерею, протопопу» Іакову Евѳиміевичу,—образъ, обложенъ серебромъ. А мужа своего боярина князя Никиту Ивановича благословила образомъ Пречистой Богородицы Тихвинской, «обложенъ серебромъ, у ней приложены серги яхонты». Кромѣ того, она назначила преосвященному Филарету 50 рублей, а духовнику 30 рублей, прося обоихъ, поминать душу ея грѣшную.

Княгиня Евдокія Ѳедоровна назначила вклады въ слѣдующіе монастыри: въ Ново-

дѣвичій — 500 рублей; въ Вознесенскій, въ Троице-Сергіевъ, въ Кирилловъ и въ Чудовъ—по 100 рублей въ каждый.

Людей своихъ приказала отпустить на волю, «давъ имъ надѣлки»[364].

Заслуживаетъ вниманія и статья въ духовномъ завѣщаніи о старинной Шереметевской вотчинѣ селѣ Борисоглѣбскомъ, Костромской губерніи, Нерехотскаго уѣзда. Вотчину эту княгиня Евдокія Ѳедоровна получила по изустной памяти отца своего боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, приказавшаго дочери въ свое время отказать Борисоглѣбское ея сыну князю Якову Никитичу Одоевскому. «И я,—писала въ духовномъ завѣщаніи княгиня Евдокія Ѳедоровна,—бояся страха Божія и отца своего болярина Феодора Ивановича клятвы, Костромскую свою вотчину, послѣ своего живота, отказываю сыну своему, князю Іякову, и съ прикупными пустошьми, что́ я прикупила. А буде я постригуся и стану жить въ монастырѣ, а живота моего Богъ продлитъ, и сыну моему,

---

[364] Увидимъ ниже, что по этому пункту сдѣлано было исключеніе относительно крестьянъ деревни Климовой, въ Дмитровской вотчинѣ, Дмитровскаго уѣзда.

князю Іякову, тою вотчиною не владѣть и людей своихъ на приказъ и нипочто не посылать, и ни доходовъ никакихъ, ни хлѣба не имать; а приказщикомъ быть въ той вотчинѣ государя моего мужа, болярина князя Никиты Ивановича, людемъ; а доходы всякіе съ той вотчины и хлѣбныя запасы имать мнѣ къ себѣ въ монастырь, покамѣста я буду жива. А буде, волею Божіею, мужу моему, болярину князю Іаникитѣ Ивановичю смерть случится прежь меня, и сыну моему, князю Іякову, въ тое вотчину на приказъ посылать людей своихъ, и доходы всякія велѣть збирать, и хлѣба всякого, что̀ родится, отдавать мнѣ въ монастырь, покамѣста я буду жива. А безъ моево вѣдома ничего себѣ не имать, и людемъ не давать, и крестьянъ въ иные вотчины не перевозить. А какъ, волею Божіею, мнѣ смерть случится, вотчиною владѣть сыну моему, князю Іякову, по духовной отца моего и по сей моей духовной, и впредь душу мою грѣшную поминать и дѣтемъ своимъ приказать. А тое мою вотчину сыну моему, князю Іякову, не продать и не заложить и не промѣнять, потому что та вотчина выслуженая дѣда моево болярина Ивана Васильевича... А что я пере-

везла крестьянъ своихъ изъ Костромской своей вотчины изъ села Борисоглѣбского і изъ деревень въ купленую вотчину мужа своего, болярина князя Іаникиты Ивановича, въ Дмитровской уѣздъ, въ сельцо Дмитровское, въ деревню Климову, а перевезла ихъ за воровство, а иные взяты изъ бѣговъ, а иные сами похотѣли волею своею, потому что та Костромская вотчина улюдѣла, а земли мало, сытымъ быть нечѣмъ,—и сыну моему, князю Іякову, и впредь за кѣмъ та моя Костромская вотчина будетъ, въ тѣхъ крестьянъ не вступатся никоторыми дѣлы... И у отца моего болярина Феодора Ивановича въ духовной о перевозныхъ крестьянехъ написано также. А быть тѣмъ перевознымъ крестьяномъ въ той вотчинѣ, села Дмитровского, въ деревнѣ Климовѣ, вѣчно, за кѣмъ Дмитровская вотчина будетъ; а крѣпки они по сей моей духовной»[365].

---

[365] Подлинная духовная княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской хранится въ архивѣ графа С. Д. Шереметева, подъ № 171. Она писана столбцомъ на 5 склеенныхъ листкахъ. На оборотѣ: 1) собственноручныя подписи, на первомъ листкѣ,—бывшаго преосвященнаго Смоленскаго архіепископа Филарета, а на склейкахъ — другихъ двухъ душеприказчиковъ и 2) грамота изъ патріаршаго Разряда, отъ 18 декабря 7180 (1671) года, о томъ, что патріархъ Іоасафъ приказалъ подписать духовную. Въ концѣ приложена красновосковая печать; она отъ времени выкрошилась.

Село Борисоглѣбское, принадлежавшее нѣкогда любимцу Грознаго Алексѣю Ѳедоровичу Адашеву, а послѣ его смерти пожалованное боярину Ивану Васильевичу Меньшому Шереметеву, князь Яковъ Никитичь Одоевскій отдалъ потомъ въ приданое своей дочери княжнѣ Марѳѣ Яковлевнѣ, вышедшей за князя Михайла Яковлевича Черкасскаго, родного дѣда графини Варвары Алексѣевны Шереметевой. Послѣдняя тоже получила село Борисоглѣбское въ приданое, и такимъ путемъ вотчина эта возвратилась въ родъ Шереметевыхъ. Въ настоящее время, село Борисоглѣбское принадлежитъ графу Александру Дмитріевичу Шереметеву.

25 ноября, князь Яковъ Никитичь Одоевскій лично ѣздилъ къ патріарху Іоасафу и въ патріаршей Крестовой палатѣ представилъ ему челобитную своего отца, князя Никиты Ивановича, о подписаніи оставленнаго усопшею княгинею Евдокіей Ѳедоровной духовнаго завѣщанія, которое, послѣ всевозможныхъ справокъ и сношеній, и было наконецъ подписано 18 декабря.

Хлопоты по дѣлу о завѣщаніи княгини

Одоевской какъ разъ совпали съ торжествами, происходившими въ Москвѣ по случаю пріѣзда великихъ и полномочныхъ пословъ новаго Польскаго короля Михаила Вишневецкаго, преемника Яна-Казиміра. Польскіе послы Янъ Гнинскій (воевода Хелминскій), Кипріянъ-Павелъ Бржостовскій (референдарь и писарь великаго княжества Литовскаго) и Александръ Котовичь (ксендзъ—«схоластикъ» Виленскій и секретарь посольства), прибыли въ Москву, 2 декабря, «для подтвержденія посольскихъ статей, выработанныхъ на съѣздахъ въ мѣстечкѣ Мигновичахъ, сперва съ Ординымъ-Нащокинымъ, а потомъ съ окольничимъ Васильемъ Семеновичемъ Волынскимъ. Дипломатическіе переговоры съ Польскими послами вели: ближній бояринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгоруковъ и думный дворянинъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ. Шереметевы же принимали участіе только въ придворныхъ церемоніяхъ, вызванныхъ пріѣздомъ посольства сосѣдственной дружественной державы. Наиболѣе выдающаяся роль въ этихъ церемоніяхъ выпала на долю комнатнаго стольника Никиты Ивановича Шереметева.

Послы остановились «на Давыдовскомъ дворѣ Николаева». Въ трехъ переднихъ палатахъ, въ трехъ покоевыхъ и въ столовой палатѣ, стѣны, лавки и скамьи были заблаговременно обиты Англійскими червчатыми сукнами; такого же цвѣта сукно положили и на столахъ. Ясельничему Конюшеннаго приказа предписано было, «выбрать двадцать человѣкъ конюховъ молодцовъ добрыхъ, дать имъ малиновые кафтаны да лошадей цвѣтныхъ добрыхъ» и быть имъ предъ Польскими послами въ ѣздокахъ въ тѣ дни, когда они будутъ у великаго государя на пріѣздѣ и на отпускѣ, а у бояръ и думныхъ людей въ отвѣтѣ[366].

8 декабря, Польскимъ посламъ дана была первая аудіенція, въ Грановитой палатѣ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стояли, въ бѣломъ одѣяніи, комнатные стольники: Борисъ Петровичь Шереметевъ и Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ; въ другой парѣ стояли двое Волынскихъ: Иванъ Ѳедоровичь (братъ Анны Ѳедоровны Шереметевой), и Петръ Артемьевичь, отецъ извѣстнаго впо-

[366] Акты южной и западной Россіи. Т. IX. Спб. 1878. столб. 503 и 530.

слѣдствіи кабинетъ-министра. Самихъ пословъ объявлялъ думный дворянинъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, а привезенные ими поминки объявлялъ думный дьякъ Григорій Богдановъ[367]. Царю Алексѣю Михайловичу были поднесены присланные въ даръ отъ короля Михаила: орелъ серебреный и столъ серебреный; а царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, отъ королевы Польской,—шкатула и часы[368].

Въ тотъ же день, послѣ аудіенціи, комнатный стольникъ Никита Ивановичь Шереметевъ ѣздилъ къ Польскимъ посламъ, въ отведенный имъ дворъ, съ государевымъ жалованіемъ, съ ѣствою и питіемъ. У лѣстницы посольскихъ хоромъ, онъ сошелъ съ коня и прослѣдовалъ въ палату, сопровождаемый придворными нижними чинами, несшими скатерть, судки, ѣству и питіе. Вышедшимъ на встрѣчу посламъ, Никита Ивановичь сказалъ: «Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ

[367] Дворцовые Разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 883.

[368] Акты южной и западной Россіи. Т. IX. Спб. 1878. столб. 532.

и государь и облаадатель, его царское величество, по любительству къ брату своему, наяснѣйшему великому государю Михаилу, Божіею милостію, королю Польскому, великому князю Литовскому, Рускому и иныхъ, его королевскому величеству, васъ, пословъ его великихъ и полномочныхъ, жалуя, прислалъ къ вамъ отъ своего государского стола ѣству и питье».

За тѣмъ, Шереметевъ велѣлъ постлать скатерти на столы, поставить судки и подавать по росписи вина, ѣствы и питье. О томъ, что̀ происходило дальше, можемъ составить себѣ представленіе по наказу, данному Никитѣ Ивановичу Шереметеву. «Буде великіе послы — читаемъ въ этомъ наказѣ — учнутъ говорить тебѣ, чтобъ съ ними вмѣстѣ сѣлъ за столъ и государево жалованіе ѣлъ и пилъ,— и тебѣ, стольнику Никитѣ Ивановичу, за столъ сѣсти по конецъ стола и подносить посламъ питья, вина и меды». Послѣ того, какъ всѣ ѣствы будутъ поставлены на столъ, Шереметевъ долженъ былъ взять ковшъ питья и возгласить сперва здоровье царя Алексѣя Михайловича, потомъ — Польскаго короля Михаила. «А буде великіе послы—говорится

въ наказѣ—учнутъ говорить, чтобъ напередъ пить чаша про королевское здоровье, а про царского бъ величества здоровье пить чаша послѣ,—и тебѣ, стольнику Никитѣ Ивановичу, посломъ говорить: При прежнихъ великихъ государехъ, царехъ и великихъ князехъ Россійскихъ того не бывало; всегда де пріѣзжіе пивали чаши напередъ про ихъ царского величества здоровья, а не про тѣхъ государей, отъ которыхъ пріѣзживали великіе послы... А буде великіе послы упрямятся и учнутъ говорити, чтобъ чашу пити напередъ про королевское здоровье, — и тебѣ, стольнику Никитѣ Ивановичу, говорити: Пригоже было имъ, королевского величества великимъ посломъ, пріѣхавъ въ государство его царского величества, воздаючи честь великому государю нашему, пити чашу напередъ про его царского величество здоровье; и коли они, послы, въ томъ упрямливаются, хотятъ пить чашу напередъ про королевское величество здоровье, и тебѣ, стольнику, молыть: Чаша обоихъ великихъ государей». Любопытна и послѣдняя статья наказа: «А буде Польскіе послы учнутъ тебя, стольника Никиту Ивановича, чѣмъ дарить, и тебѣ подарки принять.

А буде поднесутъ обычное или худое, и того не имати, а молыть: государскимъ жалованьемъ всего у меня много, ничѣмъ не скуденъ и, вставъ, ѣхать къ великому государю».

Неизвѣстно, довелось ли Шереметеву препираться съ Польскими послами или же все обошлось благополучно. Во всякомъ случаѣ, данное ему порученіе было не изъ легкихъ. Требовалось много навыка придворнаго, ибо могли возникать недоразумѣнія и не предусмотрѣнныя наказомъ. Особенно трудны были разговоры и бесѣды съ послами. По этому предмету въ наказѣ сказано: «А о чемъ съ тобою, стольникомъ Никитой Ивановичемъ, Польскіе послы поговорятъ, и тебѣ съ ними противъ ихъ вопросу говорить, что́ будетъ пригоже, чтобъ государскому имени къ чести и къ повышенью, а Московскому государству къ добру»[369].

---

[369] Акты южной и западной Россіи. Т. IX. Спб. 1878. столб. 543—547.

ГЛАВА XIX.

Что̀ бы ни происходило въ Москвѣ, но мысль невольно обращается къ Крыму, гдѣ томился въ тяжкой неволѣ одинъ изъ лучшихъ представителей рода Шереметевыхъ, бояринъ Василій Борисовичъ. Въ печальной исторіи его злоключеній мы остановились на томъ, что бояринъ-плѣнникъ отправилъ къ государю, съ жильцомъ Кузьмою Коржавинымъ, отписку съ изложеніемъ извѣстныхъ читателю обстоятельствъ, задержавшихъ его въ плѣну, и съ слезною мольбою выслать по-скорѣе окупъ за него, вмѣстѣ съ имѣвшимъ возвратиться въ Крымъ ханскимъ посломъ Мустафой-агой. Коржавинъ пріѣхалъ въ Москву 27 августа 1670 года[370]. Вслѣдъ за

[370] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1669—1672 гг. № 49. л. 260—282.

нимъ, прибылъ туда и посланникъ Василій Елчинъ съ Крымскимъ посломъ Мустафой-агой. Послѣдній привезъ царю Алексѣю Михайловичу грамоту хана Аадиль-Гирея, въ которой тотъ писалъ, что хочетъ быть съ царскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви, на чемъ де и шерть учинилъ на коранѣ, и чтобы, согласно договора, казна и окупъ за Шереметева были высланы, безъ замедленія, на размѣну, на Сѣверный Донецъ[371]. Правительство еще раньше того, отъ Елчина, узнало о домогательствѣ Татаръ, чтобы на сей разъ размѣна была на Донцѣ, а не на Валуйкахъ, такъ какъ, въ виду значительности ожидаемой ими денежной суммы (казна по договору и окупъ за Шереметева), проѣздъ отъ Валуекъ въ Крымъ представлялся имъ весьма опаснымъ[372]. Но въ Москвѣ и слышать не хотѣли о такой, хотя бы временной перемѣнѣ размѣннаго мѣста. На переговоры о мѣстѣ размѣна ушло много времени, и обстоятельство это, какъ увидимъ

---

[371] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—77 г. Св. 62[a].

[372] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1669—1672 г. № 49. л. 260—282.

потомъ, имѣло гибельныя послѣдствія для Василья Борисовича Шереметева.

Царь Алексѣй Михайловичь приказалъ находившемуся въ Бѣлгородѣ, при князѣ Григорьѣ Григорьевичѣ Ромодановскомъ, окольничему Петру Дмитріевичу Скуратову итти на посольскую размѣну, именно на Валуйки. Въ товарищи къ Скуратову назначили изъ Москвы дьяка Ивана Олухова. На окупъ Василья Борисовича Шереметева указано было отпустить: изъ Посольскаго приказа, «которые были на лицо» тысячу золотыхъ, да 24 тысячи золотыхъ—изъ Новгородскаго приказа, «которые на тотъ окупъ изготовлены изъ привозныхъ отъ Архангельского города». Не доставало пяти тысячь и этотъ, такъ называемый, «достальной окупъ», пять тысячь золотыхъ червонныхъ, не постыдились предоставить заплатить самому Василью Борисовичу изъ собственныхъ средствъ[373].

Въ декабрѣ 1670 года, дьяку Ивану Олухову указано было итти къ размѣнному мѣсту, на Валуйки, черезъ Серпуховъ, Тулу, Новосиль, Осколъ и Царевъ-Алексѣевъ го-

[373] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—1677. Связка 62[а] (1676 г. № 6. л. 4).

родъ. Съ Олуховымъ отпущены были изъ Москвы: 1) старый Крымскій посолъ Сеферъ-ага, съ пятью товарищами и тремя людьми его; 2) новый посолъ Мустафа-ага, съ пятью же товарищами и двадцатью людьми; 3) новый посланникъ нашъ въ Крымъ Діомидъ Хомяковъ, съ товарищемъ Ѳедоромъ Посниковымъ; 4) три толмача, «для толмачества», Ѳома Кречетовъ, Леонтій Торошановъ и Васька Мартыновъ, и 5) плѣнные Крымскіе Татары, въ обмѣнъ на взятыхъ государевыхъ людей.

Дьякъ Олуховъ повезъ съ собою государеву казну и вышеозначенныя окупныя деньги за Василья Борисовича Шереметева, 25.000 золотыхъ червонныхъ, а также государево жалованіе размѣнному князю и инымъ мурзамъ,—«размѣннаго платья» на три года, по росписи, данной изъ Казеннаго Двора. Изъ Москвы до Валуекъ, Олухова долженъ былъ провожать, для береженья государевой казны и окупныхъ денегъ, голова Московскихъ стрѣльцовъ Клементій Іевлевъ, съ 600 стрѣльцами его приказа.

Въ памяти, данной дьяку Олухову, сказано, чтобъ онъ «ѣхалъ дорогою бережно и

осторожливо, къ великого государя казнѣ держалъ бы береженье и ставился бы съ посланниками и съ головою Московскихъ стрѣльцовъ вмѣстѣ». Олуховъ долженъ былъ провѣдывать въ пути про окольничаго Петра Дмитріевича Скуратова, «гдѣ онъ нынѣ и ужли изъ Бѣлагорода къ размѣнному мѣсту пошелъ; да гдѣ про него провѣдаетъ, и ему къ нему, окольничему, писать отъ себя, съ кѣмъ пригоже и откуда доведется, что, по указу великого государя, велѣно ему, дьяку, быть на его, великого государя, службѣ, на Крымской посольской размѣнѣ, съ нимъ, окольничимъ Петромъ Дмитріевичемъ, въ товарищахъ. А какъ онъ, Иванъ Олуховъ, съ окольничимъ съѣдется, и ему подать Петру Дмитріевичу государевъ наказъ и дѣлать государево дѣло съ нимъ вмѣстѣ»[374].

Слѣдовавшему съ дьякомъ Олуховымъ ханскому посланнику Мустафѣ-агѣ, предоставлено было, буде похочетъ, «ѣхать съ которого города, съ станичники, въ Крымъ напередъ». Мустафа-ага, разумѣется, воспользовался этой льготой, но съ котораго именно

[374] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1670 г. Св. 59. № 17.

мѣста поѣхалъ онъ самостоятельно, неизвѣстно.

Вслѣдъ за дьякомъ Олуховымъ, отпущены были въ Крымъ съ царскою грамотою къ хану станичники-толмачи Игнатій Лазоревъ и Маркъ Михайловъ. Правительство очевидно спѣшило съ дѣломъ о выкупѣ Шереметева. 17 февраля 1671 года, Лазоревъ и Михайловъ были уже въ Крыму[375]. Въ грамотѣ, привезенной станичниками къ хану, царь Алексѣй Михайловичь, между прочимъ, писалъ, что «мимо прежней обычей, на Донцѣ размѣнѣ быть никоими мѣрами невозможно», что онъ «указалъ размѣнѣ быть, попрежнему, у Валуекъ» и чтобы «размѣнный его, хановъ, князь съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ и съ плѣнными людьми шелъ къ Валуйкамъ, не мѣшкая». Станичники Лазоревъ и Михайловъ привезли царскую грамоту и къ Василью Борисовичу Шереметеву, въ которой, послѣ обычнаго «милостиваго слова», объявлялось ему, что окольничій Петръ Дмитріевичь Скуратовъ и дьякъ Иванъ Олуховъ

---

[375] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1670—1673 г. № 51. л. 498—510.

уже отправлены на размѣну и что съ ними послано и государево жалованіе, окупъ за него, боярина, 25.000 золотыхъ червоныхъ. «И тебѣ, боярину нашему,—писалъ далѣе царь Алексѣй Михайловичь,—говорить Аадиль-Гирею хану, чтобъ онъ слалъ по казну размѣнного князя и новыхъ своихъ пословъ, также отпустилъ бы тебя, боярина, подьячаго Гаврилу Михайлова, переводчика и молодого подьячаго. О стольникѣ князь Андреѣ Ромодановскомъ, объ Александрѣ Скуратовѣ, о Михайлѣ Толстомъ, о полковникѣ Олферьѣ Выберхѣ и объ иныхъ начальныхъ и знатныхъ людехъ, говорить же тебѣ, боярину, и учинить договоръ на размѣну на Крымскихъ Татаръ, на колькихъ человѣкъ доведется размѣнить; а если на равное число размѣнить не захочетъ, и тебѣ учинить договоръ по своему разсмотрѣнью, только бы ихъ въ Крымѣ не оставить».

Тотчасъ же по прочтеніи царской грамоты, Василій Борисовичь Шереметевъ просилъ о дозволеніи явиться къ хану, но тотъ, вѣроятно обиженный высокомѣрнымъ тономъ государевой грамоты къ нему, не далъ Шереметеву «видѣть очей своихъ», а указалъ ему быть

у новаго ближняго человѣка Батырь-аги[376]. 20 февраля, Василій Борисовичь видѣлся съ хановымъ ближнимъ человѣкомъ и сообщилъ ему содержаніе послѣдней царской грамоты къ нему, о которой онъ собрался было лично доложить самому хану[377]. Батырь-ага, не вступая въ разговоръ, велѣлъ Шереметеву быть у него 26-го февраля.

Въ назначенный день, Василій Борисовичь былъ у Батырь-аги, и тотъ сказалъ ему: Аадильгиреево царево величество посылаетъ вскорѣ на размѣну размѣннаго князя съ новыми своими послами, что съ извѣстіемъ объ этомъ будетъ посланъ гонецъ къ окольничему Скуратову, что для обереганья размѣннаго князя, ханъ посылаетъ на размѣну Кайя-бея Мансурова и Татаръ, съ десять тысячь человѣкъ, и что съ нимъ же, размѣннымъ княземъ, вмѣстѣ будетъ отпущенъ и онъ, бояринъ, а также подьячій Гаврило Михайловъ, переводчикъ и молодой подьячій. Что же касается до князя Андрея Ромодановскаго и Але-

---

[376] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1670—73 г. № 51. листы 498—510.

[377] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1671 г. Св. 60[в]. № 15.

ксандра Скуратова, то ихъ, по словамъ Батырь-аги, «и на нынѣшнюю размѣну ханъ не изволилъ отпустить и на размѣну на Татаръ, безъ окупу, для того, что многая неправда и ложь объявилась отъ плѣнныхъ людей, которые, договоряся окупами за себя платить на Москвѣ, и въ томъ де давали на себя кабалы, что платить Мустафѣ-агѣ на Москвѣ, и Мустафѣ-агѣ по кабаламъ окуповъ за себя не платили, а кабалы взяты въ Посольскій приказъ; такой де неправды напередъ сего николи не бывало. И видя отъ плѣнныхъ людей неправды, князя Андрея Ромодановского и иныхъ плѣнныхъ людей отпустить нынѣ на размѣну никоими мѣрами невозможно».

На счетъ размѣннаго мѣста, ближній человѣкъ Батырь-ага говорилъ Шереметеву: «Пусть великій государь, его царское величество, укажетъ быть размѣнѣ на Донцѣ; а будетъ великій государь не укажетъ быть размѣнѣ на Донцѣ, и Аадильгиреево царево величество все-таки прикажетъ размѣнному князю итти до Донца, чтобъ быть размѣнѣ на Донцѣ, для того, что нынѣ многіе великого государя городы поставлены вновь и въ

городѣхъ тѣхъ многіе государевы люди есть, и у насъ де боятся великого государя людей въ проѣздѣ, какъ повезутъ казну, чтобъ какого дурна не учинили» [378].

4 марта 1671 года, ханъ отпустилъ изъ Крыма станичниковъ Лазорева и Михайлова. Съ ними же поѣхалъ въ Москву и толмачъ Посольскаго приказа Терентій Фроловъ,— одинъ изъ самыхъ преданныхъ Василью Борисовичу лицъ, изъ числа тѣхъ ста человѣкъ, которые не пожелали покинуть боярина въ его несчастіи и добровольно послѣдовали съ нимъ въ Крымъ, въ басурманскую неволю [379].

Терентій Фроловъ повезъ съ собою, для представленія государю, отписку Василья Борисовича Шереметева, съ изложеніемъ вышеприведеннаго разговора съ ближнимъ человѣкомъ Батырь-агою, а также его собственноручную челобитную. Въ этой челобитной, вотъ что̀ говоритъ Шереметевъ по поводу урѣзанныхъ въ Москвѣ изъ назначенной въ окупъ за него суммы въ тридцать тысячь золотыхъ, пяти тысячь золотыхъ чер-

---

[378] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1670—73 г. № 51. л. 498—510.

[379] Родъ Шереметевыхъ. Кн. V. стр. 448 и 449.

вонныхъ: «Нынѣ, государь, въ твоей милостивой грамотѣ, присланной ко мнѣ съ станичникомъ Игнатьемъ Лазоревымъ и Маркомъ Михайловымъ, написано, что пожаловалъ ты, государь, указалъ послать на размѣну окупу за меня 25.000 золотыхъ червонныхъ, и противъ прежнихъ твоихъ государскихъ грамотъ, каковы писаны къ хану объ окупѣ моемъ и что̀ объявилъ хану Василій Елчинъ, не дойдетъ пяти тысячь золотыхъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, смилуйся государь праведный и милосердый! Призри на убогова и беззаступнова, давнова плѣннова и нужетерпца давнова, погибающаго отъ непріятеля басурманскова и злова народу! Не дай душѣ грѣшной замучиться и головѣ убогой отсѣченной быть! За милосердіемъ своимъ государскимъ, укажи свое государское жалованіе дать въ окупъ мой (достальной) пять тысячь золотыхъ червонныхъ или денегъ шесть тысячь рублевъ, чтобъ непріятель за недосталой окупъ, за пять тысячь золотыхъ, съ размѣны не повезъ меня убогова назадъ, въ Крымъ, и чтобъ

на дорогѣ или въ Крыму погубить и напрасною смертью уморить не велѣлъ. Царь, государь, смилуйся, пожалуй погибающева холопа своего»![380]

Какъ ни просилъ Василій Борисовичъ Шереметевъ о «достальномъ окупѣ», пяти тысячахъ золотыхъ червонныхъ, ему все-таки пришлось внести эту сумму «собою», своими собственными способами. Въ Московскомъ домѣ Василья Борисовича, у жены его, Прасковьи Васильевны, устроенъ былъ сборъ пожертвованій на этотъ предметъ. Успѣху сбора несомнѣнно способствовалъ прибывшій въ Москву почитатель Василья Борисовича толмачъ Терентій Фроловъ. Часть собранной суммы была препровождена къ назначеннымъ на размѣну, окольничему Скуратову и дьяку Олухову, съ жильцомъ Кузьмою Коржавинымъ, на подводахъ Василья Борисовича и въ сопровожденіи его «боярскихъ людей»[381]. При отправленіи другой части собранной денежной суммы встрѣтились какія-то затрудненія,

---

[380] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскій статейный списокъ 1670—73. № 51. л. 498—510.

[381] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1674—77. Св. 62[a] (1676 г. № 6. л. 4).

такъ какъ Шереметевъ вынужденъ былъ написать государю слѣдующее: «Собрано у меня достальной сборной казны, а посылать тое казны мнѣ на размѣну не съ кѣмъ. Которые были у меня людишки, и тѣхъ послалъ я съ прежнею сборною казною. Милосердый государь, царь, пожалуй, вели дать мнѣ подъ достальную сборную казну подводы и провожатыхъ, покамѣстъ дойдутъ твою, великого государя, размѣнную казну». На этотъ разъ челобитная Шереметева была уважена. Всѣмъ воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, «по городамъ отъ Москвы до Тулы, и до Новосили, и до Ливенъ, и до Стараго и Новаго Осколовъ, и до Валуекъ», объявлено было, что, по указу государя, «посланы боярина Василья Борисовича Шереметева, съ достальными окупными деньгами, люди его Алешка Бибиковъ съ товарищи, четыре человѣка; а въ провожатыхъ посланы съ ними до Тулы Московскіе стрѣльцы приказу Тимоѳея Полтева, десятникъ Оська Даниловъ съ товарищи десять человѣкъ». Государевымъ указомъ предписывалось, для охраненія препровождаемой казны, «отъ Тулы провожатыхъ имать по городамъ тожъ число, отъ города до города;

и какъ Алешка Бибиковъ съ товарищи, въ которой городъ пріѣдутъ, и по городамъ воеводамъ и всякимъ приказнымъ людемъ, велѣть его, Алешку съ товарищи, пропускать вездѣ безъ задержанія и провожатыхъ посылать отъ города до города, по десяти человѣкъ, и подводы подъ окупныя деньги давать имъ по подорожной»[382].

Ханъ Аадиль-Гирей, утомленный безконечными переговорами съ Москвою на счетъ мѣста размѣны, въ концѣ концовъ уступилъ. Его успокоили обѣщаніемъ послать государевыхъ ратныхъ людей проводить казну, окупъ и Крымскихъ пословъ съ самого мѣста размѣны, отъ Валуекъ, собственно отъ рѣки Ураевы[383], до Сѣвернаго Донца, именно до Маяцкаго городка[384], всего на протяженіи 150 верстъ; а тамъ, до Тору, оставалось всего съ 20 верстъ[385]. Къ тому же, въ Крыму хорошо знали, что назначенные Московскимъ

---

[382] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла. Книга № 51. л. 609 на об. и 611.

[383] Она протекала въ 8-ми верстахъ отъ Валуекъ.

[384] Маякъ-городокъ, нынѣ слобода Маяки, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда.

[385] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1670—71 г. Св. 59. № 17.

правительствомъ на размѣну окольничій Скуратовъ и дьякъ Олуховъ, съ государевою казною и съ окупомъ за Шереметева, только ждутъ отъ размѣннаго князя извѣщенія, когда имъ сойтись для размѣны; у нихъ все было готово для немедленнаго выступленія въ походъ. При такихъ условіяхъ, ханъ Аадиль-Гирей находилъ вполнѣ возможнымъ отпустить наконецъ боярина Василья Борисовича на размѣну, вмѣстѣ съ новымъ размѣннымъ княземъ Адильшей Сулешевымъ.

29 апрѣля 1671 года, въ субботу на Святой недѣлѣ, Василій Борисовичь былъ у хана Аадиль-Гирея на отпускѣ. Разсказываютъ, что ему велѣли поклониться хану въ землю; послѣ чего на него надѣли соболью шубу и золотно́й кафтанъ. При выходѣ изъ палаты, Шереметеву подвели аргамака съ полнымъ конскимъ уборомъ; кромѣ того, къ нему на домъ, отъ хана принесли еще два кафтана, атласный и суконный, шапку и суконные штаны[386]. Въ заключеніе всего, ханъ Аадиль-Гирей прислалъ Василью Борисовичу Шереметеву свой собственный рыдванъ и подъ него двухъ лошадей съ ханской конюшни.

[386] Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. 2. Книга III. столб. 404.

Словомъ, Василій Борисовичь, по его собственному выраженію, былъ отпущенъ ханомъ «съ великою честью»[387].

1-го мая 1671 года, въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли, Василій Борисовичь Шереметевъ, спокойно усѣвшись въ ханскій рыдванъ, выѣхалъ изъ Бахчисарая, сопровождаемый размѣннымъ княземъ Адильшей Сулешевымъ а также Маметь-агою, которому поручено было принять отъ окольничаго Скуратова государеву казну и окупъ. Въ томъ же поѣздѣ слѣдовали отпущенные на размѣну же: подьячій Гаврило Михайловъ, переводчикъ и молодой подьячій.

Могъ ли подумать Шереметевъ, что въ это самое время ему навстрѣчу неслось роковое извѣстіе, котораго никакъ не могли предвидѣть даже и дьяки Московскаго Посольскаго приказа, столь извѣстные своею зоркою предусмотрительностью.

7-го мая, «не доходя до Перекопа за по́лднище»[388], поѣздъ встрѣтилъ прискакавшій съ Дуная чаушъ Турецкаго султана Лятыфъ

[387] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1671 г. св. 60ª. № 18.

[388] Половина дневного пути.

Челибей и объявилъ размѣнному князю Адильшѣ Сулешеву, что султанъ велѣлъ хана Аадиль-Гирея съ Крымскаго юрта «скинуть» и что въ Крымъ идетъ изъ Константинополя новый ханъ Селимъ-Гирей. Далѣе, чаушъ передалъ Сулешеву приказаніе новаго хана, чтобъ онъ, до его пріѣзда, на размѣну не ходилъ, а отправился бы вмѣстѣ съ нимъ, Челибеемъ, назадъ, въ Бахчисарай; а боярина Василья Борисовича Шереметева оставилъ бы пока въ Перекопѣ, подъ наблюденіемъ Маметь-аги, который оказался тестемъ Селимъ-Гирея.

Легко себѣ представить, что̀ долженъ былъ чувствовать несчастный Василій Борисовичь!.. Онъ хорошо зналъ новаго хана, равно какъ и близкихъ къ нему лицъ, и не могъ не трепетать за свою дальнѣйшую судьбу.

ГЛАВА XX.

По словамъ Василья Борисовича Шереметева, новый Крымскій ханъ Селимъ-Гирей былъ братъ бывшаго хана Мухаммедъ-Гирея IV-го, котораго Василій Борисовичь иначе не называлъ, какъ «своимъ мучителемъ»; жестокосердіе его надолго осталось памятнымъ во всемъ Крымскомъ юртѣ. Напомнимъ, что ханъ Мухаммедъ-Гирей былъ свергнутъ происками Аадиль-Гирея. Ему пришлось бѣжать изъ Крыма и искать убѣжища у Кумыковъ, то-есть, у Черкесовъ. Въ числѣ немногихъ лицъ, рѣшившихся раздѣлить горькую участь изгнанія сверженнаго хана, былъ и царевичъ Селимъ-Гирей[389], сѣвшій теперь на престолъ Крымскаго юрта.

Читатель, можетъ быть, не забылъ ту тем-

---

[389] Родъ Шереметевыхъ. Книга VI. стр. 370 и слѣд.

ную ночь, 4 апрѣля 1666 года, когда Мухаммедъ-Гирей, преслѣдуемый Аадиль-Гиреемъ, «тайнымъ обычаемъ» бѣжалъ съ своими близкими изъ Крыма и какъ онъ поволокъ съ собою закованнаго въ кандалы Василья Борисовича Шереметева, на котораго смотрѣлъ, какъ на богатый ясырь, лично ему принадлежавшій. Ширинскіе беи, находившіе, напротивъ того, что плѣнный бояринъ Шереметевъ составляетъ собственность не личную хана, а государственную, при томъ первостепенной важности, пустились въ погоню за Мухаммедъ-Гиреемъ и наконецъ настигли его за Кубанью, гдѣ-то въ Кабардѣ. Въ рѣшительную минуту, когда дѣло представлялось окончательно проиграннымъ, тотъ же царевичъ Селимъ-Гирей, теперешній ханъ Крымскій, совсѣмъ собрался убить Шереметева, чтобъ онъ не доставался никому. Мы знаемъ, что бояринъ нашъ былъ спасенъ «отъ напрасной смерти», благодаря лишь находчивости Ширинскаго бея.

Теперь, имѣя въ виду злопамятность Азіятовъ, можно понять, какъ долженъ былъ смотрѣть новый Крымскій ханъ на Аадиль-Гирея, на его приближенныхъ, на всю его по-

литику и на самыя отношенія его къ Василью Борисовичу Шереметеву.

И калга, и нурадинъ, и ближній человѣкъ назначены были Селимъ-Гиреемъ еще въ Константинополѣ и, разумѣется, изъ своихъ присныхъ. А кто именно поступили на эти важнѣйшія мѣста въ государствѣ, Шереметевъ и его спутники узнали въ тотъ самый день, когда предъ ними такъ неожиданно предсталъ съ роковою вѣстью чаушъ Турецкій. «Хану Аадиль-Гирею премѣненье стало, —писалъ Шереметевъ государю,—идетъ въ Крымъ новый ханъ Селимъ-Гирей, прежнему Мухаммедъ-Гирею хану братъ, и съ нимъ бѣгалъ отъ Аадиль-Гирея хана. Хотѣлъ онъ меня убить на Черномъ Кубанѣ, какъ взялъ меня у Мухаммедъ-Гирея хана Ширинъ-бей. Нынѣ у Селимъ-Гирея, калгою—братъ его Селеметъ-Гирей, а нурадиномъ—другой его братъ Саферъ-Гирей султанъ»[390]. Послѣдній и братъ его Муратъ-Гирей, были тѣ самые два царевича, о которыхъ Шереметевъ съ такимъ негодованіемъ писалъ къ государю, вслѣдъ за Чудновской катастрофой, едва ли не въ

[390] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1671 г. Св. 60[в]. № 18.

первой своей отпискѣ изъ Крыма. «Царевичи нечестивые, — читаемъ въ той отпискѣ, — шертовали и души свои дали въ аманатехъ мнѣ, что было имъ меня съ товарищи и всѣхъ великого государя ратныхъ людей изъ обозу моего выпустить совсѣмъ вцѣлѣ. И нечестивые царевичи за шертью солгали: взяли меня и многихъ великого государя ратныхъ людей, какъ вязней и какъ кто бываетъ взятъ саблею, такъ и меня привезли въ Крымъ нечестивые и отдали брату своему Мухаммедъ-Гирею»[391].

Согласно указу хана Селимъ-Гирея, Маметь-ага привезъ боярина Василья Борисовича Шереметева въ Перекопъ и, по словамъ самого Василья Борисовича, «посадилъ его въ другомъ меньшомъ городкѣ, за большимъ карауломъ».

Три недѣли спустя, когда въ Бахчисарай уже съѣхались всѣ карачеи и мурзы для встрѣчи новаго хана, размѣнный князь Адильша Сулешевъ пріѣхалъ въ Перекопъ за Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ и за дьякомъ Гаврилой Михайловымъ. Послѣдняго онъ отправилъ на посольскій станъ, у рѣ-

[391] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. стр 10 и 11.

ки Альмы, въ 10 верстахъ отъ Бахчисарая. А Шереметева сдалъ въ Бахчисараѣ каймакаму. Тотъ заковалъ его въ кандалы, точно также какъ и князя Андрея Ромодановскаго, Александра Скуратова и прочихъ знатныхъ плѣнныхъ, и приказалъ держать всѣхъ въ Жидовскомъ городкѣ, впредь до пріѣзда хана. «И сидѣлъ я въ кайдалахъ—писалъ Шереметевъ—до приходу нового хана, двѣ недѣли»[392].

17 іюня 1671 года, прибылъ въ Бахчисарай новый Крымскій ханъ Селимъ-Гирей, сопровождаемый отъ самого Дуная десятью тысячами Татаръ Бѣлогородской Орды, которыхъ онъ взялъ съ собою, «опасаясь въ степи Калмыковъ». Съ ханомъ пріѣхали изъ Константинополя два брата его, Селеметъ-Гирей,—новый калга и Саферъ-Гирей,—новый нурадинъ, а также вновь назначенный ближній человѣкъ Субханъ-Гази-ага.

Новаго хана встрѣтили съ дарами всѣ карачеи и мурзы, представители знатнѣйшихъ Крымскихъ родовъ, и черные Татары.

Селимъ-Гирей велѣлъ сейчасъ же снять

---

[392] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1671 г. Св. 60[в]. № 18.

кандалы съ боярина Василья Борисовича Шереметева, но, повидимому, избѣгалъ личнаго свиданія съ нимъ. Кто знаетъ, быть можетъ, За-Кубанскія воспоминанія были тягостны и для самого Селимъ-Гирея. Во всякомъ случаѣ, онъ не требовалъ къ себѣ Шереметева и, два дня спустя по пріѣздѣ въ Бахчисарай, приказалъ переговорить съ нимъ своему ближнему человѣку.

19 іюня, Василій Борисовичь, вмѣстѣ съ подьячимъ Гаврилой Михайловымъ, съ переводчикомъ Кутлу-Маметъ-Устькосимовымъ, княземъ Андреемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ и Александромъ Скуратовымъ, былъ у ближняго человѣка Субхана-Гази-аги[393].

Ближній человѣкъ сказалъ Шереметеву и Михайлову: На чемъ съ великимъ государемъ, его царскимъ величествомъ, прежній

---

[393] Въ сказкѣ, поданной государю жильцомъ Кузьмой Коржавинымъ, встрѣчаемъ разнорѣчія съ показаніемъ самого Шереметева. Коржавинъ говоритъ, что Шереметевъ былъ привезенъ изъ Жидовскаго городка къ ближнему человѣку недѣлю спустя, послѣ пріѣзда новаго хана въ Бахчисарай, что его привезли къ Субхану Гази-агѣ въ кандалахъ и что тотъ велѣлъ расковать его только тогда, когда отпустилъ отъ себя. Мы, разумѣется, предпочли показаніе самого Шереметева.

ханъ Аадиль-Гирей договоръ и шерть учинилъ, на томъ и новый ханъ Селимъ-Гирей съ великимъ государемъ въ дружбѣ и любви быть желаетъ. Только бъ великій государь указалъ дать казну на всѣ годы, въ которыхъ былъ Аадиль-Гирей ханъ, для того, что онъ въ тѣ годы войною не ходилъ.

Шереметевъ и Михайловъ, отказали въ томъ ближнему человѣку, объявивъ, что «имъ такого великого дѣла перенимать на себя и говорить, немочно».

Тогда Субханъ-Гази-ага, повторивъ, что ханъ Селимъ-Гирей съ царскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви быть хочетъ, сказалъ, что его царево величество посылаетъ къ великому государю своихъ гонцовъ, Караджанъ-агу съ товарищи, государство свое обвѣстить. «А вы бы, бояринъ и подьячій, къ царскому величеству о томъ писали и людей своихъ съ гонцами послали».

Потомъ, ближній человѣкъ, подозвавъ къ себѣ князя Ромодановскаго, сказалъ ему, чтобъ онъ далъ за себя окупу 80.000 ефимковъ да Крымскихъ Татаръ-полоняниковъ 60 человѣкъ.

«Больше десяти тысячь окупу посулить

за себя не могу», отвѣтилъ князь Ромодановскій.

— Да вѣдь отецъ твой,—возразилъ ближній человѣкъ,—у царскаго величества боярин̃ъ и владѣетъ Украйною всею; только пойди онъ съ шапкой, и съ одной Украйны соберетъ больше ста тысячь».

«Хотя бы ханъ велѣлъ замучить меня,—отвѣтилъ князь Ромодановскій,—а больше десяти тысячь за меня не будетъ».

— Коли даже князь Андрей Ромодановскій сулитъ за себя только десять тысячь,—заключилъ ближній человѣкъ,—Александръ Скуратовъ, пожалуй, посулитъ за себя двѣ тысячи, и намъ то будетъ за безчестье, а для того не хочу и спрашивать его объ окупѣ.

Наканунѣ Петрова дни, 28 іюня, ханъ Селимъ-Гирей отпустилъ въ Москву, къ великому государю, своихъ гонцовъ, Карадж̃анъ-агу съ товарищи; съ гонцами выѣхали: жилецъ Кузьма Коржавинъ, съ отпискою къ государю Василья Борисовича Шереметева, и толмачъ Маркъ Михайловъ, съ отпискою подьячаго Гаврилы Михайлова. Въ Валуйкахъ, Коржавинъ и Михайловъ, покинувъ

Крымскихъ гонцовъ, поѣхали къ Москвѣ напередъ и прибыли туда 25 іюля.

Началомъ отписки Василья Борисовича мы уже воспользовались по частямъ въ предыдущемъ разсказѣ, о пріѣздѣ чауша Челибея, о заключеніи Шереметева въ Перекопѣ, о возвращеніи его въ Жидовскій городокъ, о пріѣздѣ новаго хана, о свиданіи съ ближнимъ человѣкомъ Субханъ-Гази-агой и о прочемъ. Далѣе, Шереметевъ писалъ государю: «А сколько казны Селимъ-Гирей ханъ проситъ у тебя и гдѣ быть размѣнѣ, о томъ говорилъ ближній человѣкъ подьячему Гаврилу Михайлову и онъ, подьячій, писалъ о томъ къ тебѣ, великому государю[394]. А окупъ за меня, противъ прежняго договору[395], какъ съ Аадиль-Гиреемъ ханомъ договоръ былъ. Люди, государь, новые и мысль ихъ и слова вновь стали. Милости у тебя, великого государя, прошу надъ убогимъ плѣннымъ и давнымъ нужетерпцемъ своимъ. Пожалуй, государь, вели окупить меня. За грѣхи свои я трижды полоненъ въ одиннадцать лѣтъ. И ны-

[394] Къ сожалѣнію, этой отписки Гаврилы Михайлова мы не имѣемъ.

[395] То-есть, тотъ-же.

нѣ я мучусь такъ же, какъ и при Мухаммедъ-Гиреѣ ханѣ»[396].

Вслѣдъ за Коржавинымъ, пришли въ Москву и гонцы хана Селимъ-Гирея, Карадженъ-ага съ товарищами. «Божіею милостію, по его благодати,—написано въ привезенной гонцами грамотѣ къ царю Алексѣю Михайловичу новаго Крымскаго хана[397],—я, великій Селимъ-Гирей, ханово величество, на отцовскомъ юртѣ, на высокомъ мѣстѣ, воцарился. И буди благодать Божія надо мною! А что при Аадиль-Гиреѣ ханѣ, межъ обоихъ юртовъ братская дружба, для бѣдныхъ земскихъ людей для тишины и покоя, учинилась было, и попрежнему извычаю, казны посылать и невольниковъ размѣнять радѣли, и то намъ, ханову величеству, вѣдомо учинилось. И мы по тому жъ, обоихъ юртовъ мира и добра желаемъ. А что при томъ Аадиль-Гиреѣ ханѣ, по упрошенію вашему, чтобъ дружба учинилась на томъ, что изъ давнихъ лѣтъ недаванныя казны на три года вдругъ дать

---

[396] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1671 г. Св. 60[в]. № 18.

[397] По современному и весьма неисправному переводу съ подлинной грамоты „Татарскаго письма“.

и впредь на всякой годъ давать безъ убавки на словѣ положили, а о прошлыя бъ казны не помянути, и по тому вашему упрошенію, ближніе наши князи и карачеи и аги, Аадиль-Гирею хану доложа, на мѣрѣ поставили: за прошлые три годы, въ которые было смутное время, казну прислать вдругъ, а тѣхъ (то-есть, прошлую казну) отставили. А какъ договоръ тотъ учинили съ Аадиль-Гиреемъ ханомъ, и съ того числа межъ нами прошло три года[398], и потому нынѣ доведется на шесть лѣтъ казны... А что размѣнѣ быть на Валуйкахъ, слова ваши были, а на Валуйкахъ быть непристойно, потому что намъ неподручно тамъ. Аже дастъ Богъ, размѣнѣ велѣли быть подъ Азовомъ. До Азова всѣ убытки (то-есть, расходы) ваши, а изъ Азова—все наше. А что въ Крыму невольникъ вашъ бояринъ Шереметевъ, и то намъ вѣдомо, что онъ ближній вашъ человѣкъ, а таковъ человѣкъ дать можетъ Татаръ безъ счету и денегъ безсмѣтныхъ. А мы, ханово величество, къ животамъ не прикасаясь, что́ при Аадиль-Гиреѣ

[398] Противъ этихъ словъ, на поляхъ, рукою дьяка Посольскаго приказа поправлено: „Годъ и два мѣсяца и на нынѣшній годъ посылка готовить велѣно“.

ханѣ окупу на него положено, на томъ и стоимъ. Окупъ его съ казною вмѣстѣ велите прислать на Азовъ. А буде межъ обоихъ юртовъ не учнете желать дружбы, и бояринъ вашъ Шереметевъ на окупъ николи не дастся: въ Крыму въ забвеніи будетъ. А буде си наши рѣчи вамъ пристойны будутъ, шлите въ Азовъ казну на три года (на другіе три—въ слѣдующую размѣну) и окупъ за Шереметева. А гонца нашего Караджана, давъ ему любительныя грамоты, а также пословъ своихъ, велите прислать безъ задержанія. Тогда и мы, взявъ пословъ вашихъ къ себѣ на приказъ, наше государское обѣщаніе и шертную грамоту за золотою печатью, къ вамъ, брату нашему, пришлемъ и на вѣки будемъ въ братской дружбѣ, буде съ вашей стороны нарушенья не будетъ»[399].

Такой рѣзкой, рѣшительной грамоты давно уже не присылали изъ Крыма. По крайней мѣрѣ, при Аадиль-Гиреѣ такъ не писали. Конечно, по одному документу трудно судить о характерѣ новаго Крымскаго хана, но важно уже то, что приведенная «любитель-

[399] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1670—71. № 52.

ная» грамота была первою,—съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ, а въ такой грамотѣ обыкновенно избѣгаютъ всего рѣзкаго, непріятнаго.

Селимъ-Гирей, имѣвшій столь роковое значеніе въ жизни Василья Борисовича Шереметева, оставилъ по себѣ замѣтный слѣдъ, не только въ судьбахъ Крымскаго ханства, но и въ нашей Исторіи. Съ 1671-го до 1704 года, въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, онъ три раза оставлялъ престолъ отцовъ: въ первый разъ (1678 г.)—по принужденію, во второй разъ (1691 г.)—для богомольнаго путешествія въ Мекку и въ третій разъ (1699 г.)—по добровольной уступкѣ власти своему сыну Девлетъ-Гирею. Въ 1702 году, Селимъ-Гирей въ четвертый разъ принялъ на себя власть ханскую и въ декабрѣ 1704 года, будучи семидесяти трехъ лѣтъ, скончался или, по восточному выраженію, «подобравъ полы стези жизни, устремился въ парадизъ горняго эдема»[400]. Такъ что въ 1671 году, Селимъ-Ги-

[400] Сейидъ Мухаммедъ Риза. Ассебъ о-ссейяръ или Семь планетъ, содержащій Исторію Крымскихъ хановъ съ 1466 по 1737 г. Изд. мирзою Казембекомъ. Казань. 1832 г. Предисловіе издателя, стр. XXVII.—В. Д. Смирновъ. Крымское ханство. Спб. 1887. стр. 708.

рею, при вступленіи на престолъ, было 40 лѣтъ. Значитъ, онъ былъ на два года моложе царя Алексѣя Михайловича. Говорятъ, Селимъ-Гирей былъ «историкъ и поэтъ», что онъ «питалъ расположеніе къ поэтамъ и ученымъ и, какъ во время царствованія, такъ и въ отставкѣ, любилъ бесѣдовать съ мужами науки». Нашъ историкъ Крымскаго ханства, профессоръ Смирновъ, свидѣтельствуетъ, что «всѣ рѣшительно историки, и Крымскіе, и Османскіе, въ одинъ голосъ превозносятъ Селимъ-Гирея, какъ умнаго правителя и какъ хорошаго человѣка», что онъ «не былъ такъ властолюбивъ, какъ остальные его родичи», что «скитальческая жизнь, съ самой юности, выработала въ Селимѣ практическую смѣтливость и крайне гуманную снисходительность къ людямъ»[401] и прочее. По всему этому личность новаго Крымскаго хана представляется весьма замѣчательною. Но, извѣстныя по нашимъ отечественнымъ архивнымъ источникамъ подробности бѣгства Селимъ-Гирея, когда онъ еще былъ царевичемъ, изъ Крыма за Кубань, вмѣстѣ съ Мухаммедъ-

[401] В. Д. Смирновъ. Крымское ханство. Спб. 1887. стр. 587, 710 и 711.

Гиреемъ[402], а также только что приведенная «любительная» грамота, освѣщаютъ личность Селимъ-Гирея нѣсколько инымъ свѣтомъ. Примемъ это пока только къ свѣдѣнію и возвратимся къ прерванному разсказу.

Крымскіе гонцы, Караджанъ съ товарищами, послѣ представленія великому государю ханской грамоты, именно 9 августа 1671 года, были позваны «для отвѣту» въ Посольскій приказъ. Тамъ они заявили: «Послалъ насъ къ великому государю, къ его царскому величеству, Крымскій новый ханъ Селимъ-Гирей съ любительными грамотами; а о дѣлехъ ни о какихъ словесно намъ говорить не наказано; только наказано намъ, подавъ великому государю грамоты, бити челомъ, чтобъ великій государь указалъ, отпустить насъ въ Крымъ, къ ханову величеству, не задержавъ. А изъ Крыму поѣхали мы тому 30 дней, и отъ Валуекъ до Москвы ѣхали мѣшкотно, за великими грязьми».

Гонцы напрасно, однако, думали, что Московскіе дипломаты удовольствуются такимъ уклончивымъ заявленіемъ.

— А Селимъ-Гирей ханъ, — вопросилъ

[402] Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. стр. 371—376.

начальникъ Посольскаго приказа думный дворянинъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, —давно ль на Крымскомъ юртѣ учинился и прежнему хану Аадиль-Гирею, за что̀ премѣненье учинилось? И ближніе люди у Селимъ-Гирея хана тѣже ли, которые были и у Аадиль-Гирея хана? И Адильша мурза Сулешевъ и иные мурзы, и бояринъ Василій Борисовичь, и иные плѣнные люди, высланы были на размѣну изъ Бахчисарая, и изъ Перекопи назадъ поворочены, для чего?

«Какъ Селимъ-Гирей ханъ — отвѣчали гонцы—учинился на Крымскомъ юртѣ и пришелъ въ Бахчисарай, и послѣ того, въ девятый день, послалъ насъ къ великому государю, къ его царскому величеству, съ любительными грамотами; а ближній человѣкъ нынѣ у хана Субханъ-Гази-ага, пришелъ въ Крымъ съ ханомъ вмѣстѣ; а иные ближніе люди и аги и карачеи тѣ жъ, которые были и при Аадиль-Гиреѣ ханѣ; а Адильша мурза и иные мурзы и бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ и иные плѣнные люди изъ Перекопи поворочены въ Бахчисарай для того, что учинился новый ханъ; и на размѣну, размѣннаго князя и боярина Василья Борисо-

вича отпуститъ въ то время, какъ мы, гонцы, поворотимся въ Крымъ; а къ походу, на размѣну, размѣнный князь и ратные люди готовы, только ожидаютъ отъ царского величества вѣсти. А за что́ Аадиль-Гирей ханъ премѣненъ и гдѣ нынѣ, того мы не вѣдаемъ».

— Ближнимъ людямъ, агамъ и карачеямъ прежнимъ, которые были и у Аадиль-Гирея хана, вѣдомо, что прежній ханъ Аадиль-Гирей великому государю, его царскому величеству, за себя и за весь Крымъ и впредь будущихъ хановъ, кто по немъ будетъ, вѣру далъ, на куранѣ шерть учинилъ и шертную грамоту за золотою печатью прислалъ, а въ шертной его грамотѣ написано, что ему, Аадиль-Гирею хану, и впредь будущимъ ханамъ, съ великимъ государемъ, съ его царскимъ величествомъ, быть въ крѣпкой дружбѣ и любви навѣки. И тое Аадильгиреева шерть имъ, ближнимъ людямъ, слѣдовало объявить Селимъ-Гирею хану и уговаривать, и Адильшу мурзу и боярина Василья Борисовича Шереметева и плѣнныхъ людей изъ Перекопи было не поворачивать. А ближніе люди, не токмо что не объявили той шерти Селимъ-Гирею хану и не уговаривали, но еще

до пріѣзда новаго хана въ Бахчисарай, боярина Василья Борисовича и иныхъ плѣнныхъ людей перековали. И имъ такого зла надъ честны̀ми людьми чинить не годилось бы!

Гонцы отвѣтили Матвѣеву: «Какъ ближніе люди боярина Василья Борисовича Шереметева и иныхъ плѣнныхъ людей ковали и что̀ надъ ними дѣлали, того мы не вѣдаемъ. Мы люди черные, а не думные, и ближніе люди къ думѣ насъ не припускаютъ».

Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ заговорилъ о размѣнномъ мѣстѣ:—Прежній ханъ Аадиль-Гирей съ гонцами своими, Хазымъ-аталыкомъ съ товарищи, писалъ къ великому государю, что онъ размѣннаго князя и боярина Василья Борисовича и иныхъ плѣнныхъ людей вышлетъ на размѣну въ первыхъ числахъ мая и чтобъ казну слали на Донецъ и размѣну учинить на Донцѣ. И по указу его царскаго величества, окольничій Скуратовъ и посланники и казна и Крымскіе послы и полоняники высланы на Старый да на Новый Осколы, а на Донецъ, съ вѣстью къ размѣнному князю и къ подьячему Гаврилѣ Михайлову, посланы были гонецкій человѣкъ да толмачъ, чтобъ размѣнный князь съ бояри-

номъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ и съ плѣнными людьми шли на прежнее размѣнное мѣсто, на рѣку Ураеву; а на Донцѣ размѣнѣ быть великій государь не указалъ. И тѣ посыльщики размѣннаго князя на Донцѣ ждали многое время и, не дождався, пріѣхали къ Москвѣ. Подьячему же Гаврилѣ Михайловѣ указано было говорить новому хану Селимъ-Гирею, чтобъ онъ Аадильгирееву шертную грамоту подтвердилъ, на куранѣ шерть учинилъ при немъ, Гаврилѣ, и шертную грамоту, переписавъ на свое имя и привѣсивъ золотую печать, ему, Гаврилу, далъ, и размѣннаго князя и боярина Василья Борисовича Шереметева и плѣнныхъ людей всѣхъ на размѣну, къ Валуйкамъ, слалъ бы безъ мотчанья.

Выслушавъ это, гонцы категорически заявили: «Ханъ Селимъ-Гирей, не дождався насъ, гонцовъ, размѣннаго князя и боярина Василья Борисовича, на размѣну не пошлетъ и шерти не учинитъ; а о размѣнномъ мѣстѣ, гдѣ быть размѣнѣ, писано въ хановѣ грамотѣ».

21 августа, Крымскіе гонцы Караджанъ съ товарищами были у государя на отпускѣ,

а 26-го числа выѣхали изъ Москвы. Съ ними отправился въ Крымъ царскій посланникъ Василій Ѳедоровичь Шишкинъ, съ толмачемъ Полуехтомъ Кучумовымъ. Онъ повезъ государевы любительныя грамоты и легкіе поминки для хана, калги и нурадина. Съ Шишкинымъ также послано было государево жалованье, «на пропитанье»: Василью Борисовичу Шереметеву — 200 золотыхъ червонныхъ, а князю Ромодановскому, Скуратову и Толстому—по 50 золотыхъ каждому. «И ты бы—писалъ царь Алексѣй Михайловичь Шереметеву — наше, великого государя, жалованье у Шишкина принялъ и упованіе возлагая на всемилостиваго Господа Бога и на Пресвятую Богородицу, объ отпускѣ своемъ и иныхъ нашихъ плѣнныхъ знатныхъ людехъ промыслъ имѣлъ, какъ тебя всесильный Богъ вразумитъ; а наша, великого государя, милость къ тебѣ премѣнена николи не будетъ»[403].

---

[403] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1670—71. № 52. л. 31, 36, 75.

ГЛАВА XXI.

17 сентября 1671 года, царскій посланникъ Василій Ѳедоровичь Шишкинъ и Татарскій гонецъ Караджанъ пріѣхали на Валуйки. Здѣсь они были задержаны на два дня, изъ-за провожатыхъ и подводъ. Съ Валуекъ они шли на Маяцкій городокъ[404], на Торъ[405], на Овечьи-Воды[406] и на Молочные-Воды[407]. «И пришли мы—показывалъ потомъ Шишкинъ —къ морской проливѣ на Чюнгуръ, и на той проливѣ перевозились Татаровя, человѣкъ съ тысячу, изъ Крыму на Ногайскую сторону. Это было 27 сентября. Татары сказали,

---

[404] Нынѣ слобода Маяки, Харьковской губ., Изюмскаго уѣзда.

[405] Нынѣ заштатный городъ Славянскъ, Харьковской же губерніи, Изюмскаго уѣзда.

[406] Рѣка, впадавшая въ Днѣпръ „плесами и озерами".

[407] Рѣка Таврической губерніи, впадающая въ Молочанскій лиманъ.

что они идутъ за ханомъ Селимъ-Гиреемъ въ походъ и что ханъ пошелъ въ Черкесы, «Калмыковъ и Ногайскихъ Татаръ пріимать, которые напередъ сего кочевали къ Крымскому юрту». Гонецъ Караджанъ, узнавъ отъ Татаръ, что ханъ Селимъ-Гирей стоитъ обозомъ на Тонкихъ-Водахъ, сейчасъ же поѣхалъ къ нему. А Шишкинъ остался въ Чюнгурѣ, отправивъ съ Крымскимъ гонцомъ толмача Полуехта Кучюмова, сказать ближнему человѣку, что онъ, посланникъ Шишкинъ, по указу его царскаго величества, посланъ къ хану Селимъ-Гирею съ государевыми грамотами и легкими поминками, для ихъ государской дружбы и любви.

На другой же день, 28 числа, толмачъ Кучумовъ возвратился съ извѣстіемъ, чтобы Шишкинъ съ государевыми грамотами и легкими поминками ѣхалъ изъ Чюнгура къ хану, въ обозъ, не мѣшкавъ.

29 сентября, Василій Ѳедоровичь Шишкинъ пріѣхалъ въ ханскій обозъ. Его помѣстили въ «войлошной избушкѣ», около шатровъ ближняго человѣка Субханъ-Гази-аги. Всего въ 30 саженяхъ стояли хановы шатры. Тотчасъ же по пріѣздѣ, Шишкинъ былъ при-

глашенъ въ шатеръ ближняго человѣка. Когда онъ шелъ, изъ шатровъ вышли къ нему навстрѣчу его недавніе спутники, гонцы Караджанъ съ товарищами.

Субханъ-Гази-ага сидѣлъ въ шатрѣ, окруженный мурзами, человѣкъ съ двадцать. Когда вошелъ царскій посланникъ, онъ не всталъ съ своего мѣста, а только спросилъ его о здоровьѣ и велѣлъ сѣсть рядомъ съ собою. Послѣ минуты молчанія, ближній человѣкъ обратился къ Шишкину съ вопросомъ: «Для какихъ дѣлъ ты присланъ къ хану отъ великаго государя? Дѣла тѣ объяви мнѣ».

— По указу великаго государя,—началъ Шишкинъ,—посланъ я, по присылкѣ Селимъ-Гирея хана, съ грамотами къ нему отъ его царскаго величества и съ легкими поминками. И ты бъ донесъ хану, чтобъ онъ велѣлъ мнѣ быть у себя вскорѣ.

«Ханъ тѣшится въ полѣ псовою охотою,—отвѣтилъ ближній человѣкъ;—а какъ будетъ въ шатры, я ему донесу и тебѣ вѣстно учиню».

Съ этимъ Шишкинъ былъ отпущенъ отъ ближняго человѣка.

Какъ только ханъ Селимъ-Гирей «при-

шелъ въ шатры съ потѣхи», ближній человѣкъ прислалъ къ Шишкину копычейскаго голову, съ приказаніемъ, идти къ хану.

Шишкинъ, взявъ съ собою государеву грамоту и легкіе поминки, отправился въ ханскій шатеръ, предшествуемый копычейскимъ головою и осмью копычеями.

Войдя въ шатеръ, посланникъ Шишкинъ поклонился хану «по обычаю» и, спрося у него, отъ имени великаго государя, о здоровьѣ, поднесъ грамоту и поминки.

Ханъ Селимъ-Гирей, не вставая съ мѣста, спросилъ у Шишкина про здоровье великаго государя, а грамоту царскую приказалъ было принять ближнему человѣку. Но Шишкинъ грамоты не далъ, сказавъ хану: «Исперва ты великому государю оказываешься нелюбовью, приказывая принять его грамоту ближнему человѣку; и тебѣ бы принять царскую грамоту самому».

Ханъ взялъ грамоту и тутъ же передалъ ее ближнему человѣку, а поминки, именно 40 соболей и чернобурую лисицу, велѣлъ принять казнодару. За тѣмъ, Шишкинъ началъ говорить рѣчь по наказу: о желаніи царскаго величества быть съ нимъ, ханомъ, въ

дружбѣ и любви; о титлѣ царскомъ, писать бы его, какъ при Аадиль-Гиреѣ; чтобы приказалъ своимъ ближнимъ людямъ учинить съ нимъ, Шишкинымъ, договоръ о Польскомъ дѣлѣ; чтобъ для дружбы и любви съ великимъ государемъ, велѣлъ отпустить, вмѣстѣ съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, на размѣну безъ окупа стольника князя Андрея Ромодановскаго, Александра Скуратова и Михайла Толстого и чтобы самой размѣнѣ указалъ быть на Валуйкахъ.

Селимъ-Гирей, выслушавъ рѣчь Московскаго посланника, отвѣтилъ, что онъ и самъ желаетъ быть съ великимъ государемъ, его царскимъ величествомъ, въ дружбѣ и любви; но что въ грамотахъ, титла его, государскаго, какъ великій государь самъ себя описуетъ, писать не будетъ, потому что, ни Турецкій султанъ, ни прежніе Крымскіе ханы, ни отецъ его, такихъ титлъ не писывалы. Ханъ же Аадиль-Гирей, какъ вѣдалъ, такъ и писалъ и онъ де ему не указъ. Относительно Польскихъ дѣлъ, Селимъ-Гирей сказалъ, что не велитъ своимъ ближнимъ людямъ чинить съ нимъ, Шишкинымъ, договора по этимъ дѣ-

ламъ, ибо Польскимъ королевствомъ владѣетъ король и онъ самъ государству своему государь: буде есть у него какое дѣло до него, хана, и онъ будетъ писать къ нему и дѣла съ нимъ дѣлать черезъ своихъ пословъ. «А размѣнѣ—говорилъ далѣе ханъ—быть подъ Азовомъ; индѣ нигдѣ размѣнѣ не быть. И казну бы прислать на размѣну, по договору, вдругъ, на три годы; да впредь, на другую размѣну,—на три жъ годы, которые годы прошли послѣ договору».

Въ статейномъ спискѣ сказано, что посланникъ Шишкинъ, «про тѣ статьи выговаривалъ хану по наказу». Селимъ-Гирей поспѣшилъ отпустить его изъ шатра, сказавъ, что велитъ учинить отвѣтъ ему своимъ ближнимъ людямъ.

Ближній человѣкъ Субханъ-Гази-ага, у котораго Шишкинъ былъ въ тотъ же день, говорилъ тоже самое, что и ханъ. «Буде статьи наши—сказалъ онъ—великому государю будутъ годны, ханъ шерть учинитъ, дастъ шертную грамоту за золотою печатью и тебя, посланника, отпуститъ изъ-подъ Азова. Буде статьи негодны, пиши къ великому государю объ указѣ и поѣзжай теперь же изъ похода

хана на Альму, въ посольскій станъ, и тамъ дожидайся государева указа».

Шишкинъ, рѣшительно заявилъ, что если ханъ въ шертной грамотѣ напишетъ государевы именованія и титлы не по его, государскому, достоинству, если ничего не напишетъ по Польскому дѣлу и укажетъ быть размѣнѣ подъ Азовомъ, а не на Валуйкахъ, то онъ, Шишкинъ, такой шертной грамоты не приметъ.

Твердое слово Московскаго посланника имѣло свое дѣйствіе. Ханъ Селимъ-Гирей, при выступленіи въ походъ съ Тонкихъ-Водъ, велѣлъ Шишкину слѣдовать за собою, очевидно, въ надеждѣ, что онъ сдастся. На станѣ Джанкисъ-Агачь, ханъ позвалъ Шишкина къ себѣ въ шатеръ и говорилъ ему тоже, что и прежде, но тотъ упорно стоялъ на своемъ и, какъ сказано въ статейномъ спискѣ, «во всемъ хану отказалъ». Селимъ-Гирей, разгнѣванный упорствомъ Шишкина, приказалъ ему ѣхать въ Крымъ, на рѣку Альму, въ посольскій станъ, и тамъ дожидаться возвращенія его, хана, изъ похода.

5 октября, посланникъ нашъ прибылъ на посольскій станъ, въ 10 верстахъ отъ Бах-

чисарая. Станъ сей,—устроенный въ одной изъ самыхъ красивыхъ долинъ Крыма, на берегу рѣки Альмы, въ мѣстности, получившей въ наши дни всемірную извѣстность по сраженію, въ Крымскую кампанію, нашего войска съ союзною арміею, въ октябрѣ 1854 года,—представлялъ, дѣйствительно, ужасный видъ. Весь станъ состоялъ изъ четырехъ пѹнишекъ или хлѣвовъ, складенныхъ изъ дикаго, нетесанаго камня, смазанныхъ навозомъ, безъ потолковъ и полу, безъ лавокъ и дверей, а для свѣту въ каждомъ хлѣвѣ было по одному окошечку. «И воистину объявляемъ о томъ строеньѣ,—восклицаетъ въ порывѣ отчаянія одинъ изъ преемниковъ Шишкина, —яко псомъ и свиніямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе, нежели тамъ намъ, посланникамъ царского величества»![408]

8 октября, посланникъ Шишкинъ ѣздилъ въ Жидовскій городокъ, къ Василью Борисовичу Шереметеву. Онъ вручилъ ему царскую грамоту съ милостивымъ словомъ, а также двѣсти золотыхъ червонныхъ, присланныхъ

---

[408] Записки Одесскаго Общества Исторіи Древностей. Т. II. Отдѣленіе 2. Одесса 1850. стр. 578. столб. 2.

Шереметеву царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, «на пропитанье».

Государево жалованье пришло какъ нельзя болѣе кстати. Шереметевъ находился въ крайнемъ положеніи. «Какъ, по грѣху моему, —писалъ онъ государю,—было такое время, какъ отпустилъ было меня Аадиль-Гирей ханъ, и, не вѣдая той бѣды своей, что будетъ премѣненье ему, а мнѣ съ дороги ѣхать назадъ въ Жидовской городокъ,—что̀ было у меня для пропитанья твое, великого государя, жалованье прошлыхъ лѣтъ, и то все роздалъ ближнимъ людямъ и остался въ одной рубашенкѣ, да и питаться было нечѣмъ, голоденъ былъ я. И только бъ всемогущій Богъ не извѣстилъ тебѣ, великому, милостивому государю, про разоренье мое, и не взыскалъ бы ты своимъ милосердымъ государскимъ жалованьемъ убогого холопа своего, и я бы бродилъ нагъ и съ голоду бъ умеръ. А нынѣ, по милости твоей, государской, брожу въ жидовской избѣ не нагъ и душа грѣшная питается твоимъ, государскимъ, жалованьемъ. Живъ Богъ и твоя, великого государя, милость сіяетъ ко мнѣ, какъ великое пресвѣтлое солнце; жива и душа моя».

Но, не матеріальная только нужда угнѣтала духъ боярина Василья Борисовича Шереметева. Съ воцареніемъ новаго хана, у него установились самыя дурныя отношенія со всѣми его приближенными. «Ближніе люди новые—писалъ Шереметевъ царю Алексѣю Михайловичу — въ нравахъ своихъ злые и ко мнѣ недобры; не таковы добронравы, какъ напередъ сего были при Аадиль-Гиреѣ ханѣ: ко всякому доброму дѣлу были склонны»[409].

Мысль о вѣчной неволѣ со всѣми ея ужасами, какъ грозный призракъ, носилась надъ несчастнымъ бояриномъ-узникомъ. Зловѣщіе слухи о Татарской радѣ навѣрное доходили и до смрадной жидовской избы. Вѣдь уже и въ Малороссіи, въ гетманскихъ кружкахъ, передавали за достовѣрное, что въ Крыму, въ отсутствіе хана, «была рада у всѣхъ Татаръ, и на той радѣ говорили: боярина Василья Борисовича Шереметева на размѣну везти ли и что́ окупу взять за него? Будто бы положили на томъ, что денегъ за него не

---

[409] Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Крымскія дѣла 1670—71 г. № 52. лл. 31, 36, 75, 114, 169, 195 на об.

имать и на размѣну не везти. Будетъ де великій государь изволитъ имъ за него дать украинныхъ три города со всѣми жители, и они боярина отдадутъ. А деньги де взять имъ безчестно, у нихъ де много Русского ясырю: продадутъ ясырь, и денегъ будетъ столько жъ. И то де имъ въ честь, что у нихъ въ вязнехъ царского величества ближній человѣкъ, бояринъ. И на томъ, будто бы, всѣ на радѣ постановили: боярина Василья Борисовича Шереметева, такожъ и князя Андрея Григорьевича Ромодановского, изъ Крыму не отдавывать николи»[410].

Все зависило отъ того, какъ взглянетъ на дѣло самъ ханъ Селимъ-Гирей, который лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1672 года возвратился въ Крымъ.

Въ этомъ самомъ году и мѣсяцѣ, именно 30-го мая, на память преподобнаго Исаакія Долматскаго, въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, у царя Алексѣя Михайловича и царицы Натальи Кирилловны, родился царевичъ. То былъ нашъ великій Петръ, которому въ недалекомъ будущемъ, довелось под-

[410] Акты южной и западной Россіи. Т. IX. Спб. 1877. столб. 644 и 645.

нять государственную мощь Россіи до небывалой высоты и положить твердое основаніе къ упраздненію несноснаго ярма Крымскихъ Татаръ, а съ нимъ вмѣстѣ непрестаннаго плача многочисленныхъ полоняниковъ Русскихъ, страдавшихъ въ тяжкой бусурманской неволѣ.

Вотъ старѣйшая запись[411] о рожденіи царевича Петра Алексѣевича:

«180 году, мая въ 30 день, за часъ до свѣта, родися государь царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичь отъ другой царицы и великой княгини Натальи Кирилловны; а имя ему, государю, дано въ предь, въ 12 день, преподобнаго отца нашего Петра Аѳонскаго»[412].

Изъ Шереметевыхъ, у колыбели Петра находились: бывшій Кіевскій воевода боярин Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ и двадцатилѣтній сынъ его комнатный

---

[411] Библіотека Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Родословіе великихъ князей и иныхъ родовъ (рукописная книга, писанная на большихъ Александрійскихъ листахъ). № 173/78. л. 7.

[412] Память преподобнаго Петра Аѳонскаго празднуется 12 іюня. Значитъ, уже потомъ тезоименитство царевича Петра Алексѣевича было перенесено на 29 іюня (память первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла)—день крестинъ царевича.

стольникъ Борисъ Петровичь Шереметевъ,— будущій сподвижникъ новорожденнаго царевича, самое появленіе котораго на свѣтъ, облеклось въ народѣ поэзіей. Говорятъ, рожденіе Петрово было предречено Московскими звѣздочетами, указывавшими на пресвѣтлую звѣзду, ставшую, за девять мѣсяцевъ передъ тѣмъ, близъ Марса.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

РОДОСЛОВІЕ

ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ.

№№ по порядку

№ отцовскій

Колѣно I

1. Андрей Кобыла. Упом. въ 1347 году.

Колѣно II

2. Ѳедоръ Андреевичъ Кошка. 1

Колѣно III

3. Александръ Ѳедоровичъ Беззубецъ 2

Колѣно IV

4. Константинъ Александровичъ Беззубцовъ. . . 3

Колѣно V

5. Андрей Константиновичъ Шереметь 4

Колѣно VI

6. Иванъ Андреевичъ Шереметевъ. † 1521 г.
7. Василій Андреевичъ Шереметевъ, во иноцѣхъ Вассіанъ † 9 января 1548 г. Ж. Евдокія, во инокиняхъ Евпраксія † 29 марта 1548 г. } 5
8. Борисъ Андреевичъ Шереметевъ.

№№ по порядку

№ отцовскій

Колѣно VII

9. Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ, во иноцѣхъ Іона † 27 мая 1577 г. Ж. Евфросинія (во инокиняхъ Евдокія) Ивановна Жулебина.
10. Григорій Васильевичъ Шереметевъ. Убитъ 1548 г.
11. Семенъ Васильевичъ Шереметевъ † 8 октября 1561 года. Ж. Мареа, во инокиняхъ Марія † 1597 г.
12. Никита Васильевичъ Шереметевъ. Убитъ 1564 г. Ж. Евдокія.
13. Иванъ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ. Убитъ 10 февраля 1577 г. Ж. княжна Домна (во инокиняхъ Евникія) Михайловна Троекурова † 10 марта 1583 г.
14. Ѳедоръ Васильевичъ Шереметевъ, во иноцѣхъ Ѳеодоритъ † 26 мая 1592 г. Ж. Ксенія, во инокиняхъ Каптелина.

7

Колѣно VIII

15. Еремей Ивановичъ Шереметевъ.
Агаѳія Ивановна Шереметева († послѣ 27 ноября 1613 г.). За царевичемъ Михаиломъ Кайбуломъ.
Марья Ивановна Шереметева († до 27 ноября 1613 г.). За княземъ Васильемъ Агишевичемъ Тюменскимъ.

9

№№ по порядку | № отцовскій

16. Василій Семеновичъ Шереметевъ † 13 марта 1553 г.
Ксенія Семеновна Шереметева. — 11

17. Петръ Никитичъ Шереметевъ † 13 іюня 1609 г. Жж. 1) NN † 1597 г. 2) княжна Ѳеодосія Борисовна Долгорукова. . . . . — 12

18. Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, во иноцѣхъ Ѳеодосій † 17 февраля 1650 г.
Жж. 1) Евфросинія † 7 іюля, 2) княжна Ирина Борисовна Черкасская † 1 марта 1616 г. 3) Марья Петровна.
Елена Ивановна Шереметева, во инокиняхъ Леонида. За царевичемъ Иваномъ Ивановичемъ † 19 ноября 1581 г.
Ксенія Ивановна Шереметева. — 13

Колѣно IX

19. Иванъ Петровичъ Шереметевъ, во иноцѣхъ Іона, схимникъ † 8 іюня 1647 года. Жж. 1) Марья Елизарьевна Вылузгина, 2) Марѳа Васильевна Нагая, рожд. княжна Веригина-Волконская.
20. Василій Петровичъ Шереметевъ † 1659 г.
21. Борисъ Петровичъ Шереметевъ † 1650 г. Жж. 1) Екатерина Никитишна † 1648 года, 2) княжна Ульяна Петровна Пронская † 4 апрѣля 1676 г. — 17

№№ по порядку | № отцовскій

22. Иванъ Ѳедоровичъ Шереметевъ † до 1613 г.
23. Мокій Ѳедоровичъ Шереметевъ † послѣ 1613 г.
24. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Шереметевъ † 5 марта 1616 г.
25. Алексѣй Ѳедоровичъ Шереметевъ † 28 августа 1632 г.
    Ульяна Ѳедоровна Шереметева † послѣ 1 іюля 1648 г. За Семеномъ Васильевичемъ Головинымъ, род. 10 января... † 1634 г. — 18
    Евдокія Ѳедоровна Шереметева, во иноки-няхъ Евѳросинія † 21 сентября 1671 г. За княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ † 12 февраля 1689 г.
    Анна Ѳедоровна Шереметева, во инокиняхъ Александра, схимница † 2 сентября 1654 г.

Колѣно X

26. Василій Ивановичъ Шереметевъ † 12 января 1652 г. Жж. 1) Ксенія (Коробьина) † 5 мая 1650 г. 2) Евѳимія.
27. Никита Ивановичъ Шереметевъ † 9 іюня 1675 г. Жж. 1) Дарья Степановна Пушкина † 1663 г. 2) Евдокія Ѳедоровна, 3) Прасковья-Домна Парфентьевна Свиньина † 25 ноября 1689 г. — 19
28. Матвѣй Ивановичъ Шереметевъ † 1 декабря 1644 г.
    Анна Ивановна Шереметева.

№№ по порядку. | № отцовскій.

29. Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ † 29 апрѣля 1690 г. Жж. 1) Анна Ѳедоровна Волынская † 12 ноября 1684 г. 2) Марья Ивановна, рожденная Шишкина, по первому мужу Самарина.

30. Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ † 10 іюня 1657 г. Ж. княжна Анастасія Ѳедоровна Черная-Оболенская. — 20
Марѳа Васильевна Шереметева. За княземъ Львомъ Александровичемъ Шляковымъ-Чежскимъ.

31. Василій Борисовичъ Шереметевъ † 23 апрѣля 1682 г. Жж. 1) Марья Ивановна Гавренева † 1654 г. 2) Прасковья Васильевна Третьякова. 21

Колѣно XI

32. Петръ Васильевичъ Меньшой Шереметевъ † 20 апрѣля 1697 г. Ж. Татьяна Аѳанасьевна Матюшкина. Род. 18 іюня 1649 г. † 11 іюля 1716 г.
Анастасія Никитишна Шереметева † въ апрѣлѣ 1704 г. За княземъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, род. 1668 года † 22 декабря 1736 г. — 27
Марѳа Никитишна Шереметева † 1677 г.

33. Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Род. 25 апрѣля 1652 г. † 10 февраля 1719 г. Жж. 1) Евдокія Алексѣевна Чирикова † 20 іюня

№№ по порядку		№ отцовскій
	1703 г. 2) Анна Петровна Нарышкина (рожд. Салтыкова), род. 9 сентября 1670 года † 22 іюля 1728.	
34.	Ѳедоръ Петровичъ Шереметевъ. Жж. 1) Прасковья Ивановна Самойловичъ † 20 марта 1685 г., 2) Анастасія Петровна Плещеева † 31 января 1715 г.	
35.	Иванъ Петровичъ Шереметевъ † 1682 г.	
36.	Василій Петровичъ Шереметевъ. Род. 6-го іюля 1659 г. † 19 апрѣля 1733 года. Жж. 1) княжна Анастасія Семеновна Звенигородская, 2) княжна Прасковья Михайловна Черкасская.	29
37.	Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. Род. 6-го іюля 1668 г. † 9 іюня 1737 года. Ж. Татьяна Васильевна Собакина, во иноки-няхъ Антонія, р. 1668 г. † 30 апрѣля 1747 г. Марья Петровна Шереметева. За княземъ Даніиломъ Григорьевичемъ Черкасскимъ † 4 октября 1706 г.	
38.	Иванъ Васильевичъ Шереметевъ † 1667 г. Ж. княжна Евдокія Петровна Пожарская (во второмъ бракѣ за княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ) † 16 марта 1671 г.	31
	Евфимія Васильевна Шереметева † 17 іюня 1683 г. За княземъ Яковомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, род. 1659 г.	

№№ по порядку | № отцовскій

Колѣно XII

39. Алексѣй Петровичъ Шереметевъ † 1723 г. Ж. княжна Анна Яковлевна Долгорукова, род. въ іюлѣ 1682 г. † 5 іюля 1746 г.

40. Иванъ Петровичъ Шереметевъ. Род. 1689 г. † 26 ноября 1735 г. Ж. Ѳеодосія Андреевна Полева, род. 1687 г. † 12 сентября 1765 г. Анна Петровна Шереметева. Род. 1690 г. † 6 іюля 1720 г. За княземъ Васильемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, род. въ январѣ 1667 г. † 11 февраля 1746 г. — 32

41. Графъ Михаилъ Борисовичъ Шереметевъ. Род. 1 сентября 1672 г. † 23 сентября 1714 г. Ж. Евдокія Григорьевна Нарышкина, род. 1675 г. † 23 января 1739 г.

42. Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. Род. 26 февраля 1713 г. † 30 ноября 1788 г. Ж. княжна Варвара Алексѣевна Черкасская, род. 11 сентября 1711 г. † 2 октября 1767 г.

43. Графъ Сергій Борисовичъ Шереметевъ. Род. 10 октября 1715 г. † 30 января 1768 г. Ж. княжна Ѳетинья Яковлевна Лобанова-Ростовская, род. 1714 г. † 16 февраля 1777 г. — 33

44. Графъ Августъ Борисовичъ Шереметевъ.
Графиня Софья Борисовна Шереметева. Род. 1671 г. † 1694. За княземъ Семеномъ Никитичемъ Урусовымъ.
Графиня Анна Борисовна Шереметева. Род. 1673 г. † 12 мая 1732. За графомъ Иваномъ

№№ по порядку		№ отцовскій
	Θедоровичемъ Головинымъ, род. 29 января 1682 г. † 12 мая 1708 г. Графиня Наталья Борисовна Шереметева, въ инокиняхъ Нектарія. Род. 17 января 1714 г. † 3 іюня 1771 г. За княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, род. 1708 г. † 26 октября 1739 г. Графиня Вѣра Борисовна Шереметева. Род. 4 сентября 1716 г. † 25 апрѣля 1789 г. За Θедоромъ-Авраамомъ Авраамовичемъ Лопухинымъ † 30 апрѣля 1757 г. Графиня Екатерина Борисовна Шереметева. Род. 2 ноября 1718 г. † 14 августа 1799 г. За княземъ Алексѣемъ Васильевичемъ Урусовымъ, род. 13 сентября 1722 г. † 7 января 1796 г.	33
45.	Василій Θедоровичъ Шереметевъ. Род. 1683 г. † 14 іюня 1718 г. Ж. княжна Пелагея Борисовна Львова.	34
46.	Василій Васильевичъ Шереметевъ. Род. 1691 г. † 7 іюля 1729 г. Ж. княжна Ирина Θедоровна Ромодановская.	36
47.	Иванъ Васильевичъ Шереметевъ. Род. 1718 г. † 1778 г. Ж. Анна Аѳанасьевна Юшкова † 1785 г.	
48.	Сергій Васильевичъ Шереметевъ † 29 марта 1773 г. Ж. княжна Наталья Яковлевна Голицына. Род. 21 мая 1731 г. † января 1792 г.	
49.	Николай Васильевичъ Шереметевъ. Доминика Васильевна Шереметева. Первая	

№№ по порядку		№ отцовскій
	жена барона Александра Григорьевича Строгонова (род. 2 ноября 1698 г. † 7 ноября 1754 г). Марѳа Васильевна Шереметева. Род. 4 іюля 1724 г. † 7 января 1792 г. За Петромъ Ѳедоровичемъ Балкомъ, род. 12 марта 1714 г. † 20 апрѣля 1762 г. Елена Васильевна Шереметева. За Петромъ Степановичемъ Колычовымъ, род. 1710 г. † около 1776 г. Анна Васильевна Шереметева † 1758 г. За княземъ Николаемъ Петровичемъ Щербатовымъ † 1758 г.	36
50.	Ѳедоръ Владиміровичъ Шереметевъ † 1715 г. Ж. Мавра Сергѣевна Лопухина. Анастасія Владиміровна Шереметева. За княземъ Алексѣемъ Васильевичемъ Долгоруковымъ.	37

Колѣно XIII

51.	Графъ Алексѣй Михайловичъ Шереметевъ. Род. 1694 г. † 7 октября 1734 г. Ж. Марья Андреевна Нарышкина † 5 іюня 1734 г. Графиня Марѳа Михайловна Шереметева. Род. 11 августа 1700 г. † 29 апрѣля 1782 г. За княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ † 21 іюля 1725 г. Графиня Екатерина Михайловна Шереметева. Род. 20 ноября 1707 г. † 21 января	41

№№ по порядку		№ отцовскій
	1769 г. За Михаиломъ Петровичемъ Салтыковымъ † 6 сентября 1750 г. Графиня Александра Михайловна Шереметева. Род. 4 апрѣля 1710 г. † 13 февраля 1750 г. За графомъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Апраксинымъ, род. 26 іюня 1703 г. † 2 ноября 1754 г.	41
52.	Графъ Борисъ-Порфирій Петровичъ Шереметевъ. Род. 2 ноября 1745 г. † 7 января 1758 г.	
53.	Графъ Алексѣй Петровичъ Шереметевъ. Род. 29 октября 1746 г. † 1748 г.	
54.	Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. Род. 28 іюня 751 г. † 2 января 1809 г. Ж. Прасковья Ивановна Ковалевская, род. 20 іюня 1768 г. † 23 февраля 1803 г.	
55.	Графъ Петръ Петровичъ Шереметевъ. Графиня Анна Петровна Шереметева. Род. 18 декабря 1744 г. † 17 мая 1768 г. Графиня Варвара Петровна Шереметева. Род. 2 января 1759 г. † 27 мая 1824 г. За графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, род. 12 сентября 1748 г. † 5 апрѣля 1822 г. Графиня Марья Петровна Шереметева. Род. 26 октября 1747 г. † 1748 г.	42
56.	Антонъ Васильевичъ Шереметевъ.	
57.	Петръ Васильевичъ Шереметевъ † 1752 г. Ж. Татьяна Лаврентьевна Петрово-Солово.	46

№№ по порядку | № отцовскій

58. Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 20 февраля 1752 г. † 8 февраля 1831 г. Ж. Татьяна Ивановна Марченко, род. 20 сентября 1770 г. † 16 сентября 1830 г.
Прасковья Сергѣевна Шереметева. Род. 1758 г. † 18 августа 1782 г. За Ѳедоромъ Павловичемъ Балкъ-Полевымъ, род. 1744 г. † 26 ноября 1786 г.
Марѳа Сергѣевна Шереметева. Род. 30 сентября....
Елена Сергѣевна Шереметева, во инокиняхъ Евгенія. Род. 21 февраля 1754 г. † 26 октября 1833 г. — 48

59. Алексѣй Ѳедоровичъ Шереметевъ † 18 февраля 1760 г. Жж. 1) княжна Аграфена Александровна Долгорукова † октября 1755 г., 2) Анастасія Никитишна Миклашевская.
60. Владиміръ Ѳедоровичъ Шереметевъ. Род. 8 іюля... † 14 ноября 1780 г. Ж. княжна Марья Андреевна Хованская, род. 23 мая.... † 12 апрѣля 1781 г. — 50

Колѣно XIV

61. Графъ Сергій Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 20 сентября 1721 г. † 6 января 1769 г. Ж. Анастасія Степановна Новосильцева, рожд. княжна Борятинская † 25 февраля 1787 г.
62. Графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Шереметевъ † 25 ноября 1744 г. — 51

№№ по порядку | № отцовскій

63. Графъ Николай Алексѣевичъ Шереметевъ † 1742 г.
Графиня Варвара Алексѣевна Шереметева. Род. 4 декабря 1731 г. — 51

64. Графъ Димитрій Николаевичъ Шереметевъ. Род. 3 февраля 1803 г. † 12 сентября 1871 г. Жж. 1) Анна Сергѣевна Шереметева, род. 8 мая 1810 г. † 11 іюня 1849 г., 2) Александра Григорьевна Мельникова, род. 30 января 1825 г. † 20 декабря 1874 г. . — 54
Варвара Петровна Шереметева. Род. 8 августа 1752 г. † 9 мая 1769 г. За княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ, род. 3 февраля 1735 г. † ранѣе 1807 г. . . — 57

65. Василій Васильевичъ Шереметевъ. Род. 1 марта 1794 г. † 13 ноября 1817 г.

66. Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Род. 1 января 1799 г. † декабря 1837 г. Ж. Елизавета Соломоновна Мартынова, род. 1812 г.

67. Сергій Васильевичъ Шереметевъ. Род. 28 августа 1792 г. † 6 января 1866 г.

68. Николай Васильевичъ Шереметевъ. Род. 5 марта 1804 г. † 6 февраля 1849 г.
Наталья Васильевна Шереметева. Род. 18 января 1795 г. За Димитріемъ Михайловичемъ Обресковымъ, род. 1790 г. † 1864 г.
Юлія Васильевна Шереметева. Род. 17 іюня 1800 г. † 14 января 1862 г. За Васильемъ Александровичемъ Шереметевымъ. — 58

№№ по порядку		№ отцовскій
	Елена Васильевна Шереметева. Род. 16 мая. .	58
69.	Александръ Алексѣевичь Шереметевъ. Род. 8 марта 1733 г. † 2 сентября 1794 г. Ж. Прасковья Сергѣевна Поздѣева, род. 13 октября 1734 г. † 4 апрѣля 1777 г. Александра Алексѣевна Шереметева. За княземъ Николаемъ Алексѣевичемъ Козловскимъ.	59
70.	Ѳедоръ Владиміровичь Шереметевъ. Род. 4 мая 1730 г. † 29 декабря 1767 г. Ж. Марья Петровна Лакостъ, род. 22 іюня 1735 г. † 1807 г. (во второмъ бракѣ Тютчева).	60
71.	Петръ Владиміровичь Шереметевъ. Род. 20 августа.... † 1 декабря 1799 г. Ж. княжна Татьяна Сергѣевна Голицына, род. 2 августа 1736 г. † 9 февраля 1785 г.	
72.	Николай Владиміровичь Шереметевъ. Род. 6 апрѣля 1737 г. † 20 февраля 1800 г.	
73.	Александръ Владиміровичь Шереметевъ. Род. 10 мая 1742 г. † 28 іюля 1803 г. Жж. 1) Марѳа Гавриловна Воейкова, род. 4 іюля 1743 г. † 10 декабря 1777 г., 2) княжна Елена Васильевна Голицына, род. 10 мая 1770 г. † 3 января 1852 г.	
74.	Василій Владиміровичь Шереметевъ. Род. 18 ноября 1743 г. † 23 марта 1806 г. Ж. княжна Анна Семеновна Львова, род. 17 сентября 1759 г. † 1821 г.	

№№ по порядку | № отцовскій

75. Алексѣй Владиміровичъ Шереметевъ. Род. 12 іюля 1749 г. † 19 декабря 1788 г.
76. Борисъ Владиміровичъ Шереметевъ. Род. 1 апрѣля 1754 г. † 16 декабря 1811 г.
Марья Владиміровна Шереметева. Род 3 іюля 1731 г. За Васильемъ Васильевичемъ Исленьевымъ † 2 декабря 1780 г.
Наталья Владиміровна Шереметева. Род. 22 іюня 1746 г. † 31 декабря 1825 г.
Дарья Владиміровна Шереметева. Род. 20 февраля 1747 г. † 11 мая 1823 г. За Александромъ Ивановичемъ Левашовымъ.
Анастасія Владиміровна Шереметева. Род. 20 февраля 1747 г. За Михаиломъ Михаиловичемъ Грибоѣдовымъ, род. 1747 г.
Елизавета Владиміровна Шереметева. Род. 14 марта 1750 г. За Петромъ Васильевичемъ Дурново. — 60

Колѣно XV

77. Графъ Михайлъ Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 10 ноября 1748 г. † 3 іюня 1803 г.
Ж. Пелагея Ивановна Чагина. — 61
78. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Шереметевъ.
Ж. Надежда Яковлевна Зубатова † 1816 г.
79. Графъ Николай Димитріевичъ Шереметевъ. Род. 15 апрѣля 1839 г. † 20 октября 1843 г. — 64
80. Графъ Сергій Димитріевичъ Шереметевъ. Род. 14 ноября 1844 г. Ж. княжна Екате-

№№ по порядку		№ отцовскій
	рина Павловна Вяземская, род. 20 сентября 1849 г.	
81.	Графъ Александръ Димитріевичъ Шереметевъ. Род. 27 февраля 1859 г. Ж. графиня Марья Ѳедоровна Гейденъ, род. 11 августа 1864 г. Графиня Екатерина Димитріевна Шереметева. Род. 26 октября 1860 г. † 8 января 1861 г.	64
82.	Василій Петровичъ Шереметевъ. Род. 29 августа 1836 г. † 18 апрѣля 1893 г. Ж. Ольга Димитріевна Скобелева † 26-го февраля 1898 года. Елизавета Петровна Шереметева. Род. 20 мая 1835 г. За Дмитріемъ Дмитріевичемъ Бибиковымъ. Татьяна Петровна Шереметева. Род. 19 августа 1837 г. † 26 августа 1838 г.	66
83.	Димитрій Александровичъ Шереметевъ. Принялъ постригъ въ Соловецкомъ монастырѣ.	
84.	Яковъ Александровичъ Шереметевъ. Род. 10 апрѣля 1761 г. † 28 октября 1823 г. Ж. Евдокія Степановна Карновичъ.	
85.	Ѳедоръ Александровичъ Шереметевъ. Ж. Екатерина Сергѣевна Власова (во второмъ бракѣ Ивашкина). Марья Александровна Шереметева. Род. 27 іюня..... За Петромъ Николаевичемъ Жеребцовымъ.	69
86.	Владиміръ Ѳедоровичъ Шереметевъ . . .	70

№№ по порядку | № отцовскій

87. Василій Петровичъ Шереметевъ. Род. 9 января 1765 г. † 19 іюля 1808 г. Ж. Надежда Николаевна Тютчева, род. 26 сентября 1775 г. † 11 мая 1850 г.
88. Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Род. 3 января 1766 г. † 25 февраля 1825 г.
89. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. Род. 11 іюня 1767 г. † 5 октября 1787 г.
Марья Петровна Шереметева. Род. 15 апрѣля 1760 г. За Самсоновымъ. — 71

90. Василій Александровичъ Шереметевъ. Род. 1795 г. † 11 апрѣля 1862 г. Ж. Юлія Васильевна Шереметева, род. 17 іюня 1800 г. † 14 января 1862 г.
Марья Александровна Шереметева. Род. 14 февраля 1763 г. † 27 марта 1829 г. За Димитріемъ Ардаліоновичемъ Лопухинымъ.
Софья Александровна Шереметева. Род. 1767 г. † 1839 г.
Анна Александровна Шереметева. Род. 14 апрѣля..... † 12 апрѣля 1882 г. За княземъ Сергіемъ Димитріевичемъ Горчаковымъ † 10 марта 1873 г. — 73

91. Сергій Васильевичъ Шереметевъ. Род. 7 сентября 1786 г. † 25 декабря 1834 г. Ж. Варвара Петровна Алмазова, род. 8 іюля 1786 г. † 11 февраля 1857 г.
92. Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Род. 19 января 1784 г. — 74

№№ по порядку | № отцовский

Екатерина Васильевна Шереметева. Род. 25 февраля 1782 г. † 26 марта 1865 г.
Марья Васильевна Шереметева. Род. 9 октября 1785 г. † 29 мая 1855 г. За Иваномъ Ѳедоровичемъ Булыгинымъ, род. 4 декабря 1767 г. † 5 іюня 1838 г. — 74

Колѣно XVI

93. Графъ Ѳедоръ Михайловичъ Шереметевъ † 1827 г. Ж. Анна Аполлоновна Дашкова, род. 1796 г. † 14 ноября 1816 г. . . . . — 77

94. Графъ Николай Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 25 ноября 1784 г. † 24 мая 1847 г. Ж. Екатерина Ивановна Яковлева, род. около 1787 г. † 1828 г.
Графиня Анастасія Алексѣевна Шереметева † 31 марта 1823 г. За княземъ Александромъ Павловичемъ Долгоруковымъ. — 78

95. Графъ Димитрій Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 28 мая 1869 года. Ж. графиня Ирина Иларіоновна Воронцова-Дашкова, род. 2 декабря 1872 г.

96. Графъ Павелъ Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 19 марта 1871 г.

97. Графъ Борисъ Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 27 апрѣля 1872 г.

98. Графъ Петръ Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 29 января 1876 г.

99. Графъ Сергій Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 21 февраля 1878 г. — 80

№№ по порядку		№ отцовскій
100.	Графъ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 5 сентября 1882 г. † 3 апрѣля 1883 г. Графиня Анна Сергѣевна Шереметева. Род. 29 августа 1873 г. За Александромъ Петровичемъ Сабуровымъ, род. 5 ноября 1870 г. Графиня Марья Сергѣевна Шереметева. Род. 19 мая 1880 г. Графиня Екатерина Сергѣевна Шереметева. Род. 19 мая 1880 г. † 22 мая 1880 г.	80
101.	Графъ Димитрій Александровичъ Шереметевъ. Род. 20 мая 1885 г.	
102.	Графъ Георгій Александровичъ Шереметевъ. Род. 29 ноября 1887 г. Графиня Елизавета Александровна Шереметева. Род. 30 марта 1884 г. Графиня Александра Александровна Шереметева. Род. 2 апрѣля 1886 г.	81
103.	Петръ Васильевичъ Шереметевъ.	
104.	Никита Васильевичъ Шереметевъ. Род. 1880 г.	
105.	Петръ Васильевичъ (другой) Шереметевъ. Род. 1882 г. Ольга Васильевна Шереметева. За Павломъ Александровичемъ Демидовымъ.	82
106.	Алексѣй Ѳедоровичъ Шереметевъ. Род. 10 іюля 1797 г. † 13 февраля 1833 г. Ж. Анастасія Петровна Бибикова	85
107.	Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ. Род. 8 февраля 1800 г. † 21 октября 1857 года. Ж. Екатерина Сергѣевна Шереметева, род. 17 декабря 1813 г. † 7 мая 1890 г. . . .	87

№№ по порядку		№ отцовскій
108.	Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Род. 2 декабря 1798 г. † 28 августа 1800 г. Пелагея Васильевна Шереметева. Род. 8 мая 1802 г. † 29 марта 1871 г. За графомъ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ, род. 1 октября 1796 г. † 29 августа 1866 г. Анастасія Васильевна Шереметева. Род. 1 сентября 1806 г. † въ мартѣ 1846 г. За Иваномъ Димитріевичемъ Якушкинымъ, род. въ ноябрѣ 1793 г. † въ августѣ 1857 г.	87
109.	Александръ Васильевичъ Шереметевъ † 28 февраля 1890 г. Ж. Софья Григорьевна Петрово-Соловово, род. 1 августа 1843 г.	90
110.	Василій Васильевичъ Шереметевъ.	
111.	Василій Сергѣевичъ Шереметевъ (жилъ всего шесть мѣсяцевъ).	91
112.	Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 21 іюня 1811 г. † 26 іюня 1871 г. Ж. княжна Варвара Павловна Голицына, род. 2 декабря 1821 г. † 5 ноября 1857 г.	
113.	Сергій Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 12 февраля 1821 г. † 29 декабря 1884 г. Жж. 1) княжна Варвара Петровна Горчакова † 26 мая 1853 г., 2) Софья Михайловна Муравьева, род. 15 сентября 1833 г. † 23 августа 1880 г.	
114.	Борисъ Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 23 декабря 1822 г. Ж. Ольга Николаевна Шипова, род. 26 февраля 1842 г.	

№№ по порядку | № отцовскій

115. Петръ Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 7 октября.
Анна Сергѣевна Шереметева. Род. 8 мая 1810 г. † 11 іюня 1849 г. За графомъ Димитріемъ Николаевичемъ Шереметевымъ.
Екатерина Сергѣевна Шереметева. Род. 17 декабря 1813 г. † 7 мая 1890 г. За Алексѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ.
Варвара Сергѣевна Шереметева. Род. 13 мая 1815 г. † 9 декабря 1880 г. За княземъ Андреемъ Борисовичемъ Голицынымъ, род. 1791 г. † 11 апрѣля 1861 г. — 91
Софья Сергѣевна Шереметева. Род. 1816 г.
Марья Сергѣевна Шереметева (род. 1808 г.).
Елизавета Сергѣевна Шереметева. Род. 24 декабря 1818 г. † 6 апрѣля 1890 г. За барономъ Ѳедоромъ Дёлёромъ, род. 2 апрѣля 1814 г. † 9 февраля 1856 г.

Колѣно XVII

Графиня Евгенія Николаевна Шереметева. За Теглевымъ 94

116. Графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ. Род. 8 декабря 1898 г.
Графиня Елизавета Димитріевна Шереметева. Род. 26 апрѣля 1893 г.
Графиня Екатерина Димитріевна Шереметева. Род. 10 ноября 1894 г. † 26 февраля 1896 г. — 95

№№ по порядку | № отцовскій

Графиня Ирина Димитріевна Шереметева. Род. 15 марта 1896 г. 95

117. Петръ Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 5 февраля 1827 г.

118. Ѳедоръ Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 20 декабря 1828 г. † 29 сентября 1886 г. Ж. Капитолина Адріановна Веревкина.

119. Александръ Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 9 мая 1830 г. † младенцемъ.

120. Борисъ Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 6 августа 1831 г. † 20 августа 1886 г. Ж. Юлія Сергѣевна Сергѣева. — 106

121. Василій Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 1 января 1833 г. † младенцемъ.
Екатерина Алексѣевна Шереметева. Род. 2 сентября 1825 г. † 21 ноября 1893 г. За Энгелемъ.

122. Василій Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 2 февраля 1834 г. † 5 ноября 1884 г. Ж. Наталья Аѳанасьевна Столыпина, род. 21 іюня 1834 г.

123. Сергій Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 24 марта 1836 г. † 15 декабря 1896 г. Ж. свѣтлѣйшая княжна Евдокія Борисовна Голицына, род. 19 апрѣля 1848 г. — 107

124. Петръ Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 23 октября 1844 г. † 25 октября 1863 г.

125. Владиміръ Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 16 мая 1847 г. † 17 февраля 1893 г. Ж. графиня Елена Григорьевна Строгонова, род. 29 января 1861 г.

№№ по порядку		№ отцовскій
126.	Борисъ Алексѣевичъ Шереметевъ. Род. 9 іюня 1852 г. † 26 іюля 1853 г. Варвара Алексѣевна Шереметева. Род. 15 ноября 1832 г. † 21 февраля 1885 г. За графомъ Владиміромъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, род. 26 іюля 1830 г. † 17 сентября 1886 г. Надежда Алексѣевна Шереметева. Род. въ іюнѣ 1837 г. Екатерина Алексѣевна Шереметева. Род. 16 октября 1840 г. † 15 мая 1841 г. Софья Алексѣевна Шереметева. Род. 23 іюня 1842 г. † 15 марта 1871 г. За графомъ Алексѣемъ Васильевичемъ Бобринскимъ, род. 1 сентября 1831 г. † 24 ноября 1888 г. Анна Алексѣевна Шереметева. Род. 19 августа 1849 г.	107
127.	Василій Александровичъ Шереметевъ. Ж. Наталья Григорьевна Кузнецова. Екатерина Александровна Шереметева. За Павломъ Павловичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ-Толстымъ.	109
128.	Михаилъ Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 13 мая 1861 года. Ж. Паулина Егоровна Генаръ.	113
129.	Сергій Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 20 августа 1862 г. † 4 февраля 1865 г.	
130.	Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 25 августа 1868 г. † 26 декабря 1889 г.	

№№ по порядку		№ отцовскій
	Варвара Сергѣевна Шереметева. Род. 17 февраля 1857 г. † 31 декабря 1860 г. Софья Сергѣевна Шереметева. Род. 31 января 1859 г. † 12 января 1865 г. Надежда Сергѣевна Шереметева. Род. 15 апрѣля 1860 г. За Александромъ Александровичемъ Тимашевымъ, род. 30 января 1857 г. Екатерина Сергѣевна Шереметева. Род. 20 іюля 1863 г. Пелагея Сергѣевна Шереметева. Род. 29 января 1865 г. † 2 мая 1875 г. Анастасія Сергѣевна Шереметева. Род. 30 іюня 1866 г. Анна Сергѣевна Шереметева. Род. 16 іюля 1867 г. Марья Сергѣевна Шереметева. Род. 27 іюня 1870 г.	113
132.	Сергій Борисовичъ Шереметевъ. Род. 27 января 1862 г. † 13 іюля 1864 г.	
133.	Николай Борисовичъ Шереметевъ. Род. 30 іюля 1863 г. Ж. Александра Гастоновна Ёшень (по первому мужу Сиверсъ).	
134.	Борисъ Борисовичъ Шереметевъ. Род. 10 мая 1867 г.	114
135.	Василій Борисовичъ Шереметевъ. Род. 10 сентября 1869 г. Ж. Евгенія Алексѣевна Романовичъ. Дарья Борисовна Шереметева. Род. 29 сентября 1872 г.	

№№ по порядку | № отцовскій

Колѣно XVIII

136. Алексѣй Ѳедоровичъ Шереметевъ. Род. 10 апрѣля 1853 г.
137. Владиміръ Ѳедоровичъ Шереметевъ. Род. 10 января 1859 г. — 118

138. Сергій Борисовичъ Шереметевъ. Род. 21 ноября 1867 г.
139. Дмитрій Борисовичъ Шереметевъ. Род. 6 января 1871 г. † 2 февраля 1873 г.
Екатерина Борисовна Шереметева. Род. 10 октября 1866 г. — 120

140. Борисъ Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 8 января 1871 г.
141. Алексѣй Сергѣевичъ Шереметевъ. Род. 11 августа 1873 г. — 123

142. Сергій Владиміровичъ Шереметевъ. Род. 5 января 1880 г.
Софья Владиміровна Шереметева. Род. 10 ноября 1883 г. — 125

СПИСОКЪ ФАМИЛІЙ

ПОРОДНИВШИХСЯ СЪ ШЕРЕМЕТЕВЫМИ

ПУТЕМЪ БРАКА.

Алмазовы: Варвара Петровна, за Сергіемъ Васильевичемъ Шереметевымъ (91).

Апраксины: графъ Ѳедоръ Андреевичь, женатъ на графинѣ Александрѣ Михайловнѣ Шереметевой (51).

Балкъ: Петръ Ѳедоровичь, женатъ на Маріѣ Васильевнѣ Шереметевой (49).

Балкъ-Полевы: Ѳедоръ Павловичь, женатъ на Прасковьѣ Сергѣевнѣ Шереметевой (58).

Бибиковы: 1) Анастасія Петровна, за Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Шереметевымъ (106); 2) Дмитрій Дмитріевичь, женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Шереметевой (82).

Бобринскіе: графъ Алексѣй Васильевичь, женатъ на Софьѣ Алексѣевнѣ Шереметевой (126).

Борятинскіе: княжна Анастасія Степановна (по первому

Цыфры въ скобкахъ суть нумера Родословія (съ лѣвой стороны).

мужу Новосильцева), во второмъ бракѣ за графомъ Сергіемъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ (61).

Булыгины: Иванъ Ѳедоровичь, женатъ на Марьѣ Васильевнѣ Шереметевой (92).

Веревкины: Капитолина Адріановна, за Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ (118).

Власовы: Екатерина Сергѣевна, за Ѳедоромъ Александровичемъ Шереметевымъ (85).

Воейковы: Марѳа Гавриловна, первая жена Александра Владиміровича Шереметева (73).

Волконскіе: княжна Марѳа Васильевна Веригина-Волконская (по первому мужу Нагая), вторая жена Ивана Петровича Шереметева (19).

Волынскіе: Анна Ѳедоровна, первая жена Петра Васильевича Большого Шереметева (29).

Воронцовы-Дашковы: графиня Ирина Иларіоновна, за графомъ Димитріемъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ (95).

Вылузгины: Марья Елизарьевна, первая жена Ивана Петровича Шереметева (19).

Вяземскіе: княжна Екатерина Павловна, за графомъ Сергіемъ Димитріевичемъ Шереметевымъ (80).

Гавреневы: Марья Ивановна, первая жена Василья Борисовича Шереметева (31).

Гейденъ: графиня Марья Ѳедоровна, за графомъ Александромъ Димитріевичемъ Шереметевымъ (81).

Генаръ: Паулина Егоровна, за Михаиломъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ (128).

Голенищевы-Кутузовы-Толстые: Павелъ Павловичь, женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Шереметевой (127).

Голицыны: 1) княжна Варвара Павловна, за Васильемъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ (112); 2) свѣтлѣйшая княжна Евдокія Борисовна, за Сергіемъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ (123); 3) княжна Елена Васильевна, вторая жена Александра Владиміровича Шереметева (73); 4) княжна Наталья Яковлевна, за Сергіемъ Васильевичемъ Шереметевымъ (48); 5) княжна Татьяна Сергѣевна, за Петромъ Владиміровичемъ Шереметевымъ (71); 6) князь Андрей Борисовичь, женатъ на Варварѣ Сергѣевнѣ Шереметевой (115); 7) князь Михаилъ Михайловичь, женатъ на Варварѣ Петровнѣ Шереметевой (64); 8) князь Яковъ Алексѣевичь, женатъ на Евфиміѣ Васильевнѣ Шереметевой (38), и 9) князь Ѳедоръ Алексѣевичь, женатъ на Анастасіѣ Никитишнѣ Шереметевой (32).

Головины (графы): графъ Иванъ Ѳедоровичь, женатъ на графинѣ Аннѣ Борисовнѣ Шереметевой (44).

Головины (дворяне): Семенъ Васильевичь, женатъ на Ульянѣ Ѳедоровнѣ Шереметевой (25).

Горчаковы: 1) князь Сергій Дмитріевичь, женатъ на Аннѣ Александровнѣ Шереметевой (90); 2) княжна Варвара Петровна, первая жена Сергія Сергѣевича Шереметева (113).

Грибоѣдовы: Михаилъ Михайловичь, женатъ на Анастасіѣ Владиміровнѣ Шереметевой (76).

Дашковы: Анна Аполлоновна, за графомъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Шереметевымъ (93).

Дёлёръ: баронъ Ѳедоръ, женатъ на Елизаветѣ Сергѣевнѣ Шереметевой (115).

Демидовы: Павелъ Александровичь, женатъ на Ольгѣ Васильевнѣ Шереметевой (105).

Долгоруковы: 1) княжна Аграфена Александровна, первая жена Алексѣя Ѳедоровича Шереметева (59); 2) княжна Анна Яковлевна, за Алексѣемъ Петровичемъ Шереметевымъ (39); 3) княжна Ѳеодосія Борисовна, вторая жена Петра Никитича Шереметева (17); 4) князь Александръ Павловичь, женатъ на графинѣ Анастасіѣ Алексѣевнѣ Шереметевой (94); 5) князь Алексѣй Васильевичь, женатъ на Анастасіѣ Владиміровнѣ Шереметевой (50); 6) князь Алексѣй Михайловичь, женатъ на графинѣ Маріѣ Михайловнѣ Шереметевой (51); 7) князь Василій Владиміровичь, женатъ на Аннѣ Петровнѣ Шереметевой (40); 8) князь Иванъ Алексѣевичь, женатъ на графинѣ Наталіѣ (въ инокиняхъ Нектаріѣ) Борисовнѣ Шереметевой (44), и 9) князь Юрій Алексѣевичь, женатъ на Евдокіѣ Петровнѣ Шереметевой, рожд. княжнѣ Пожарской (38).

Дурново: Петръ Васильевичь, женатъ на Елизаветѣ Владиміровнѣ Шереметевой (76).

Ёшень: Александра Гастоновна (по первому мужу Сиверсъ), за Николаемъ Борисовичемъ Шереметевымъ (133).

Жеребцовы: Петръ Николаевичь, женатъ на Маріѣ Александровнѣ Шереметевой (85).

Жулебины: Евфросинія (во инокиняхъ Евдокія) Ивановна, за Иваномъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ (9).

Звенигородскіе: княжна Анастасія Семеновна, первая жена Василія Петровича Шереметева (36).

Зубатовы: Надежда Яковлевна, за графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ (78).

Иванъ Ивановичь, царевичъ (сынъ Грознаго), женатъ на Еленѣ (во инокиняхъ Леонидѣ) Ивановнѣ Шереметевой (18).

Исленьевы: Василій Васильевичь, женатъ на Марьѣ Владиміровнѣ Шереметевой (76).

Кайбулъ, Михаилъ, царевичъ (Касимовскій), женатъ на Агаѳіѣ Ивановнѣ Шереметевой (15).

Карновичи: Евдокія Степановна, за Яковомъ Александровичемъ Шереметевымъ (84).

Ковалевскіе: Прасковья Ивановна, за графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ (54).

Козловскіе: князь Николай Алексѣевичь, женатъ на Александрѣ Алексѣевнѣ Шереметевой (69).

Колычовы: Петръ Степановичь, женатъ на Еленѣ Васильевнѣ Шереметевой (49).

Коробьины: Ксенія, первая жена Василья Ивановича Шереметева (26).

Кузнецовы: Наталья Григорьевна, за Васильемъ Александровичемъ Шереметевымъ (127).

Лакостъ: Марья Петровна, за Ѳедоромъ Владиміровичемъ Шереметевымъ (70).

Левашовы: Александръ Ивановичь, женатъ на Дарьѣ Владиміровнѣ Шереметевой (76).

Лобановы-Ростовскіе: княжна Ѳетинья Яковлевна, за графомъ Сергіемъ Борисовичемъ Шереметевымъ (43).

Лопухины: 1) Мавра Сергѣевна, за Ѳедоромъ Владиміровичемъ Шереметевымъ (50); 2) Димитрій Ардаліоновичь, женатъ на Марьѣ Александровнѣ Шереметевой (90), и 3) Ѳедоръ-Авраамъ Авраамовичь, женатъ на графинѣ Вѣрѣ Борисовнѣ Шереметевой (44).

Львовы: 1) княжна Анна Семеновна, за Васильемъ Владиміровичемъ Шереметевымъ (74), и 2) княжна Пелагея Борисовна, за Васильемъ Ѳедоровичемъ Шереметевымъ (45).

Мартыновы: Елизавета Соломоновна, за Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ (66).

Марченко: Татьяна Ивановна, за Васильемъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ (58).

Матюшкины: Татьяна Аѳанасьевна, за Петромъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ (32).

Мельниковы: Александра Григорьевна, вторая жена графа Димитрія Николаевича Шереметева (64).

Миклашевскіе: Анастасія Никитишна, вторая жена Алексѣя Ѳедоровича Шереметева (59).

Муравьевы: 1) Софья Михайловна, вторая жена Сергія Сергѣевича Шереметева (113), и 2) графъ Михаилъ Николаевичь, женатъ на Пелагеѣ Васильевнѣ Шереметевой (108).

Мусины-Пушкины: графъ Владиміръ Ивановичь, женатъ на Варварѣ Алексѣевнѣ Шереметевой (126).

Нагіе: Марѳа Васильевна (рожд. княжна Веригина-Волконская), вторая жена Ивана Петровича Шереметева (19).

Нарышкины: 1) Анна Петровна (рожденная Салтыкова), вторая жена графа Бориса Петровича Шереметева (33); 2) Евдокія Григорьевна, за графомъ Михаиломъ Борисовичемъ Шереметевымъ (41), и 3) Марья Андреевна, за графомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Шереметевымъ (51).

Новосильцевы: Анастасія Степановна (рожден. княжна Борятинская), за графомъ Сергіемъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ (61).

Оболенскіе-Черные: княжна Анастасія Ѳедоровна, за Матвѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ (30).

Обресковы: Димитрій Михайловичь, женатъ на Натальѣ Васильевнѣ Шереметевой (68).

Одоевскіе: князь Никита Ивановичь, женатъ на Евдокіѣ (во инокиняхъ Евфросиніѣ) Ѳедоровнѣ Шереметевой (25).

Полевы: Ѳеодосія Андреевна, за Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ (40).

Петрово-Соловово: 1) Софья Григорьевна, за Александромъ Васильевичемъ Шереметевымъ (109), и 2) Татьяна Лаврентьевна, за Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ (57).

Плещеевы: Анастасія Петровна, вторая жена Ѳедора Петровича Шереметева (34).

Пожарскіе: княжна Евдокія Петровна, за Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ (38).

Поздѣевы: Прасковья Сергѣевна, за Александромъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ (69).

Пронскіе: княжна Ульяна Петровна, вторая жена Бориса Петровича Шереметева (21).

Пушкины: Дарья Степановна, первая жена Никиты Ивановича Шереметева (27).

Разумовскіе: графъ Алексѣй Кирилловичъ, женатъ на графинѣ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой (55).

Романовичи: Евгенія Алексѣевна, за Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ (135).

Ромодановскіе: княжна Ирина Ѳедоровна, за Васильемъ Васильевичемъ Шереметевымъ (46).

Сабуровы: Александръ Петровичъ, женатъ на графинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Шереметевой (100).

Салтыковы: 1) Анна Петровна Салтыкова (по первому мужу Нарышкина), вторая жена графа Бориса Петровича Шереметева (33), и 2) Михаилъ Петровичъ Салтыковъ, женатъ на графинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ Шереметевой (51).

Самарины: Марья Ивановна, вторая жена Петра Васильевича Большого Шереметева (29).

Самойловичи: Прасковья Ивановна, первая жена Ѳедора Петровича Шереметева (34).

Самсоновы: NN, женатъ на Маріѣ Петровнѣ Шереметевой (89).

Свиньины: Прасковья-Домна Парфентьевна, третья жена Никиты Ивановича Шереметева (27).

Скобелевы: Ольга Димитріевна, за Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ (82).

Собакины: Татьяна (во инокиняхъ Антонія) Васильевна, за Владиміромъ Петровичемъ Шереметевымъ (37).

Столыпины: Наталья Аѳанасьевна, за Васильемъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ (122).

Строгоновы: 1) графиня Елена Григорьевна, за Владиміромъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ (125), и 2) баронъ Александръ Григорьевичь, женатъ на Доминикѣ Васильевнѣ Шереметевой (49).

Теглевы: NN., женатъ на графинѣ Евгеніѣ Николаевнѣ Шереметевой (115).

Тимашевы: Александръ Александровичь, женатъ на Надеждѣ Сергѣевнѣ Шереметевой (131).

Третьяковы: Прасковья Васильевна, вторая жена Василья Борисовича Шереметева (31).

Троекуровы: княжна Домна (во инокиняхъ Евникія) Михайловна, за Иваномъ Меньшимъ Васильевичемъ Шереметевымъ (13).

Тюменскіе: князь Василій Агишевичь, женатъ на Маріѣ Ивановнѣ Шереметевой (15).

Тютчевы: Надежда Николаевна, за Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ (87).

Урусовы: 1) князь Алексѣй Васильевичь, женатъ на графинѣ Екатеринѣ Борисовнѣ Шереметевой (44), и 2) князь Семенъ Никитичь, женатъ на графинѣ Софьѣ Борисовнѣ Шереметевой (44).

Хованскіе: княжна Марья Андреевна, за Владиміромъ Ѳедоровичемъ Шереметевымъ (60).

Чагины: Пелагея Ивановна, за графомъ Михаиломъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ (77).

Черкасскіе: 1) княжна Варвара Алексѣевна, за графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ (42); 2) княжна Ирина Борисовна, вторая жена Ѳедора Ивановича Шереметева (18); 3) княжна Прасковья Михайловна, вторая жена Василья Петровича Шереметева (36), и 4) князь Данiилъ Григорьевичь, женатъ на Марьѣ Петровнѣ Шереметевой (37).

Чириковы: Евдокія Алексѣевна, первая жена графа Бориса Петровича Шереметева (33).

Шиповы: Ольга Николаевна, за Борисомъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ (114).

Шляковы-Чежскіе: князь Левъ Александровичь, женатъ на Марѳѣ Васильевнѣ Шереметевой (30).

Щербатовы: князь Николай Петровичь, женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Шереметевой (49).

Энгель: NN., женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Шереметевой (121).

Юшковы: Анна Аѳанасьевна, за Иваномъ Васильевичемъ Шереметевымъ (47).

Яковлевы: Екатерина Ивановна, за графомъ Николаемъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ (94).

Якушкины: Иванъ Димитрiевичь, женатъ на Анастасiѣ Васильевнѣ Шереметевой (108).

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫЙ, ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ

КЪ СЕДЬМОЙ КНИГѢ.

Аадиль-Гирей, ханъ Крымскій. 159—163, 165—171, 174, 281—288, 291—294, 296, 297, 299, 300, 303, 304, 307, 308, 310, 364—367, 371—376, 386, 390—392, 399, 403, 404.
Австрія (Цесарская Земля). 181.
Адашевъ, Алексѣй Ѳедоровичь, любимецъ Грознаго. 351.
Азовъ, городъ. 167, 250, 385, 386, 400, 401.
Александръ, протопопъ Кремлевскаго собора Спаса Нерукотвореннаго на Сѣняхъ. 12.
Алексѣй Алексѣевичь, царевичъ. 63, 172, 269—271, 275, 311, 313, 314.
Алексѣй Михайловичь, царь. 9, 16, 17, 35, 43, 50, 52, 58, 65—73, 81, 82, 89, 95, 100, 115, 119—121, 135, 161, 162, 168, 169, 171, 172, 174, 187, 188, 206, 216, 217, 219, 220, 268, 270, 271, 273, 286, 288—290, 299, 301, 309, 312, 319, 322, 329—331, 338, 354, 359, 360, 363, 364, 368, 384, 388, 394, 403—405.
Алмазовы, Анастасія и Анна, внуки думнаго дьяка Алмаза Иванова. 269.
Альма, рѣка. 379, 401, 402.
Андреевъ, Евстаѳій (Астафій), сотникъ. 26, 33.
Андрей, протопопъ Благовѣщенскій. 70.
Андрусовскій мирный договоръ, Андрусовское перемиріе. 1, 6, 7, 23, 25, 26, 46, 143, 174, 175, 191, 197.
Аничковъ, Иванъ Михайловичь, стряпчій съ ключемъ. 257.
Аргамакъ, съ полнымъ уборомъ,— даръ Крымскаго хана боярину Василью Борисовичу Шереметеву. 372.
Арій, еретикъ. 123.
Армянская слобода и **Армяне**, въ Крыму. 166, 289, 295.
Архангельскій соборъ, въ Москвѣ. 270, 277.
Архангельскъ (Архангельскій городъ). 360
Астрахань, городъ. 65, 318, 325, 326, 328.
Атемаръ, городъ. 319.
Атлась гладкій, даръ царскій восточному патріарху. 67.
Ахмечеть (Симферополь), городъ. 304.

Байцынъ, Абдулъ, переводчикъ. 295, 300, 302, 304.
Барабашъ, Яковъ, кошевой Запорожскій. 107.
Баранцовъ, Ѳедоръ, рейтаръ. 309.

Бархатъ гладкій, даръ царскій восточному патріарху. 67.
Батоги, наказаніе. 261.
Батый, царь Ордынскій. 239.
Батырь-ага, ханскій ближній человѣкъ. 365—367.
Бахчисарай, городъ. 165, 170, 171, 303, 373, 374, 378—380, 390, 392, 401, 402.
Башкиры, народъ. 320.
Безобразовъ, Керенскій воевода. 313.
Безсоновъ, Тимоѳей, дьякъ. 57.
Безъ, Яковъ, иноземецъ. 16.
Берегъ, село. См. **Вышегородъ** (Берегъ), село.
Берка, братъ Батыя, царя Ордынскаго. 240.
Берхъ, Василій Николаевичь, авторъ. 270.
Бестужевъ, Андрей, голова стрѣлецкій. 208.
Бесѣды, село, Московской губерніи. 68.
Би-мурза. См. **Сулешевъ.**
Бибиковъ, Алексѣй. 370, 371.
Бобровичь, Ѳеофилъ, шляхтичь. 155, 185.
Бовманъ, Микулай, полковникъ. 204.
Богдановъ, Григорій, думный дьякъ. 354.
Богомольный походъ царицы къ Троицѣ. 64.
Богородцкое, село, Переяславль-Залѣсскаго уѣзда. 17.
Богушова слободка, Золотоношскаго уѣзда. 49.
Больничныя келліи, въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. 10.
Борисовъ, Ѳедоръ, толмачъ. 173.
Борисовъ, приселокъ, Московской губерніи. 68.
Борисоглѣбское, село, Нерехотскаго уѣзда. 348, 350, 351.
Борятинскій, князь Александръ Ивановичь, фельдмаршалъ 315.
Борятинскій, князь Юрій Никитичь. 108, 315, 316, 319—321.
Боярская книга, выписка изъ нея. 62.
Браславль, городъ. 28.
Бредихинъ, Ѳедоръ Мартемьяновичь, стряпчій. 121.
Бржостовскій, Кипріанъ-Павелъ, референдарь и писарь Вел. Княж. Литовскаго. 352.
Бровкино, пустошь, Костромского уѣзда. 61.
Бронницы, городъ. 276.
Броунъ, Юрій Юрьевичь, Рижскій ген.-губернаторъ. 318.
Брюховецкій, Иванъ Мартыновичь, гетманъ. 2, 23, 24, 51, 52, 73, 91—93, 95—101, 103, 105, 107—122, 124—131, 133, 139, 144, 177.
Брянскъ (Брянескъ), городъ, и Брянскій уѣздъ. 5, 202, 205, 214, 215.
Бугай, Иванъ, казакъ. 113.
Булгаковъ, Петръ. См. **Сомовъ,** Петръ Булгаковъ сынъ.
Булгакъ, Дементій Андреевичь. См. **Сомовъ,** Дементій Андреевичь, по прозванію Булгакъ.
Бускевичь, Лукашъ, войсковой писарь. 50.
Бутурлинъ, Андрей Васильевичь, окольничій. 218.
Бутурлинъ, Иванъ Васильевичь, стольникъ. 335, 336.
Бѣлая-Церковь, городъ. 23, 30, 32, 33, 108, 125, 150, 151, 179, 191, 213.
Бѣлгородъ (Курскій). 108, 115, 360, 362.
Бѣлильница, сосудецъ съ бѣлилами, 234.
Бѣлкевичь, Янъ, поручикъ. 144.
Бѣлогородская Орда. 379.
Бѣлый-Яръ, нынѣшній пригородъ Симбирской губерніи. 326.
Бѣлый городъ, въ Москвѣ. 18.

Ваганьково Старое, урочище въ Москвѣ. См. **Старое**-Ваганьково.
Валахія (Волошская Земля) и Волохи. 33, 189.
Валуйки (Волуйки), городъ. 168, 170—173, 176, 250, 280, 281, 283, 287, 288, 301, 305—309, 359—361, 363, 370, 371, 382, 385, 389, 393, 395, 399, 401.
Варварино, деревня, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи. 243, 260.
Варварійскіе владѣтели. 287.
Варварка, рѣка. 243.
Варлаамъ Ясинскій (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій). 30.
Варшава (Оршава), городъ. 193.
Василій Ивановичь Шуйскій, царь. 246, 264.
Васильевское, село, Суздальскаго уѣзда. 17.
Васильковъ, мѣстечко. 30.
Великуша, рѣчка. 62.
Величко, Самойло, авторъ. 53.
Велишъ-мурза. См. **Сулешевъ**.
Веневъ, городъ. 314.
Веревкинъ, Тимоѳей, его «шквадронъ». 207.
Веретье, село, Дмитровскаго уѣзда. 243.
Верея, городъ, и Верейскій уѣздъ. 248.
Веригина-Волконская, княжна. См. **Волконская**-Веригина, княжна.
Верхотурье, городъ. 264.
Ветошкинъ, Илья, справщикъ. 278.
Витебскъ (Витепскъ), городъ. 28.
Вклады въ монастыри. 222, 274, 347, 348.
Владиміръ, св. благовѣрный великій князь Кіевскій. 74, 101.
Владиміръ (на Клязьмѣ), городъ, и Владимірскій уѣздъ. 59.
Владыкино, Смирново тожъ, село, Арзамасскаго уѣзда. 13.
Вознесенскій дѣвичій монастырь, въ Москвѣ. 348.
Войско: драгуны, 325; пушкари и пушкарскіе дѣти, 3, 5, 213; рейтары, 31, 32, 76, 78, 79, 168, 207—210, 325; солдаты, 3, 5, 31, 76—78, 204, 207—209, 325, стрѣльцы, 3—5, 31, 32, 76—78; 104, 120, 204, 205, 208—210, 325, 329, 361, 370.
Волга, рѣка. 13, 52, 252, 313, 316, 319, 320, 325—327, 334.
Волково, деревня, Клинскаго уѣзда. 13.
Волковъ, Никифоръ, стрѣлецкій голова. 204, 205.
Волконская - Виригина, княжна Марья Васильевна. См. **Сомова**, Марья Васильевна, рожденная княжна Веригина-Волконская.
Волконская-Веригина, княжна Марѳа Васильевна См. **Шереметева**, Марѳа Васильевна, рожденная княжна Веригина-Волконская.
Волконскій, князь Ѳедоръ Львовичь. 329, 330, 334, 337.
Волошская Земля. См. **Валахія**.
Волчичева, Евдокія Ивановна. См. **Чирикова**, Евдокія Ивановна, рожденная Волчичева.
Волъ и лошадь,—предметы обложенія въ Малороссіи. 180.
Волынская, Анна Ѳедоровна. См. **Шереметева**, Анна Ѳедоровна, рожденная Волынская.
Волынскій, Артемій Петровичь, кабинетъ-министръ. 354.
Волынскій, Василій Семеновичь, окольничій. 352.
Волынскій, Иванъ Ѳедоровичь, стольникъ. 353.
Волынскій, Петръ Артемьевичь, стольникъ. 353.
Воробьево, деревня, Костромскаго уѣзда. 61.
Воронежъ, городъ. 244, 250, 310.
Воротынская, княгиня Марья Ѳедоровна, рожденная княжна Куракина. 345.
Воротынская, княжна Прасковья Ивановна. 345 и въ родосл. къ 343 стр.
Воротынская, княжна Стефанида

Ивановна. 345 и въ родосл. къ 343 стр.
Воротынскіе, князья. 343.
Воротынскій, князь Иванъ Алексѣевичь, бояринъ. 345.
Воротынскій, князь Михаилъ Ивановичь. 345.
Ворсма, село, Нижегородскаго уѣзда. 16.
Воскресенскій погостъ, Клинскаго уѣзда. 13.
Выберхъ, Олферій, полковникъ. 364.
Выборъ царской невѣсты, смотрины. 268, 269.
Выговскій, Иванъ, гетманъ. 40, 84—86.
Выдубицкій Михайловскій монастырь, въ Кіевѣ. 93, 134.
Высокое, усадище, Луховскаго уѣзда. 14.
Выходы патріаршіе, книга. 8, 10.
Вышегородскій уѣздъ. 248.
Вышегородъ (Берегъ), село, Верейскаго уѣзда. 248.

Гавриловъ, подьячій. 169.
Гавріила Архангела церковь, въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. 340.
Гагарины, княжны, на смотринахъ царскихъ. 269.
Гадячскій договоръ. 40.
Гадячь, городъ, и Гадячскій полкъ. 91, 98, 105, 108, 111—115, 117, 125, 130, 139.
Галичь (Суздальскій), городъ, и Галичскій уѣздъ. 246, 247.
Галкинъ, Андрей, дьякъ, 57.
Гамолтонъ, Андрей, полковникъ. 207.
Гачей-Тимуръ-мурза Сулешевъ. См. **Сулешевъ.**
Гвинтовка, Матвѣй, полковникъ. 142.
Генуэзцы, въ Крыму. 166.
Гербъ города Симбирска. 316.
Гизель, Иннокентій. См. **Иннокентій Гизель.**
Глатково, деревня. См. **Гляткова.**
Глубокое озеро, Нижегородскаго уѣзда. 16.
Глуховъ, городъ. 179, 186, 187.
Гляткова, Глатково тожъ, деревня Костромскаго уѣзда. 61.
Гнинскій, Янъ, воевода Хелминскій. 352.
Гнѣздиловка, пустошь, Московскаго уѣзда. 15.
Голицына, княгиня Анна Яковлевна, рожденная княжна Одоевская. 54, 344.
Голицынъ, князь Алексѣй Андреевичь, бояринъ. 218.
Голицынъ, князь Василій Васильевичь, стольникъ. 67.
Голицынъ, князь Дмитрій Михайловичь, верховникъ. 54.
Головинъ, Алексѣй Петровичь. 324.
Головинъ, Михаилъ Петровичь. 324.
Головинъ, Михаилъ, стряпчій. 167, 307—309.
Голосовъ, Лукьянъ Тимоѳеевичь, думный дьякъ. 285.
Голстенъ (фанъ), Яковъ, полковникъ. 207.
Голтва, городъ. 116.
Гонсѣвскій (Корвинъ), Вицентій, гетманъ Литовскій. 203.
Гонцы Крымскіе. 26, 33, 160, 161, 282, 304, 383, 384, 389.
Городки земляные по Симбирской Чертѣ. 319.
Городовое дѣло. 5.
Грайворонъ, село. 168.
Грамоты: духовныя, духовныя завѣщанія, изустныя памяти—11, 14, 17, 340—351; любительныя—292—294, 386, 389, 390, 394; отводныя—246; ханскія—359, 384—386, 389, 393; храмозданныя—277, 278; царскія—78, 119—121, 135, 168, 169, 206, 207, 214, 264, 265, 288—291, 293, 294, 363—365, 396—398.
Грановитая палата, въ Москвѣ. 65, 67, 353.
Греки, въ Крыму. 166.

Греція, Греческія страны. 123.
Грибоѣдовъ, Ѳедоръ, дьякъ. 203.
Григорьевъ, Данило, кречетникъ. 284.
Гришка Розстрига. 317.
Гробъ Господень, въ Іерусалимѣ. 206.
Грузія (Грузи). 65.
Гульнево, село, Дмитровскаго уѣзда. 12.
Гульцъ, Яковъ, полковникъ. 111—113.
Гурмыжское море. См. **Персидскій** заливъ.
Густавъ-Адольфъ, король Шведскій. 249.

Дамаскъ, городъ. 65.
Даниловъ, Оська, десятникъ стрѣлецкій. 370.
Даоанъ и Авиронъ, къ нимъ приравнены Разинъ и его сообщники. 317.
Дворецкій, полковникъ Кіевскій. 106, 107.
Дворы: царевъ, въ Бахчисараѣ—303; вотчинниковы, въ деревнѣ Варвариной, Подольскаго уѣзда—260; Давыдовскій дворъ Николаева, въ Москвѣ — 353, 354; Иванъ Васильевича Морозова, въ Московскомъ Кремлѣ — 18; князей Черкасскихъ, въ Москвѣ (въ Бѣломъ городѣ)—18; князей Черкасскихъ, въ Московскомъ Кремлѣ — 18; Чириковыхъ, въ Москвѣ—237; Ивана Петровича Шереметева, въ Муромѣ — 62; Петра Васильевича Большого Шереметева, въ Москвѣ—274; постоялый, въ Чигиринѣ—38.
Девлетъ-Гирей, нурадинъ. 303, 387.
Деливеръ, паша. 187.
Дельшей-бей, тугувчей. 163.
Деньги: алтынъ—180; гривна—180, 212; ефимокъ—11, 164, 280, 287, 288; мѣдные—295; полтина—63, 164, 180; рубль—17, 19, 63, 89, 129, 164, 169, 180, 205, 216, 224, 227, 273, 295, 347, 348, 368; червонные золотые—11, 116, 128, 180, 287, 289, 308, 360, 361, 364, 367—369, 394, 402.
Десна, рѣка. 89, 127, 178.
Джанкисъ-Агачь, станъ. 401.
Диканька, село, Полтавскаго уѣзда. 116.
Димеръ, мѣстечко. 193, 194.
Діонисій, патріархъ Константинопольскій. 82, 83.
Діонисій Балабанъ, митрополитъ Кіевскій. 81, 85—87, 91, 98.
Дмитрій Ростовскій, св. 93.
Дмитрій Ивановичь Донской, великій князь. 263.
Дмитровскій уѣздъ, Московской губерніи. 237.
Дмитровское, село, Дмитровскаго уѣзда. 348, 350.
Днѣпръ, рѣка. 1, 24, 45, 46, 49, 51, 80, 98, 101, 108, 110, 116, 123, 127, 137, 139, 152, 154, 177, 178, 187, 189, 395.
Долгорукова-Черная, княжна Анастасія Ѳедоровна. См. **Шереметева**, Анастасія Ѳедоровна, рожденная княжна Черная-Долгорукова.
Долгорукова, княжна Анна Григорьевна. 269.
Долгорукова, княгиня Евдокія Петровна. См. **Шереметева**, Евдокія Петровна, рожденная княжна Пожарская.
Долгоруковъ, князь Петръ Владиміровичь, родословъ. 345, 346.
Долгоруковъ, князь Юрій Алексѣевичь. 321, 322, 330, 352.
„Домострой“, кодексъ. 238, 268.
Донецъ Сѣверный, рѣка. 305, 359, 363, 366, 371, 392, 393.
Донъ, **Донскіе** казаки. 124, 163—165, 167, 250—252, 316, 317, 323, 326—328, 330—331, 334.
Дорошенко, Григорій Дороѳеевичь. 26, 27, 29, 35, 37, 48—50, 109.

Дорошенко, Петръ Дорофеевичъ, гетманъ. 1, 23—28, 30, 32, 34—37, 39, 40, 42—44, 46, 48—52, 73, 97, 98, 107, 109—111, 116, 117, 123, 124, 127, 131—134, 137—158, 167, 175, 177, 181—191, 193, 195, 201, 202, 310.
Досиѳей, патріархъ Іерусалимскій. 206.
Дохтуровъ, Герасимъ Семеновичъ, думный дьякъ. 285.
Дубровскій, Исаія, иноземецъ. 332, 333.
Дубяга, Иванъ, сотникъ. 26, 33.
Дубянскій, Василій Ѳедоровичъ, дворянинъ. 36—39, 42, 50.
Дуловское, Турлобово тожъ, деревня, Муромскаго уѣзда. 62.
Дунай, рѣка. 373, 379.
Духовныя завѣщанія, **духовныя**. См.. **Грамоты**
Душишная-Поляна, мѣстность, въ Муромскомъ уѣздѣ. 62.
Дьяки приказные. 245, 246, 373.
Дьяки пѣвчіе: патріарховы—11; государевы—65, 71.
Дѣвичье Поле, въ Москвѣ, 257, 258.

Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева, царица. 368.
Евпаторія, городъ. См. **Козловъ**.
Екатерина II, императрица. 316, 318.
Екатерина Алексѣевна, царевна. 64.
Елчинъ, Василій, посланникъ царскій. 285, 288—293, 295, 297—303, 305, 306, 308, 309, 359, 368.
Ефимьевъ, Сергѣй Никифоровичъ. 17.

Жаденовъ, Михаилъ, подьячій. 214.
Жемчугъ (зерна). 228—233, 235.
Живой мостъ, въ Москвѣ. 67.
Жидовскій городокъ (Чуфутъ-Кале). 165, 167, 170, 171, 281, 289, 379, 380, 383, 402, 403.

Забѣла, Петръ, генеральный обозный. 178.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, авторъ. 230.
Заздравная чаша. 36, 355, 356.
Заленъ (Фанъ), Микулай, полковникъ. 204, 205.
Запасы хлѣбные: рожь, мука, сухари, крупа, толокно. 3—5, 31, 76, 78—80, 137, 205, 208, 245, 339, 349.
Засѣцкій, Назарій Михайловичъ, стольникъ. 135, 136.
Захарій, сынъ Льва (по прозванію Широкій-ротъ), родоначальникъ дворянъ Ртищевыхъ. 263.
Звѣздочеты Московскіе. 407.
Звягинъ, Семенъ, дьякъ. 58.
Зелье (порохъ). 207, 327, 333, 339.
Земляной городъ, въ Москвѣ. 18, 19.
Зеркала. 234.
Зміевъ, Иванъ, казанецъ, 333.
Знамена полковыя. 208, 210.
Знаменская церковь, въ Симбирскѣ. 336.
Знаменское, село, Арзамасскаго уѣзда. См. **Старое**-Мересово, пустошь.
Золотоноша, городъ. 49.
Зѣньковъ, городъ. 91.
Зюзинъ, Никита Алексѣевичъ, стольникъ. 14.

Иваново, село, Суздальскаго уѣзда. 17.
Ивановская площадь, въ Москвѣ. 227.
Ивановъ, Мелешка, подьячій. 227.
Ивановъ, Никонъ, подьячій. 168, 169, 171, 173.

Иванъ Васильевичь Грозный, царь. 242, 243, 351.
Иванъ, сельцо, Коломенскаго уѣзда. 14.
Ивашково, пустошь, Юрьево-Польскаго уѣзда. 18.
Игнатій, св., епископъ Ростовскій. 240.
Избы приказныя: въ Веневѣ—314; въ Кіевѣ—213; въ Симбирскѣ—333.
Измайлово, дворцовое село. 68.
Измайловъ, Александръ Тимоѳеевичь. 254—259.
Измайловъ, Артемій Васильевичь. 249, 254.
Измайловъ, Василій. 258.
Измайловъ, Левъ Тимоѳеевичь. 254—259.
Измайловъ, Петръ Тимоѳеевичь. 122.
Измайловъ, Тимоѳей Васильевичь. 254—257.
Измайловы. 254, 255, 257, 259.
Икбалъ-ага, балчы-баша. 163.
Иконниковъ, Семенъ дьякъ. 314.
Иконы (образа, Божіе милосердіе): Божіе Матери, въ Крымскомъ Успенскомъ монастырѣ — 166; Владимірской Божіей Матери—66; Пречистыя Богородицы Одигитрія—343; Тихвинской Божіей Матери—70, 71, 347; Іоанна Богослова—344; Апостоловъ Петра и Павла—345; Преображеніе Господне—344; Трехъ Святителей—344; Всемилостиваго Спаса—344; икона «стараго письма», присланная царю Алексѣю Михайловичу Іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ—206.
Именинный пирогъ, даръ царскій. 67.
Инкиримъ-Челибей. См. **Челибей**, Инкиримъ.
Иннокентій Гизель, архимандритъ Кіево-Печерскій. 33, 34, 80, 85, 96, 99, 155, 188, 222, 223, 272—275.
Инсаръ (Инсарскъ), городъ. 319.
Исламъ-ага, ханскій ближній человѣкъ. 159, 160.

Іаковъ Евѳиміевичь, протопопъ. 340, 341, 347.
Іевлевъ, Климентій, стрѣлецкій голова. 361.
Іоакимъ, Чудовской архимандритъ (потомъ патріархъ Всероссійскій). 65, 68.
Іоасафъ II, патріархъ Всероссійскій. 7, 8, 11, 66—73, 276, 277, 350, 351.
Іосифъ - Нелюбовичь - Тукальскій, епископъ, потомъ митрополитъ. 37, 49, 91, 98, 109, 127, 132—134, 155, 156, 158.

Кабала, запись. 212, 291, 366.
Кабарда, страна. 376.
Кабатовъ, Максимъ, подьячій, 214.
Кадыскеръ-ага, ханскій ближній человѣкъ. 281—283, 291—296.
Казаки. См. **Малороссія**.
Казанская церковь, въ селѣ Марковѣ, Бронницкаго уѣзда. 276—279.
Казань, городъ, и **Казанскій** уѣздъ. 65, 72, 255, 320,—322.
Казна: денежная—208, 211, 214; зелейная—208; отпускаемая Крымцамъ (родъ дани)—286, 287, 296, 300, 305, 359, 361, 364, 367, 371—373, 381, 383—386, 392, 400; свинцовая—208; соболиная—95.
Калашниковъ, Мишка, стрѣлецъ. 308, 309.
Калмыки, народъ. 320, 379, 396.
Калуга, городъ. 247.
Кама, рѣка. 320.
Камни драгоцѣнные: алмазы, 229, 230, 232; изумруды, 229, 230, 233, 235; рубины (лалы), 229,

230; яхонты, 19, 228—230, 233, 235, 347.
Кандалы (кайдали), орудіе истязанія. 159, 292, 376, 379, 380.
Каневъ, городъ, 29.
Кантакузинъ, Ѳома, Турецкій посолъ. 244, 250, 251.
Караджанъ-ага, гонецъ ханскій. 381, 382, 384, 386, 389—393, 395—397.
Карауловъ, Григорій, думный дьякъ. 60.
Караульная служба. 5, 22, 76, 77, 137.
Карачарово, село, Муромскаго уѣзда. 15.
Карачеи, ближніе совѣтники Крымскаго хана. 163, 167, 288, 291, 293, 294, 296, 299, 300, 303, 378, 379, 385, 390, 391.
Карета, экипажъ. 65, 67, 68, 70, 71.
Каспійское море. 311.
Катырева-Ростовская, княжна Софья Ивановна. См. **Одоевская**, княгиня Софья Ивановна, рожденная княжна Катырева-Ростовская.
Кафтаны жалованные. 310, 372.
Кафтыревъ, Иванъ, Кеврольскій воевода. 252.
Кафтыревъ, Тихонъ, Крымскій плѣнникъ. 295.
Кашинцово, деревня, Московскаго уѣзда. 15.
Кевроль и Кеврольскій уѣздъ. 252.
Киреевское, село, Алаторскаго уѣзда. 226, 237.
Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 18, 55, 348.
Кириллъ II, епископъ Ростовскій. 239, 240.
Киселевъ, рейтаръ. 161.
Кичанзино, деревня, Арзамасскаго уѣзда. 16.
Кіево-Печерскій монастырь. 44, 221—225, 273, 275.
Кіевъ, городъ. 1—3, 5, 20—22, 26—33, 35, 39, 42, 44—46, 50, 52, 73, 74, 76—83, 86, 87, 89, 91, 94, 97, 99, 101, 102, 114, 121, 125, 126, 128—131, 133, 137, 146, 147, 149, 151, 152, 155—158, 174—176, 179, 190—195, 197—211. 213—216, 221—225, 260, 261, 273, 302.
Климова, деревня, Дмитровскаго уѣзда. 348, 350.
Ключи городовые. 206, 208.
Книги: отказныя—227; переписныя—227, 260; писцовыя—227; разрядныя—261; родословныя—345.
Кнутъ, наказаніе. 215.
Кнутъ орлёный. 259.
Ковры, въ подарокъ. 116.
Ковши за трапезой. 72, 255.
Кожино, деревня, Муромскаго уѣзда. 62.
Козловскій, князь Григорій Аѳанасьевичъ. 203—208, 213, 214, 223, 225.
Козловъ (Евпаторія), городъ. 170—172, 280, 281.
Кокоринъ, Алексѣй, толмачъ. 169.
Колесникова, пустошь, Костромскаго уѣзда. 61.
Колоколъ сполошный. 314.
Коломенское, дворцовое село. 68, 73.
Коломна, городъ. 65.
Конде (Кондоусъ), герцогъ, 38, 39.
Кондыревъ, Степанъ, жилецъ. 221.
Конный заводъ, въ селѣ Гульневѣ, Дмитровскаго уѣзда. 12.
Кононовъ, Несторъ, писарь. 146.
Конотопскій бой. 264.
Константиновъ, Ивашка, разбойничій атаманъ. 326.
Константинополь. 374, 377, 379.
Конюхи, въ посольскомъ поѣздѣ. 353.
Конюшій, свадебный чинъ. 323, 324.
Копытово, пустошь, Московскаго уѣзда. 15.
Копычеи, служебный чинъ, въ Крыму. 244, 398.

Кораллы, 232, 283.
Коранъ (куранъ). 288, 297, 298, 303, 304, 359, 391, 393.
Коржавинъ, Кузьма, жилецъ. 170, 171, 290, 306, 358, 369, 380, 382, 384.
Корнилій, митрополитъ Сибирскій. 72.
Корсунскій монастырь, Кіевской епархіи. 134.
Корсунъ (Карсунъ), городъ, Симбирской губерніи. 319.
Корсунь, городъ (нынѣ мѣстечко), Кіевской губерніи. 108, 153, 188.
Костомаровъ, историкъ. 21.
Кострома, городъ. 269.
Котельва, городъ. 115, 116, 139.
Котовичь, Александръ, ксендзъ. 352.
Котошихинъ, авторъ. 58, 220, 245.
Кохомская волость, Суздальскаго уѣзда. 17.
Красная-Гора, урочище, Муромскаго уѣзда. 62.
Красное крыльцо, въ Москвѣ. 253, 255, 256, 258, 259, 324.
Красный-Яръ, городъ. 326.
Кремль, въ Москвѣ. 18, 67, 277, 340, 405.
Крестный ходъ, въ Москвѣ. 66, 67.
Крестовая патріаршая палата, въ Москвѣ. 351.
Крестъ золотой царевича Алексѣя Алексѣевича. 271.
Кречета царской потѣхи. 283.
Кречетовъ, Ѳома, толмачъ. 361.
Крома, Кондратій, маіоръ. 210.
Кругъ казачій. 251.
Крутовѣцкая, пустошь, Веневскаго уѣзда. 60.
Кручина, поручикъ. См. **Тютюревъ**.
Крыжавскій, Ѳаддей, поручикъ. 80.
Крымцы, Крымскіе Татары. См. **Татары**.
Крымъ, Крымскій улусъ, Крымскій юртъ, Крымское государство. 26, 28, 29, 41, 108, 140, 141, 153, 158, 160—163, 165, 167—170, 173, 174, 196, 280, 281, 284—288, 290, 292, 296, 298, 299, 301—306, 308, 310, 358, 359, 361—364, 367—369, 371, 374—376, 384—391, 394—396, 401, 402, 404, 405.
Крымъ-Гирей, калга. 305.
Кубань. 376, 377, 380, 388.
Кубки, за трапезой. 69, 70, 72.
Кубокъ съ кровлей, даръ царскій. 67.
Кузнецова, пустошь, Московскаго уѣзда. См. **Мальцова**, пустошь.
Кузни, кованыя вещи и утвари. 227, 229, 230.
Кузовлевъ, Михаилъ дьякъ. 122.
Кузьминъ, Тимоѳей, дьякъ. 58.
Куликовская битва. 242.
Кумыки. См. **Черкесы**.
Куницы. 161, 164.
Куракина, княжна Марья Ѳедоровна. См. **Воротынская**, княгиня Марья Ѳедоровна, рожденная княжна Куракина.
Куракина, княгиня Ѳедосья Алексѣевна, рожденная княжна Одоевская. 345.
Куракинъ, князь Иванъ Григорьевичь. 345.
Куракинъ, князь Михаилъ Ивановичь. 345.
Куракинъ, князь Симеонъ Ивановичь. 345.
Куракины, князья. 343.
Курскъ, городъ. 250.
Кутлу-Маметъ-Усткосимовъ, переводчикъ. 292, 294, 304, 380.
Кутузовъ, Иванъ, подьячій. 214.
Кучумовъ, Полуехтъ, толмачъ. 289 305, 306, 309, 394, 396.

Лаврентій, архидіаконъ. 128.
Лазарь Барановичь, епископъ Черниговскій. 81, 84, 87, 89, 90, 92—94, 167, 174, 178, 187.
Лазоревъ, Игнатій, толмачъ. 363, 367, 368.

Ларево, пустошь, Дмитровскаго уѣзда. 14.
Ларіоновъ, Семенъ Васильевичь. 227.
Лебедянь, городъ. 252.
Левко, полковникъ казацкій. 30.
Левшинъ, Аѳанасій, голова стрѣлецкій. 208.
Левъ, по прозванію Широкій-ротъ, предокъ дворянъ Сомовыхъ. 263.
Ледня, рѣчка. 62.
Лежнево, село, Суздальскаго уѣзда. 16.
Леонтій, св., епископъ Ростовскій. 240.
Леонтьевъ, Замятня Ѳедоровичь, думный дворянинъ. 12.
Леонтьевъ, Іона, жилецъ. 93.
Ливны, городъ. 370.
Лизогубъ, Яковъ, полковникъ Каневскій. 29.
Литва, страна. 242, 264.
Лодки съ хлѣбными запасами, на Днѣпрѣ. 80.
Лопатинъ, Иванъ, голова стрѣлецкій. 104, 130, 131, 208.
Лубны, городъ. 192.
Луцкіе помѣщики. 242.
Лучка, карликъ Брюховецкаго. 111.
Лызловъ, Андрей, авторъ. 166.
Львовъ, городъ. 191, 197.
Львовъ, князь Никита Яковлевичь. 46, 261.
Львовъ, Павелъ Юрьевичь, авторъ. 323
Лѣченіе. 56.

Мааметъ-ага, гонецъ. 161,
Магистратъ Кіевскій. 122, 123.
Магометъ IV, султанъ Турецкій. 187.
Мазильница, сосудецъ съ благовонною мастикою. 234.
Макарій, патріархъ Антіохійскій. 7, 10, 65—73.
Макарій, митрополитъ, историкъ Церкви. 86.
Макарова, деревня, Веневскаго уѣзда. 60.
Малахово, пустошь, Муромскаго уѣзда. 62.
Малиновцы, Малиновки тожъ, деревня, Костромскаго уѣзда. 61.
Малороссія: Малая Россія. Малороссійскій край, Малороссійская страна, Малороссійскіе города, Запорожье, Запороги, Украйна, Черкасскіе города, Казаки, Малороссіяне, Войско Запорожское, Запорожскіе казаки, Запорожцы, Войско казацкое, Заднѣпрскіе люди, Черкасы. 1, 2, 5, 6, 20—22, 24, 25, 28, 31—33, 40—48, 51—54, 73—75, 77, 80, 81, 83—86, 88—90, 92, 95, 97—107, 109—115, 117, 119, 121—127, 135, 138—141, 143, 146, 149—155, 158—160, 162, 165, 167, 174—178, 180—183, 185—190, 193—196, 209, 211, 213, 250—252, 260, 273, 281, 310, 311, 382, 404.
Мальцова, Кузнецова тожъ, пустошь, Московскаго уѣзда. 15.
Маметъ-ага, тесть Крымскаго хана Селимъ-Гирея. 373, 374, 378.
Маметъ-Ширинъ, ханъ. 295.
Маметъ-имельдешъ, ханскій гонецъ. 284, 285, 304.
Мамы царевенъ. 64.
Мандревскій, посолъ Польскій. 37.
Мансуровъ, Кай-бей. 365.
Мануильцы, пустошь, Кашинскаго уѣзда. 13.
Маріамполь (Маріанополь, Марьино), Греческая слобода, въ Крыму. 165, 166.
Маріенбургъ, городъ 249.
Марково, село, Бронницкаго уѣзда. 275—278.
Мармылевъ, Иванъ, служитель Василья Борисовича Шереметева. 164.
Марсъ, планета. 407.
Мартыновъ, Василій, толмачъ. 361.
Марья Гонзаго, королева Польская. 38.

Марья Ильинишна Милославская, царица. 54, 63, 64, 172, 205, 206, 217, 268.
Марьино, слобода, Московскаго уѣзда. 14.
Марѳа Алексѣевна, царевна. 64.
Масловъ, Василій, служитель Василья Борисовича Шереметева. 285.
Матвѣевъ, Артемонъ Сергѣевичь. 178, 269, 352, 354, 390—392.
Матвѣйцево, деревня, Костромскаго уѣзда. 61.
Матронинскій Троицкій монастырь. 127.
Матюшкина, Татьяна Аѳанасьевна. См. **Шереметева**, Татьяна Аѳанасьевна, рожденная Матюшкина.
Матюшкина, Ѳедосья Лукьяновна, рожденная Стрѣшнева. 268.
Матюшкинъ, Аѳанасій Ивановичь, Московскій ловчій. 268.
Матюшкинъ, Иванъ Павловичь, Цивильскій воевода. 244.
Махмутъ, визирь. 187.
Маяцкій-городокъ, Маякъ-городъ (нынѣ слобода Маяки, Изюмскаго уѣзда). 371, 395.
Межигорскій монастырь, въ Кіевѣ. 210.
Мезенскій уѣздъ. 252.
Мезенцовъ, Трофимъ, стрѣлецкій голова. 314.
Мезецкій, князь Данило Ивановичь. 15.
Мейербергъ, Августъ, посолъ цесарскій. 9.
Мекка, богомольное путешествіе. 387.
Меленки, деревня, Костромскаго уѣзда. 61.
Мелетій, архіепископъ. 184.
Мельницы, предметъ обложенія въ Малороссіи. 180.
Мересово Старое. См **Старое Мересово** (потомъ село Знаменское).
Мещериновъ, Иванъ, стрѣлецкій голова. 137, 208.
Меѳодій, епископъ, блюститель Кіевскаго митрополичьяго престола. 73, 81, 82, 88—93, 95—99, 101—109, 119—124, 126—133, 135—137, 139, 146.
Мигновичи, село, Смоленскаго уѣзда. 202, 281, 352.
Миллеръ, исторіографъ. 266.
Милославская, Ксенія Ивановна. 217.
Милославская, Марья Ильинишна. См. **Марья** Ильинишна Милославская, царица.
Милославскій, Иванъ Богдановичь. 260, 320.
Милославскій, Илья Даниловичь. 217.
Миргородъ, городъ 104.
Митрофанъ, черный попъ. 128.
Михаила Архангела церковь, въ селѣ Киреевскомъ, Алаторскаго уѣзда. 237.
Михайловъ, Гаврило, подьячій. 163, 282, 364, 365, 373, 378, 380—383, 392, 393.
Михайловъ, Маркъ, толмачъ. 363, 367, 368, 382.
Михаилъ Ѳедоровичь, царь. 14, 16, 18.
Михаилъ Вишневецкій, король Польскій. 352, 354, 355.
Мишка, «дѣтина Черкасскихъ городовъ», обусурманившійся въ Крыму. 303.
Многогрѣшный, Василій Игнатовичь. 142.
Многогрѣшный, Демьянъ Игнатовичь, полковникъ Черниговскій, потомъ гетманъ. 127, 139, 141—144, 154, 167, 174, 177, 180—187, 224, 225.
Можайскій уѣздъ. 248.
Молдоване (Мутьяны), народъ. 33.
Молебны повсемѣстные. 6, 44.
Молочанскій лиманъ. 395.
Молочныя-Воды, рѣка. 395.
Монастыревъ, Иванъ, голова стрѣлецкій. 308.
Монахи Греческіе, въ свитѣ Турецкаго посла Кантакузина. 251.

Морозовъ, Иванъ Васильевичь. 18.
Москва, городъ. Упом. почти на каждой страницѣ.
Москва, рѣка. 66, 70, 71, 276.
Мотовиловъ, Григорій Никитичь. 13.
Моховскій, Севастьянъ, полковникъ. 198, 209.
Мощи: Преподобнаго Нила Столобенскаго—6; Преподобныхъ отцовъ Печерскихъ—44, 101; въ крестѣ, 228.
Мстиславль, городъ. 89.
Мурадъ IV, султанъ Турецкій. 244.
Муратъ-Гирей, нурадинъ. 302, 377, 378.
Мурзы. 325, 361, 378, 379, 390, 397.
Муромскіе лѣса. 62.
Муромъ, городъ и уѣздъ. 62.
Мустафа-ага, посолъ Крымскій. 298, 299, 304, 307—309, 358, 359, 361—363, 366.
Мутьяны. См. **Молдоване.**
Мухаммедъ-Гирей IV, ханъ Крымскій. 159, 284, 289, 375—378, 384, 388.
Мышлетскій раменскій лѣсъ, въ Муромскомъ уѣздѣ. 62.
Мѣра и Вѣсъ: гривенка—3; осьмачка—179; осьмина—3; полуосьмина—3, 5; получетверикъ—4; пудъ—3; сажень—5; четверикъ—3, 4; четверть—3—5, 61, 63, 208, 243.
Мѣха: боберъ, 233; бѣлка, 232; куница, 235; лисица, 169, 232, 235, 398; соболь, 67, 89, 165, 169, 216, 231, 232, 235, 236, 398; собольи хвосты, 223, 224, 272—275.
Мѣщане Кіевскіе. 145, 191, 192, 194, 202.
Мясной, Лукьянъ, голова стрѣлецкій. 258.

Набѣги Татарскіе. 24, 25.
Нагая, Марѳа Васильевна, рожденная княжна Веригина-Волконская. См. **Шереметева,** Марѳа Васильевна, рожденная княжна Веригина-Волконская.
Нагой, Богданъ Михайловичь. 265.
Наказы, памяти. 247, 248, 265, 329, 334, 355—357, 361, 362, 398, 400.
Напитки (питія): медъ, 70, 72; романея, 72.
Нармацкій, Иванъ Ивановичь, жилецъ. 164, 165.
Нарышкина, Наталья Кирилловна. См. **Наталья** Кирилловна Нарышкина, царица.
Нарядъ (Артиллерія). 208.
Нарядъ, одѣяніе царское. 65, 70.
Наталья Кирилловна Нарышкина, царица. 269, 322, 354, 405, 406.
Нащокинъ. См. **Ординъ-Нащокинъ.**
Невѣровъ, Иванъ, подьячій. 261.
Неглинная, рѣчка, въ Москвѣ. 18.
Нездрина, пустошь, Переяславль-Залѣсскаго уѣзда. 17.
Неловицкій, Валерьянъ, поручикъ. 193, 194, 200.
Нелюбовичь-Тукальскій, Іосифъ. См. **Іосифъ** Нелюбовичь-Тукальскій.
Непоставовъ, Ѳедоръ, ярославецъ. 302.
Неро (Ростовское), озеро. 241.
Нижній-Новгородъ и Нижегородскій уѣздъ. 65, 237, 252.
Низанье, уборы низаные. 19, 227, 229, 230.
Николаевскій Греческій монастырь, въ Москвѣ. 217.
Николай Чудотворецъ, изображенъ на полковомъ знамени. 210.
Никольская церковь, въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. 10.
Никольская церковь, въ Москвѣ, на Старомъ Ваганьковѣ. 18.
Никольское, село, Московскаго уѣзда, на рѣчкѣ Хинкѣ. 14.
Никольское (второе), село, Московскаго уѣзда. 15.

Никонъ, патріархъ Всероссійскій. 7, 8, 52, 65, 81—83, 86—88, 90, 92, 311, 313, 314.
Нилъ Столобенскій, св., его мощи. 6.
Новгородъ-Великій. 269.
Новгородъ-Сѣверскій. 210.
Новиковъ, издатель. 317.
Новодѣвичій монастырь, въ Москвѣ. 340, 342, 347, 348.
Новое, село, Клинскаго уѣзда. 13.
Новое-Мересово, пустошь, Арзамасскаго уѣзда. 13.
Новоселки, мѣстечко. 30.
Новосиль, городъ. 360, 370.
Новоспасскій монастырь, въ Москвѣ. 10, 11, 67, 137.
Ножниково, Ножевниково тожъ, деревня, Костромскаго уѣзда. 61.
Нѣжинъ, городъ. 91, 97, 99, 104, 105, 114, 121, 122, 126, 130, 140.
Нѣтчики, о доставленіи ихъ на службу. 247.

Обакшино, пустошь, Московскаго уѣзда. 15.
Овечьи-Воды, рѣка. 395.
Овцынъ, Василій Дмитріевичъ. 57.
Огаревъ, Евсевій, Гадячскій воевода. 111—113; его жена—114
Огороды, въ Москвѣ, за Срѣтенскими воротами. 18, 19.
Одинцовы, Лаврентій и Тимоѳей, казанцы. 60.
Одоевская, княгиня Акилина Ѳедоровна, рожденная Ртищева. 272, 275, 344.
Одоевская, княгиня Анастасія Ѳедоровна, рожденная княжна Хворостинина. 344.
Одоевская, княгиня Анна Михайловна, рожденная княжна Пронская. 272, 323, 343.
Одоевская, княжна Анна Яковлевна. См. **Голицына**, княгиня Анна Яковлевна, рожденная княжна Одоевская.
Одоевская, княжна Домна Яковлевна. 344.
Одоевская, княгиня Евдокія Ѳедоровна, рожденная Шереметева. 54, 55, 272, 323, 340—352.
Одоевская, княжна Марья Юрьевна. 344.
Одоевская, княжна Маріа Яковлевна. См. **Черкасская**, княгиня Маріа Яковлевна, рожденная княжна Одоевская.
Одоевская, княжна Прасковья Никитишна. См. **Черкасская**, княгиня Прасковья Никитишна, рожденная княжна Одоевская.
Одоевская, княгиня Софья Ивановна, рожденная княжна Катырева-Ростовская. 344.
Одоевская, княгиня Ульяна Ивановна, рожденная княжна Ромодановская. 344.
Одоевская, княжна Ѳедосья Алексѣевна. См. **Куракина**, княгиня Ѳедосья Алексѣевна, рожденная княжна Одоевская.
Одоевскіе, князья. 272, 278, 323, 343.
Одоевскій, князь Алексѣй Никитичъ. 344.
Одоевскій, князь Василій Ѳедоровичъ. 271, 272, 275, 344.
Одоевскій, князь Михаилъ Большой Юрьевичъ. 344.
Одоевскій, князь Михаилъ Меньшой Юрьевичъ. 344.
Одоевскій, князь Никита Ивановичъ. 54—56, 69, 272, 323, 340—342, 347, 349—351.
Одоевскій, князь Юрій Михайловичъ. 323, 344.
Одоевскій, князь Яковъ Никитичъ. 54, 56, 57, 69, 271, 272, 275—277, 323, 343, 348—351.
Одоевскій, князь Ѳедоръ Никитичъ. 272, 344.
Озерищскій повѣтъ. 242.
Ока, рѣка. 16.
Окупъ, выкупъ полоняниковъ. 19, 159, 162—168, 170, 171, 280,

283, 287—291, 295, 297, 298, 300—302, 305—308, 358—360, 363, 364, 366—369, 371—373, 381, 383, 386, 399, 404.
Олишинскій, Иванъ, войсковой писарь. 152—154.
Оловенниковъ, Иванъ Большой, подьячій. 261.
Олуховъ, Иванъ, дьякъ. 360—363, 369, 372.
Опарино, село, Переяславль-Залѣсскаго уѣзда. 17.
Опошня, городъ. 115—117.
Ординъ-Нащокинъ, Аѳанасій Лаврентьевичь. 43, 48, 97, 101, 105—107, 175, 176, 197, 202, 280, 285, 352.
Оринискій приселокъ, Московскаго уѣзда. 72.
Орша, городъ. 88.
Осколъ, городъ (Старый и Новый). 309, 360, 370, 392.
Осланъ, мурза, во св. крещеніи Прокопій. 263.
Осташково, Останково тожъ, село, Московскаго уѣзда. 14.
Осташково (второе), село, Московскаго уѣзда 15.
Осташковъ, городъ. 6.
Остеринъ, Леонтій, полковникъ Стародубскій. 29.
Островъ, село великокняжеское. 68, 70, 73.
Острожская коммиссія. 310.
Оська, палачъ. 259.
Охлебининъ, князь Иванъ Петровичь. 263.
Охота. См. **Потѣха.**

Павловъ, Андрей Александровичь, юрьевченинъ. 18.
Павловъ-Острогъ, село, Нижегородскаго уѣзда. 16.
Пансій, патріархъ Александрійскій. 10, 66—73.
Панино, село, Нижегородскаго уѣзда. 16.
Панины-Пруды, деревня, Рязанскаго уѣзда. 226, 237.
Панфилово, село, Муромскаго уѣзда. 15.
Парша, село, Юрьево-Польскаго уѣзда. 18.
Пахра, рѣка. 243.
Переводчики, при Кіевскомъ воеводѣ. 23.
Перекопъ, городъ. 373, 374, 378, 383, 390, 391.
Переяславль-Залѣсскій, городъ. 264.
Переяславль (Переславъ) Южный, городъ и **Переяславцы** (Переславцы). 45—49, 52, 77—79, 114, 140, 153, 221, 225, 262, 302.
Перстни. 230.
Пертово, село, Муромскаго уѣзда. 62.
Персидскій заливъ (Гурмыжское море). 229.
Персія, страна. 318.
Песковъ, Иванъ, дьякъ. 273.
Петровскій монастырь, въ Ростовѣ. 241.
Петръ, св., Ордынскій царевичъ. 239—242.
Петръ и Павелъ, первоверховные апостолы, въ сонномъ видѣніи. 241.
Петръ Алексѣевичь, царевичъ. 405—407.
Печати: гетмана Запорожскаго, 141; посланниковъ Елчина и Чернцова, 294; магистрата Кіевскаго, 123; патріарха Всероссійскаго, 278, 350; города Симбирска, 331; ханская, 141, 288, 304, 386, 391, 393, 400; боярина Василья Борисовича Шереметева, 294.
Пивницкій, посолъ Польскій. 37.
Пиво-Запольскій, Янъ, полковникъ. 193, 194, 199, 200, 209, 210.
Пирятинъ, городъ. 127.
Письма: Бѣлорусское, 22, 213, 215; Греческое, 214; Курляндское, 126; Латинское, 22, 23; Польское, 22, 23, 213—215; Татарское, 384;

Французское, 126; подметныя, 114.
Питиримъ, митрополитъ Крутицкій. 88, 90.
Платье: приданое, 227, 230—233; печальное, смирное (черное), 217, 270.
Плаха липовая. 259.
Плещеевъ, Михаилъ Львовичъ. 60.
Поборы, въ Малороссіи. 180.
Поволжье, Поволжскій край. 311.
Подворья, въ Москвѣ: Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и Крутицкаго митрополита. 18.
Поддубная, полупустошь, Юрьево-Польскаго уѣзда. 18.
Подрѣзово, пустошь, Московскаго уѣзда. 15.
Подымовъ, Гаврило Антоновичь, подполковникъ. 147, 150, 152.
Пожарская, княжна Евдокія Петровна. См. **Шереметева**, Евдокія Петровна, рожденная княжна Пожарская.
Пожарскій, князь Дмитрій Михайловичь. 321.
Позняковъ, Иванъ, воевода въ Валуйкахъ. 173.
Покровское, село, Московскаго уѣзда. 15.
Полоцкій, Данило, Кіевскій войтъ. 192, 193.
Полоцкъ, городъ и Полоцкій повѣтъ. 28, 242.
Полтава, городъ. 260, 261.
Полтевъ, Тимоѳей, голова стрѣлецкій. 370.
Полховскій, войсковой товарищъ. 38.
Польша, Польское Королевство, Рѣчь Посполитая, Поляки, Ляхи. 1, 2, 6, 21, 24—29, 33, 38, 39, 42, 45, 50, 81, 86, 87, 105—107, 109, 114, 143, 145, 146, 152, 154, 174, 175, 191, 192, 194, 195, 197—200, 202, 203, 213, 400.
Поминки легкіе, любительные, дары Крымцамъ. 169, 286, 288, 291, 394, 396—398.
Порохъ. См. **Зелье**.
Поручная запись. 263.
Пословицы. 6, 106, 140, 318.
Посниковъ, Ѳедоръ, товарищъ царскаго посланника. 361.
Посохъ каповый царя Алексѣя Михайловича. 270.
Постельное крыльцо, въ Москвѣ. 253, 254, 259.
Потемкинъ, Сила Семеновичь. 60, 61.
Потемкинъ-Таврическій, князь Григорій Александровичь. 60.
Потишекъ, городокъ, на Симбирской Чертѣ. 319.
Потоцкій, Андрей. 191—193.
Потоцкій, Павелъ, авторъ. 56.
Потуловъ, Савелій, его «шквадронъ». 207.
Потѣха (охота). 241, 283, 284, 397, 398.
Преображенское, подмосковное село. 219, 220.
Приданое. 226—238, 267.
Приказы: Аптекарскій, 55, 56; Большого Дворца, 15; Казанскаго Дворца, 339; Казенный, 57, 361; Конюшенный, 353; Малороссійскій, 43, 261, 269; Новгородскій, 360; Патріаршій Разрядъ, 350; Помѣстный, 13, 15, 17, 60; Посольскій, 26, 43, 121, 360, 366, 367, 373, 389, 390; Разбойный, 258; Разрядный (Разрядъ, Розрядъ), 203, 205, 206, 210, 261, 265, 272; Сбора ратныхъ людей, 246; Судные—Владимірскій, 57—61; Дмитровскій, 58; Московскій, 58—60; Рязанскій, 58; Устюжская Четверть, 246.
Присяга. См. **Шерть**.
Пріѣзжія боярыни. 63.
Прозоровская, княжна Евдокія Семеновна. См. **Черкасская**, княгиня Евдокія Семеновна, рожденная княжна Прозоровская.
Прозоровскій, князь Иванъ Семеновичь. 11, 12.
Прозоровскій, князь Матвѣй Васильевичь. 250.

Пронская, княжна Анна Михайловна. См. **Одоевская**, княгиня Анна Михайловна, рожденная княжна Пронская.
Пронская, княжна Ульяна Петровна. См. **Шереметева**, Ульяна Петровна, рожденная княжна Пронская.
Пронскіе, князья. 272.
Пронскій, князь Иванъ Петровичь. 271, 272.
Пронскій, князь Михаилъ Петровичь. 272.
Протва, рѣка. 248.
Путивль, городъ. 139, 141, 204.
Путицынъ, Андрей, толмачъ. 26, 33.
Пушки. 30, 37, 80, 106, 327, 333.
Пушкина, Дарья Степановна. См. **Шереметева**, Дарья Степановна, рожденная Пушкина.
Пушкинъ, Матвѣй Степановичь. 346.
Пушкинъ, Степанъ Гавриловичь. 346.
Пушкины, дворяне, ихъ родословная. 346.
Пытка плѣннаго татарина. 32.

Рада: Глуховская, 179, 183, 186, 187; Корсунская, 188, 189; Малороссійская, 48, 130, 144, 167, 178; Татарская (въ Крыму), 404, 405; Черная, 141, 178; Чигиринская, 109—111.
Разинъ, Стенька. 52, 124, 311—318, 320, 322, 323, 325, 329, 338.
Райча, Дмитрій (Дмитрашко), полковникъ. 153, 184, 223.
Рамзай, городокъ, на Симбирской Чертѣ. 319.
Расава, рѣчка. 188.
Расколъ, его начало. 8.
Ратуши: въ Гадячѣ, 113; въ Кіевѣ, 123.
Рафаилъ Григорьевъ, священникъ. 225.
Ржевскій, Иванъ, Нѣжинскій воевода. 99.
Рингуберъ, Лаврентій, придворный докторъ. 55.
Родословныя росписи (родословія). 239, 265, 272, 343, 345, 406.
Романова, Марѳа Никитишна. См. **Черкасская**, княгиня Марѳа Никитишна, рожденная Романова.
Романовъ, Никита Ивановичь. 18.
Роматъ, роматецъ, роматикъ,—сосудецъ съ благовонными веществами. 230, 234.
Ромодановская, княжна Ульяна Ивановна. См. **Одоевская**, княгиня Ульяна Ивановна, рожденная княжна Ромодановская.
Ромодановскій, князь Андрей Григорьевичь. 167, 282, 290, 305, 307, 364—366, 379—382, 394, 399—405.
Ромодановскій, князь Григорій Григорьевичь. 115, 116, 124, 139, 142, 143, 167, 178, 181, 360, 382.
Ромодановскій, князь Юрій Ивановичь. 63.
Рославченко, Петръ, полковникъ. 142.
Ростовское озеро. См. **Неро**.
Ростовъ, городъ. 240, 241.
Рось, рѣка. 108.
Ртищева, Акилина Ѳедоровна. См. **Одоевская**, княгиня Акилина Ѳедоровна, рожденная Ртищева.
Ртищевъ, Ѳедоръ Михайловичь. 271—275.
Ртищевы, дворяне. 263, 272.
Рубцовъ, Александръ-Любимъ, посолъ Шведскій. 249.
Рудаково, пустошь, Юрьево-Польскаго уѣзда. 18.
Ружья. 37, 80, 327, 333.
Рулева слобода, Луховскаго уѣзда. 14.
Руммель, Василій Владиміровичь, родословъ. 345.
Рухлядь, приданое. 233, 234.
Рыбная ловля. 246.
Рыданъ, экипажъ. 116, 372, 373.
Рѣшетиловка, мѣстечко. 116.

Рядная или сговорная запись. 226—237, 266, 267.
Рязань, городъ. 65, 269.

Савино-Сторожевскій монастырь. 340.
Салтыкова, Анна Ивановна. 346.
Салтыковъ, Иванъ Ивановичь. 346.
Самара и Самарскій край. 326, 331, 332.
Санбекъ, гонецъ. 252.
Сараи Татарскіе. 165.
Саратовъ, городъ. 260.
Саферъ-Гирей, нурадинъ. 377—379.
Свадьба: царская, 322—324; частныхъ лицъ, 266—268.
Свинецъ. 207, 339.
Свѣчи церковныя. 166.
Священники, въ Малороссіи. 180.
Сеймъ Польскій. 37, 39.
Селигеръ, озеро. 6.
Селеметъ-Гирей, калга. 377—379.
Селимъ-Гирей, ханъ Крымскій. 374—376, 377, 379, 380, 382—393, 396—401, 404, 405.
Семеновское, село, Дмитровскаго уѣзда. 14
Семеновское-Залѣсье, пустошь, Муромскаго уѣзда. 62.
Семьинское, село, Юрьево-Польскаго уѣзда. 17.
Сенѣжь, село, Дмитровскаго уѣзда. 243.
Серапіонъ, архіепископъ Суздальскій. 17.
Сербинское поле, около Диканьки. 116.
Сергѣевъ, Кириллъ, мѣщанинъ. 191, 192.
Сергѣевъ, Луконка, казакъ. 333.
Серебро церковное, разграблено. 223.
Серпуховъ, городъ. 360.
Сеунчь и сеунщики. 167.
Сеферъ-гази-ага, ханскій ближній человѣкъ. 160.
Сеферъ-ага, Крымскій посолъ. 286, 361.
Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ Кіевскій. 82.
Симбирскъ (Синбирскъ), городъ. 65, 316, 317, 319—322, 324—334, 336, 338, 339.
Симеонъ Адамовичь, Нѣжинскій протопопъ. 96, 99, 184.
Симеонъ Алексѣевичь, царевичъ. 216, 218.
Симоновъ монастырь, въ Москвѣ. 67.
Симферополь. См. **Ахмечеть**.
Сингилей, городъ. 326.
Скаржинскій, Петръ, полковникъ. 79, 207.
Скуратовъ, Александръ Петровичь. 144, 167, 364—366, 379, 380, 382, 394, 399.
Скуратовъ, Петръ Дмитріевичь. 360, 361, 363, 365, 369, 372, 373, 392.
Славянская Литература, предметъ изученія боярина князя Одоевскаго. 56.
Славянскъ, городъ. См. **Торъ**.
Слободское, село, Нижегородскаго уѣзда. 333.
Смирново, село. См. **Владыкино**, Смирново тожъ.
Смирновъ, Василій Дмитріевичь, профессоръ. 388.
Смоленскъ, городъ. 137, 245.
Смотрины. См. **Выборъ** царской невѣсты.
Соболевъ, Осипъ, прапорщикъ. 190.
Соборы: церковные, 7; земскій, 242.
Собѣскій, Янъ, гетманъ коронный. 37, 146, 193, 197.
Соловецкій, монастырь. 52.
Соловьевъ, историкъ. 20.
Соль, предметъ торговли и потребленія. 161, 208, 339.
Сомова, Марья Васильевна, рожденная княжна Веригина-Волконская. 265.
Сомова, Ѳедосья Павловна. См. **Чирикова**, Ѳедосья Павловна, рожденная Сомова.
Сомовъ, Аѳанасій Ивановичь 265.
Сомовъ, Дементій Андреевичь, по прозванію Булгакъ. 263.

Сомовъ, Иванъ Іевлевичь. 264.
Сомовъ, Игнатій Юрьевичь. 264.
Сомовъ, Никита Ивановичь. 264.
Сомовъ, Павелъ Степановичь. 264, 265.
Сомовъ, Парфеній Павловичь. 277.
Сомовъ, Петръ Булгаковъ сынъ. 263.
Сомовъ, Степанъ Петровичь. 264.
Сомовъ, Тимоѳей Ивановичь. 264.
Сомовъ, Ѳедоръ Ивановичь. 264.
Сомовы, дворяне. 238, 263—265, 272.
Сомъ, Андрей, родоначальникъ дворянъ Сомовыхъ. 263, 264.
Сонцовъ, Дороѳей, Веневскій воевода. 314.
Сонцовъ-Засѣкинъ, князь Андрей Михайловичь. 59.
Сосновка, Сосенка тожъ, пустошь Костромскаго уѣзда. 61.
Соха, предметъ обложенія въ Малороссіи. 180.
Соха, полковникъ. 111.
Списки: разрядные, 259; росписные, 215.
Срѣтенскіе ворота, въ Москвѣ. 18, 19.
Старое-Ваганьково, урочище, въ Москвѣ. 18.
Старое-Мересово (потомъ село Знаменское), пустошь Арзамасскаго уѣзда. 13.
Стахорскій, Янъ. 125, 126, 192, 194.
Столобной островъ. 6.
Строевъ, археогрфъ. 237.
Струги, суда. 65, 67, 68, 70—72, 80, 205, 313, 316, 326, 334.
Стрѣлецкая слобода, въ Москвѣ. 18.
Стрѣшнева, Евдокія Лукьяновна. См. **Евдокія** Лукьяновна Стрѣшнева, царица.
Стрѣшнева, Ѳедосья Лукьяновна. См. **Матюшкина,** Ѳедосья Лукьяновна, рожденная Стрѣшнева.
Стрѣшневъ, Родіонъ Матвѣевичь. 69.
Стрюйсъ, путешественникъ. 206, 311.
Стужа, въ Малороссіи 53.
Субханъ-Гази-ага, ближній человѣкъ ханскій. 379—381, 383, 390, 396—398, 400.
Суда. См. **Струги.**
Судоково, село, Епифанскаго уѣзда. 14.
Суды серебреные. 19.
Суздаль и Суздальскій уѣздъ. 237, 269.
Суздальцевъ, Иванъ Ивановичь. 162.
Сукинъ, Осипъ Ивановичь. 69.
Сукно: Англійское, червчатое, 353; красное, 313; черное 313; скарлатъ, 70.
Сулешевъ, Адильша, размѣнный князь. 372—374, 378, 390, 391.
Сулешевъ, Би-мурза. 296.
Сулешевъ, Велишъ-мурза. 296.
Сулешевъ (Гачей-Тимуръ-мурза), Крымскій посолъ. 163—165.
Сулешевъ, Маметша, размѣнный князь. 291, 296, 298—300.
Сулешевъ, князь Юрій Енпеевичь. 17.
Сура, рѣка. 319.
Сурскъ, городокъ, на Самарской Чертѣ. 319.
Суховей, Петръ, писарь Запорожскій. 140, 141, 143, 185, 310.
Сѣверскій край. 180.
Сѣвскъ (Сѣвескъ), городъ. 5, 204, 205, 210, 211, 215.
Сѣднево, мѣстечко. 127.
Сѣменниковъ. Перфилій, дьякъ. 278.
Сѣрко, кошевой атаманъ. 160, 165.

Тагай, городокъ, на Симбирской Чертѣ. 319.
Тайницкіе ворота, въ Москвѣ. 340.
Тальскъ, городокъ, на Симбирской Чертѣ. 319.
Тамбовскій валъ. 319.
Татары: Крымскіе и Ногайскіе, Татаровя, Татарская Орда, Крымцы. 21, 24, 25, 26, 28—34, 36,

39—43, 48, 105, 108, 109, 115—117, 139—142, 145, 148, 153, 154, 156, 164—166, 168, 179, 187, 190, 195, 240, 263, 283, 292, 295, 296, 301, 309, 310, 319, 325, 359, 361, 364—366, 379, 381, 385, 395, 396, 404, 406.
Ташлыкъ, рѣчка. 188.
Тектюгово, сельцо. См. **Теритюгово**.
Телешъ-ага, гонецъ. 26.
Терки, городъ. 65, 295.
Теритюгово, Тектюгово тожъ, сельцо, Костромскаго уѣзда. 61.
Тесовка, рѣчка. 61.
Тесы, деревня, Костромского уѣзда. 61.
Тетеря, Павелъ, гетманъ. 24.
Титлы государевы, именованія. 286, 292—296, 399, 401.
Титулъ государственный. 252.
Ткани: алтабасъ, 229, 231; зуфь, 70; камка, 67, 210, 231—233, 236; куфтерь, 232; обьярь, 232, 233, 235; тафта, 235, 236; ширанбатъ, 236.
Толмачи Посольскаго приказа. 26, 361, 392.
Толстой, Михаилъ Андреевичь. 167, 364, 394, 399.
Толстой, графъ Ѳедоръ Андреевичь. 237.
Томиловъ, Михаилъ, дьякъ. 205.
Тонкія—Воды. 396, 401.
Торошановъ, Леонтій, толмачъ. 361.
Торъ (Славянскъ), городъ. 309, 371, 395.
Третьякова, Прасковья Васильевна. См. **Шереметева**, Прасковья Васильевна, рожденная Третьякова.
Троекурова, княгиня Агрипшина Михайловна. 347.
Троекурова, княгиня Анна Семеновна. 347 и родосл. къ стр. 343.
Троекуровъ, князь Борисъ Ивановичь. 69, 347.
Троекуровъ, князь Иванъ Борисовичь. 347.
Троекуровы, князья. 343.
Троице-Сергіевъ монастырь. 64, 348.
Трубчевскій уѣздъ. 214.
Трубчениновъ, Алексѣй, пушкарскій голова. 27.
Тугувчеи, служебный чинъ въ Крыму. 163.
Тукальскій, Іосифъ. См. **Нелюбовичь-Тукальскій**, Іосифъ.
Тула, городъ. 360, 370.
Тунботино, деревня, Нижегородскаго уѣзда. 16.
Тургеневъ, Тимоѳей, полковникъ. 207, 208.
Турлобово, деревня. См. **Дуловское**, Турлобово тожъ.
Турція, Порта и Турки. 21, 25, 105, 145, 182, 184, 187—190, 310.
Тюрьма, въ Галичѣ. 247.
Тютюревъ, Кручина Лазаревъ, поручикъ рейтарскаго строя. 48, 49.
Тюфяковъ, Якушка, стрѣлецъ. 308, 309.
Тяпкинъ, Василій Михайловичь, стряпчій. 43, 45—50, 52.

Уваровъ, графъ Алексѣй Сергѣевичь, его Собраніе рукописей. 346.
Уваровъ, Василій Епифановичь, Воронежскій воевода. 310.
Угличское происшествіе. 318.
Угрѣшскій монастырь (Угрѣша), подъ Москвою. 67, 68, 70, 73.
Удорія, страна. 252.
Удоръ, рѣка. 252.
Улдугара, рѣчка. 62.
Уманецъ, Филиппъ, Нѣжинскій полковникъ. 184.
Умань, городъ. 128, 153.
Ураева, рѣка. 371, 393.

Урень, городокъ, на Симбирской Чертѣ. 319.
Урусовъ, князь Петръ Семеновичь. 321.
Усольскіе жители. 333.
Успенскій монастырь, въ Крыму. 166.
Успенскій соборъ, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. 55.
Успенскій соборъ, въ Москвѣ. 66, 97, 277, 317.
Усъ, Васька, сподвижникъ Разина. 318, 325.
Ушня, деревня, на рѣкѣ Деснѣ. 89, 126, 127.

Ферязь, жалованная. 189.
Филаретъ Никитичь, патріархъ Всероссійскій. 9, 249.
Филаретъ, архіепископъ Смоленскій. 340, 347, 350.
Финифть (эмаль). 229, 232, 234.
Франція, страна. 146.
Фроловъ, Терентій, толмачъ. 367, 369.

Хазымъ-аталыкъ, гонецъ ханскій. 392.
Халилъ-ага, казначей ханскій. 163.
Ханенко, Михаилъ, потомъ гетманъ. 310.
Хворостинина, княжна Анастасія Ѳедоровна. См. **Одоевская**, княгиня Анастасія Ѳедоровна, рожденная княжна Хворостинина.
Хинка, рѣчка 14.
Хитрово, Богданъ Матвѣевичь. 12, 69, 85, 320, 330.
Хмельницкій, Богданъ. 1, 82—84.
Хмельницкій, Юрій (инокъ Гедеонъ). 37, 49, 109.
Хомяковъ, Діомидъ, посланникъ царскій. 361.
Хоругвь, въ Успенскомъ соборѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 55.

Царевъ-Алексѣевъ, городъ. 360.
Царицынъ, городъ. 326.
Церкви христіанскія, въ Крыму. 28.
Цесарская земля. См. **Австрія**.
Цивильскъ, городъ. 244.
Цѣловальники. 246.

Чеканъ, оружіе. 117.
Челибей, гонецъ. 162.
Челибей, мурза. 115, 116.
Челибей, Инкиримъ, язычей. 293, 295, 296.
Челибей, Лятыфъ, чаушъ. 373, 374, 377, 383.
Черкасская, княжна Анна Яковлевна. 10, 13, 19.
Черкасская, княжна Варвара Алексѣевна. См. **Шереметева**, графиня Варвара Алексѣевна, рожденная княжна Черкасская.
Черкасская, княгиня Евдокія Семеновна, рожденная княжна Прозоровская. 10, 19.
Черкасская, княжна Ирина Борисовна. См. **Шереметева**, Ирина Борисовна, рожденная княжна Черкасская.
Черкасская, княгиня Марья Петровна, рожденная Шереметева. 12.
Черкасская, княгиня Марѳа Никитишна, рожденная Романова. 9, 16.
Черкасская, княгиня Марѳа Яковлевна, рожденная княжна Одоевская. 54, 324, 344, 351.
Черкасская, княгиня Прасковья Никитишна, рожденная княжна Одоевская. 323.

Черкасскіе, князья. 278.
Черкасскій, князь Борисъ Камбулатовичь. 9, 16.
Черкасскій, князь Григорій Сунчалеевичь. 12, 323.
Черкасскій, князь Данило Григорьевичь. 12.
Черкасскій, князь Дмитрій Мамстрюковичь. 12, 14, 16, 17.
Черкасскій, князь Иванъ Борисовичь. 14—16, 18.
Черкасскій, князь Михаилъ Алегуковичь. 324.
Черкасскій, князь Михаилъ Яковлевичь. 10, 11, 13, 18, 19, 54, 324, 351.
Черкасскій, князь Яковъ Куденетовичь. 8—18, 54.
Черкасскіе, князья. 10, 323.

Черкасы, городъ. 38, 49, 50.
Черкесы (Кумыки), народъ, 375, 396.
Черная-Долгорукова, княжна. См. **Долгорукова**-Черная, княжна.
Чернецъ, рѣчка. 61.
Черниговскихъ чудотворцевъ соборъ, въ Московскомъ Кремлѣ. 340.
Черниговъ, городъ. 114, 127, 140, 210.
Черницовъ, Яковъ, подьячій. 285, 288, 289, 291, 295, 297, 298, 301—303.
Черный лѣсъ, Татарское становище. 108, 109.
Черный шляхъ, путь Татарскій (Черная дорога, Чернолѣсская). 108.
Черный-Яръ, городъ. 326.
Черта Самарская, отъ Волги до Суры. 319, 325, 326, 338, 339.
Чигиринъ, городъ. 29, 36—38, 48, 109, 127, 135, 139,—141, 147, 150, 153, 154, 187, 188, 190.

Чирикова, Евдокія Алексѣевна. См. **Шереметева**, Евдокія Алексѣевна, рожденная Чирикова.
Чирикова, Евдокія Ивановна, рожденная Волчичева. 243.
Чирикова, Ѳедосья Павловна, рожденная Сомова. 221 — 223, 226, 227, 263—266, 272, 274, 275.
Чириково, село, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи. 260.
Чириковъ, Алексѣй Пантелеевичь. 46, 114, 221—227, 239, 242, 243, 253—262, 272—274.
Чириковъ, Константинъ Михайловичь. 250, 254- 259.
Чириковъ, Михаилъ Ивановичь. 242, 243, 258.
Чириковъ, Никита Матвѣевичь. 242.
Чириковъ, Пантелей Михайловичь. 243—246, 250.
Чириковъ, Петръ Игнатьевичь. 242, 243.
Чириковъ, Степанъ Михайловичь. 243, 244, 246—252, 254—259.
Чириковъ, Тимоѳей Ивановичь. 243.
Чириковы, дворяне. 238, 239, 241—262, 273, 274.

Чудново и Чудновская катастрофа. 203, 302, 315, 377.
Чудовъ монастырь, въ Москвѣ. 10, 348.
Чюнгуръ. 395, 396.

Шатры. 70, 71, 117, 396—398, 400, 401.
Шахтемиръ-аталыкъ, посолъ Крымскій. 170, 171, 173, 176, 280—282, 285, 286, 290, 291.
Шеинъ, Михаилъ Борисовичь. 254.
Шелудякъ, Ѳедька, сподвижникъ Разина. 318, 325—328, 334, 335.
Шемай-Дуданъ, гонецъ. 162.

Шереметева, Анастасія Ѳедоровна, рожденная княжна Черная-Оболенская. 64, 346, 347.

Шереметева, Анна (во инокиняхъ Александра) Ѳедоровна. 340, 342.

Шереметева, Анна Ѳедоровна, рожденная Волынская. 74, 345, 353.

Шереметева, графиня Варвара Алексѣевна, рожденная княжна Черкасская. 9, 13, 278, 324, 351.

Шереметева, Дарья Степановна, рожденная Пушкина. 346.

Шереметева, Евдокія Алексѣевна, рожденная Чирикова. 46, 221, 222, 225—227, 237—239, 262, 266, 267.

Шереметева, Евдокія Петровна, рожденная княжна Пожарская, по второму мужу княгиня Долгорукова. 321.

Шереметева, Евдокія Ѳедоровна. См. **Одоевская**, княгиня Евдокія Ѳедоровна, рожденная Шереметева.

Шереметева, Евдокія Ѳедоровна (у Долгорукова, по ошибкѣ, «Григорьевна»), супруга Никиты Ивановича Шереметева. 63, 345, 346.

Шереметева, Евфимія Васильевна, 346.

Шереметева, Ирина Борисовна, рожденная княжна Черкасская. 9.

Шереметева, Марья Петровна. См. **Черкасская**, княгиня Марья Петровна рожденная Шереметева.

Шереметева, Маріа Васильевна, рожденная княжна Веригина-Волконская, по первому мужу Нагая. 265, 266.

Шереметева, Прасковья Васильевна, рожденная Третьякова. 346, 369.

Шереметева, Татьяна Аѳанасьевна, рожденная Матюшкина. 268, 346 и родосл. къ 343 стран.

Шереметева, Ульяна Петровна, рожденная княжна Пронская. 63, 64, 271, 272, 323.

Шереметевъ, Александръ Васильевичь. См. Родословіе Шереметевыхъ, стран. 429, № 109. Добавить: Род. 4 января 1831 г.

Шереметевъ, графъ Александръ Дмитріевичь. 351.

Шереметевъ, Борисъ Петровичь (отецъ Василья Борисовича Шереметева). 272, 353.

Шереметевъ, Борисъ Петровичь (потомъ фельдмаршалъ). 47, 74, 216—218, 220, 225, 226, 237, 238, 253, 263, 266—268, 270, 272, 324, 406, 407.

Шереметевъ, Василій Александровичь. См. Родословіе Шереметевыхъ, стран. 426, № 90. Добавить число и мѣсяцъ рожденія: 20 августа

Шереметевъ, Василій Александровичь. См. Родословіе Шереметевыхъ, стран. 432, № 127. Добавить: Род. 1862 г.

Шереметевъ, Василій Васильевичь. См. Родословіе Шереметевыхъ, стран. 429, № 110. Добавить: Род. 10 декабря 1829 г.

Шереметевъ, Василій Борисовичь. 19, 57, 63, 75, 156, 158—160, 162—173, 176, 203, 260, 261, 271, 272, 280—285, 287—310, 315, 323, 346, 358—361, 363—370, 372—387, 390—393, 399, 402—405.

Шереметевъ, Василій Ивановичь. 64.

Шереметевъ, Василій Петровичь. 74, 216.

Шереметевъ, Владиміръ Петровичь. 74, 210.

Шереметевъ, Иванъ Васильевичь Меньшой. 349, 351.

Шереметевъ, Иванъ Васильевичь (сынъ Василья Борисовича Шереметева). 321.

Шереметевъ, Иванъ Петровичь (старшій). 57, 62, 265.

Шереметевъ, Иванъ Петровичь (младшій). 74, 216.

Шереметевъ, Матвѣй Васильевичь. 346.
Шереметевъ, Никита Ивановичь, 57—59, 61 — 63, 227, 266. 324, 333, 345, 346, 352, 354—357.
Шереметевъ, графъ Петръ Борисовичь. 13.
Шереметевъ, Петръ Васильевичь Большой. 1—5, 12, 20—23, 26, 27, 29—33, 36, 37, 39—44, 46, 47, 64, 73—80, 93, 97, 103—108, 114, 115, 121, 122, 125, 126, 129—139, 145—150, 152, 154—158, 160, 161, 176, 178, 179, 181, 182, 188, 190—195, 197—203, 206—218, 220—225, 262, 265, 272—274, 319—322, 324—339, 345, 406.
Шереметевъ, Петръ Васильевичь Меньшой. 64, 65, 68, 72, 73, 218, 268, 270, 324, 346, 353.
Шереметевъ, Петръ Никитичь. 57, 64.
Шереметевъ, графъ Сергій Дмитріевичь. 226, 278, 350.
Шереметевъ, Ѳедоръ Ивановичь. 9, 54, 55, 276, 278, 339, 348, 350.
Шереметевъ, Ѳедоръ Петровичь. 74, 216.
Шереметевы. 13, 54, 268, 270, 272, 278, 323, 324, 339, 343, 346, 351, 352, 358, 406. Ихъ Родословіе, 409—434. Списокъ фамилій, породнившихся съ ними путемъ брака, 435—444.

Шертная, шертовальная (присяжная) запись, грамота. 286—288, 292—294, 300, 304, 386, 391, 393, 394, 400, 401.
Шерть (присяга) Крымцевъ. 288, 292, 297, 298, 300, 303, 304, 359, 378, 381, 391, 393, 400.
Ширины, Ширинъ-беи, Ширинскіе князья, мурзы. 160, 163, 165, 376, 377.
Широкій-ротъ. См. **Левъ**, по прозванію Широкій-ротъ.
Шишкинъ, Василій Ѳедоровичь, посланникъ царскій. 394 — 402.
Шневенцъ, Альбрехтъ, полковникъ. 204, 205.
Шоша, рѣка. 13.
Шубы жалованныя: 296; бѣлья хребтовая, 293. 294; бѣлья черевья, 293, 294; соболья, 293, 294, 372.
Шумаши, село, Рязанскаго уѣзда. 17.
Шуйскій, князь Василій Ивановичь. См. **Василій** Ивановичь Шуйскій, царь
Шуйскій, князь Иванъ Ивановичь. 17, 247.

Щеголевъ, Семенъ, подьячій. 214.

Эмаль. См. **Финифть**.

Юрьевъ, Ефимъ Родіоновичь, дьякъ 285.
Юсуповъ, князь Иванъ.
Юшанецъ, городокъ, на Симбирской Чертѣ. 319.

Язычеи, служебный чинъ, въ Крыму. 293.
Яненко, полковникъ. 190.
Янъ-Казиміръ, король Польскій. 38, 39, 146, 352.
Янычары, въ Турціи. 190.
Ярмарки, въ Малороссіи. 180.

Ястреба царской потѣхи. 283.
Ясырь (полонъ). 195, 405.
Яцковскій, рейтаръ. 161.

Ѳедоръ Алексѣевичъ, царевичъ. 67, 172.
„**Ѳедоръ** Ѳедоровичъ, царь",—такъ именовалъ себя Стенька Разинъ. 318.
Ѳеодосій Углецкій, архіепископъ Черниговскій, св. 93, 132—135.

СПИСОКЪ

ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ СЕДЬМОЙ КНИГѢ.

I. Снимокъ съ собственноручной челобитной боярина Василья Борисовича Шереметева царю Алексѣю Михайловичу, отъ 15 іюня 1666 года. Съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Крымскія дѣла 1666 года. Связка 56/3, № 2). . . къ страницѣ 159

II. Родословная таблица, поясняющая родство и свойство фамилій: Ртищевыхъ, князей Одоевскихъ, Шереметевыхъ и князей Пронскихъ. . . . . на страницѣ 272

III. Родословная таблица, въ пособіе къ чтенію духовнаго завѣщанія княгини Евдокіи Ѳедоровны Одоевской, рожденной Шереметевой, отъ 3 сентября 1671 года . . . . . къ страницѣ 343

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
7	9	Александрійскаго	Антіохійскаго
29	18	Стродубскій	Стародубскій
41	21	никого	никакого
91	22	Зеньковѣ	Зѣньковѣ.
108	21	Корсунъ	Корсунь
167	20	Головнинъ	Головинъ
170	19	посланникомъ	посломъ
180	10	мѣдовыя	медовыя
194	1	Демиръ	Димеръ
319	17	Корсунь	Корсунъ.

РОДЪ

ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помяни́те днѝ вѣ́чныя, разумѣ́йте лѣ́та ро́да родо́въ: вопроси́ о́тца твоего́, и̂ возвѣсти́тъ тебѣ́, ста́рцы твои̂, и̂ реку́тъ тебѣ́.

Второзак. гл: 3.

Александра Барсукова

КНИГА СЕДЬМАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1899

Цѣна 4 рубля.